

Средневековые древности евразийских степей

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Средневековые древности евразийских степей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА 1980

Сборник статей, исследующих древности кочевых и полукочевых народов раннего и развитого средневековья (с IV по XIV—XV вв.), обитавших в Средней Азии, Сибири, Южном Приуралье, на Северном Кавказе и в степях Восточной Европы. Рассматриваются проблемы хронологии и периодизации, связей, вопросы истории ремесла, идеологии, искусства.

Ответственный редактор

С. А. Плетнева

С $\frac{10602-203}{042(02)-80}$ 195—80 0507000000

© Издательство «Наука», 1980 г.

● Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв.

Кочевники раннего средневековья, уходившие в соседние горные или лесные области с благоприятными природными условиями, сравнительно удаленные от беспокойного мира степей, переходили к менее подвижному образу жизни и потому оставляли гораздо больше вещественных свидетельств своего пребывания, чем в открытой степи. К таким областям наряду с Карпатской котловиной, предгорьями Северного Кавказа и долинами Киргизии принадлежала Башкирия. Среди ее памятников IV—VII вв. особое место занимает Бирский могильник. Расположенный на стыке различных археологических культур, насыщенный датирующими южными элементами, раскопанный достаточно большой площадью (206 погребений) и подробно опубликованный Н. А. Мажитовым¹, он сразу же получил значение эталонного.

Хронологию памятников, близких Бирску, начал изучать А. В. Шмидт. Раскопанные им 25 погребений Бахмутинского могильника он разделил на две стадии, датированные V—началом VI в. и VI—VII вв.² А. П. Смирнов предложил удревить эти даты до IV—V и V—VI вв.³ На новом большом материале Бирского могильника Н. А. Мажитов подробно разработал периодизацию, определил ведущие признаки этапов, показал постепенный рост могильника с севера на юг. В основе эта периодизация принята и последующими авторами. Однако на деталях исследования и особенно при определении абсолютных дат сказалась неразработанность хронологии Крыма и Северного Кавказа, откуда привлекались основные датирующие аналогии. Ранний этап исследователь отнес ко II—IV вв., поздний — к V—VII вв.⁴ В последнее время Н. А. Мажитов пришел к выводу о необходимости упозднения части этих дат⁵.

В 1971 г. мною опубликованы краткие итоги своей работы над хронологией Бирского могильника⁶. Новым по сравнению с выводами Н. А. Мажитова были объединение групп В и Г в один IV период в результате пересмотра хронологии Крыма, Кавказа и степей и разделение группы А на I—III периоды. Подтвердились вывод Н. А. Мажитова о направлении роста могильника и характеристика ранних периодов как очень бедных материалом. Общая дата определилась в пределах IV—VII вв.

В 1972 г. В. Ф. Генинг ввел в научный оборот еще одну периодизацию Бирского могильника⁷. Он также подтвердил принципиальный вывод Н. А. Мажитова о росте могильника с севера на юг. Однако при построении своей системы В. Ф. Генинг исходил из методической предпосылки, что «так как могильник функционировал непрерывно, резкой смены отдельных типов вещей здесь быть не может»⁸. Такой взгляд иногда высказывается археологами. Но он основан скорее на повседневном житейском опыте,

чем на действительных возможностях археологического датирования. Совершенно правильно, что в реальной жизни старые типы вещей исчезают очень постепенно и столь же постепенно возрастает употребление новых. Но, чтобы по археологическим остаткам реконструировать этот процесс непрерывного, ежедневного изменения совокупности используемых в быту древнего человека вещей, исследователь должен был бы располагать датой каждого погребения с точностью до года или хотя бы десятилетия. К сожалению, археологи, изучающие раннесредневековое Приуралье, из-за малочисленности абсолютно датированных находок еще не всегда могут достаточно уверенно определить даже столетие, в которое совершено захоронение. Возьмем такой случай, когда столетие уже «точно» известно. Тогда отнесение погребения, скажем, к VI в. означает только то, что оно могло быть совершено в любом году из ста в пределах VI в. Иногда этого пытаются «избежать» и «сузить» дату, утверждая, что если в могиле, кроме вещей VI в., есть хоть одна вещь V в., то эта могила древнее прочих могил того же этапа и должна относиться к первой половине VI в. Рассуждая так, забывают, что нам не известно, как эти «устаревшие» вещи попали к последнему владельцу, имели ли они широкое хождение при его жизни или достались в наследство от дедов. Забывают и то, что лишь основной период сравнительно кратковременного бытования предмета характеризует и датирует хронологический этап. В случае долгого бытования предмета он со временем теряет значение для точного датирования и уже сам датируется по сопутствующим ему новым предметам. Но главное даже не в этом.

Датируя, нельзя забывать, что хронологический «период» в археологии — это как бы моментальный неподвижный снимок непрерывно движущегося процесса. Археолог имеет в своем распоряжении очень мало комплексов, где указана точная дата их зарытия (например, в эпитафиях на Востоке), даже в Крыму или на Кавказе абсолютная дата по монетам — результат реконструкции, более или менее вероятной. Хотя конечная цель археолога — изучить каждый хронологический период (и состоящий из них исторический) во всей его сложности и полноте, из-за ограниченности пока имеющихся фактов он может уловить в каждом хронологическом периоде лишь самое основное, как бы его ядро. Реальный процесс хронологических изменений, который на графике можно условно изобразить восходящей прямой линией, археолог представит в виде последовательной смены внутренне статичных отрезков, а на графике — также восходящей, но ступенчатой, ломаной линией (подчеркиваю, что здесь речь идет не об исторической периодизации средствами археологии, а о хронологизации археологических фактов, о проблеме источниковедческой).

Признак каждого нового периода — появление новых форм вещей. При этом может еще использоваться в быту и часть старых, появившихся в предшествовавшем периоде и изготовлявшихся также позднее. Но одного исчезновения старых форм вещей недостаточно для того, чтобы выделить на этом основании новый период или стадию, как часто делается в таблице I В. Ф. Генинга. Стадии в его таблице крайне нечетки: вместо шести там

можно фактически выделить не более трех, а при условии включения еще нескольких комплексов и признаков, опущенных В. Ф. Генингом, прибавилась бы самая ранняя, бедно представленная стадия, совсем не отмеченная автором. Причина — в нечетком отборе показательных признаков. Например, все маленькие хоботковые пряжки без обойм отнесены к непоказательным. Большие пряжки и ромбические накладки наборных поясов бахмутинского типа признаны показательными, а наконечники тех же поясов — непоказательными для систематизации комплексов⁹.

Поэтому я не могу согласиться с периодизацией Бирского могильника, предложенной В. Ф. Генингом. К сожалению, здесь невозможно разорвать всю его таблицу: материал в ней расположен настолько хаотически, что пришлось бы обсуждать каждый «крестик» (знак наличия вещи). Скажу лишь, что, перегруппировав признаки в его таблице более компактно, добываясь большего различия между стадиями, я получил результаты, близкие к своим. В статье В. Ф. Генинга очень занижены абсолютные даты (например, геральдические пряжки почему-то отнесены к концу V—середине VI в.) и обоснования этого совсем не приведены.

В статье В. Ф. Генинга следует принять предложение изучать хронологию Бирского могильника по его составным частям. Такая работа была проделана мною позднее — в 1974 г.¹⁰ Как признано всеми исследователями, памятник делится на две большие зоны — I и II (рис. 1, I, 2). В зоне I могильные ямы простые, в могилах есть жертвенные комплексы (например, кучка женских украшений у плеча мужского скелета), височные подвески в виде знака вопроса, посуды мало. По отсутствию или наличию в погребении костей животного, лежащих у ног покойного, внутри I зоны можно выделить меньшие зоны — I-а и I-б (рис. 1, I). В южной части раскопа (зона II) большинство могильных ям имеет подбой или ступеньку в головном конце, где обычно стоит сосуд и лежит кость крупного животного (в основном лошади; рис. 1, I). Посуды много, и ее формы иные, чем в зоне I. Считается, что зона I — могильник местного населения, а возникновение зоны II объясняют или влиянием извне на то же население, или приходом новых поселенцев¹¹.

В ходе работы выяснилось, что, кроме деления на зоны, при периодизации надо учитывать степень сохранности погребений. Почти все могилы зоны II, многие в зоне I-б и лишь некоторые в зоне I-а были перекопаны в древности (рис. 1, 3). Едва ли это делалось с целью грабежа. Очень ценных предметов там не было. Среди многих неразрушенных могил только в 35-й найдены три маленькие золотые лунницы. Из разрушенных могил вещи то взяты все, то большинство их брошено обратно, включая обильные украшения из массивного серебра или бронзовые, обтянутые серебряной позолоченной фольгой и инкрустированные стеклами (например, погребения 123 и 165). Вероятно, целью массового перекапывания было «обезвредить враждебных духов» умерших иноплеменников после того, как в этом районе сменилось население. Зависимость процента разрушенных погребений от зоны наводит на предположение, что после прекращения функционирования могильника не все погребения сохраняли внешние

признаки, хотя первоначально они все должны были их иметь (совсем нет случаев взаимоперерезания могил)¹². Перед нами весьма своеобразный показатель неодновременности.

Самая ранняя фибула из Бирского могильника — бронзовая прогнутая подвязная с ленточным корпусом (рис. 2, 1)¹³. У сармат Поволжья и Приуралья таких фибул не было. Образцом послужили фибулы черняховской культуры Украины IV в., причем способ соединения пружины с дужкой с помощью широкого кольца не применялся в черняховской культуре, зато характерен для крымских и северокавказских подражаний IV в. и позднее. Увеличение размеров, судя по находкам в Прибалтике и на средней Оке, более часто в V в.¹⁴ Крупные фибулы этого варианта найдены в Уфимских курганах М. Х. Садыковой (курган 9) и С. М. Васюткиным (Орджоникидзевский могильник, 1967 г., курган 29, вместе с лощеным лепным кувшином, имеющим трубчатый носик). Маленькая фибула той же формы есть в богатой уральской находке не ранее V в. из Муслюмова¹⁵. Вероятно, близка к ним по времени починенная большая подвязная фибула иного варианта из бирского погребения 61. Двучленную «воинскую» фибулу из погребения 114 и местную равноконечную из погребения 40 сейчас трудно датировать из-за недостатка сравнительных данных.

Двупластинчатые фибулы характерны для погребений зоны I-б (рис. 3, 4—9). Первоначально эта форма украшений также сложилась в черняховской культуре IV в., откуда распространилась в Крым и на Кавказ. У сарматов Поволжья и Приуралья она не найдена ни разу. Самые ранние двупластинчатые фибулы Башкирии обнаружены в Уфе¹⁶. Фибула I подгруппы из погребения на ул. Зенцова отличается от обычных черняховских IV в. пропорциями и окантовкой краев (рис. 3, 1); возможно, она сделана здесь или на Кавказе и несколько позднее черняховских изделий. Самые поздние фибулы I подгруппы известны на юге в первой половине V в. Именно этим временем датирует комплекс вторая фибула с узкой вытянутой ножкой II-а варианта (рис. 3, 2)¹⁷. Небольшая массивная серебряная фибула из уфимской находки 1930 г., украшенная красными стеклами в гнездах (рис. 3, 3), также может относиться к V в. без более узкого подразделения. Она сильно отличается от изделий дунайских и крымских мастеров, ближе к северокавказским, но и среди них не имеет достаточно полных соответствий (сравните образцы из Рутхи,

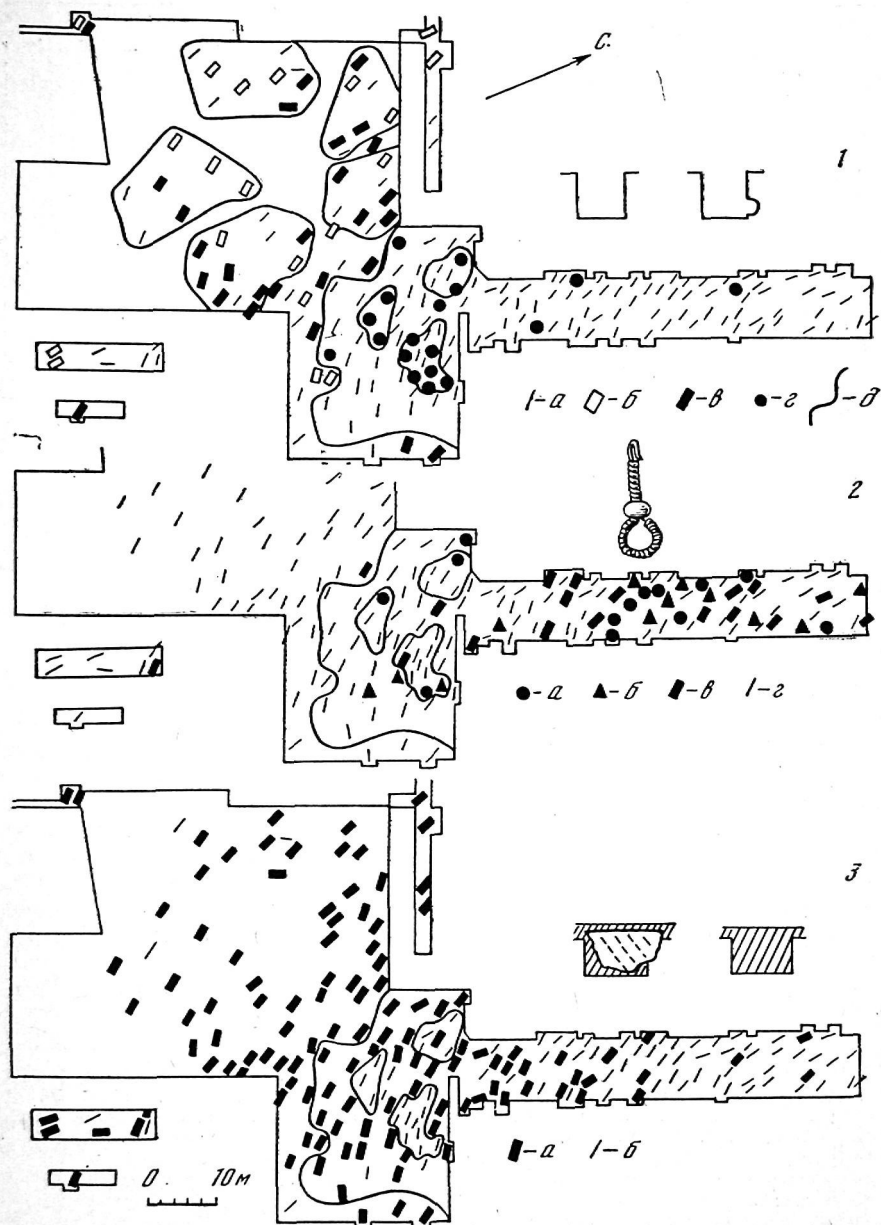
Рис. 1. Деление Бирского могильника на зоны

1 — могильные ямы простые (а), сложные (б, в), с костями животных у головы погребенного (в) или у ног (г); граница I и II этнографических зон (в), намеченная по этим признакам и уточненная по различию керамики (рис. 12, 1);

2 — распространение в могилах жертвенных комплексов (а), височных подвесок в виде знака вопроса (б), в — оба признака в одном погребении, г — остальные погребения;

3 — погребения, нарушенные в древности (а) и не-

нарушенные (б). Малыми криволинейными контурами на этом и последующих рисунках показаны семейные участки, а длинным извилистым — граница двух этнографических зон

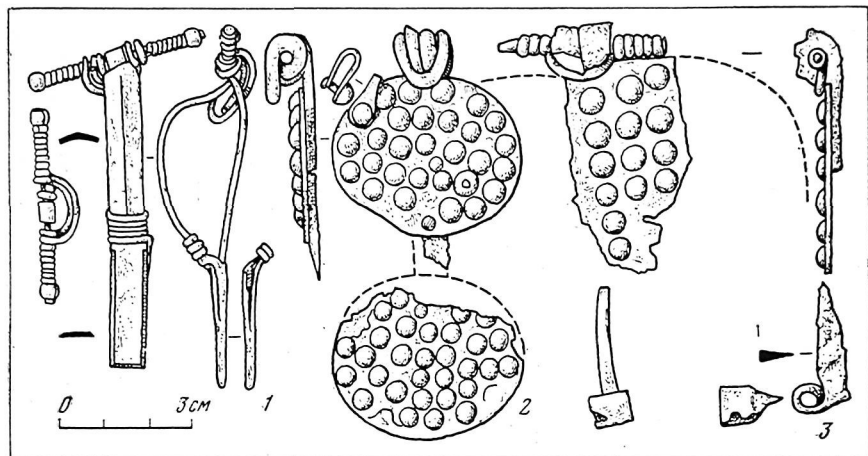

Рис. 2. Фибулы Бирского могильника

1 — прогнутая подвязная;
2, 3 — «бабочковидные»
с завитком на конце (1 —

погребение 35; 2 — погребение 25; 3 — погребение 27).
1 — бронза, 2, 3 — железо,

покрытое тонким бронзовым
листом и бронзовыми за-
клепками

с Гиляча и Дюрсо). Возможно, что все три фибулы из Уфы сделаны местными мастерами.

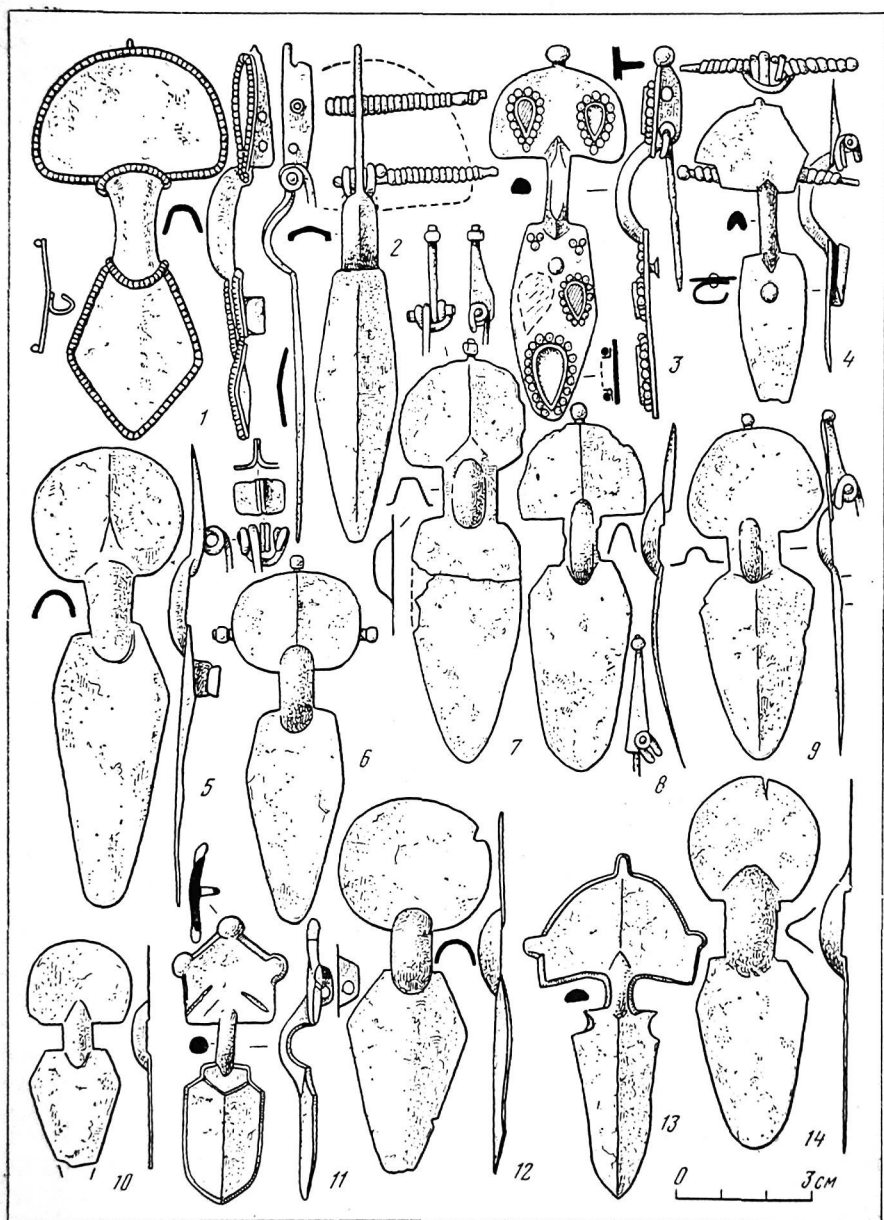
Уже простое сравнение этих фибул с бирскими показывает, что последние относятся к гораздо более позднему времени. Только маленькая фибула из погребения 205 (рис. 3, 4) отдаленно сопоставима по форме с инкрустированной фибулой V в. из Уфы: довольно высокая узкая дужка, полукруглая пластина с выступом для насаживания шарика, почти посередине расширенная ножка (но в отличие от образцов V в. не угловатая, а скругленная). Другие вещи из погребения 205 уничтожены при рытье канавы. Остальные бирские фибулы очень однородны: выгнуты из тонких пластинок меди и плохого серебра, углы головных пластинок скруглены, иногда пластинка близка овалу, дужки низкие, иногда даже плоские с выпуклым валиком посередине; у фибул из погребений 78 и 108 верхняя часть ножки выше «излома» составляет 11—12% общей длины ножки (рис. 3, 8, 9) — признак самых поздних вариантов фибул II подгруппы.

Рис. 3. Двупластинчатые фибулы Бирского могильника и их аналоги

1, 2 — г. Уфа, погребение на ул. Зенцова, 1957 г.;
3 — г. Уфа, ул. К. Маркса, 1930 г.;
4—9 — Бирск (4 — погребение 205; 5 — погребение 136; 6 — погребение 77; 7 —

погребение 96; 8 — погребение 108; 9 — погребение 78);
10, 12 — Кумбулта, Северная Осетия (ГИМ);
11, 14 — Кушнаренково, погребение 21;
13 — Верхний Чирюрт (Да-

гестан), катакомба 40.
1—6, 8, 9, 14 — сплавы серебра (3 — с красными стеклами),
7, 11 — сплав меди

Последние датированы в Суук-Су (Крым) монетами 527—565 и 597—602 гг., причем более мелкие фибулы изготовлялись особенно долго — весь VII в. Северокавказские варианты в Верхнем Чирюрте были с имитациями монет 613—641 гг., а в Пашковской — с «геральдическими» украшениями ремней¹⁸. Пропорции ножки, тщательно выдерживавшиеся при изготовлении больших фибул, у поздних маленьких на Кавказе и, как видим, в Бирске (рис. 3, 6, 7) не всегда выдержаны. Однако и такие экземпляры настолько во всем остальном однородны с найденными в погребениях 78 и 108, что их одновременность несомненна. Это подтверждают и сопровождающие находки. Фибула, подобная бирским (рис. 3, 14), найдена в погребении 21 Кушнаренковского могильника с геральдическими бляшками VII в. и с подражанием литым северокавказским фибулам VII в. (рис. 3, 11, 13; последняя — из погребения 40а Верхнего Чирюрта была с золотой имитацией монеты 613—641 гг.). Из двупластинчатых фибул Европы ближе всего к бирским северокавказские из Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (рис. 3, 10, 12; коллекции ГИМ и республиканских музеев). Вероятно, их производство заимствовано оттуда, но мелкие отличия заставляют предполагать работу южноуральских мастеров. При этом фибул совсем нет в степях, разделяющих оба района.

В погребениях 25 и 27 есть редкие для Бирска мазунинские фибулы (рис. 2, 2, 3), железные, покрытые бронзовым листком, с множеством выпуклых шляпок бронзовых гвоздиков. «Бабочковидный» крупный со слабым перехватом в середине (как бы восьмеркообразный) щиток из погребения 27 относится к завершающей стадии развития мазунинских фибул. Экземпляр из погребения 25 не имеет пока аналогий: на толстой узкой спинке были приклепаны, вероятно, «цепочкой» два или три небольших округлых щитка. По комбинации вещей мазунинская культура Удмуртии делится на четыре периода¹⁹. Фибулы I периода — местное ответвление восточносарматских коленчатых с завитком, характерных для последнего, предгуннского этапа сарматских могильников в Поволжье и Приуралье (IV в.)²⁰. Они надежно датируют I период мазунинской культуры не ранее IV в. (близкие фибулы есть и в Темясовских курганах в Башкирии). В периодах II—IV нет южных вещей, что затрудняет их абсолютное датирование. Сравнение причудливых «бабочковидных» фибул с их сарматскими прототипами IV в. убеждает в том, что их разделял значительный промежуток времени. Рабочая гипотеза о том, что II—IV периоды могли укладываться приблизительно в V—VII вв., находит подтверждение в бирской хронологии²¹.

Многочисленные и разнообразные пряжки Бирского могильника благодаря их сильной изменчивости служат одним из основных показателей при разработке относительной хронологии (периодизации). Но только немногие формы, связанные с югом, пригодны для абсолютного датирования. В первую очередь — это геральдические пряжки и накладки ремней, названные так по элементу в виде гербового щита в их декоре (рис. 4, 13—22)²². Геральдические украшения Евразии очень разнообразны в деталях (форма рамок, щитков, язычков; подвижный или неподвижный

способ их соединения; изготовление то из тонкой жести, то из толстой пластины металла) и декоре (одноцветный рельефный и гравированный; многоцветный: ажурный прорезной с окрашенной кожей ремня в качестве фона, с комбинацией двух металлов разного цвета, с инкрустацией красных, синих, зеленых, желтых стекол и камней в напаянных гнездах или перегородках). Геральдические украшения распространены на огромной территории и делятся на локальные группы. На фоне аналогичных по назначению изделий предыдущего и последующего времени, несмотря на все свое разнообразие, они выглядят удивительно однородными. Это следует объяснять, во-первых, общим происхождением от провинциально-византийских прототипов, во вторых, стремлением мастеров создать видимость очень массивной и тяжелой вещи при небольшой затрате металла. Отсюда преувеличенно толстые, но полые снизу, нередко даже заполненные для прочности гипсом рамки и т. д.

Хотя геральдические пряжки имеют ряд специфических элементов, восходящих к провинциально-римским IV в. (В-образность рамок, отгибы наружу у их основания, фестончатый край пластин), их постепенное сложение пока не удалось проследить, так как в провинциях с углублением христианизации перестали помещать вещи в могилы. Геральдические пряжки впервые предстают в уже сложившемся виде во второй половине VI в. на территории нижнедунайских и южнокрымских владений Византии. В основном это византийские пряжки типа «Суцидава» и очень редко наборные пояса. Когда заходит речь о дате геральдических поясов, наши археологи обычно ссылаются на крымскую находку такого пояса с монетами 518—527 и 527—565 гг. в погребении 56 Суук-Су. Однако сами по себе монеты из комплексов указывают только год, ранее которого комплекс не мог попасть в землю, в данном случае 527 г. — дата начала выпуска этого типа монеты или начала царствования.

Верхний предел зарытия монет практически не ограничен: Римские и византийские монеты, особенно медные, обращались в течение многих столетий после их выпуска не только у приграничных «варваров», но и в византийских городах (Диногедия, Херсонес)²³. Замечательна находка на Ильичевском городище на Тамани — кувшин со 130 медными боспорскими монетами III—IV вв. и поверх них пятью золотыми юстиниановскими (яркое свидетельство их одновременного хождения)²⁴. Сасанидские монеты или оттки в них нередки в могилах VIII—IX вв. (Верхнее Чми, Мыдлань-Шай). Большинство владельцев явно не обращало внимания на изображения и надписи; известны роскошные византийские браслеты с небольшими золотыми монетами Ираклия (610—641 гг.), вставленными вокруг большой монеты с портретом казненного им «узурпатора» Фоки (602—610 гг.)²⁵. Не показательна и степень изношенности монет — она отражает интенсивность хождения, а не длительность хранения.

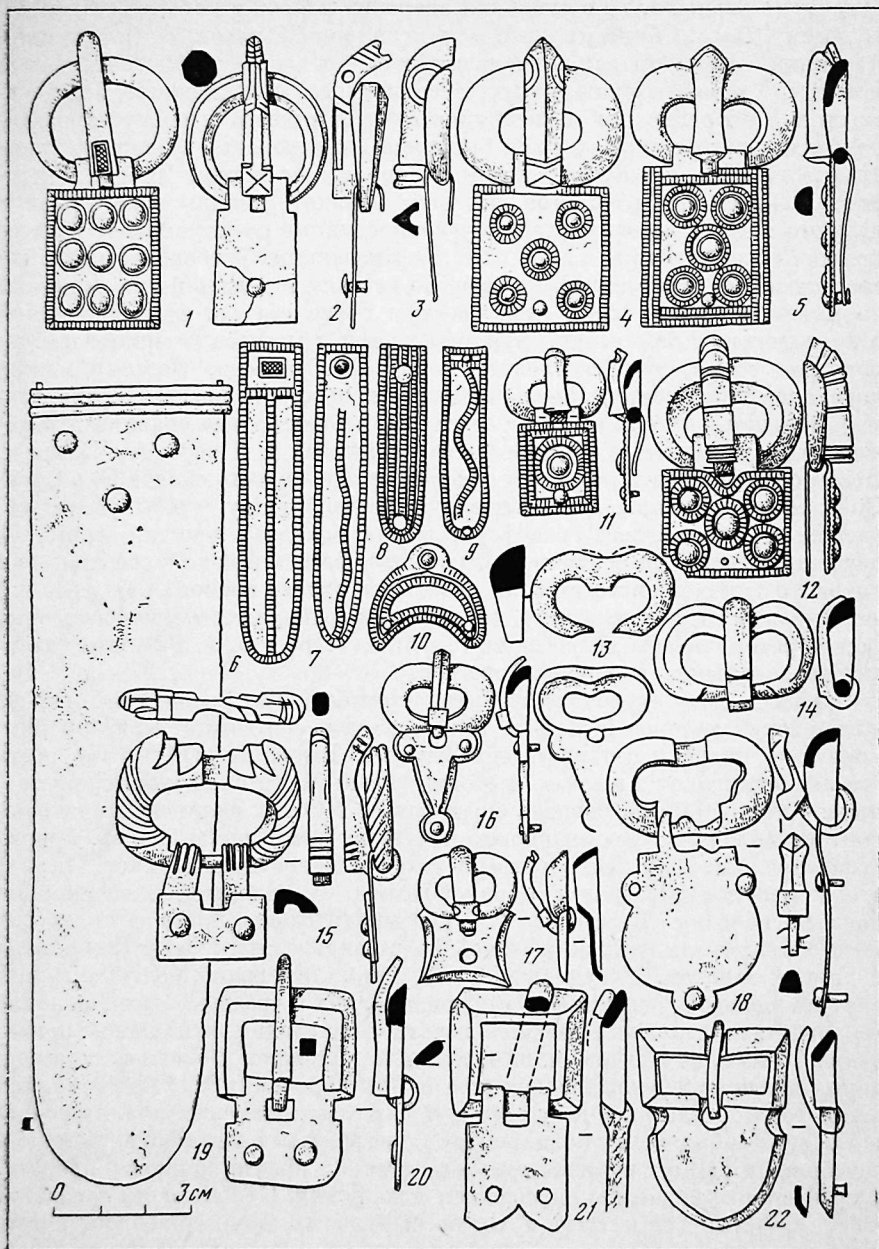
Не помогают и среднестатистические поправки к дате монет: исследователи то подсчитывают среднее запаздывание монет по сравнению с принятой археологической датой сопровождававших их в погребении предметов, то делают это для отдельных типов монет из монетных кладов.

Возможно, что подобная методика пригодна для изучения общих закономерностей денежного обращения. Фактический разбор монет вкладах (разница между датами выпуска и зарытия) сильно отличается от среднего показателя. Также и судьба каждой монеты из погребения индивидуальна. В самые удаленные от Византии или Ирана области она могла попасть с купцом или воином через год после чекана и сразу же очутиться в земле. Но есть много примеров того, что в могилы помещали и монеты, чеканенные за полвека до того и за 100—200 лет (например, римские монеты в могилах VI—VII и даже VIII в. в Западной Европе, в Паннонии и в Крыму), иногда же вторично употреблялись монеты, найденные древними при рытье земли, как и нередкие в раннесредневековых кладбищах римские украшения. Пока единственным методом, учитывающим конкретные обстоятельства находки каждой монеты в погребении, остается общепринятый в археологии метод разработки детальной относительной хронологии комплексов, определения места в ней комплексов с монетами и отбора по этому признаку датирующих монет от недатирующих запоздавших.

Дата находки из Суук-Су уточняется обнаружением близких поясных деталей в византийской крепости Садовско-Кале в Болгарии. В верхнем слое этой группы крепостей нет монет позднее рубежа VI—VII вв., а гибель крепостей в огне согласуется с письменными данными об опустошительном вторжении славян и аваров в Дунайскую область именно в это время. В итоге дата поясов определяется как вторая половина VI в. (в более ранних сочетаниях не найдены) и они значительно отличаются в деталях от основной массы подобных находок в Восточной Европе. Это заставляет отнестись остальные геральдические украшения уже к VII в., что подтверждают и монетные находки (самые поздние — в Перещепине и Келегеях 641—668 гг.). Как и в раннем периоде, для них есть хорошие стратиграфические данные: в славянском слое, отложившемся поверх развалин византийского города Юстиниана Прима, разрушенного упомянутым вторжением на рубеже VI—VII вв., найдена Т-образная бляшка. Она типологически более поздняя (III периода), чем садовские и суук-

Рис. 4. Позолоченные и геральдические детали ремней из Бирского могильника и их аналогии

1, 6 — Новогригорьевка, 1884 г., могила VIII;	9 — погребение 77;	12 — Гижгит (Кабардино-Балкария).
2 — г. Керчь, 1904 г., склеп 154;	13 — погребение 158;	1—4, 18, 19 — серебро;
3 — Тызыл (Кабардино-Балкария), склеп, вскрытый крестьянами осенью 1928 г. (КБКМ);	14 — погребение 162;	5—12, 15—17, 20—22 — бронза;
4 — близ г. Пятигорска, раскопки А. С. Уварова, могила 7;	15, 19 — погребение 18;	13, 14 — железо;
5, 8—11, 13—22 — Бирск	16 — погребение 127;	1—4, 12 — обтянуты золотым или позолоченным тисненным листком;
(5, 8, 10, 11 — погребение 130;	17 — погребение 138;	1, 6 — украшены сердоликами и гранатом,
	18 — погребение 170;	4, 5, 11 — стеклами,
	20 — погребение 2;	7, 12 — альмандинами
	21 — погребение 147;	
	22 — погребение 181);	
	7 — совхоз им. Калинина (Крым);	

синские (I периода), но обычно для аварских поясов и перекрестными находками (Боча, Кичкунфельдхаза) синхронизируется с Перещепино и ранним Чми. Эти данные показывают, что довольно многочисленные монеты VI в. из Агафоновского, Неволинского, Веслянского, Лихачевского и Кудыргинского могильников следует отнести к числу запоздавших и не датирующих, так как бывшие с ними поясные детали отделены от деталей VI в. продолжительным периодом эволюции. Иногда приходится слышать от археологов, что они не видят разницы между теми и другими и что, напротив, сложно декорированные перещепинские псевдопряжки несопоставимы с простыми агафоновскими. Требование подробно анализировать сопоставляемые вещи по деталям и делить их на варианты по максимальной степени сходства уже более ста лет стало аксиомой в археологии. Естественно, при обращении к материалу мимоходом, на короткое время, трудно уловить мелкие особенности. Поэтому можно порекомендовать постепенное параллельное сопоставление двух сравниваемых предметов деталь за деталью. Я уже неоднократно сравнивал в печати разные варианты двухчастных роговидных и Т-образных бляшек. Достаточно положить рядом обе пряжки из знаменитого склепа 56 в Суук-Су (с монетами VI в.) и агафоновскую псевдопряжку, чтобы убедиться, насколько в последней трансформирована исходная простая форма В-образной рамки. Это различие никак нельзя свести только к особенностям работы разных производственных центров одного времени как из-за его значительности, так и потому, что во многих районах есть промежуточные формы (в том числе в погребении 165 Бирска, рис. 5, 1, 2), и это различие не локальное, а хронологическое.

Нижнюю дату агафоновских псевдопряжек могли бы дать находки из Келегейских хуторов и Малого Перещепина и соответствующие им (безмонетные) находки с территории Венгрии. Было бы неверно отвергать эти аналогии только потому, что они сделаны в высокой ювелирной технике: с инкрустацией, зернью, бордюром из золотых шариков, имитирующим излюбленную в византийском искусстве жемчужную обнизь. Основа псевдопряжки, если снять пышный византизированный декор, та же, что у простых образцов с Верхней Камы. В Византии псевдопряжки пока не найдены. Вероятно, эта необычная форма пояса с пряжками вместо блях была создана именно для степной знати и из степи попала к другим народам. Показательно, что, кроме отдельных кочевых групп, она привилась в основном в Верхокамье, где в предшествующую эпоху геральдические поясные принадлежности были очень редки. Она не привилась в Крыму, на Кавказе и, по-видимому, в Нижнем Поволжье, где традиция ношения геральдических поясов была прочной. Зато под влиянием степного юга и там на поясных и сбруйных геральдических деталях появились скромные элементы полихромии: узкие золотые окантовки по гладкому серебряному фону; вставки цветного стекла; просто широкие прорези, сквозь которые виднелась окрашенная кожа ремня. Не только эти признаки, но и несчастные совместные находки бляшек из таких наборов вместе с южными псевдопряжками (Боча) говорят об их одновременности. Срав-

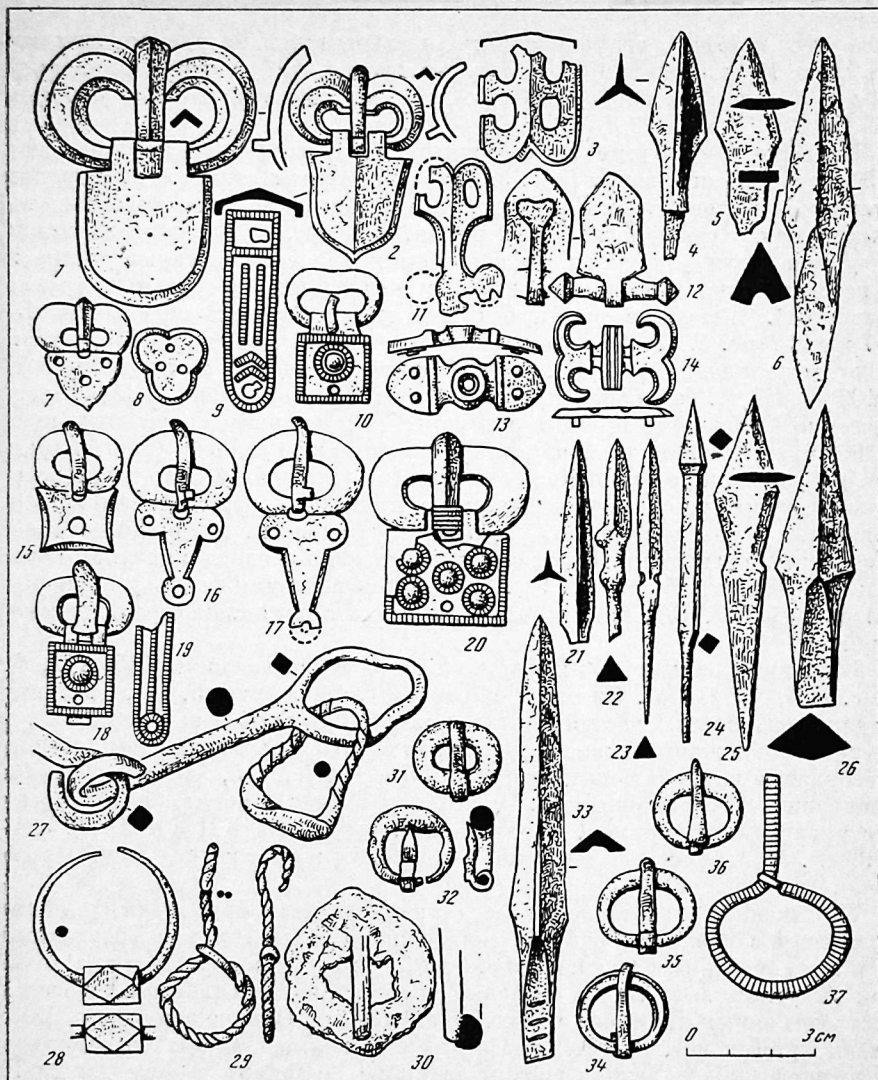

Рис. 5. Комплексы I и IV периодов Бирского могильника

1—11 — погребение 165;

12 — погребение 172;

13 — погребение 194;

14, 27 — погребение 134;

15—26 — погребение 156;

28—30 — погребение 48;

31—33 — погребение 72;

34—37 — погребение 60.

1—3, 7, 8, 11, 15, 17 —

серебро;

4, 5, 12, 21—25, 27, 31 —

железо;

30 — железо и бронза;

6, 26, 33 — кость;

9, 10, 13, 14, 16, 18—20,

28, 29, 32, 34—37 — бронза

(9, 10, 18—20 — обгнуты

позолоченным листком; 10,

18, 20 — со стеклами; 28 —

с темно-синей стеклянной

бусиной)

ниваемые иногда с агафоновскими, псевдопряжки из днепровских кладов типа Мартыновки по сходству пальчатых фибул синхронизируются не с I, а уже с IV периодом Суук-Су, т. е. тоже относятся к развитому VII в.

Большие В-образные с подвижным щитком пряжки из погребения 165 Бирского могильника (рис. 5, 1, 2) значительно отличаются от ранних пряжек из Садовско-Кале и Суук-Су, у которых не было подобных толстых рамок с узкой щелью для ремня, а округлые расширения концов фигурной щели у пряжек из погребения 165 соответствуют таким же у псевдопряжек (нередко сливаясь у последних в отдельные круглые отверстия). Железные рамки без щитков из бирских погребений 158, 167 и 186 (рис. 4, 13, 14) того же варианта, что в погребении 165, и также относятся к развитому VII в. Пряжки с простой щелью из погребений 170 и 192 — VII в., без более детального подразделения (рис. 4, 18). Геральдические В-образные пряжки с характерным высоким скошенным краем рамки надо отличать от В-образных пряжек из круглого (иногда граненого) и узкого прямоугольного стержня (по рисункам и фото их не всегда удается уверенно различить, если не приведены разрезы рамки). Они появились в разное время на разных территориях и, возможно, не имеют общего происхождения. В Бирске часть их явно связана с поздним периодом (погребения 25, 27, 57, 96). Скошенная передняя грань у пряжек из погребений 122, 132, 196, вероятно, связана с влиянием геральдического стиля.

Бляшки геральдических форм найдены в погребениях 165, 172, 194 (рис. 5, 3, 8, 11—13). Из них Т-образная бляшка (рис. 5, 12), сделанная из двух соединенных частей (щитка с длинной лапкой и перекладки), — местное подражание южным цельнолитым. Остальные бляшки обычные. Ж-образные накладки из погребений 85 и 134 (рис. 5, 14) также следует причислить к геральдическим. На юге они обычно плоские, более широкие и с прорезями (например, Верхнее Чми, катакомба XII с монетой 531—579 гг.). Рельефностью бирские бляшки ближе к неволинским (Неволино, погребение 71).

По технике изготовления к геральдическим принадлежат мелкие пряжечки с овальной рамкой, неподвижно соединенной с треугольным или прямоугольным щитком (рис. 4, 16, 17; 5, 7, 15—17). Первые имеют три округлых выступа по сторонам щитка. Многие кавказоведы относят этот тип пряжек к V в. без всяких доказательств. Однако в комплексах V в. таких пряжек нет, встреченные в них единичные пряжки с треугольной пластиной (иногда даже с диском на конце — Качин)²⁶ — совсем другие по пропорциям и технике изготовления. Пряжки, подобные бирским, неоднократно были в могилах вместе с такими геральдическими, определение которых не вызывает споров (Тырныаузский склеп 1955 г. и Кугульский склеп № 2²⁷; хранящийся в Нальчикском музее инвентарь двух склепов, аналогичных Тырныаузскому, разрытых крестьянами: из Гижгида, кулленный у М. Узденова, и из местности «Тызыл» — у Ю. Тотиева²⁸). В бирских погребениях 138 и 165 они сопутствовали

описанным выше поздним В-образным пряжкам (рис. 4, 17; 5, 1—11), в погребениях 156 и 189 найдены с другими вещами последнего периода Бирского могильника (рис. 5, 15—26), на среднем Дунае известны в могильнике аварского времени VII в. Чакберень²⁹.

Овальные пряжечки второго типа имеют прямоугольный граненый щиток со слегка вогнутыми сторонами (рис. 4, 17; 5, 15). Аналогии есть только у южноуральских кочевников, в шиповских курганах 2 и 3³⁰, обычно неправильно относимых к V в. Находки из этих курганов по всей сумме признаков отличаются от комплексов V в. (как Новогригорьевка, Березовка, совхоз им. Калинина и др.), с чем в своей последней статье фактически согласилась также И. П. Засецкая (продолжая еще относить Шипово к V в. и ошибочно видя в погребении у колхоза «Восход» связующее звено между ним и Новогригорьевкой)³¹. С поздним Бирском Шипово синхронизируется также звериноголовыми браслетами, орнаментом позолоченных наконечников ремней, формой зеркал. Почти тождественные по форме и сложному орнаменту седельные бляхи, кроме Шипова, найдены при раскопках А. В. Дмитриева в конских погребениях 5 и 9 на р. Дюрсо около Новороссийска с вышерассмотренными пряжечками с треугольной пластиной. В Бирске пряжки с прямоугольной обоймой сопутствуют пряжкам с треугольным щитком (погребения 138 и 156, в первом имелась еще поздняя В-образная рамка из железа). Шиповские находки не противоречат дате рассмотренного типа пряжек VII в.

Полюе снизу четырехугольные пряжки из погребений 147 и 181 тоже VII в. У первой (рис. 4, 21) — раздвоенная обойма, обыкновенно изготавливаемая из двух отдельных пластин³²; у второй — в виде гербового щита (рис. 4, 22). Редкой формы — зооморфная пряжка из погребения 18 (рис. 4, 15). Мотив сопоставленных головок, например дельфиньих, известен на провинциально-римских пряжках с IV в. Но бирская пряжка сделана полой снизу и на конце острия имеет две поперечные нарезки, рудимент изображавшейся на этом месте с V в. звериной головки (рис. 4, 2) — схематизация, распространенная в VI—VII вв. (рис. 4, 5, 11, 12, 17). Окончательно решает вопрос о дате то, что в погребении 18 имелся поясной наконечник, большой, «коробочкой» с желобчатой окантовкой устья, — вещь, типичная на Северном Кавказе и у аваров Подунавья для VII в. (рис. 4, 19; он крупнее прочих). В погребениях 15 и 39 Мокрой Балки и в погребении 2 могильника «О» в Кিশзомборе (Венгрия) им сопутствовали монеты Фоки (602—610 гг.)³³, в погребении 3 на территории городского садового хозяйства в Ньиредьхазе (Венгрия) — монета Тиберия (582—602 гг.)³⁴, в катакомбе XII Верхнего Чми — монета Хосрова I (531—579 гг.).

Геральдические детали ремней равномерно рассеяны в зонах I-б и II Бирского могильника (рис. 6, 3), покрывая участок, занятый погребениями с костями животных у ног и у головы (рис. 1, 1) и погребениями, разрушенными в древности (рис. 1, 3). Тем самым определяется поздняя часть могильника, датирующаяся в пределах VII в. (в середине зоны II таких вещей нет потому, что там от разграбления уцелели в основном одни

сосуды). Лишь в зоне I-а почти нет могил с геральдическими украшениями, а остальные пряжки отличаются по форме от найденных в поздних зонах I-б и II (рис. 6, 1, 2, 3а). Следовательно, сложение зоны I-а предшествовало появлению геральдических пряжек.

Бирские пряжки и украшения ремней с инкрустацией (рис. 4, 5, 8—11; 5, 9, 10, 18—20) вызывали самые противоречивые суждения исследователей. Обтяжка позолоченным листком из белого металла с вытисненными на нем узорами и вставка стекол, казалось бы, связывали их с традициями полихромного стиля гуннской эпохи. Поэтому А. П. Смирнов датировал их IV—V вв., В. Б. Ковалевская пряжку с самым сложным орнаментом отнесла к V — началу VI в., остальные — к середине и второй половине VI в., В. Ф. Генинг все эти предметы — к началу и середине VI в.³⁵ На самом деле такие ювелирные приемы, как вставка камней или стекол и обтягивание тисненой фольгой, применялись в разные эпохи и не обязательно связаны с V в. Есть они в III в. на античных вещах, есть на самых поздних двухпластинчатых фибулах из Северной Осетии³⁶. На последних, как и в Бирске, круглые стекла тоже укреплены не в напаянных гнездах, а в прорезанных в фольге отверстиях. В решении вопроса о дате определяющее значение имеют несомненные признаки влияния геральдических пряжек: рамки преувеличенно широкие, подчеркнута «массивные», но косо срезанные или вогнутые с изнанки; с этим же влиянием связана нередкая В-образность. Пряжка из катакомбы 10 могильника 2 у Лермонтовской скалы близ Пятигорска отличается от остальных неподвижным щитком с перегородчатой инкрустацией и рубчатой рамкой³⁷ и имеет аналогию в Бердугинской катакомбе VII в.

В Башкирии большие инкрустированные пряжки поясов сопровождалась такими же малыми для портушей и обуви, а также короткими позолоченными наконечниками ремешков и лунницами. Они найдены в погребениях 77, 83, 88, 111, 123, 124, 130, 156, 165 Бирского могильника, погребении 1 кургана 8 в Ново-Турбаслы, неоднократно в г. Уфе, в погребении 1

Рис. 6. Распространение пряжек и фибул в погребениях Бирского могильника

1 — пряжки с невыступающим язычком и без обоймы (6 — с более поздними вещами);

2 — пряжки с далеко выступающим концом язычка и без обоймы (6 — с более поздними вещами);

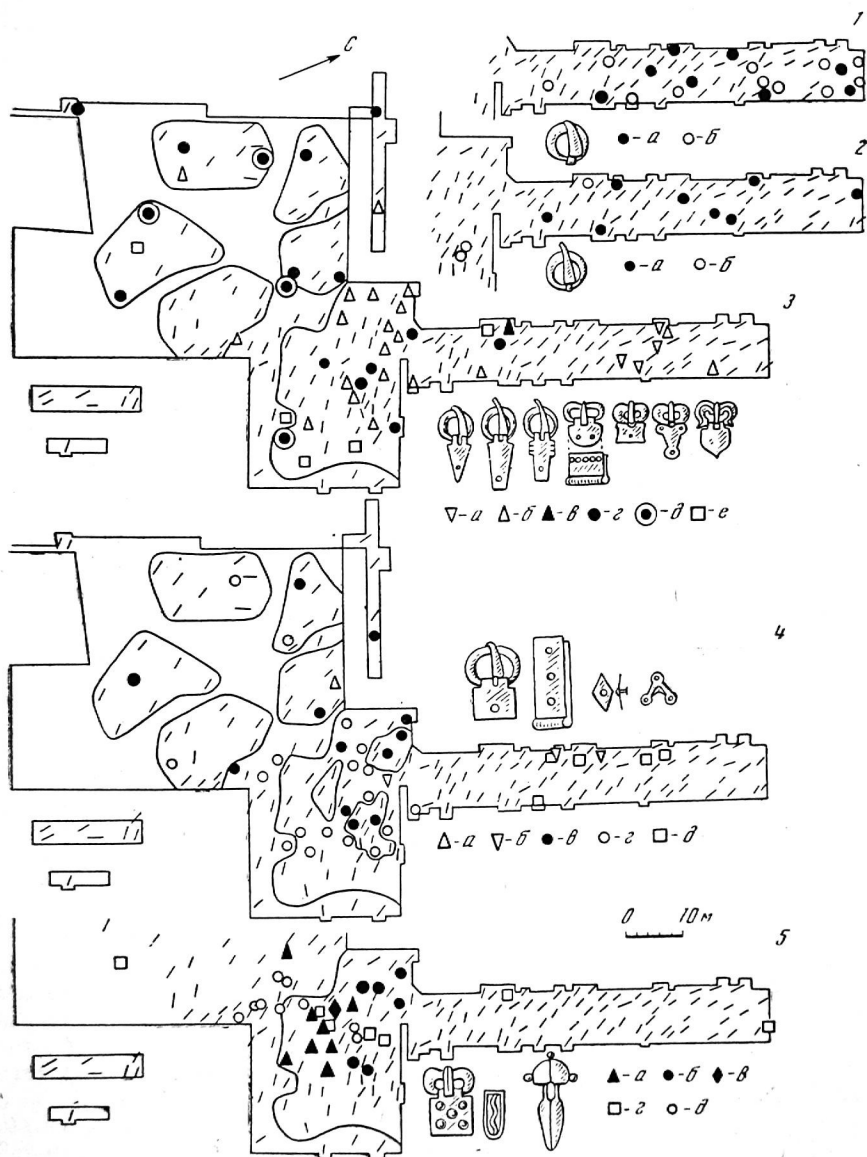
3 — пряжки с фигурной пластиной (а — с пластиной средней длины, рис. 7, 4, 6, 7; б — с длинной сужающейся пластиной, рис. 7, 9, 13—19; в — такие же вместе с геральдическими украшениями) и геральдические

(г — пряжки и накладки, рис. 4, 15—22 и рис. 5, 3, 7, 8, 11—17; д — пряжки с фигурной прорезью рамки, рис. 4, 13, 14; 5, 1, 2; е — детали поясов, как на рис. 7, 5, 33);

4 — большие пряжки с четырехугольной пластиной (а), большие прямоугольные наконечники (б), ромбические накладки ремней вместе с этими деталями (в) или без них (г), накладкитройчатки (д);

5 — позолоченные принад-

лежности ремней (а), двухпластинчатые фибулы (б), оба предмета вместе (в), удила (г), жертвенные ямы с костями лошадей (д). Тонкими штрихами обозначены погребения без картографируемых признаков, извилистой линией — граница двух этнографических зон, замкнутыми контурами — семейные участки. Частичное налегание двух знаков означает совместную встречаемость двух признаков в одном погребении

в) Кувыково (раскопки Н. А. Мажитова), в Дежневских курганах (раскопки М. Х. Садыковой), на Северном Кавказе в Гижгиде (без комплекса, рис. 4, 12), в могиле 7 в предгорье Машука (рис. 4, 4)³⁸ и у Лермонтовской скалы. В степи подобные принадлежности не встречены, кроме Шипова. Кавказские и южноуральские пряжки очень близки, но устойчиво повторяющиеся мелкие различия в пропорциях и декоре говорят, что при несомненном наличии связей те и другие изготовлены на месте. Пряжка с предгорья Машука была в могиле вместе с инкрустированной брошкой, украшенной головками. А. С. Уваров предположительно отнес ее к VII—VIII вв. Дату надо сузить: кавказские броши с головками обычны для времени поздних геральдических пряжек VII в. Бирские погребения 156 и 165 датируются геральдическими пряжками VII в. (рис. 5, 1—11, 15—26). Чтобы убедиться в несходстве пряжек V в. (рис. 4, 1, 2) и бирских, достаточно их внимательно сравнить (рис. 4, 1—5). Широкую рамку полукруглого сечения и широкое острие с поперечными нарезками на конце (рудимент изображения звериной головки) имеет среди ранних только пряжка из колхоза «Восход», датируемая перекрестием меча серединой V в.³⁹ Но и ее отделяет от бирских длительная эволюция. Позолоченные украшения ремней сосредоточены в той части Бирского могильника, которая сложилась в течение VII в. (рис. 6, 5).

Не противоречат ли всему сказанному выше находки из катакомбы 10 у Лермонтовской скалы, которые принято считать единым комплексом конца IV—первой половины V в.? Там действительно есть много характерных вещей этого времени: пряжки, удила, уздечные бляхи, фибула, двустворчатые пластинки, стекло с налепами, даже обычные в комплексах V в. на Северном Кавказе многогранные бусы из яркого вишневого сердолика⁴⁰. Из них только большая серебряная пряжка лежала на тазе среднего костяка, остальные находились в заполнении. Но в катакомбе не менее четко выделяется и второй комплекс предметов, совершенно неизвестный в V в.: уже упоминавшаяся большая инкрустированная пряжка; маленькие геральдические, специфические бляхи-тройчатки; детали ремней с рубчатым («бахромчатым») утолщением; бронзовые псалы той своеобразной формы, которая известна с близкими вещами в Сахарной Головке в Крыму, в Быльме (Куденетово, Кабардино-Балкария), в конском погребении 4 на р. Дюрсо (раскопки А. В. Дмитриева); седельная бляха с бордюром, имитирующим зерновые треугольники, как в Шипове; наконец, меч с высоким перекрестием⁴¹.

К сожалению, при раскопках не было зафиксировано точное положение каждой вещи. Сообщается лишь, что они залежали беспорядочно и на разном уровне в заполнении почти до потолка катакомбы. Зеркало диаметром 12,5 см лежало у плеча ближайшего от входа покойника (с которым автор раскопок еще связывает находившийся несколько выше меч с высоким перекрестием). Такие большие зеркала не известны в комплексах V в. (Березовка, раскопки Т. М. Минаевой на р. Гиляч в 1965 г., Унтерзибенбрунн, Лаа, Смолин, Мад и др.), но есть с геральдическими деталями ремней в раскопанном А. П. Руничем западном кугульском склепе 3.

С поздним комплексом связан и кувшин из катакомбы 10: аналогичное оформление вытянутого тулова, носика и поперечно-полосчатого горла обычно у кувшинов VII в. из Мокрой Балки (в том числе с монетами 578 и 602—610 гг.)⁴². В могилах V в. (Вольный Аул, Брут, Гиляч-1965 г., Мокрая Балка) таких сосудов нет. Вероятно, основное погребение в катакомбе 10 совершено в V в., а в VII в. помещен еще один покойник со столь же богатым инвентарем. Явно вторично перемещенные находки в катакомбе не дают основания удреивать бывшие в ней поздние предметы и считать их одновременными ранним.

Многочисленные в Бирском могильнике маленькие пряжки с рамкой из круглого стержня, с подвижной обоймой или без нее делятся на варианты по форме и длине острия, по форме обоймы (рис. 7, 1—19, 21, 22, 27). Их разнообразие — показатель длительного развития. В ранней зоне I-a преобладают пряжки без щитков, крепившиеся к ремню непосредственно за рамку (рис. 6, 1, 2; 7, 1—3). Типологически самые простые — с почти не выступающим за рамку острием (рис. 7, 1). Их круглая или слегка овальная рамка массивна, нередко утолщена спереди, острие в виде сужающегося вперед изогнутого хоботка часто ступенчато срезано сзади (у пряжки на рис. 7, 2 конец острия выступает несколько сильнее, чем у остальных пряжек этого варианта). Ранее их датировали II—III вв., опираясь только на черняховский клад из Турии на Украине с монетами 180—192 гг.⁴³ Увеличение датированных монетами находок в Крыму, выделение в крымских могильниках особого периода IV в. показало, что пряжки с такими рамкой и острием (с обоймой и без нее) впервые появились в Крыму и черняховской культуре не ранее конца III в., а массово там распространились только в IV в. Пряжки из хорошо датированных комплексов второй половины III в. еще совсем другие⁴⁴. Поскольку простейший вариант бирских пряжек заимствован с юга, где прослежено его постепенное сложение, он и в Бирске не может быть ранее IV в. Девятнадцать погребений с этими пряжками сосредоточены в зоне I-a, которую все исследователи считают ранней (рис. 6, 1).

Пряжки с такой же рамкой, но с острием, далеко выступающим за нее (рис. 7, 3), появились на юге (Крым, Подунавье) в эпоху переселения народов, не ранее начала V в. В предшествующем IV в. они еще неизвестны: например, их нет среди пряжек с коротким хоботком в могиле 31 из Инкермана с монетой 379—395 гг.⁴⁵ Заимствованные с юга, они в Башкирии и Прикамье появились тоже не ранее V в. Девять погребений с этими пряжками без обоймы находятся в зоне I-a, лишь погребения 136, 137, 169 — в зонах I-b и II (рис. 6, 2).

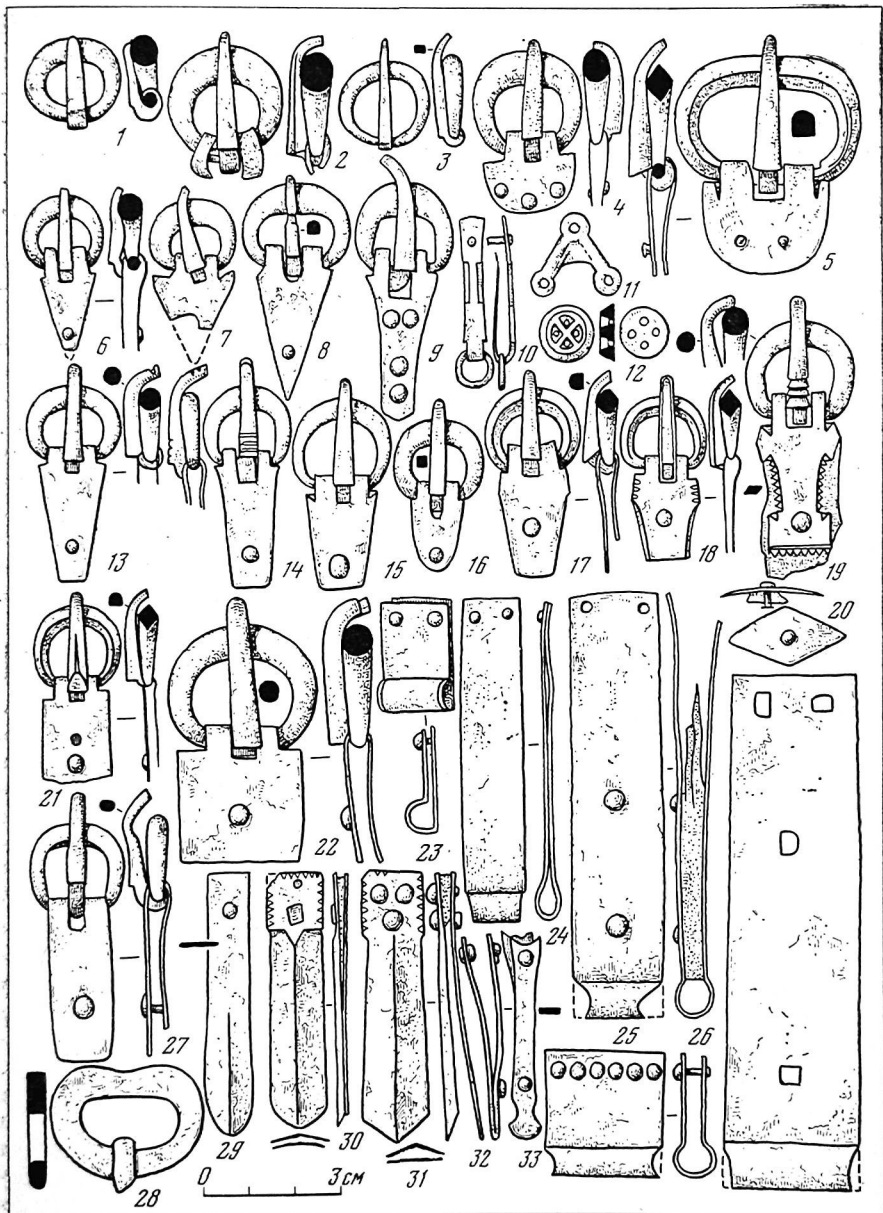
Хоботковые пряжки с пластинчатой подвижной обоймой для прикрепления к ремню тоже восходят к южным прототипам⁴⁶. Сложение последних началось в III в., особенно широко они изготовлялись в IV—V вв., и, вероятно, через Крым или Северный Кавказ варианты IV—V вв. попали в Приуралье. Отдельные пряжки этих форм встречаются на юге в комплексах до VI—VII в. вместе с новыми характерными для того времени вещами (Керчь, 1907 г., склеп 78; Хараचой, погребение 23; Кугуль, склепы

2 и 4). На юге хоботковые пряжки III—V вв. датируют преимущественно по различиям острия и рамки. Из форм щитка в V в. появилась только одна: с тремя цилиндрическими выступами для заклепок по сторонам. В Бирске такие щитки не представлены, кроме очень поздней, уже геральдической реплики (рис. 4, 18). Рамки и острия бирских пряжек варьируют мало, зато обоймы очень разнообразны, многие их формы неизвестны на юге — это приуральские варианты (рис. 7, 5, 7—9, 13—19).

Детальную классификацию (с названиями всех вариантов) подобных бирским пряжек из могильников харинской культуры Прикамья сделали В. Ф. Генинг и Р. Д. Голдина⁴⁷. Это позволяет мне не делать формальной описательной классификации бирских пряжек, а сосредоточить внимание лишь на тех признаках, которые позволяют разделить находки на устойчивые группы и в конечном итоге на периоды. В Тураевском могильнике В. Ф. Генинг классифицировал пряжки с помощью подсчета пропорций⁴⁸. Его вывод, что со временем треугольные обоймы становились все длиннее, в общих чертах совпадает с моим⁴⁹. Но простое измерение пропорций не исчерпывает проблему классификации. Ведь древние мастера, варьируя форму украшений, руководствовались зрительным впечатлением от вещи («как мера и красота скажут») и меняли не только пропорции, но и кривизну линий, абрис вещи. Достаточно сравнить пряжки, изображенные на рис. 7, 6—9. Одни отличаются только пропорциями, другие — изгибом углов пластинки или кривизной ее сторон. В другом примере (рис. 7, 13—19) у пряжек не только разнится соотношение длины и ширины трапециевидного щитка, но и различна ширина узкого конца трапеции по сравнению с ее основанием. Более того, у одного варианта основание прямое (рис. 7, 13), у другого — заостренное (с врезами, рис. 7, 15), у третьего — уголки основания оттянуты в стороны двумя маленькими поперечными зубчиками (рис. 7, 14). От них отличаются пряжки с широкими боковыми выступами (часто с насечкой на них, рис. 7, 17—19). В своей массе эти варианты легко различаются глазом, что естественно, ведь мастера вносили изменения осознанно, в расчете на заказчиков. Есть некоторое количество пряжек со слабо выраженными признаками, их трудно отнести с уверенностью к определенному варианту. Это неизбежно при ручном несерийном их производстве разными мастерами. Но общая закономер-

Рис. 7. Пряжки, накладки, наконечники ремней из Бирского могильника и их аналогии

1 — погребение 50;	14 — погребение 78;	25, 30 — погребение 137;
2 — погребение 10;	15 — погребение 117;	26 — погребение 121;
3 — погребение 1;	16, 32 — погребение 2;	27 — погребение 193;
4, 7 — погребение 12;	17, 20 — погребение 71;	28 — погребение 96.
5, 33 — погребение 161;	18 — погребение 113;	1, 28 — железо;
6, 10 — погребение 55;	19, 31 — погребение 89;	23, 33 — серебро;
8 — находка 1958 г.;	21, 29 — погребение 75;	12 — светлый сплав; остальные — бронза (2, 19, 20, 25,
9 — погребение 52;	22 — погребение 137;	23 — г. Керчь, 1904 г.,
11 — погребение 18;	23 — г. Керчь, 1904 г.,	30, 31 — с остатками кожи)
12 — погребение 181;	склеп 145;	
13 — погребение 93;	24 — погребение 61;	

ность изменений видна хорошо. Надо еще сказать, что названные в этом абзаце детали пряжек, важные для разработки периодизации и решения вопроса о местах их производства и о связях приуральского населения, не отмечены в излишне, на мой взгляд, формальных классификациях у В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной.

Треугольные обоймы пряжек делятся на короткие (длина не более ширины; обычны на юге в IV в., не найдены в Бирске), средние (длина превышает ширину не более чем в 1,5 раза; рис. 7, 6, 7), длинные (рис. 7, 8, 9). Среди последних имеется вариант с вогнутыми краями пластины (рис. 7, 9). Трапецевидные щитки более разнообразны: длинный простой (рис. 7, 13), длинный с оттянутыми в сторону углами основания (рис. 7, 14), укороченные с широкой тыльной стороной (рис. 7, 15; углы основания заострены вперед), с широкими выступами по бокам (рис. 7, 17—19). Вероятно, к трапецевидным надо отнести сужающиеся, закругленные на конце пластины (рис. 7, 16). Бирские пряжки с треугольными и трапецевидными обоймами не имеют датированных южных аналогий. Лишь поперечные нарезки на конце острия многих из них (рис. 7, 13, 14, 18; ср. рис. 4, 5, 11, 12, 15, 17) — пережиток изображения звериной головки, появившейся на юге в V в. (рис. 4, 2) и удержавшейся там в VI—VII вв. (рис. 4, 3, 4). Пряжки со средним треугольным щитком характерны в Бирске для зоны I-а (погребения 12, 33, 55, 61 — все без следов нарушения в древности; рис. 6, 3а), в той же зоне обнаружены пряжки с длинным вогнутым щитком (п. 52, 61). Остальные пряжки с длинными треугольными и трапецевидными щитками равномерно рассеяны в зоне I-б и только по разу найдены в зоне II (рис. 6, 3). Их малочисленность во II зоне можно было бы попытаться объяснить сильной разграбленностью могил на этом участке (поэтому все три пряжки найдены на периферии зоны). Однако функционально равнозначных мелких пряжек с прямоугольной обоймой (рис. 7, 21, 27) найдено в зонах I-б (погребения 75, 108, 114, 121, 125, 158, 169) и II (погребения 95, 107, 166, 172, 175, 193, 195) поровну. Поэтому, возможно, бирские мелкие пряжки с фигурной обоймой больше связаны с традициями местной этнографической группы I-б. В пользу этого могло бы говорить их отсутствие в более южных областях и обилие в расположенных севернее памятниках харинского и ванвиздинского типов.

Различные пряжки с рамкой из округлого и граненого стержня и прямоугольным щитком найдены в зонах I-б и II и, как исключение, в зоне I-а. Крупные со щитком, близким к квадрату, и овальной, иногда В-образно изогнутой рамкой принадлежали характерным для Бирска поясам с длинным наконечником из согнутой пополам пластины (часто с ромбическими накладками, рис. 6, 4; 7, 20, 22, 26). Перечисленные выше небольшие с обоймой, то близкой к квадрату, то сильно вытянутой, чаще всего служили застежками обуви (рис. 7, 21, 27).

Маленькие пряжки с полукруглым щитком найдены в погребениях 12, 40, 70 зоны I-а (рис. 6, 3; 7, 4), в погребениях 40 и 42 были еще пряжки с более удлиненным щитком. Различие ареалов служит основанием противопоставить мелкие пряжки без щитков, а также с округлыми и с тре-

угольными средней длины щитками из зоны I-а (рис. 6, 1—3) всем прочим мелким пряжкам с треугольными, трапецевидными и прямоугольными щитками из зон I-б и II. Ареал последних на территории Бирского могильника совпадает с ареалом геральдических пряжек VII в., в ряде погребений они находились совместно, подтверждая эту дату (рис. 6, 3).

Большие овалыные пряжки с округленной обоймой немного различаются в деталях: рамки сделаны из круглого или граненого стержня, щиток пряжки из погребения 5 — овалыный, из погребений 157 и 161 — «полу-круглый», очерченный очень характерно (как бы прямоугольный с плавно скругленными углами), на его основании сделаны врезы так, чтобы получились заострения, обращенные вперед (рис. 7, 5). С ними на поясах были широкие короткие наконечники из согнутой пополам пластины, усуженные у основания сплошным рядом заклепок с выпуклыми шляпками (рис. 7, 33). Эти пояса особенно часты в харинских древностях, но там весь ремень еще покрывали поперечными прямоугольными пластинками⁵⁰. У степных кочевников тоже встречаются пояса с пластинками. Из них особенно близок харинским пояс из Федоровки⁵¹. Его широкий наконечник, когда-то инкрустированный, имеет по краю рубчатый валик — декоративную деталь, известную на юге на сбруйных наконечниках VII—VIII вв. (Кунагота, Глodosы, Галиат-1935 г.). Наконечники с рубчатым валиком, найденные у Сахарной Головки в Крыму и при раскопках А. П. Рунича в районе Пятигорска, были вместе с геральдическими украшениями. В Бирске пряжки и наконечники рассматриваемого типа в основном связаны с зонами I-б и II, входя в ареал геральдических и поздних мелких пряжек (рис. 6, 3, е). Это наблюдение может вызывать возражение, что овалыные пряжки и широкие наконечники не найдены здесь с геральдическими в одной могиле и их отнесение к самому позднему этапу могильника основано только на сопоставлении ареалов. Для проверки рассмотрим близкий набор пряжек харинского этапа ломоватовской культуры.

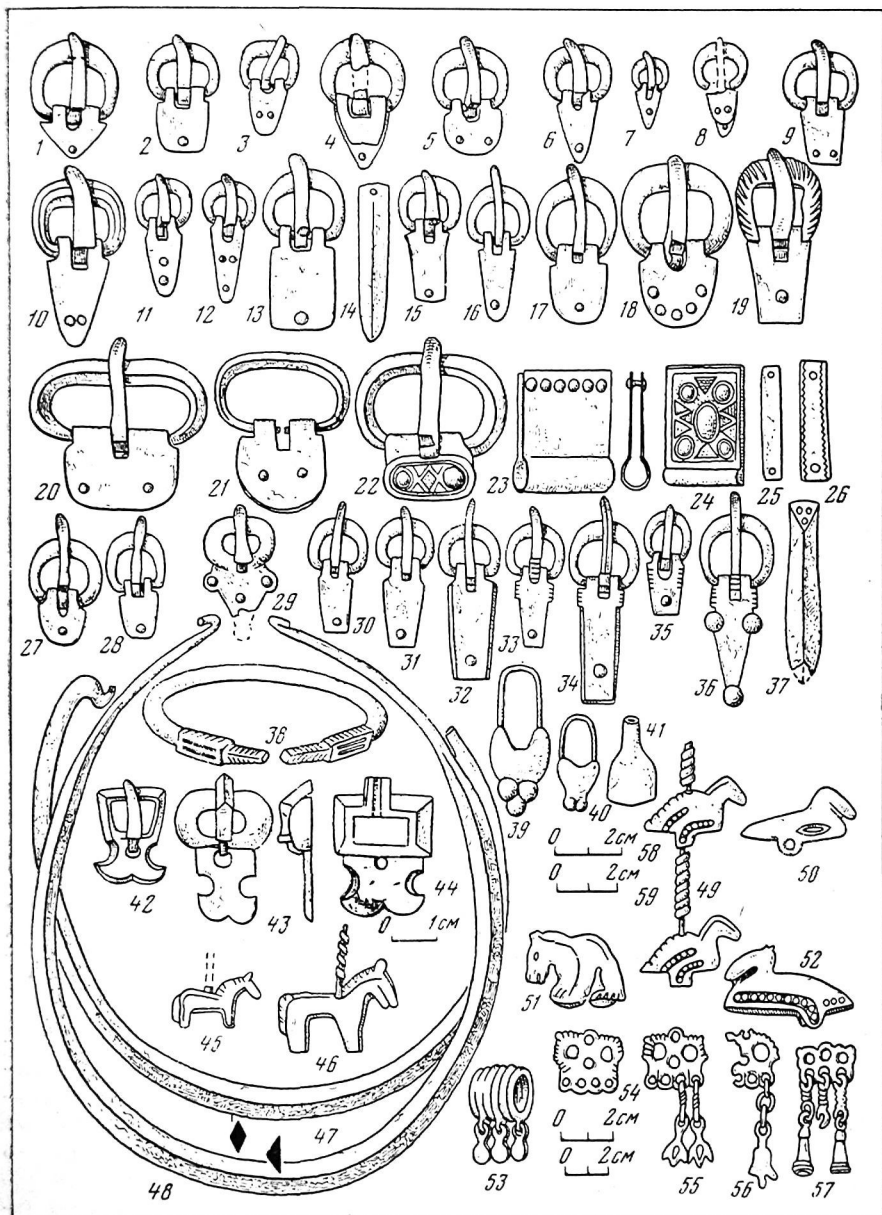
Открыв первые харинские погребения, А. В. Шмидт датировал их второй половиной IV—V вв. В. Ф. Генинг после больших раскопок изменил дату на III — первую половину VI в.⁵² В статье 1971 г. я сопоставил с бирскими немногие харинские находки, доступные мне тогда из публикаций, предположив в качестве их даты конец V—VII в. Раннехаринских комплексов среди этих материалов не было⁵³. Не соглашаясь с такой датой харинской культуры, В. Ф. Генинг и Р. Д. Голдина все же пересмотрели ее начальную дату с III на V в. Тогда они считали, что «памятники харинского типа представляют собой единый культурно-хронологический комплекс» V—первой половины VI в.⁵⁴ Дискуссия может теперь опираться на публикацию 173 погребений Бурковского и Митинского могильников. Хотя комплексы в публикации воспроизведены В. Ф. Генингом и Р. Д. Голдиной не целиком — даны лишь типы вещей, подбор типов так подобен и четок, что материал хорошо поддается первичной систематизации⁵⁵. В пояснение надо сказать несколько слов об археологических классификациях вообще.

Давно отвергнут ошибочный взгляд, что классификация должна быть прежде всего простой и удобной в пользовании. Прежде всего она должна достаточно полно и гибко отражать все многообразие материала, пытаться уловить объективные закономерности его создания древними мастерами. К сожалению, археологи нередко создают «парадную», чисто формальную классификацию «для отчетности». В хороших работах рядом с нею как бы «негласно» существует вторая, «неофициальная» классификация, по которой составляются иллюстрации и ведется описание погребений. Именно она дает объективную и ясную картину фактического состояния материала. Но почему-то для научного анализа памятника применяется исключительно первая, «парадная», — возможно, потому, что вспомогательная историко-этнографическая классификация и периодизация смешиваются с основанной на ней исторической, оперирующей более обобщенным делением материала. Так, в опубликованных В. Ф. Генингом ценных исследованиях о мазунинской культуре Удмуртии иллюстрации и описание погребений содержат всю сгруппированную информацию для разделения фибул и поясов на этапы, но в аналитической части работ классификация кратка и формальна, а этапы не выделены. Так же обстоит дело с публикацией харинских могильников. Конечно, даже по исчерпывающим указаниям типов и вариантов вещей в публикациях можно сделать только первый вариант периодизации. Для углубления исследования надо видеть каждую вещь в оригинале. Но это уже не всегда удается — при хранении она может депаспортизироваться, утеряться, разрушиться от коррозии. Единственное средство избежать этого — полная публикация всех вещей по комплексам и, конечно, обязательное полное воспроизведение их в полевом отчете.

Большинство харинских пряжек на таблицах в статье В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной аналогичны бирским. Поэтому я перегруппировал их изображения по тем же признакам (рис. 8). В I группу вошли мелкие пряжки с короткой и средней треугольной обоймой и с полукруглой обоймой. У большинства образцов острия не выходят далеко за рамку. Во II группу — с более длинной треугольной пластиной. В III группе объединены пряжечки с трапециевидным щитком, с выступами по бокам или с их имитацией, сделанной насечкой (кстати, такая поздняя пряжка, как на рис. 7,

Рис. 8. Украшения из харинских могильников и их аналоги

1—28, 30—42, 45—52, 54 — Бурково и Мятино;	21; 6, 2, 4, 7, 10, 11, 14, 15, 17; 7, 5, 6, 21, 23, 24, 29);	57 — 1953 г., погребение 8); масштаб 58 к рис. 1—8, 10—12, 16—18, 20—22, 27, 29, 36, 38—40, 42, 45, 46, 49—52;
29 — Харино (эти рисунки типов вещей воспроизводятся по статье: Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники. . ., табл. 1, 8—13, 18, 20; 2, 24, 25; 3, 5, 11; 4, 1, 3—6, 8, 9, 11—14, 23—25; 5, 2, 4, 6, 8—10, 13—15, 17, 20,	43 — Пашковская (Прикубанье), могильник I, погребение 5, 1949 г., тайник;	масштаб 59 к рис. 9, 13—15, 19, 23—26, 28, 30—35, 37, 47, 48; масштаб 60 к рис. 41, 54; масштаб 61 к рис. 56, 57; масштаб 62 к рис. 43, 44; 43 — серебро; 44 — бронза
	44 — Харх (Северная Осетия), 1882 г., катакомба I;	
	53 — Полом, могильник I, погребение 80;	
	55—57 — Деменки (55, 56 — 1901 г., погребение 43;	

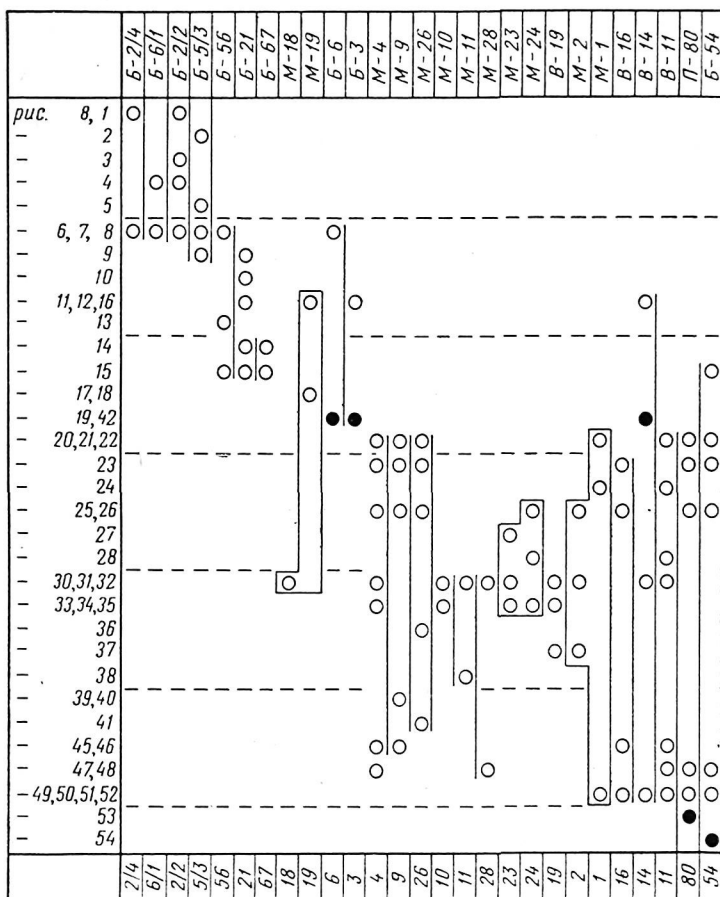

Рис. 9. Периодизация погребений с вещами харьковских типов

По вертикали помещены номера типов предметов, изображенных на рис. 8; по горизонтали — номера погребений (в виде дроби — номера курганов и погребений под ними). Сокращения: Б — Бурково, М — Митино, В — Весляна, П — Полом. Рамками обведены погребения, находившиеся в одной яме, заливкой выделены датировочные вещи

17, насколько можно судить по неясному фото в отчете, найдена в погребении 1 кургана I, по набору вещей и стратиграфии отнесенном В. Ф. Генингом к заключительному этапу Тураевского могильника)⁵⁶. Острия пряжек III группы чаще всего далеко выступают вперед, за рамку. Некоторые пряжки с округленной и короткой трапециевидной пластинкой трудно отнести к определенному варианту, и они включены в группы по встречаемости с характерными для групп вещами. На хронологическое разли-

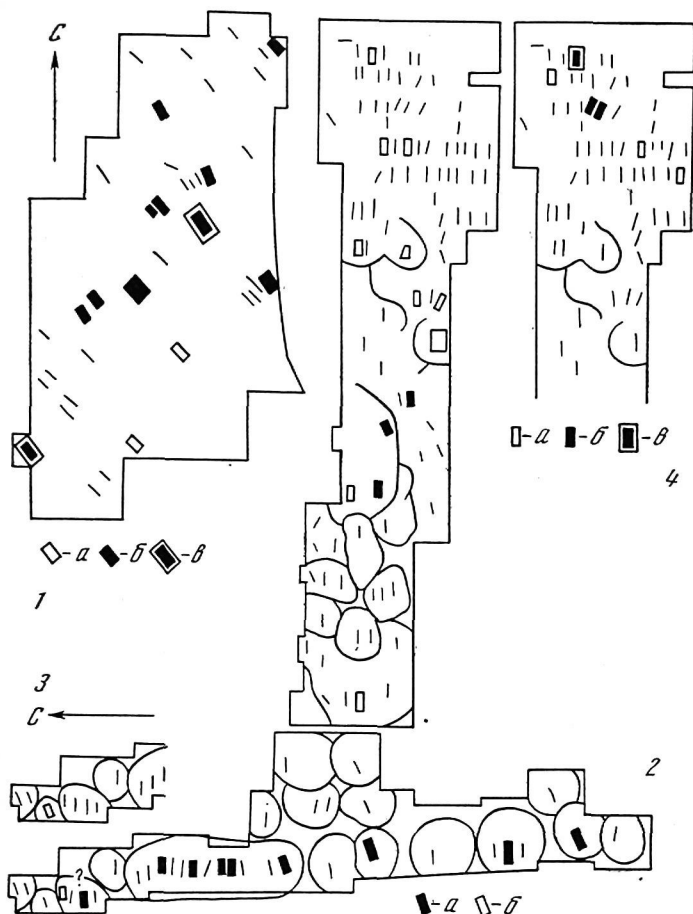

Рис. 10. Этапы роста территории харинских могильников

1 — Митинский могильник;

2—4 — Бурковский.

Схема 1: а — погребения с вещами II периода; б, в — III периода (в — самое позднее); схема 2: а — I периода,

б — II периода; схемы 3

и 4: а, б, в — III периода (б — с геральдическими пряжками, в — самые поздние). Штрихами показаны не распределяющиеся по пе-

риодам ограбленные погребения; криволинейными контурами — очертания курганов

чие I—III групп пряжек указывает их распространение на территории Бурковского могильника тремя последовательными зонами (I, II, III), Митинского — двумя (II, III).

Остальной инвентарь могильников здесь не рассматривается. Часть его аналогична бирскому. Проволочные колечки-серьги, ножи, удила, оружие пока не делятся на типологически последовательные варианты и

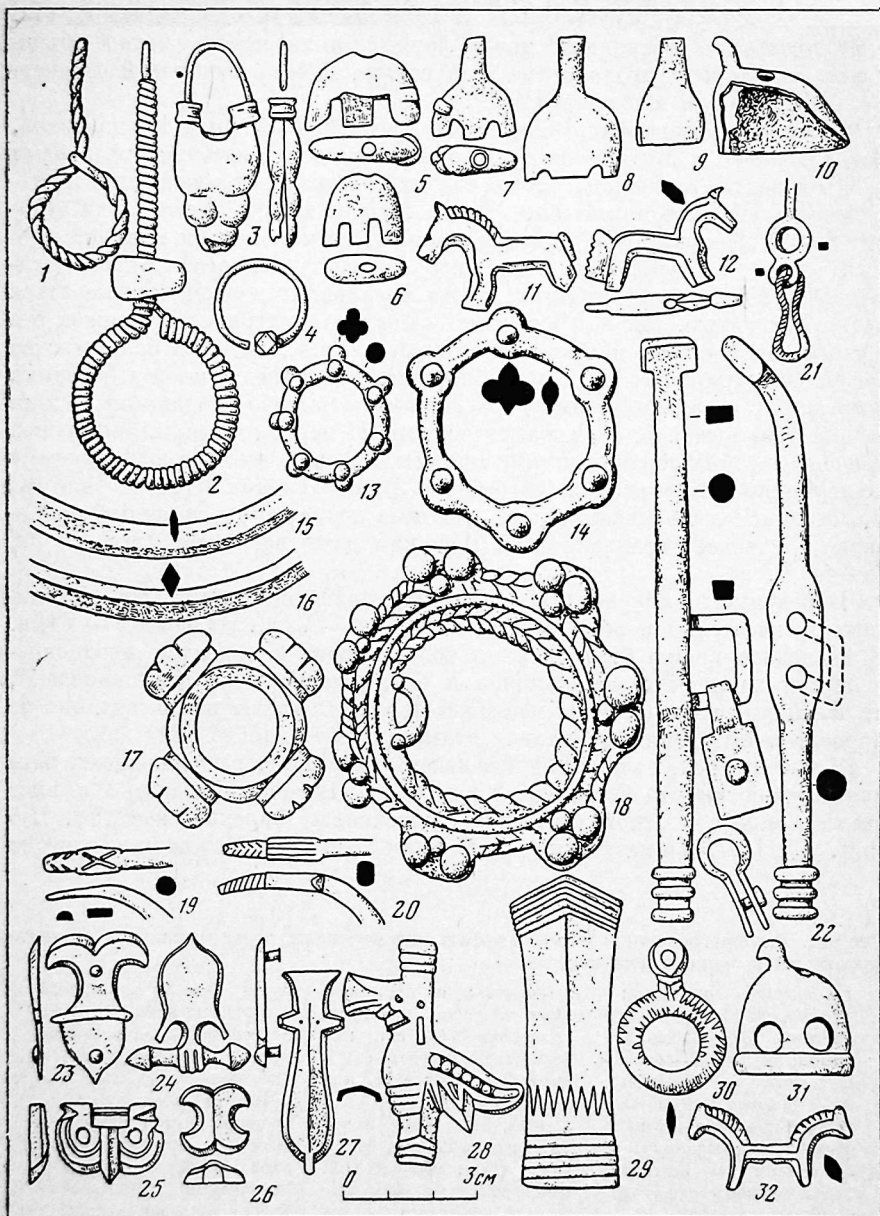
потому временно непригодны для более детального деления материала. Для выяснения взаимовстречаемости вещей в комплексах были отобраны погребения с двумя и более показательными для периодизации вещами (критерий показательности: вещи, судя по их изменчивости, достаточно кратковременны и образуют с другими вещами устойчивые сочетания). Так как большинство харинских могил разграблено, удалось из 173 отобрать только 20 погребений. По сочетанию вещей их находки легко распались на три группы (вещей и комплексов немного, поэтому их связи было просто проследить визуально по карточкам с рисунками).

В I группу вошли предметы, изображенные на рис. 8, 1—9, во II — на рис. 8, 10—16 и в III — на рис. 8, 17—42, 45—54. Две первые группы выделены по мелким пряжкам, остальные вещи из этих могил на варианты пока не делятся. Могильные комплексы III группы, кроме мелких пряжек, содержали харинские наборные пояса того типа, о котором уже шла речь при обсуждении находок из Бирска (рис. 7, 5, 33; 8, 20—26), а также «серповидные» гривны ромбического и треугольного сечения, двускатные наконечники ремней, браслеты со звериными головками, подвески в виде бутылочек, коньков и полые серьги с гроздью шариков (рис. 8, 38—41, 45—48), т. е. все те вещи, которые многократно встречены в зонах I-б и II Бирского могильника.

Для «шлифовки» первоначального варианта периодизации была составлена таблица встречаемости вещей в комплексах, где погребения и признаки расположены по этапам, намеченным при классификации и визуальной группировке комплексов, а внутри этапов — по степени сходства (рис. 9). Такие таблицы широко применяются археологами многих стран (у нас первым это сделал П. П. Ефименко) и имеют то преимущество перед пропагандируемыми в последнее время якобы более совершенными сложными методами формализации, что в них видны состав каждого комплекса, количество коррелируемых вещей, все варианты их сочетаний — комплекс

Рис. 11. Находки из Бирского и Манякского могильников

1—4 — височные подвески;	21, 22 — детали удила;	12 — погребение 138;
5—12, 28, 31, 32 — пронизки	23—27 — части поясных	13 — погребение 75;
(5—8 — фигурки медведя;	украшений;	14 — погребение 186;
9 — колоколовидная;	29 — накладка на ручку	15 — погребение 108;
10, 31 — в виде «уточки»	ножа;	16 — погребение 125;
11, 12, 32 — фигурки лошадей;	30 — подвеска.	18 — погребение 183;
28 — с изображением	1—22 — Бирск (1 — погребение 48; 2 — погребение	19 — погребение 110;
звериноголовой птицы);	71;	20 — погребение 124;
13, 14 — кольца с шпешечками;	3, 4, 17 — погребение 78;	21 — погребение 88;
15, 16 — гривны;	5 — погребение 39;	22 — погребение 147);
17, 18 — кольцевые застежки;	6 — погребение 59;	23—32 — Маняк, из разных погребений.
19, 20 — браслеты со звериными головками на концах;	7 — погребение 2;	1—20, 23—25, 27—32 — бронза;
	8 — погребение 192;	21, 22 — железо;
	9 — погребение 39;	26 — серебро. Масштаб относится ко всем, кроме 21
	10 — погребение 128;	
	11 — погребение 130;	

погребения сохраняет свою конкретность. Система обозрима, в ней легко делать перемещения для достижения большей четкости, дополнять ее и вносить в нее уточнения. Противоречия хорошо заметны и устранимы. Этот простой и наглядный метод формализации незаслуженно объявляется некоторыми археологами устаревшим. Работа с таблицей подтвердила намеченную периодизацию⁵⁷.

Итоговое картографирование могил трех периодов (рис. 10) показало, что в Буркове и Митине они расположены последовательными зонами (в Буркове, повторяясь на двух соседних участках), отражающими постепенное расширение могильника. Результаты не только подтвердили относительную периодизацию бирских пряжек, но и показали наличие промежуточного II харинского этапа, плохо представленного в Бирске (этапом III). Первый период Бурковского могильника должен был начаться после I бирского, так как в нем нет самых ранних бирских пряжек без обоймы, восходящих к южным образцам IV в. Тождество большинства вещей III харинского периода с бирскими IV периода, иногда бывшими в могилах с геральдическими украшениями и массово входящими с ними в один ареал (рис. 6, 3), показывает, что III период «харина» синхронен времени поздних геральдических пряжек в Башкирии и на юге. Поэтому не случайно в Бурковском (погребение 3), Весляском I (погребение 14) и в Харинском могильниках есть местные подражания типичным на Северном Кавказе геральдическим пряжкам двух вариантов (рис. 8, 29, 42—44)⁵⁸.

В результате выясняются следующие ориентировочные даты харинских древностей: I период — V в., II период — VI в., III период — VII в. В последнее время Р. Д. Голдина тоже пришла к выводу о неодновременности харинских могильников и об их делении на два периода⁵⁹, но деление нечетко (в обоих периодах преобладают поздние вещи), оно не привело к выделению на планах отдельных хронологических зон.

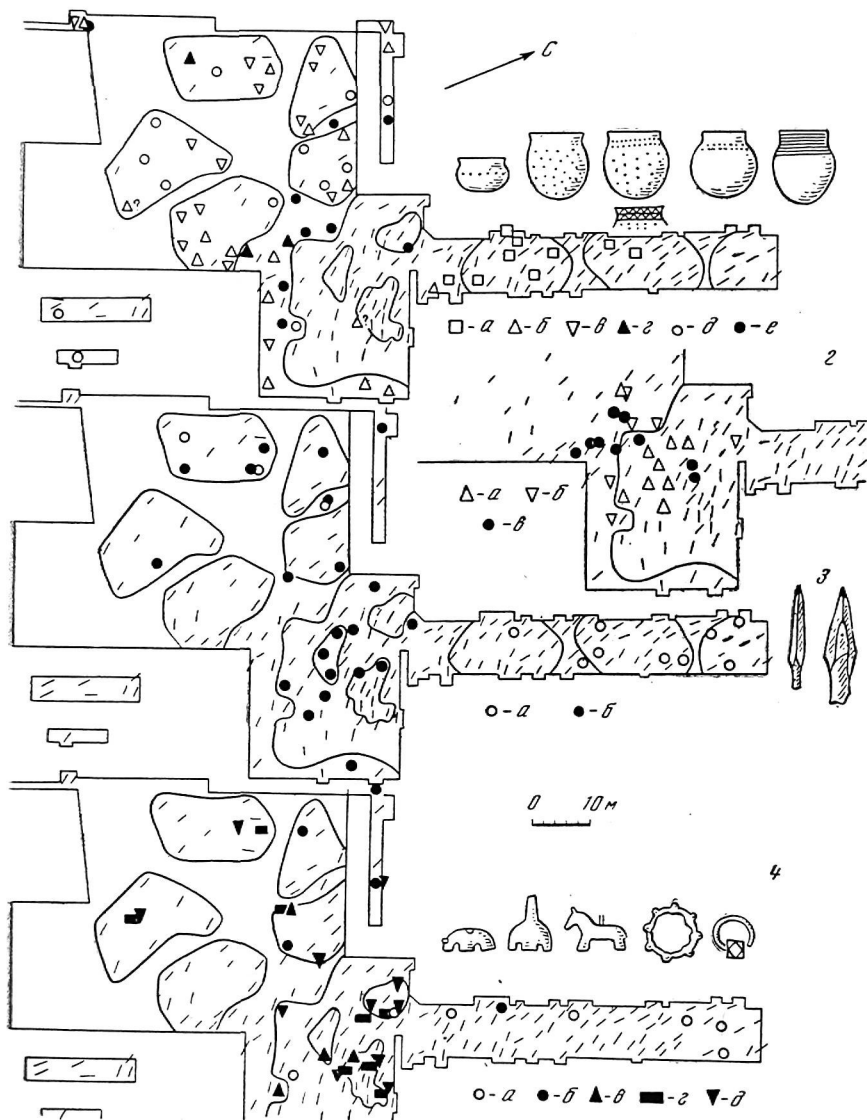
Кроме пряжек, и многие другие категории бирских вещей показательны для разработки относительной хронологии. Височные подвески в виде знака вопроса — этнографическая особенность бирских зон I-а, I-б (рис. 1, 2; 11, 1, 2) и мазунинской культуры Удмуртии. Маленькие подвески

Рис. 12. Распространение в Бирском могильнике керамики, стрел, украшений и жертвенных ям с лошадиными костями

1 — находки керамики: чашевидной со скудным орнаментом (а), сплошь покрытой ямками (б — без дополнительного орнамента, в — с простым дополнительным орнаментом, г — с более богатым дополнительным орнаментом из зигзагов), турбаслинской группы (д) и кушнаренковской (е);

2 — могилы с позолоченными пряжками и обкладками ремней (а), с кушнаренковской посудой (б) и жертвенные ямы с костями лошади (в);
3 — распространение костяных наконечников стрел: узких (а) и широких (б);
4 — находки фигурок медведя (а — низких, б — вы-

соких или [с трубчатой сверху], лошади (в), колец с шпичками (г), височных колец с многогранником (д). Погребения без этих признаков отмечены штрихами, границы двух этнографических зон — извилистой линией, семейные участки — замкнутыми криволинейными контурами

существовали раньше больших — они связаны с ранним периодом мазунинских могильников Ныргында (погребение 9) и Мазунино (погребения 31, 47; в погребении 47 — с позднесарматской фибулой IV в.) и с самыми ранними пряжечками IV в. в Бирске (погребения 48, 60; рис. 5, 28—30, 34—37). Небольшие височные бронзовые кольца с многогранником не делятся на юге по столетиям в пределах V—VII вв. (а в Дагестане — V—IX вв.). В Бирске они есть только в зонах I-б, II и поэтому в пределах этого памятника пригодны для периодизации (рис. 11, 4; 12, 4). У степняков не найдены, следовательно, служат еще одним свидетельством далеких избирательных связей с Северным Кавказом. Полые серьги с гроздью шариков обычны у кочевников (Киргизия, Кара-Агач в Казахстане, курган близ г. Энгельса на Волге, «сибирская коллекция» Витзена) и в харинской культуре, они часто сделаны из золота в сложной ювелирной технике. Бирские бронзовые, склеенные из двух оттиснутых половинок, — дешевая имитация золотых (рис. 11, 3; 12, 4). Их прообразы IV—V вв. совсем иные (Темясово, Беляус). Эволюция харинских серег завершилась в агафоновский период (Подчеремский клад и др.).

Подвески в виде коня, круглой «бутылочки», уплощенной «бутылочки» с нижней частью в виде совершенно схематизированной фигурки медведя, уточки, кольца с шпечками связаны с зонами I-б и II (рис. 11, 7—14; 12, 4). Ошибочно считается фактом, что в Дубровичах на Оке «уточка» найдены в одном комплексе с фибулами «III—IV вв.». — те и другие собраны крестьянами при неизвестных обстоятельствах на территории развеевского могильника⁶⁰. В среднеокских и мордовских могильниках они обычны для комплексов VII в.; другой, пока не найденный в Бирске вариант, возможно, появился уже в VI в. Низкие фигурки медведя связаны с поздними погребениями зон I-а, I-б (рис. 11, 5, 6; 12, 4); следовательно, — это поздний этнографический признак местного населения.

Узкие «серповидные» гривны ромбического и треугольного сечения, как в Бирске, Буркове и Митине (рис. 8, 47, 48; 11, 15, 16), характерны для среднеокских комплексов также VII в.⁶¹ Недавно там, по данным В. П. Даркевича, прибавилась еще одна выразительная находка: на разрушающемся краю Шатрищенского могильника местным жителем на площади 0,7 кв. м собран инвентарь погребения с сильно уплощенной гривной треугольного сечения и поздними В-образными геральдическими пряжками (как в погребении 165 и в сборах В. В. Гольмстен из Бахмутина, хранящихся в ГИМ). Следующий этап развития гривен, ставших широкими, представлен в «предсалтовском» периоде мордовских могильников (Серповского и др.) и погребении 80 в Полеме, относящемся хронологически к грани между харинским и агафоновским периодами⁶². Такие же звериноголовые браслеты, как в Бирске, есть в III харинском периоде и у кочевников в Шишове (рис. 8, 38; 11, 19, 20). Кольцевые застежки с выпуклостями по ободу (рис. 11, 18) отличаются от неволинской и перейминской только расположением выпуклостей и, следовательно, существовали до конца VII в.

Удила с восьмеркообразными окончаниями грызл (рис. 11, 21) неизвестны в V в., но обычны в VII в. (I аварский период на среднем Дунае,

Рис. 13. Периодизация Бирского могильника (стр. 36, 37)

По горизонтали обозначены номера I—IV периодов и погребений. Могилы IV периода разделены на три подгруппы: IV-а — ненарушенные; IV-б и IV-в — нарушенные в древности (IV-б — в первой зоне и IV-в — во второй зоне). По вертикали указаны номера сопоставляемых признаков:

- 1 — малые височные подвески в виде знака вопроса;
- 2 — хоботковые пряжки без обоймы и со слабо выступающим острием;
- 3 — узкие костяные наконечники стрел;
- 4 — пряжки с треугольной обоймой средней длины;
- 5 — большие прогнутые подвзные фибулы;
- 6 — пряжки с закругленной обоймой (рис. 7, 4);
- 7 — подражание поясной накладке III периода мазунинской культуры (рис. 7, 10);
- 8 — наконечник с «сечковидным» концом;
- 9 — большие височные подвески в виде вопросительного знака;
- 10 — большие поясные пряжки с прямоугольным щитком;
- 11 — маленькие пряжки с удлиненным закругленным на конце щитком (рис. 8, 17, 28);
- 12 — большие наконечники поясов из согнутой пополам пластинки;
- 13 — такие же наконечники средней величины;
- 14 — узкие заостренные наконечники (рис. 7, 29);
- 15 — кости животного в могиле у ног погребенного;
- 16 — мелкие пряжки с длинным треугольным щитком (рис. 7, 8);
- 17 — пряжки, как на рис. 7, 13;
- 18 — заостренные наконечники средней ширины с площадкой у основания (рис. 7, 30);

- 19 — пряжки с длинной прямоугольной обоймой (рис. 7, 27);
- 20 — круглые наременные бляшки с четырьмя прорезями;
- 21 — ромбические поясные накладки;
- 22 — кольцевые застезки (рис. 11, 17, 18);
- 23 — бляшки-тройчатки (рис. 7, 11);
- 24 — полые серьги с гроздью шариков (рис. 11, 3);
- 25 — крупные позолоченные стеклянные бусы;
- 26 — браслеты со звериными головками;
- 27 — «серповидные» гривны;
- 28 — двупластинчатые фибулы;
- 29 — малые круглые бляшки с прорезями (рис. 7, 12);
- 30 — низкие фигурки медведя;
- 31 — фигурки лошадей;
- 32 — подковообразные застезки с точечным орнаментом;
- 33 — бутыльчатые подвески;
- 34 — пряжки с оттянутыми в стороны углами трапецевидного щитка (рис. 7, 14);
- 35 — В-образные пряжки круглого или четырехугольного сечения;
- 36 — большие поясные пряжки с угловато-закругленным концом обоймы (рис. 7, 5);
- 37 — наконечник с расширенным заостренным концом (рис. 7, 31);
- 38 — короткие широкие наконечники поясов (рис. 7, 33);
- 39 — пряжки с заостренными углами трапецевидной пластины (рис. 7, 15);
- 40 — пряжки с выступами или насечкой на углах щитка (рис. 7, 17—19);
- 41 — пряжки со скругленным концом трапецевидного щитка (рис. 7, 16);
- 42 — геральдическая пряжка (рис. 4, 20);

- 43 — подвеска «уточка»;
- 44 — фигурка медведя (высокая или с трубочной; рис. 11, 7, 8);
- 45 — удила с восьмеркообразными и «трехлопастными» концами и со стремевидными петлями (рис. 5, 27; 11, 21);
- 46 — граненные подвески;
- 47 — мазунинские поздние «бабочковидные» фибулы;
- 48 — проушной топор с насечками;
- 49 — широкие костяные наконечники стрел;
- 50 — железные плоские или узкие граненные наконечники стрел;
- 51 — пряжки и детали ремней, обтянутые позолоченным листком с тисненым орнаментом и инкрустацией;
- 52 — лунницы с выступом в середине;
- 53 — мелкие геральдические пряжки, как на рис. 4, 16, 17;
- 54 — укороченные заостренные наконечники с площадкой у основания;
- 55 — массивные В-образные пряжки со скошенным передним краем рамки;
- 56 — рельефные Ж-образные накладки ремней (рис. 5, 14);
- 57 — геральдическая пряжка (рис. 4, 22);
- 58 — сосуды с богатым узором из зигзагов и кушаренковские;
- 59 — геральдические накладки на ремень поздних типов (рис. 5, 3, 11—13);
- 60 — поздние геральдические пряжки с фигурным вырезом рамки (рис. 4, 13, 14; 5, 1, 2); а — вещи, по которым выделены периоды; б — вещи, позволяющие определить дату; в — предметы тех форм, которые появились в предыдущих периодах; г — вещи определены предположительно, так как известны только по краткому упоминанию или сохранились в обломках

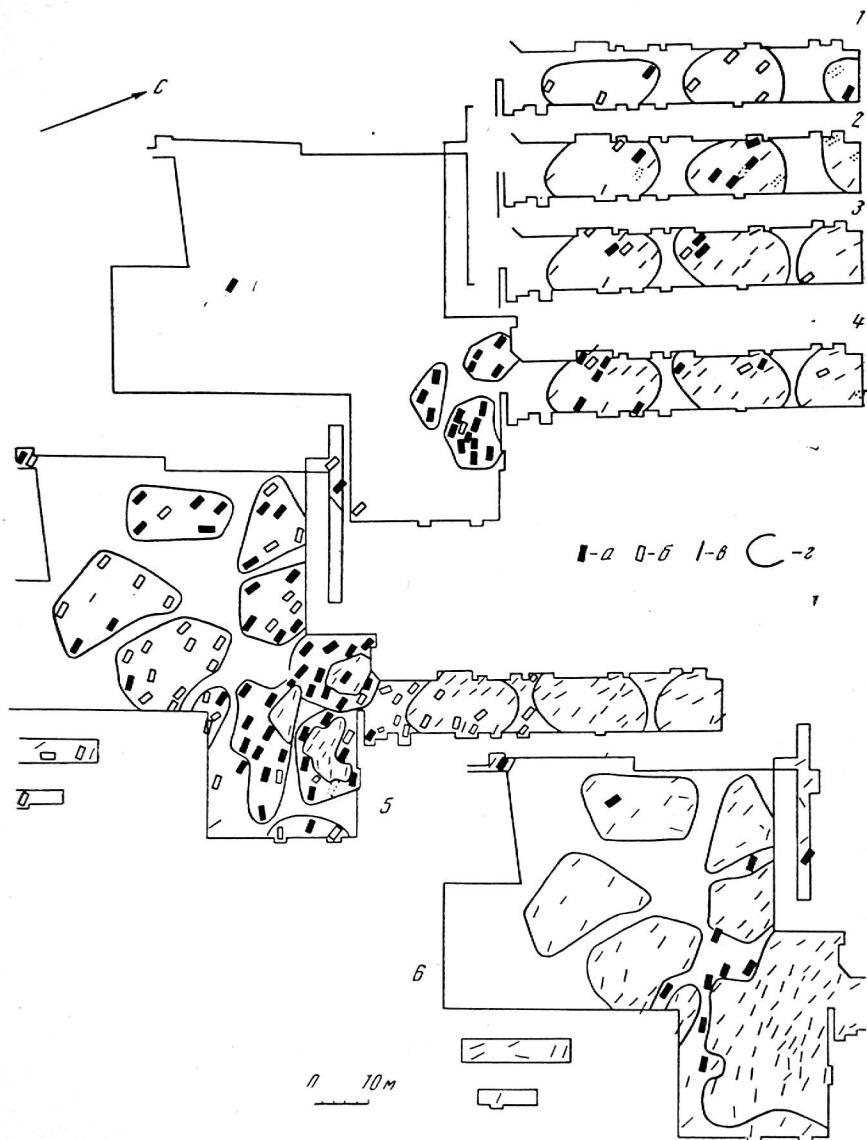
с 568 г., а в основном VII в.; Сахарная Головка в Крыму) и в конце VII — первой половине VIII в. (Глодосы и Вознесенка на Украине). В Бирске наиболее част их вариант с несомкнутыми краями «восьмерки» (в виде трилистника, иногда их называют «ромбическими»; рис. 5, 27), встречающийся по всей Восточной Европе (Макартет на Украине, Велемичи в южной Белоруссии, погребение 3 Лебяжьинского могильника в Посеймье). В последнем, как и в погребении 156 Бирска, они были с геральдическими поясными деталями III этапа⁶³. Узкие костяные стрелы (рис. 5, 33) связаны в Бирском могильнике с зонами I-а, I-б (это — этнографическая особенность местного населения, имевшаяся уже в ранний период), широкие массивные костяные и плоские железные — с зонами I-б и II (рис. 5, 5, 6, 25, 26; 12, 3), различными этнографически (следовательно, этот признак в пределах данного памятника только хронологический).

Уже простой обзор находок из Бирского могильника позволяет наметить его основные хронологические вехи: IV, V и VII вв. Визуальный анализ сочетания вещей в погребениях позволил выделить три основные группы комплексов, соответствующие этим датам и характеризующие относительно-хронологические периоды I, II, IV (о периоде III будет сказано ниже). Могилы I и II периодов немногочисленны и небогаты материалом, хотя каждый период имеет свои специфические признаки. К последнему, IV, периоду относится больше всего могил и самый богатый набор вещей. Подобная неравномерность в соотношении ранних и поздних находок наблюдается в археологических культурах различных эпох и областей. Она связана с постепенным ростом населения, развитием ремесел, возможно, и с изменением погребальных обычаев.

Для большей обзорности комплексы с двумя признаками и более, показательными для различения периодов, сведены в формализованную таблицу взаимосочетания (рис. 13). В ней погребения IV периода разделены на подгруппы: IV-а — ненарушенные в древности могилы в зонах I-а и I-б; IV-б — нарушенные в тех же зонах; наконец, IV-в — нарушенные в зоне II. При больших этнографических различиях между подгруппами IV-аб и IV-в (рис. 1, 1, 2; 12, 1) выразительнее видна общность их хронологических признаков. Не все введенные в таблицу признаки равноценны для выделения периодов. Так, из трех признаков I периода только № 1 (маленькие подвески) не встречен позднее. Признаки № 2 и 3 есть и в более поздних комплексах, но там определяют картину уже пряжки и стрелы иных вариантов, а в I периоде других нет. Относительно ранняя

Рис. 14. Этапы роста территории Бирского могильника

1 — погребения I периода;	ода (подпериод IV-б, кроме	с характерным для периода
2 — погребения II периода;	могил, выделенных в сле-	инвентарем; б — с менее вы-
3 — погребения III периода;	дующую, 6-ю, схему);	разительными в хронологи-
4 — ненарушенные погребения IV периода (подпериод IV-а);	б — разрушенные в древности погребения IV периода с богато украшенной зигзагом и с кушнареновской посудой;	ческим отношении находками; в — могилы предшествовавших этапов; г — границы семейных участков и I и II этнографических зон
5 — нарушенные в древности погребения IV пери-	а — погребение	

дата признаков № 2 и 3 подтверждается их картографированием на плане памятника (рис. 6, 1; 12, 3). Большие подвески в виде знака вопроса (№ 9) одинаково есть в периодах II—IV местной этнографической группы и введены в таблицу только для того, чтобы противопоставить те I периоду. До появления новых данных период III выделен условно — он пока не имеет только ему одному присущих признаков, все они, появившись впервые в III, есть в последующем IV периоде уже в комбинациях с более поздними вещами. Однако рабочая гипотеза о его существовании подтверждается обособленным положением предполагаемых могил III периода на плане могильника (рис. 14, 3).

Следовало ожидать, что самые ранние комплексы окажутся в зоне I-а среди могил с простыми хоботковыми пряжками без обойм и с маленькими подвесками в виде знака вопроса. С сочетанием обоих признаков выявлено только две могилы: 48 и 60 (рис. 5, 28—30, 34—37). В первый комплекс (женский) входили еще серьга колечком с напущенной 14-гранной синей бусиной, 70 мелких бус, подвески из раковин; во второй (мужской) — наконечник копья. В большинстве погребений с пряжками раннего типа были также и более поздние вещи. Не было поздних вещей еще в погребениях 50 и 72. Кроме пряжечки, в погребении 72 были узкие костяные наконечники стрел (рис. 5, 31—33), а в жертвенном комплексе было ожерелье из мелких бус. Итак, в набор вещей I периода входят: хоботковые пряжечки без обоймы с почти не выступающим за рамку острием; маленькие височные подвески в виде знака вопроса; мелкие бусы; серьга с напущенной стеклянной бусиной, узкие костяные стрелы. Ямы неглубокие, керамики нет, иногда есть жертвенный комплекс. Могилы сосредоточены в северной половине зоны I-а, на невысоком пригорке (рис. 14, 1). Как они расположены — рядами или скоплениями (сравните ниже текст о зонах I-б, II), трудно уверенно судить из-за небольшой вскрытой здесь площади. По пряжкам период датируется не ранее IV в. Это подтверждают упоминавшиеся мазунинские аналогии височным подвескам.

Ко II периоду следует относить могилы с теми маленькими пряжками, которые имеют короткие полукруглые или треугольные обоймы. Это погребения 12, 55, 70 (рис. 14, 2). В двух из них есть еще большие подвески в виде знака вопроса (аналогичное увеличение подвесок наблюдается во II периоде мазунинских могильников: в Мазунино, погребение 40 — «бабочковидной» фибулой более развитого варианта, чем в комплексах с малыми подвесками). В погребении 35 Бирска большие подвески сопровождалась золотыми лунницами, чашевидным глиняным сосудом и большой прогнутой подвязной фибулой (рис. 2, 1), имеющей аналогию в комплексе V в. из Муслюмова (маленькую). Это определяет дату II периода V в. Дату подтверждает находка в погребении 55 трех поясных бляшек мазунинского типа, только более узких (рис. 7, 10, местное подражание²⁾), чем в упомянутом погребении 40 в Мазунино. Возможно, ко II периоду относятся также погребения 14 и 47. В первом — наконечник с сечковидным концом для ремня имеет отдаленные аналогии в погребении 2 кургана III в Туряеве и в Муслюмове; его сопровождал узкий костяной наконечник стрелы.

В погребении 47 такая же стрела и пряжка I периода были с большой височной подвеской. Во II периоде представлены мужские и женские могилы, в четырех из шести есть жертвенные комплексы, в трех — ожерелья из мелких бус, в одной — сосуд; почти все могилы глубже, чем в I периоде.

Учитывая хронологический разрыв между погребениями V и VII вв., можно предполагать, что между ними имелся еще один, III, период, относящийся к VI в. Надо ожидать, что в нем будут элементы сходства с харинским II периодом (поскольку харинский I период соответствует II бирскому, а III харинский — IV бирскому) и со средним и поздним этапами Тураева, которые существовали явно раньше IV периода Бирска. Можно предполагать, что в течение III периода у населения, оставившего Бирский могильник, должны были складываться местные пояса с длинным наконечником из перегнутой пластины. В качестве рабочей гипотезы я отнес к III периоду погребения 19, 29, 38, 40, в которых найдены поясные гладкие пряжки с близкой к квадрату обоймой и упомянутые перегнутые наконечники крупных и средних размеров, а также двускатные наиболее вытянутых пропорций (рис. 7, 22, 25, 26, 29; 13; 14, 3). Последние заметно укорочены (по пропорциям, не только по размерам) по сравнению с тураевскими и гладкими наконечниками из «классических» комплексов V₁ в. из Керчи⁶⁴. Еще сильнее укорочены бирские наконечники IV периода (рис. 7, 30, 31). В принципе вещи периода III — те же, что и вещи периода IV. Выбраны те комплексы, где нет типично поздних вещей (ромбических накладок и др.). Еще критерий отбора — ненарушенность погребений, так как далее показано, что рубеж между поврежденными и неповрежденными могилами проходит внутри IV периода. В статье 1971 г. мною неправильно были включены в III период несколько разрушенных могил — отсутствие в них признаков IV периода может быть связано с ограблением.

Кроме больших пряжек и двух типов наконечников, сохранивших в сильно измененном виде степные традиции V в., среди находок III периода еще встречаются простые хоботковые пряжки без обойм, узкие костяные наконечники стрел, мелкие бусы. Подвески в виде знака вопроса — всегда крупные. Жертвенные комплексы имелись в трех из четырех могил, сосуд — в одной. Глубина ям — как во II периоде. Погребения III периода сосредоточены на возвышении в пределах первоначального могильника (рис. 14, 3).

К IV периоду относятся все могилы зон I-б и II, где, тесно переплетаясь в комплексах по взаимовстречаемости (рис. 13; 14, 4, 5), сосредоточены находки мелких пряжек с поздними вариантами обоймы, поясов с ромбическими накладками, позолоченных украшений пояса и обуви, поясов харинского типа со сплошным рядом выпуклых заклепок на широком наконечнике, геральдических пряжек и бляшек, двупластинчатых фибул, подвесок в форме лошадок, высоких фигурок медведей (часто с трубочкой), колец с пишечками, кольцевых застежек с выступами, серег с многогранником или гроздью шариков, узких серповидных гри-

вен, браслетов с головками, коралловых, янтарных, продолговатых позолоченных и сделанных из раковин каури бус, широких костяных и плоских железных стрел, удил с восьмеркообразными концами (рис. 6, 3—5; 12, 3, 4). Объединяет эти могилы присутствие в них костей животных (рис. 1, 1; их нет в I—III периодах). Только небольшая часть могил с вещами поздних типов заходит в зону I-а. Пятнадцать комплексов с геральдическими украшениями ремней равномерно рассеяны по площади зон I-б и II, еще два — в пограничье зон I-б и I-а (рис. 6, 3). Геральдические украшения сопутствуют в погребениях ведущим типам вещей IV периода. Они датируют его в пределах всего VII в. Начинать этот период с середины VI в. нет никаких оснований, если опираться на южную хронологию не как на единое целое — VI—VII вв., а по ее периодам.

Рассмотренная общность признаков IV периода именно хронологическая. Это подчеркивается тем, что относящиеся к нему зоны I-б и II существенно различаются по этнографическим признакам. В зоне I-б могильные ямы простые, кости животных лежат у ног погребенных, есть жертвенные комплексы, височные подвески в виде знака вопроса, низкие фигурки медведя, очень мало керамики и вся она (за двумя исключениями) I типа, по классификации Н. А. Мажитова (рис. 1, 1, 2; 12, 1а, 4а). Там же сосредоточено большинство позолоченных пряжек поясов и обуви, все двупластинчатые фибулы (рис. 6, 5). Во II зоне большинство ям — усложненной конструкции со ступенькой или нишей-подбоем в узком конце, кость животного лежит в изголовье, сосуды найдены почти во всех погребениях и совсем иных типов, чем в I-б зоне (рис. 1, 1 б—г; 12, 1, б—е). Люди, хоронившие своих близких на обоих могильниках, различались по костюму, отчасти по вооружению, по некоторым производственным традициям, по верованиям. Вероятно, оба коллектива действительно различны по происхождению: одни (зона I) жили здесь давно, другие (зона II) — пришлые, как считают исследователи, возможно оседающие кочевники. Наличие у разных групп населения одинаковых предметов, особенно геральдических пряжек, говорит об одновременности содержащих их захоронений.

В зоне II погребения расположены свободными скоплениями по 8—12, разделенными пустыми промежутками разной ширины (рис. 14, 5). Далее к северу они густо заполнили всю раскопанную площадь и скоплений, казалось бы, выделить невозможно. Однако в зоне I-б одни погребения разрушены в древности, другие нет. Последние не рассеяны беспорядочно, как следовало бы ожидать, а образуют три компактных скопления: А (погребения 77, 130, 156), Б (погребения 122, 125, 126, 128, 129, 132, 136, 137, 138, 139, 162), В (погребения 78, 80, 96, 108). Если предположить, что разрушены только те могилы, которые имели в тот момент ясные внешние признаки, последует вывод, что на раннем отрезке IV периода зона I-б состояла из трех плотных скоплений могил, как и в зоне II, разделенных пустыми промежутками (рис. 14, 4; 15). Подобные скопления прослежены на кладбищах железного века во многих странах. Обычно их считают семейными участками⁶⁵. Например, могильник III—VII вв. близ горы Шапка в Абхазии делится, по данным Ю. Н. Воронова, на неболь-

шие кладбища (участки больших семей — патронимий). Анализ раскопанных площадей патронимических участков Абгыдзраху, Алраху, Ахаччараху показывает, что они, в свою очередь, состоят из участков малых семей, параллельно расширявшихся в течение 500 лет, пока в ряде мест разделявшие их первоначально пустые промежутки не были заняты⁶⁶.

В бирском участке А зоны I-б (I-бА) первоначально были похоронены три воина с мечами и позолоченными украшениями поясов, портупей и обуви. Им положили также топоры, наборы стрел и деревообделочные инструменты, а в погребении 156 еще и удила. Их окружали пять разрушенных погребений воинов, в которых сохранились позолоченные пряжки поясов или обуви, наборы стрел, а у четырех — еще и по два топора: проушной и втулчатый. На периферии этой компактной группы владельцев позолоченных поясов были нарушенные могилы еще одного мужчины со стрелами, шести женщин, двух детей и две неопределимые⁶⁷.

Соседний участок Б (I-бБ) первоначально состоял из трех мужских могил (погребение 139 с двумя топорами, стрелами и удилами и погребения 132, 137 без оружия), детского погребения 138 со стрелами, шести женских (погребения 128 и 136 с двупластинчатыми фибулами) и одного безыменного. Их окружили восемь разрушенных могил: две мужские (в погребении 134 уцелели удила и пояс с ромбическими накладками), три женские (?), одна детская и две неопределимые. На участке В (I-бВ) находились первоначально три могилы девочек, две из них (78, 96) с двупластинчатыми фибулами, и женское погребение 108. Вокруг них разрушены: шесть мужских могил (в четырех уцелели стрелы, в одной — копье, в последней, по-видимому, только часть жертвенного комплекса), четыре женские, две неопределимые. И на ненарушенных могильниках других культур (абхазов, древних германцев и др.) видно, что состав погребенных сильно менялся по этапам — больше то мужчин, то женщин — и сильно варьирует вооруженность воинов по периодам как внутри семейных участков, так и между семьями. Сейчас еще трудно объяснить различия в инвентаре одновременных погребений (возрастные, социальные, этнические). Особое обилие оружия в некоторых семейных участках (в Бирске I-бА) можно было бы объяснить весьма различно: особым положением в обществе; рождением большего числа сыновей, чем в других семьях; тем, что часть воинов из других семей погибла на войне и не погребена на семейном кладбище. Ответ на эти вопросы зависит от накопления фактов.

В зоне II только на самом южном семейном участке есть одно ненарушенное погребение 148 (женское). Вероятно, с него и начался в этом месте рост могильника пришлого населения (зона II) в конце того периода IV-а, когда севернее уже заканчивалось заполнение могилами ранних участков I-бА, бБ, бВ. Эта часть могильника II росла к северу, пока не подошла близко к также разросшейся зоне I-б. Между ними лежит, как бы отделяя их, полоса могил, отличающихся от остальных в зоне II преобладанием посуды кушнаренковского типа, посуды со сложным гре-

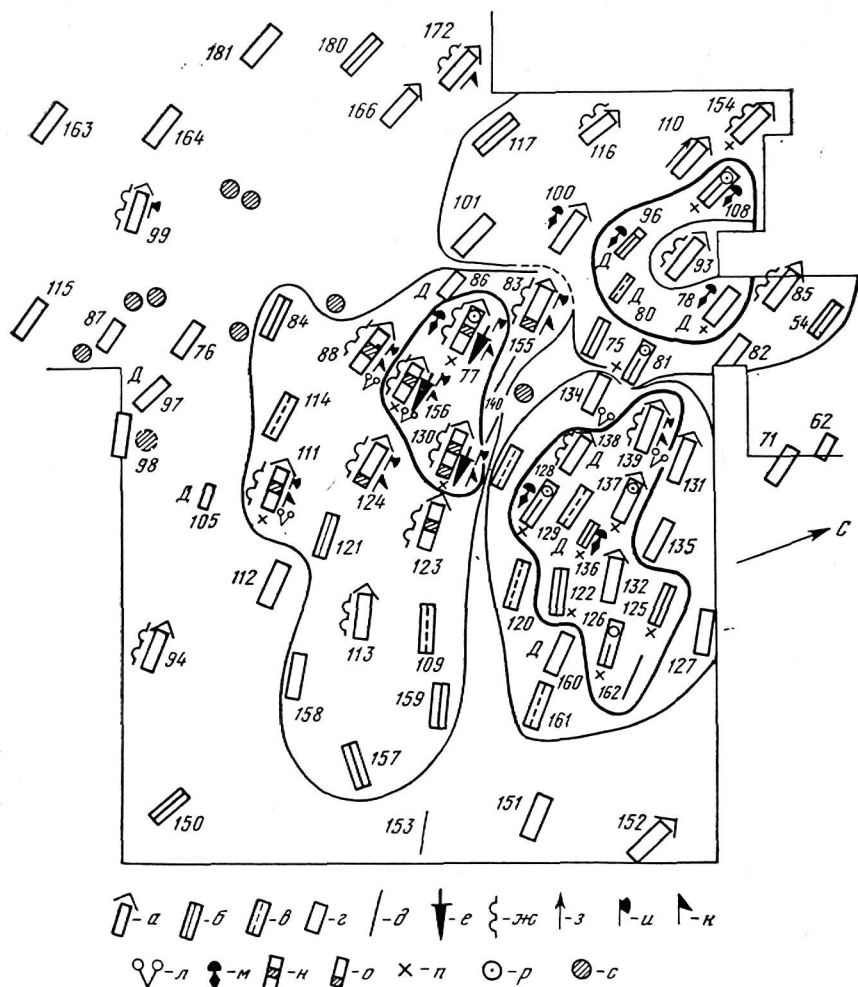

Рис. 15. Структура трех семейных участков в зоне I-6 Бирского могильника

а — погребение мужское;
 б — женское;
 в — предположительно женское;
 г — пол неизвестен;
 д — безы Inventарное, неопределимое;
 е — с мечом;
 ж — со стрелами;
 з — с копьём;
 и — с проушным топором;

к — со втульчатым топором;
 л — с удилами;
 м — с двуластинчатой фибулой;
 н — с позолоченным поясом;
 о — с позолоченными застёжками обуви;
 п — с костями животного у ног погребенного;
 р — с жертвенным коплансом;

с — жертвенные ямы с костями ног и головы лошади; буквой д на схеме отмечены детские погребения. Семейные участки зоны I-6 обведены двойным контуром: внутренний очерчивает ненарушенные погребения, внешний — нарушенные

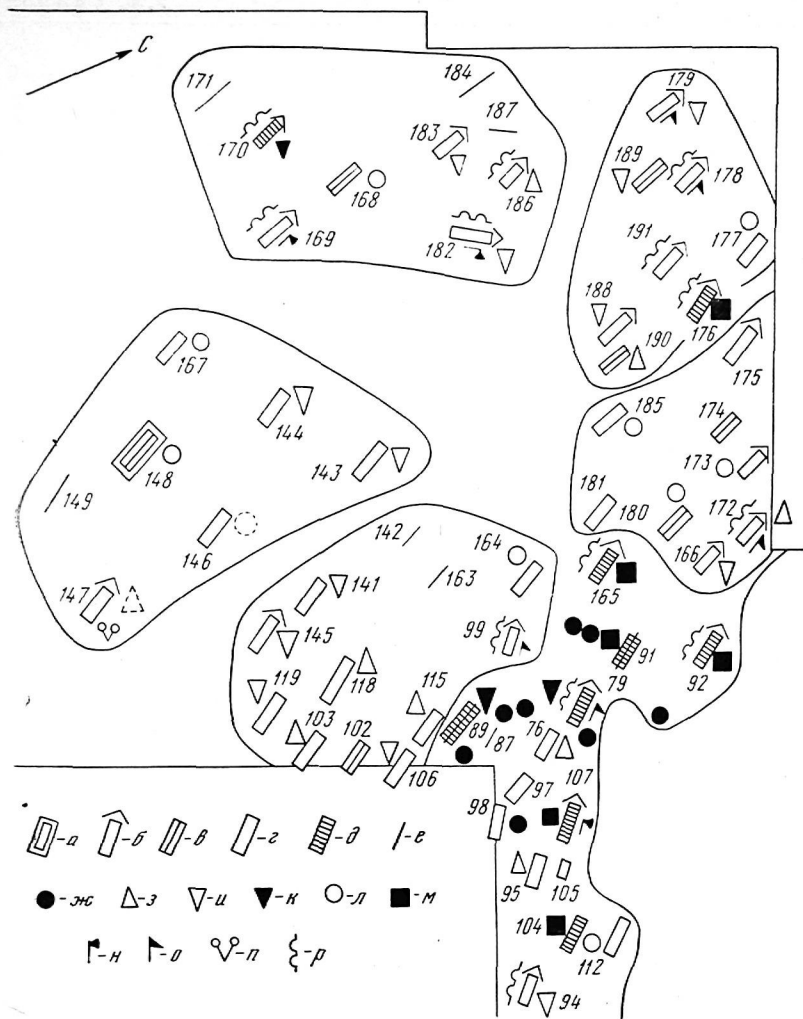

Рис. 16. Структура семейных участков в зоне II Бирского могильника

а — ненарушенное погребение (остальные — нарушенные);
 б₁ — мужское;
 в — женское;
 г — пол неизвестен;
 д — предположительно самые поздние могилы;
 е — неопределимые;
 ж — жертвенные ямы с костями ног и головы лошади;
 з, и, к — с сосудами, [по-

крытыми ямками по всей поверхности (з — без дополнительной орнаментации);
 у — с пояском простого дополнительного орнамента
 вверх;
 х — с пояском зигзагового орнамента вверх);
 л — с сосудами турбаслинской группы;
 м — с кушнаренковскими сосудами;

н — с проушным топором;
 о — с втульчатым топором;
 п — с удилами;
 р — со стрелами.
 Криволинейными контурами показана граница I и II этнографических зон, а также очерчены предполагаемые семейные участки (до появления могил со сложно декорированной посудой)

бенчатым узором, нанесенным поверх обычного в зоне II ямочного, и появлением могильных ям со ступенькой вместо ниши (рис. 14, 5, 6; 16); В этой полосе сосредоточено много жертвоприношений лошадей (рис. 6, 5; 12, 2): неглубоко от поверхности зарывали нижние части четырех ног коня; возможно, это остатки шкуры, снятой вместе с копытами⁶⁸. Такие же есть около участков I-6А, 6Б. Неясно, все ли жертвы лошадей принесены при обрядах на кладбище I-6 или в полосе южнее него связаны уже с могилами, содержащими кушнаренковскую керамику (рис. 12, 2; в зоне I шесть могил с удилами, в зоне II — одна, рис. 6, 5). Ясно лишь, что полоса могил с кушнаренковской посудой возникла между кладбищами II и I-6 на заключительном этапе их существования (рис. 12, 1 г, е; 14, 6). Ведь ими заполнен последний свободный промежуток. В последующих курганах лагеревского типа посуда тоже кушнаренковская (уже иного варианта) и нет ниш в могилах.

Именно эти черты нарастали тогда, когда заполнялась захоронениями узкая полоса между кладбищами II и I-6.

Впервые Н. А. Мажитов разделил могильник на две зоны, причем зона II, по его мнению, сложилась с участием пришлых носителей турбаслинской культуры⁶⁹. В. Ф. Генинг предложил более детальное деление II зоны на несколько «археолого-этнических типов (АЭТ)». Критикуя археологов южного Приуралья, которые выделяют археологические культуры только по керамике, он сообщает, что в отличие от них положил в основу АЭТ «устойчивые сочетания между типом керамики, типом погребений, отдельными типами женских украшений и рядом других специфических особенностей»⁷⁰. Для II зоны Бирска он оставил, правда, только два первых признака: керамику и устройство могильной ямы, показав их сочетание в своей таблице VIII⁷¹. Но, как справедливо отметил Н. А. Мажитов⁷², почти все типы керамики II зоны сочетаются в этой таблице (и на могильнике) почти с одинаковым в процентном отношении набором типов ям. В этом легко убедиться, подсчитав, сколько погребений без ниши, с нишей у дна и выше дна связано с каждой керамической подгруппой, согласно таблице В. Ф. Генинга. «Третья» и «четвертая» подгруппы тождественны по набору ям, «первая» им очень близка. Во всех них преобладают ямы с нишей выше дна (что, по В. Ф. Генингу, является ведущим признаком «бирского АЭТ») ⁷³. Лишь в «подгруппах» 2 и 5 процент ниш меньше, но это уже хронологическое отличие, так как в последующих курганах с кушнаренковской посудой ниши исчезают совсем. Таким образом, и АЭТ у В. Ф. Генинга, по крайней мере для Бирска, «характеризуются лишь специфической керамикой, которая не увязана с иными материальными остатками»⁷⁴.

Если признать, что разделенные интервалами скопления могил — семейные участки, то в каждом из них (и, следовательно, в обиходе каждой семьи) представлены в смешении сосуды тех же трех типов: чандарского, бирского и чандарско-бирского, по терминологии В. Ф. Генинга (рис. 12, 1). Трудно предполагать, чтобы каждый из этих малых участков обязательно включал в себя погребения людей, связанных с тремя разными этниче-

скими компонентами (кстати, мне кажется более осторожным говорить об АЭТ как об «археолого-этнографических типах»). Вероятно, и здесь более прав Н. А. Мажитов: как и в других районах Восточной Европы, население, оставившее кладбище в зоне II, просто применяло в быту разные варианты посуды⁷⁵ (без орнамента, со слегка варьирующимся орнаментом, из более тонкого и более грубого теста). Поэтому и не удается найти в Башкирии «чистых» памятников с этими группами посуды. Решение многих вопросов зависит здесь от очень детального изучения стратиграфии поселений, сбора и обработки поселенческой керамики по слоям и ямам, а не по стандартным пластам. Очень важна также исчерпывающая публикация зауральских памятников.

Связь могил с кушнареновской посудой с семейными участками зоны II позволяет предполагать, что на изученном участке могильника ее появление не связано с новым населением: она появилась в обиходе тех же семей в конце использования этой территории для захоронения. Изучая кушнареновскую керамику, Б. Б. Агеев пришел к выводу, что типологически самый ранний сосуд найден в погребении 78. Не отличаясь по вещам, оно действительно более раннее среди могил зоны II, согласно анализу плана (рис. 12, 1; 14, 4—6).

Итак, Бирский могильник использовался в IV—VII вв.: его первый период датируется IV в., второй — V в., третий — VI в., четвертый — VII в. Из-за малочисленности надежных опорных точек для абсолютной хронологии эти даты имеют лишь самую общую привязку к столетиям. Например, неизвестно, весь ли IV в. длился период I или только вторую половину IV в., учитывая малочисленность относящихся к нему могил. Определенно можно лишь сказать, опираясь на периодизацию южнокрымских и черняховских могильников, хорошо подкрепленную комплексами с монетами и историческими данными, что ранее IV в. первый период датироваться не может. Ведь еще в конце III в. пряжки на юге были иных форм. Также для IV периода мало надежных абсолютно датированных опор. Ясно лишь, что геральдические пряжки из погребения 165 и нарменные бляшки из погребения 194 никак не могут относиться к VI в., когда предметы этого стиля были на юге совсем другими и только начинали распространяться (их находки очень редки). Таким образом, подпериод IV-бв (с нарушенными могилами) не существовал еще и в начале VII в., но датируется ли он второй и третьей четвертями или только второй половиной VII в. — этого сейчас еще просто нельзя сказать из-за отсутствия данных. Еще сложнее датировать предшествующий ему подпериод IV-а (поздние ненарушенные могилы). По набору вещей и, следовательно, по времени он близок к подпериоду IV-бв, тоже приближенно увязывается с VII в., но с его первой половиной или только с началом — это пока неизвестно. Тем более неясно, заходил ли он в конец VI в. Трудности того же рода присущи сейчас большинству разделов хронологии древностей эпохи великого переселения народов, присущи всем дискутируемым вариантам этой хронологии, но не всеми исследователями еще осознаются в должной мере (так, В. Ф. Генинг бирскую «стадию А» пред-

лагает датировать в пределах 200 лет, а пять последующих — отрезками по 20—30 лет каждую).

Для надежного датирования конца Бирского и харинских могильников важно выяснить дату сменившего их этапа с «агафоновскими» украшениями (поясами, подвесками, пронизками и другими предметами, кроме агафоновской группы памятников Верхокамья, распространенными во многих других областях; рис. 11, 23—32) и его соотношение с деменковским этапом Верхокамья (которому в бассейне р. Сылвы соответствует по времени и по многим формам изделий неволинский). Мною высказано предположение, что агафоновский и деменковский этапы одновременны, что их различия связаны с этнографическими особенностями, а не с разновременностью. Дата обеих групп определена мною между 680—690 гг. и серединой или второй половиной VIII в.⁷⁶ Учитывая данные о планировке I Агафоновского могильника, введенные в дискуссию Р. Д. Голдиной, можно предполагать, что агафоновский набор вещей, появившись одновременно, исчез раньше деменковского, который стал основой для сложения инвентаря следующей, урьинской стадии.

Р. Д. Голдина и В. Ф. Генинг считают агафоновский и деменковский периоды последовательными стадиями одной культуры, датируют их второй половиной VI—первой половиной VII в. и второй половиной VII—первой половиной VIII в.⁷⁷ О преемственности деменковской группы с последующей урьинской уже говорилось. Еще одно основание даты — устойчиво повторяющееся различие сасанидских монет. В комплексах с агафоновскими вещами они чаще всего первой трети VI в., с деменковскими — конца VI—первой трети VII в. Напомню, что при датировании археологических материалов по монетам принято исходить из даты начала выпуска, если монета чеканилась несколько лет. Из многих монетных находок фактически только три можно было бы связать с предлагаемым Р. Д. Голдиной началом агафоновской стадии с конца VI в.: монету 570 г. из погребения 81 в I Агафоновском могильнике, 575—577 гг. из погребения 15 в Кудыргэ на Алтае и 589 г. из погребения 10 в Лихачеве в Зауралье. Остальные довольно многочисленные находки монет середины V—первой трети VI в. для точного датирования бесполезны. Даже по хронологии Р. Д. Голдиной их запаздывание колеблется от 50—120 лет до 150—200 лет. Большинство монет Хосрова II из комплексов деменковской стадии лишь на один год (590 г.) позднее, чем упоминавшаяся монета из Лихачева (589 г.). Только три монеты из погребений 34, 53 и 54 Неволинского могильника, согласно определениям, относятся к 623 и 628 гг. И здесь их запаздывание очень велико (от 50 до 150 лет — амплитуда возможного колебания даты зарытия этих самых поздних монет, для прочих — 100—200 лет). Были ли они столько времени в обращении или хранились в сокровищницах, все равно их датирующее значение ничтожно. И сама Р. Д. Голдина определяет теперь хронологические рамки деменковской стадии с конца VII по конец VIII в. не по этим сасанидским монетам, а по пентжикентским аналогиям и по появлению арабских монет в комплексах следующей стадии⁷⁸. Фактически немногим меньше отставание монет из агафо-

новских погребений, поэтому и их датировочные возможности столь же относительны.

Р. Д. Голдина считает, что нет смешанных комплексов с вещами агафоновской и деменковской стадий, кроме неволинского погребения 13, которое даже по монете Хосрова II ближе к могилам деменковской и неволинской стадий. Агафоновские вещи, по предположению Р. Д. Голдиной, надо в этом случае считать запоздавшими. Но в погребении 9 Лихачевского могильника (раскопки В. Ф. Генинга и С. Я. Эданович) агафоновские псевдопряжки найдены вместе с бляхой-оправой конца VII—VIII в., по хронологии А. А. Гавриловой и В. И. Распоповой, принятой Р. Д. Голдиной. В составленной Р. Д. Голдиной корреляционной таблице⁷⁹ имеют смешанный состав погребения 4, 73, 174, 192 I Агафоновского могильника и погребения 4, 5, 13, 22, 41, 57 Неволинского (поздние признаки: 174, 196, 197, 198, 234; из них характерные сердцевидные бляшки иные, чем в наборах VII в., и связаны с упоминавшимися тюркскими поясами с бляхами-оправами конца VII—VIII в.).

Р. Д. Голдина показала, что на I Агафоновском могильнике участок, занятый погребениями агафоновской стадии, содержит отдельные позднехаринские захоронения, а расположенная рядом зона деменковских могил охватывает его дугой. Из этого Р. Д. Голдина делает вывод, что могильник возник в конце харинской стадии и продолжал функционировать в агафоновскую и, после нее, в деменковскую эпохи⁸⁰. Однако сравнение с подобной топографией Бирского могильника дает равную возможность и другого решения: раньше возникшее кладбище местного населения с одной стороны окружено одновременным ему местом захоронений деменковских пришельцев, вероятно, входивших в ту же территориальную общину; не связана с датой и плотность размещения могил в Бирске. Так, аргументы с монетами и структурой I Агафоновского могильника не дают однозначного ответа. Это относится и к перечисленным Р. Д. Голдиной небольшим различиям между агафоновской и деменковской стадиями в формах подвесок, провизок и в погребальном обряде — ведь они могут быть чисто этнографическими, а не хронологическими, причем деменковские признаки ближе к урьинским, чем агафоновские, потому что именно деменковский компонент сыграл главную роль при сложении последующей урьинской стадии, вероятно, ассимилировав агафоновскую группу. Также в Бирске из двух одновременных и, по-видимому, дружественных этнографических групп только пришедшая II группа оказалась основой дальнейшего развития, найдя продолжение в населении, оставившем в Башкирии курганы с керамикой позднего кушнаренковского типа.

Ссылки на южные аналогии для геральдических поясов тем более не могут доказать, что агафоновская стадия началась со второй половины или с конца VI в. В. Ф. Генинг вообще не обсуждал вопроса о месте прикамских геральдических поясов в общеевропейском развитии, ограничиваясь простым указанием дат. В статьях Р. Д. Голдиной более многочисленные «датировочные» аналогии для поясов очень разнородны и мало похожи на своеобразные прикамские материалы (рис. 11, 23—27). Они обоснованы

вают не точную дату, а лишь самую общую принадлежность последних к геральдическим украшениям Евразии. Невольно напрашивается вывод, что оба автора не занимались специально проблемой геральдических поясов и считают их все более или менее одинаковыми. Они делают все пояса, кроме неволинских, не по своеобразию деталей каждого предмета, а по связи отдельных экземпляров с тем или иным типом археологических находок. Справедливо выделяя неволинские пояса, В. Ф. Генинг и Р. Д. Голдина не придают значения тому, что эти пояса почти не имеют общих типов блях с агафоновскими и потому развились не из агафоновских, а из каких-то других прототипов (уже одна эта необъяснимо радикальная смена типа поясов вызывает сомнение в том, что деменковская стадия была прямым продолжением агафоновской). Одновременными агафоновским они считают самые разные пояса и детали уздечек из Кушнареноква, Ново-Турбаслы и даже раннего периода Суук-Су, а экземпляры из Буркова и Бирска почему-то становятся у них гораздо более древними! Оказывается при датировании В. Ф. Генинг и Р. Д. Голдина исходили не из группировки поясов по наибольшему сходству в деталях, а из априорного убеждения, что, как только первые геральдические пояса появились на юге, они сразу же должны были массами появиться и в Прикамье, так как оно не было «медвежьим углом» и за свои меха его обитатели сразу могли получить любые южные новинки⁸¹. Развивая эту мысль, легко прийти к выводу, что «медвежьим углом» тогда была Византия, так как в ее дунайских и крымских владениях найдено только три восточно-европейских наборных пояса второй половины VI в., а в Прикамье — якобы десятки. Вызывает возражение сама постановка вопроса; ведь уровень развития народа оценивается по экономическим и социальным показателям, по высоте духовной культуры, а не по его пристрастию к новинкам иноземного костюма. Устойчивость традиционного костюма еще не признак отсталости.

Итак, по мысли В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной, только массовое появление геральдических деталей ремней относится ко второй половине VI в. А как быть с одиночным? Оказывается, его просто «не было»: если геральдических пряжек в харинской стадии мало (рис. 8, 29, 42), то они уже не геральдические пряжки, а «предшественники этих форм»⁸². Поскольку же утверждается, что они существовали раньше самых первых геральдических образцов, то их дата предложена соответственно более ранняя: V — первая половина VI в. Противоречивость такого подхода стала гораздо заметнее при обращении к Бирску, где геральдических пряжек уже много и есть типичные детали наременных наборов. Но В. Ф. Генинг без всяких комментариев информирует, что поздний этап Бирского могильника принадлежит «V—середине VI в.» и, конкретизируя это, что погребение 165 (рис. 5, 1—11) относится к «началу VI в.»⁸³ Можно лишь догадываться, что В. Ф. Генинг получил эти числа простым переносом своей даты харинской стадии. Здесь им используется уже не признак массовости или единичности геральдических пряжек, а только признак наличия или отсутствия харинских параллелей: в Бирске они есть, значит,

датой позднего этапа избирается «V—первая половина VI в.», в Кушнаренкове нет, и оно также голословно датируется «VI—VII вв». Конечно, в старой археологической литературе среди случайных высказываний на эту тему можно найти как «прецедент» любую дату геральдических украшений, вплоть до «IV в.» Но ведь авторы использовали и более новую литературу: статью В. К. Пудовина. Есть и иностранные работы⁸⁴. Временем появления первых геральдических украшений уже давно считается вторая половина VI в., но не раньше.

Сказанное полностью подтверждается новой большой статьей В. Ф. Генинга, специально посвященной поясам Прикамья и призванной обосновать взгляды этого автора на хронологию. Вот один из примеров содержащихся в ней противоречий. В. Ф. Генинг считает, что погребения 4 и 13 Неволинского могильника надо датировать по найденным в них «наиболее ранним монетам» концом VI и первой половиной VII в.⁸⁵ Но ведь в них, кроме агафоновских деталей ремней, есть бляхи-оправы сибирских поясов, датируемых А. А. Гавриловой, В. И. Распоповой и Р. Д. Голдиной концом VII—VIII в. И в этой статье В. Ф. Генинга аргументация дат для VI в., по существу, не приведена.

Давно признано, что псевдопряжки характерны для последней стадии развития геральдических поясов. Это подтверждается монетами из перещепинской и келегейской находок. Псевдопряжки — одна из основных деталей агафоновских поясов (рис. 11, 25). Приняв хронологию В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной, надо было бы признать, что все типы геральдических поясов, кроме неволинских, сложились сразу же во второй половине VI в., включая, если отбросить крайности датировок В. Ф. Генингом бирских находок, и последние. Но тогда неизбежен вывод, что после того они все сохранялись без изменений 100 лет, до тех пор когда прикамское население в конце VII в., отказавшись от агафоновских поясов, еще успело заимствовать с юга иные образцы для неволинских. Но раз все типы поясов параллельно и не меняясь существовали со второй половины VI до конца VII в., то где основания ограничивать дату харинских и бирских экземпляров только ранним временем до середины или конца VI в.?

Эти противоречия исчезают, если признать, что развитие и видоизменение геральдических поясов происходило в течение всего периода их существования, что поздний Бирск и III период харинской стадии относятся к большей части VII в., как и поздние южные пояса, послужившие образцами для неволинских и деменковских. Новый аргумент в пользу этого — комплекс погребения 54 Бурковского могильника, содержавшего разнообразный харинский инвентарь (рис. 8—10). Погребение раскопано на самом краю поздней части кладбища, недалеко от погребения 3, датированного двурогой геральдической пряжкой VII в. На остатках костяка находился «около левой руки на груди. . . набор из бус с фигуркой уточки и основы коньковой подвески» (рис. 8, 52, 54)⁸⁶. Судя по «уточке», близкой позднемоловатовским (голова с ушками, вероятно, «собачья», как на фигурках «кричащих птиц»; полоска псевдозерни в желобке),

погребение совершено в конце III харинского периода. Но особенно интересна подвеска с двумя конскими головками и четырьмя петельками для прикрепления шумящих звеньев. Внеся ее в классификацию харинских украшений как «тип VIII», авторы публикации к ней больше не возвращаются. Два почти тождественных изделия (рис. 8, 55, 56) найдены при раскопках А. А. Спицына в погребении 43 Деменковского могильника вместе с монетой 590—628 гг. и обычными вещами деменковской стадии конца VII—VIII в.⁸⁷ В харинской группе нет ничего даже отдаленно похожего. Двуглавые коньки появились в последующую эпоху. Во многих местах — это полные фигурки (рис. 11, 32; Маняк, Переймино) или колокольчики с головами коней, в сылвенской и деменковской группах преобладают крупные и детальнее выполненные шумящие подвески с конскими головами. Видно, что маленькие подвески, подобные бурковской, не могли быть для них исходным образцом, а сами возникли как упрощение и сильная схематизация основного типа подвесок, существуя наряду с ними и слабо видоизменяясь в VIII—X вв.⁸⁸ находка подвески конца VII—VIII в. в харинской могиле необъяснима в свете хронологической системы, приведенной в статье В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной. Но она не удивляет, если исходить из того, что деменковская стадия началась тогда же, когда кончилась харинская, — примерно в конце VII в. Вероятно, погребение 54 — одно из последних погребений в харинской традиции — было совершено в начальный период деменковской стадии (так же, как поморское погребение 80 в начале агафоновской)⁸⁹.

Таким образом, факты говорят «за» и «против» предположения Р. Д. Голдиной о неодновременности агафоновской и деменковской групп. Самый веский аргумент «за» — распространение обеих групп по всему Верхкамью (от Деменок и Висима до Агафонова), как это доказала Р. Д. Голдина. Раскопки на юге одного Деменковского могильника не дают пока основания говорить об отливе части южного населения деменковской группы к северу, чтобы объяснить им двухкомпонентность северного Агафоновского могильника. Самый веский аргумент «против» — соотношение памятников с «харинскими» и «агафоновскими» элементами в Верхкамье и Башкирии. Бирский и Бурковский могильники, судя по южным аналогиям, не могли бы прекратить свое существование ранее середины VII в. при самом заниженном по сравнению с реальностью расчете дат (бурковское погребение 54 даже позднее), и для следовавших за ними памятников с одинаковыми «агафоновскими» вещами (Агафоново, Висим, Маняк и др.) осталась бы только одна, третья, четверть VII в. — до начала деменковской стадии. Ведь последнюю стадию нельзя больше сдвигать вверх, поскольку она сложилась тогда, когда на юге еще были в широком употреблении геральдические пояса без псевдопряжек, отражавшие более ранние традиции, чем агафоновские.

Предстоит еще большая работа всего коллектива исследователей над хронологией раннего средневековья. Главное условие этого — скорейшая полная публикация по комплексам тех новых замечательных материалов, которые получены в Волго-Камском бассейне и в Зауралье за последние

десятилетия раскопками Р. Д. Голдиной, В. А. Оборина, Э. А. Савельевой, Н. А. Мажитова, И. И. Стефановой, П. Н. Старостина, Г. А. Архипова, М. Р. Полесских, В. А. Семенова, М. Ф. Жиганова, Е. М. Берс и многих других археологов.

- 1 Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968.
- 2 Шмидт А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. — Хозяйство Башкирии, 1929, № 8/9, прил., с. 16, 19, 23—26.
- 3 Смирнов А. П. Железный век Башкирии. — МИА, 1957, № 58, с. 52, 54, 58.
- 4 Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 12—14, 30—37.
- 5 Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977, с. 15, 16.
- 6 Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, ч. II. — СА, 1971, № 3, с. 107, 112, рис. 9, табл. III.
- 7 Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 228—235, табл. I—V, VIII, рис. 2, 3.
- 8 Генинг В. Ф. Южное Приуралье. . . , с. 228.
- 9 Генинг В. Ф. Южное Приуралье. . . , табл. I.
- 10 Амброс А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв.: Автореф. дис. . . докт. ист. наук. М., 1974, с. 35—38.
- 11 Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 25—27, 64, 71—73; Генинг В. Ф. Южное Приуралье. . . , с. 238, 241, 243—245, 251.
- 12 Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, с. 10.
- 13 Там же, табл. 13, 3. Кроме этой основной публикации, статья основана на полевых отчетах Н. А. Мажитова и коллекциях из его раскопок в Бирске, хранящихся в ИИЯЛ БФАН СССР и Уфимском музее. Далее они используются с указанием только номеров погребений. Приношу глубокую благодарность Н. А. Мажитову за возможность выполнить публикуемую работу.
- 14 Амброс А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. — САП, М., 1966, Д1-30, с. 62, 66, 68, табл. 10, 9—11; 12, 6; *Он же*. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, ч. I. — СА, 1971, № 2, с. 107.
- 15 Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, Taf. 59, 11 (место хранения: ГЭ, 1697-17).
- 16 Азмеров Р. Б. Уфимские погребения VI—VIII вв. — КСИИМК, 1951, вып. XL, с. 133, рис. 39, 7; Садыхова М. Х. Новые памятники железного века Башкирии. — АЭБ, 1962, т. I, с. 129—131, табл. III.
- 17 Амброс А. К. Фибулы. . . , с. 86—91.
- 18 Амброс А. К. Фибулы. . . , с. 86—91; *Он же*. Проблемы. . . , ч. I, с. 123, рис. 3, табл. II, 8, 15, 23.
- 19 Амброс А. К. Проблемы. . . , ч. II, с. 106, рис. 9, 2—11, 22, 23, 26, 39, 49, 59, 68; *Он же*. Хронология. . . , с. 42—43.
- 20 Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья. — СА, 1977, № 2, с. 115, рис. 6, 16, 17.
- 21 Амброс А. К. Проблемы. . . , ч. II, с. 112, табл. III, 9, 48.
- 22 Амброс А. К. Проблемы. . . , ч. I, рис. 5, 6; *Он же*. [Рец. на кн.:] Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. F. Das Gräberfeld von Newolino. — СА, 1973, № 2, с. 291—298, рис. 1, 2.
- 23 Barnea J. L'incendie de la cité de Dinogetia au VIe siècle. Dacia, X. București, 1966, p. 257; Сводный отчет о раскопках в Херсонесе. — В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1971, 7, с. 55.
- 24 Фролова Н. А., Николаева Э. Я. Ильичевский клад монет 1975 г. — Византийский временник. М., 1978, т. 39, с. 173—175, 178.
- 25 Ross M. C. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1965, p. 44—46, pl. XXXVII, 46.
- 26 Петров В. П., Калищук А. П. Скарб срібних речей з с. Качин, Волинської обл. — МДАПВ, 1964, № 5, рис. 1, 6.

- ²⁷ *Акритас П. Г.* Вновь открытые алашские подземные склепы в Баксанском ущелье. — УЗ КБНИИ, 1957, т. XI, рис. на с. 409; *Кузнецов В. А.* Алашские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106, с. 78, 79, рис. 25, 7; *Рунич А. П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья. — СА, 1979, № 4, рис. 4, 12, 21.
- ²⁸ Записи М. И. Ермоленко в книге поступлений КБКМ за 1928 г.
- ²⁹ *Fettich N.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Pilismarót-Basaharc. Budapest, 1965, S. 107, Abb. 166, 5, 11; 168, 9.
- ³⁰ *Амброс А. К.* Проблемы. . . , ч. II, рис. 10, 3, 4.
- ³¹ *Засецкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи. — СА, 1978, № 1, с. 68.
- ³² *Амброс А. К.* Проблемы. . . , ч. I, рис. 5, 14, 18; 6, 8, 11.
- ³³ *Рунич А. П.* Алашский могильник в «Мокрой Балке» у г. Кисловодска. — МАДИСО, 1975, т. III, с. 137, 142, рис. 4, 47; *Csallány D.* Grabfunde der Frühawarenzeit. — Folia archaeologica, Budapest, 1939, I/II, Taf. III, 4.
- ³⁴ *Csallány D.* Szabolcs-Szatmár megye avar leletei. — A Nyiregyhazy Jösa András Múzeum Évkönyve, Nyiregyhaza, 1960, I, tabl. VII, 15.
- ³⁵ *Ковалевская В. Б.* Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, рис. 8; *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье. . . , подписи к табл. I.
- ³⁶ *Амброс А. К.* Фибулы. . . , рис. 8, 6, 7.
- ³⁷ *Рунич А. П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины. — СА, 1976, № 3, рис. 3, 9.
- ³⁸ Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М., 1907, отдел III, с. 9, рис. 8.
- ³⁹ *Синицын И. В.* Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. — Изв. СНВИК, 1936, т. VII, с. 77, 78, рис. 6, 1, 2; *Arrhenius B.* Granatschmuck und Gemmen aus nordischen Funden des frühen Mittelalters. Stockholm, 1971, S. 107, 108.
- ⁴⁰ *Рунич А. П.* Захоронение вождя. . . , рис. 2, 12—14; 3, 12—14, 16—18; 4, 4, 6, 7; 5, 4, 9; 6, 13.
- ⁴¹ *Рунич А. П.* Захоронение вождя. . . , рис. 3, 1—11, 19—21; 4, 5, 5а; 5, 3, 7. Бляхи с рубчатым утолщением из могил с вещами VII в.: *Рунич А. П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья, рис. 7, 12; 8, 9. Инкрустированные детали ремней VII в.: там же, рис. 4, 16, 17; 6, 5, 9—11, 32—35, 7, 13—16.
- ⁴² *Рунич А. П.* Алашский могильник. . . , рис. 2, 3, 8, 9, 21 и др.; *Он же.* Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины. — СА, 1977, № 1, рис. 2, 1, 3, 4; *Афанасьев Г. Е.* Хронология могильника Мокрая Балка. — КСИА, 1979, № 158, рис. 1, III.
- ⁴³ *Генинг В. Ф.* Могильник Качка. — В кн.: Отчеты Камской (Вотkinsкой) археологической экспедиции. М., 1959, вып. 1, с. 206.
- ⁴⁴ *Амброс А. К.* Проблемы. . . , ч. I, с. 100, 102, рис. 2, 1—16.
- ⁴⁵ *Веймарн С. В.* Археологичні роботи в районі Інкермана. — АП УРСР, 1963, т. XIII, с. 36, 37, рис. 9, 3, 4, 9; 21, 3.
- ⁴⁶ *Черных Е. Н., Барцева Т. Б.* Сплавы цветных металлов. — МИА, 1972, № 187, рис. 16; *Diaconu Gh.* Tîrgşor. Bucureşti, 1965, p. 89—92, pl. CLXI—CLXII.
- ⁴⁷ *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье. — ВАУ, 1973, вып. 12, с. 72, 74.
- ⁴⁸ *Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в. — В кн.: Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976, с. 88—92, 100—108.
- ⁴⁹ *Амброс А. К.* Проблемы. . . , ч. II, рис. 9, 12, 13, 34, 62, 63, табл. III, 3, 11, 13, 34, 35, 40—42.
- ⁵⁰ *Генинг В. Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, рис. 40. *Он же.* Очерк этнических культур Прикамья. — Тр. Казан. ФАН СССР. Сер. гуманитарных наук, 1959, № 2, табл. V, 1; *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники. . . , табл. 6, 1—8, 10; 7, 1—7, 11—19, 24, 28—30.
- ⁵¹ *Гольмстен В. В.* Археологические памятники Самарской губернии. — ТСА РАНИОН, 1928, т. IV, с. 134, рис. 56; 57; 60.

- ⁵² *Smidt A. W.* Качка. — ESA, 1927, I, S. 29; *Генинг В. Ф.* Могильник Качка, с. 206, 208.
- ⁵³ *Амброз А. К.* Проблемы... , ч. II, с. 112.
- ⁵⁴ *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курган-ные могильники... , с. 84—86.
- ⁵⁵ *Амброз А. К.* Хронология... , с. 38, 39.
- ⁵⁶ *Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в., с. 101, 108, рис. 25, 4.
- ⁵⁷ Включено четыре комплекса из Веслянского I могильника, исследованного Э. А. Савельевой (*Савельева Э. А.* Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника. — КСИА, 1979, № 158, с. 91, 93, рис. 1, 1, 3—12, 14—21, 23—26, 28; 2.
- ⁵⁸ *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курган-ные могильники... , табл. 4, 24, 25. Примеры пряжек с двурогими выступами: *Рунич А. П.* Аланский могильник... , рис. 3, 13; *Смирнов К. Ф.* О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. — КСИИМК, 1951, вып. XXXVII, рис. рис. 51, 6 (комплекс VII в.: *Амброз А. К.* Проблемы... , ч. I, с. 123); катакомба VIII—IX вв., раскопанная Д. Я. Самоквасовым в Хархе (альбом на кафедре археологии МГУ); *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв. — САИ, М., 1979, вып. Е1-2, с. 46, 88, табл. XXII, 7—II.
- ⁵⁹ *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье. — КСИА, 1979, вып. 158, с. 80—81, 90, рис. 1.
- ⁶⁰ *Городцов В. А.* Дубровичский финский могильник. — Тр. О-ва изучения Рязанского края, 1925, вып. V, с. 6, 7.
- ⁶¹ *Амброз А. К.* Проблемы... , ч. II, с. 112—115.
- ⁶² *Генинг В. Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, с. 94—97, рис. 39, 15.
- ⁶³ *Липкинг Ю. А.* Могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посеймье. — В кн.: Ранне-средневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 147, рис. 5, 10, 11 (удила не опубликованы, но я видел их в натуре).
- ⁶⁴ *Засецкая И. П.* Боспорские склепы гун-ской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников вос-точноевропейских степей. — КСИА, 1979, вып. 158, рис. 3, 10—12, 71, 72.
- ⁶⁵ *Schuldt E. Pritzier.* Berlin, 1955, S. 13; *Schmidt B.* Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Halle, 1961, S. 52, 53; *Bakó G.* Cu privire la organizarea internă a necropolelor de tip Poienesti. — SCIV, 1969, t. 20, nr. 3; *Bakó G.* Autohtoni și migratori la Tîrgșor în secolul al IV-lea e. n. — SCIV, București, 1971, t. 22, nr. 1; *Амброз А. К.* Хронология... , с. 23, 37, 38, 42.
- ⁶⁶ *Амброз А. К.* Хронология... , с. 29, 30.
- ⁶⁷ При распределении погребенных по полу использована книга: *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968, с. 105—115.
- ⁶⁸ *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура, с. 29, рис. 6.
- ⁶⁹ *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура, с. 71.
- ⁷⁰ *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье... , с. 247, 250.
- ⁷¹ Там же, с. 259, 260.
- ⁷² *Мажитов Н. А.* Южный Урал... , с. 43, 44.
- ⁷³ *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье... , с. 258, ср. с. 261, 275.
- ⁷⁴ Там же, с. 247.
- ⁷⁵ *Мажитов Н. А.* Южный Урал... , с. 7, 43, 95.
- ⁷⁶ *Амброз А. К.* [Рец. на кн.:]... , с. 297, 298.
- ⁷⁷ *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме. — ВАУ, 1969, вып. 9, с. 88—91; *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники... , с. 86, 87. Теперь обе даты исправлены на «конец VI—VII в. (скорее всего без его последней трети)» и «конец VII (последняя четверть)» — VIII в. (возможно, без его последней четверти)» (*Голдина Р. Д.* Хронология... , с. 83, 90).
- ⁷⁸ *Голдина Р. Д.* Хронология... , с. 82, 83.
- ⁷⁹ *Голдина Р. Д.* Хронология... , рис. 2.
- ⁸⁰ Там же, с. 83—88.
- ⁸¹ *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курган-ные могильники... , с. 87.
- ⁸² *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курган-ные могильники... , с. 86.
- ⁸³ *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье... , подписи к табл. I.

- ⁸⁴ *Werner J.* Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden. — In: *Atti del convegno internazionale sul tema: La civiltà dei Longobardi in Europa. Problemi attuali di scienza e di cultura.* Roma, 1974, 189, S. 121—139.
- ⁸⁵ *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья). — *КСИА*, 1979, вып. 158, с. 101, рис. 1, С 67—88 (для С 68, 70, 84—86 ср.: *Голдина Р. Д.* Хронология. . ., рис. 1, 136, 189; 6, 1, 22, 24, 25, 27, 28; *Распопова В. И.* Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента. — *КСИА*, 1979, вып. 158, рис. 1, 9; 3, 7, 8, 10, 11).
- ⁸⁶ *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники. . ., с. 72, 97, табл. 1, 12; 3, 11; рис. 8, 1.
- ⁸⁷ *Голубева Л. А.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья. — *СА*, 1966, № 3, с. 91, рис. 10.
- ⁸⁸ Там же, с. 91, 92, рис. 7, 6, 7, 12, 17.
- ⁸⁹ Перстни с подвесками (рис. 8, 53) датируются концом VII—VIII в. по окским и мордовским могильникам (*Алихова А. Е.* Материальная культура средне-двинской мордвы VIII—XI вв. Саранск, 1969, табл. 10, 12).

Большинство исследователей, занимавшихся изучением раннесредневековых древностей Северного Кавказа, в той или иной степени рассматривали вопрос о хронологии керамики. Была намечена общая линия развития аланских сосудов¹, ставился вопрос о генезисе некоторых форм², происхождении знаков на донцах сосудов³. Вместе с тем специальному изучению керамика Центрального Кавказа подвергалась явно недостаточно. Роль керамики как узкого хронологического показателя остается незначительной, так как до сих пор не исследованы ведущие признаки керамики узких этапов, позволяющие датировать комплексы хотя бы так же, как пряжки, поясные наборы и другие предметы, хронология которых относительно хорошо разработана.

Изучение керамики — задача сложная и многогранная. В данной работе мы рассматриваем 269 сосудов катакомбного могильника Мокрая Балка в трех аспектах: форма, элементы орнамента и знаки на дне сосудов, — не останавливаясь на вопросах технологии производства. Предлагаемая классификация основана на выделении сосудов: по функциональному назначению — на группы, по форме — на типы, по элементам орнамента в порядке их усложнения — на подтипы.

Датировка выделенных типов и подтипов определяется на основании предельно ранней периодизации комплексов могильника Мокрая Балка, в итоге которой были выделены четыре этапа функционирования могильника: I — вторая половина V—первая половина VI в., II — вторая половина VI—первая четверть VII в., III — вторая четверть VII — рубеж VII—VIII вв., IV — первая половина VIII в.⁴ Это, в свою очередь, дало возможность рассмотреть процентное распространение определенных типов и подтипов керамики в узких хронологических этапах исходя из абсолютных дат, установленных материалами самого могильника Мокрая Балка. Таким образом удалось избежать привлечения для датировки аналогий из других северокавказских могильников, хронология которых традиционно строится на материалах Байтал-Чапканского, Борисовского могильников и могильника Суук-Су и сама по себе нуждается в пересмотре. Следует оговорить, что предлагаемая хронология керамики ни в коей мере не претендует на законченность. Большинство выделенных подтипов представлено единичными экземплярами, так что накопление нового датированного материала внесет определенные коррективы в хронологию керамики.

Группа I. Кувшины. Составляют 15,61% всей керамики (табл. 1).

Тип 1. Кувшины с зооморфной ручкой. Тулово сосудов раздуто в верхней половине (рис. 1, I). Составляют 7,14% группы.

Тип 2. Кувшины с ручками на тулове. Составляют 11,9% группы. Выделяются 5 подтипов.

Подтип 1. Сосуд с горловиной, украшенной валиками (рис. 1, 2).

Подтип 2. Кувшин, орнаментированный по тулову коническими бугорками, а по горловине — валиками (рис. 1, 3).

Подтип 3. По бокам носика-слива этого сосуда расположен орнамент в виде налпных бараньих рогов и глаз. В верхней части тулова — горизонтальные налпные валики, ниже которых располагаются треугольники, опущенные вершинами вниз (рис. 1, 4).

Подтип 4. Горловину от тулова отделяет поясok из взаимопересекающихся линий, ниже которых идет ряд овальных углублений. Верхняя половина тулова украшена вертикальными валиками. Над ручкой на тулове — трапецевидная площадка из углублений (рис. 1, 5).

Подтип 5. По бокам носика-слива расположены налпы, имитирующие глаза. Горловина украшена валиками. Верхняя половина тулова имеет два горизонтальных пояса, заполненных взаимопересекающимися полосками. Нижняя половина тулова орнаментирована вертикальными лощеными полосками (рис. 1, 6).

Тип 3. Кувшины без ручек на тулове и удлиненного носика-слива. Составляют 9,52% группы. Выделяются 2 подтипа.

Подтип 1. Неорнаментированные кувшины с ручкой, идущей от края венчика (рис. 1, 7).

Подтип 2. Сосуд, украшенный по тулову зигзагообразной линией из мелких точек (рис. 1, 8).

Тип 4. Кувшины с удлиненным носиком, но без ручек на тулове. Составляют 71,43% группы. Выделяются 10 подтипов.

Подтип 1. Неорнаментированные сосуды с четко выраженным носиком-сливом и ручкой от середины горловины (рис. 1, 10). Составляют 16,6% типа.

Подтип 2. Сосуды, украшенные коническими бугорками. На экземпляре из катакомбы 25 по бокам слива расположены имитирующие глаза-налпы (рис. 1, 9). Составляют 13,3% типа.

Подтип 3. Кувшины с горловиной, орнаментированной валиками (рис. 1, 12). Составляют 43,3 % типа.

Подтип 4. Сосуд с горловиной, оформленной валиками, ниже которых — поясok из мелких черточек (рис. 1, 11).

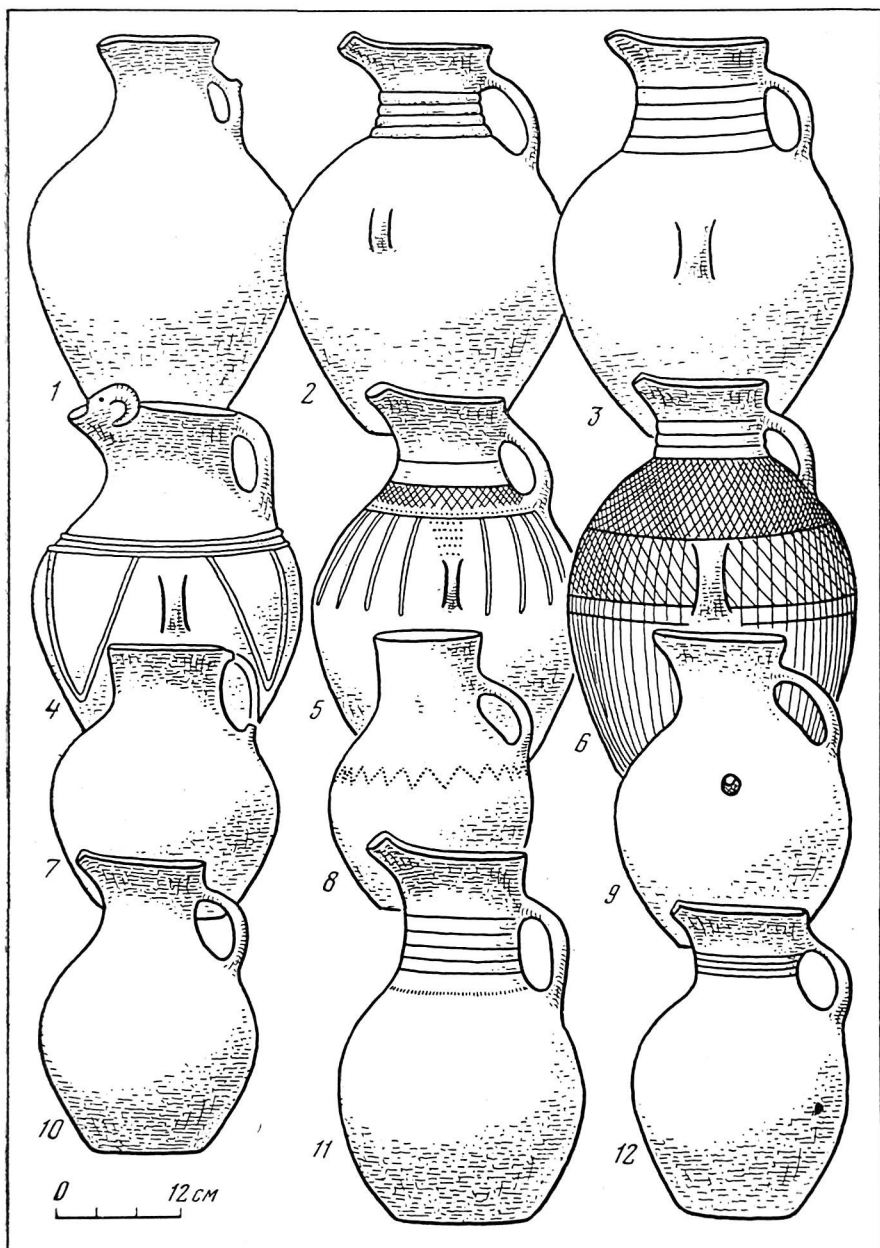
Подтип 5. Горловина сосуда украшена валиками. Верхняя часть тулова имеет поясok из косых полосок.

Подтип 6. Горловина сосудов украшена валиками. Верхняя часть тулова имеет поясok из пересекающихся полосок (рис. 2, 1).

Подтип 7. Горловина украшена валиками. На тулове конические бугорки с полукруглой окантовкой (рис. 2, 2).

Рис. 1. Кувшины из катакомб

1 — 46; 2 — 117; 3 — 21; 4 — 37; 5 — 82; 6 — 118; 7 — 10; 8 — 27; 9 — 17; 10 — 25; 11 — 33; 12 — 15

Подтип 8. Горловина украшена валиками, тулово — вертикальными лощеными полосками (рис. 2, 3).

Подтип 9. Тулово орнаментировано вертикальными лощеными полосками и коническими бугорками (рис. 2, 4).

Подтип 10. Сосуд, украшенный в верхней части тулова двумя поясами из вертикальных черточек и двумя зигзагообразными линиями (рис. 2, 5).

Распределение кувшинов с зооморфной ручкой и туловом, раздутым в верхней части (тип. 1), в датированных комплексах (табл. 2) показывает, что они встречаются на всем протяжении функционирования могильника Мокрая Балка. Исключение составляют только комплексы второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв., где пока подобных сосудов не обнаружено. Кувшины с боковыми ручками на тулове (тип 2) найдены в комплексах второй половины V—конца VII в. Один из ранних экземпляров имеет по бокам носика-слива изображение бараньих рогов. Второй сосуд (подтип 4) отнесен ко второй половине V—первой половине VI в. условно, на основании заполненной штампом трапециевидной плоскости над боковыми ручками (орнамент, характерный для первого хронологического этапа Мокрой Балки). Кувшины второй четверти VII—конца VII в. украшены по горловине валиками, коническими бугорками (подтип 2) по тулову, имитацией глаз по бокам слива (подтип 5), пересекающимися лощеными полосками. Кувшины без слива и ручек на тулове (тип 3) происходят из комплексов второй половины V—конца VII в., причем орнаментированный зигзагообразной линией экземпляр (подтип 2) найден в катакомбе второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв.

Наиболее многочисленны кувшины с удлинненным носиком-сливом, но без ручек на тулове. Из них 25% сосудов найдено в погребениях второй половины VI—первой четверти VII в., 71,4% — в захоронениях второй четверти VII—конца VII в. и только 1 экз. происходит из катакомбы, датированной первой половиной VIII в. Неорнаментированные кувшины (подтип 1) происходят из комплексов второй половины VI—конца VII в., причем 80% сосудов, поддающихся датировке, связано со второй половиной VI—первой четвертью VII в. Кувшины, украшенные коническими бугорками (подтип 2), известны в комплексах второй половины VI—конца VII в. Сосуды, украшенные по горловине валиками или глубоким рифлением (подтип 3), характерны для второй четверти VII—конца VII в. В датированных комплексах этого времени найден 91% таких сосудов. Эпизодически они еще продолжают встречаться в первой половине VIII в. В погребениях второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. найдены кувшины, орнаментированные по горловине валиками, а по тулову — пояском из косых (подтип 5) или пересекающихся (подтип 6) полосок. В то же время встречаются сосуды с валиками по горловине и кони-

Рис. 2. Кувшины и кувшинчики из катакомб

1 — 92; 2 — 52; 3 — 38; 4 — 107; 5 — 113; 6 — 42; 7 — 80; 8 — 61; 9 — 65; 10 — 116; 11 — 4; 12 — 1-A; 13 — 37; 14 — 4-A; 15 — 4-A; 16 — 79; 17 — 44; 18 — 42

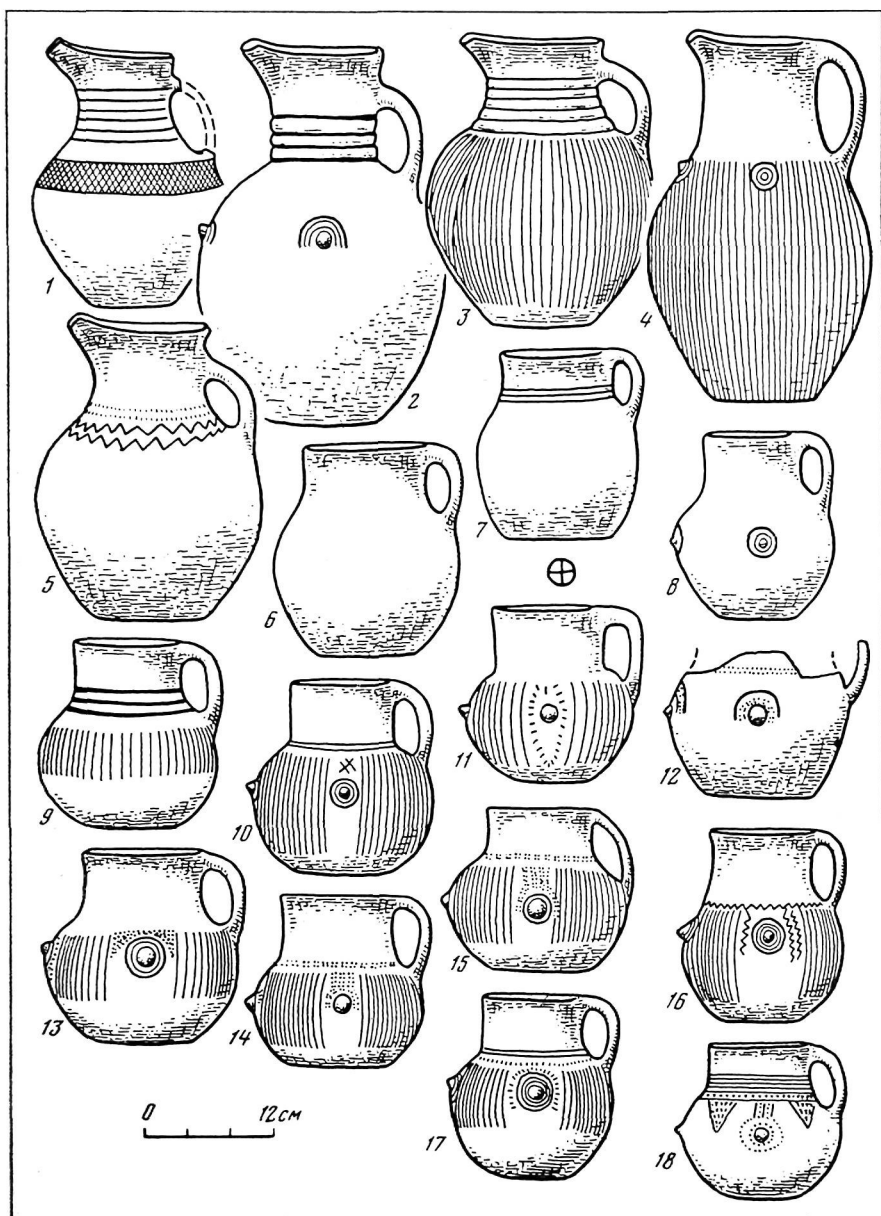

Рис. 3. Кувшинчики из катакомб

1 — 50; 2 — 5-А; 3 — 114; 4 — 19; 5 — 104; 6 — 117; 7 — 36; 8 — 18; 9 — 61; 10 — 3А; 11 — 122

чекскими бугорками с полукруглой окантовкой на тулове (подтип 7), кувшины с валиками по горловине и лощеными полосками по тулову (подтип 8) и, наконец, кувшины, украшенные по тулову горизонтальными поясками из вертикальных черточек и зигзагообразными линиями (подтип 10). Кувшин с вертикальными лощеными полосками и коническими бугорками на тулове (подтип 9) связан с комплексом второй половины VI—первой четверти VII в.

Группа II. Кувшинчики. Составляют 22,30% всех сосудов.

Тип 1. Кувшинчики с шарообразным туловом без носика-слива. Составляют 45% группы. Выделяются 12 подтипов.

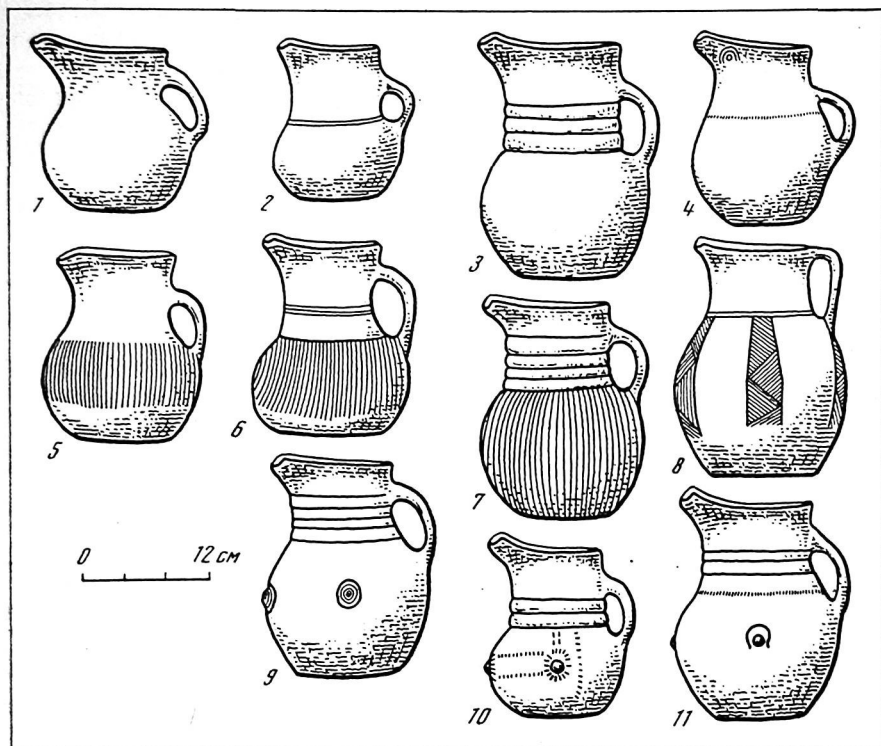

Рис. 4. Кувшинчики из катакомб

1 — 45; 2 — 117; 3 — 74; 4 — 99; 5 — 74; 6 — 15; 7 — 73; 8 — 5-А; 9 — 52; 10 — 33; 11 — 90

Подтип 1. Неорнаментированные сосуды (рис. 2, 6). Составляют 21% типа.

Подтип 2. Сосуды, украшенные по горловине горизонтальными полосками (рис. 2, 7).

Подтип 3. Кувшинчики с коническими бугорками на тулове (рис. 2, 8).

Подтип 4. Тулово украшено коническими бугорками с полукруглым штампованным пояском (штамп состоит из четырех углублений). Горловина отделена от тулова таким же пояском (рис. 2, 12).

Подтип 5. Горловина орнаментирована горизонтальными линиями, а тулово — вертикальными лощеными полосками (рис. 2, 9).

Подтип 6. Кувшинчик, украшенный по тулову коническими бугорками с овальной штампованной окантовкой. Горловина отделена горизонтальной полоской.

Подтип 7. Сосуды с коническими бугорками и вертикальными лощеными полосками на тулове. Горловина отделена горизонтальными полосками (рис. 2, 10).

Подтип 8. Тулово этих сосудов украшено коническими бугорками с овальной штампованной окантовкой и вертикальными лощеными полосками (рис. 2, 11).

Подтип 9. Тулово орнаментировано коническими бугорками с полуовальной штампованной окантовкой и вертикальными лощеными полосками (рис. 2, 13—15). Составляют 14% типа.

Подтип 10. Кувшинчик, украшенный коническими бугорками с кольцевым штампованным ободком. В верхней части тулова помещены треугольники, опущенные вершиной вниз и заполненные штампом. Нижнюю часть горловины украшают горизонтальные полоски и штампованный пояс (рис. 2, 18).

Подтип 11. Кувшинчики, украшенные коническими бугорками, по бокам которых расположены вертикальные зигзагообразные линии. Тулово орнаментировано вертикальными лощеными полосками, а горловина отделена зигзагообразной линией (рис. 2, 16).

Подтип 12. Орнамент на тулове сосудов состоит из конических бугорков с серповидной окантовкой из радиально расходящихся лучей, вертикальных лощеных полосок и пояса из вертикальных черточек, отделяющих горловину от тулова (рис. 2, 17).

Тип 2. Кувшинчики с приплюснутым туловом и расширяющейся горловиной без носика-слива. Составляют 10% группы. Выделяются 4 подтипа.

Подтип 1. Неорнаментированный сосуд (рис. 3, 1).

Подтип 2. Горловина отделена от тулова лощеной полоской (рис. 3, 2).

Подтип 3. Нижняя половина горловины оформлена горизонтальными валиками (рис. 3, 3).

Подтип 4. Нижняя половина горловины имеет пояс из косых взаимопересекающихся линий (рис. 3, 4).

Тип 3. Кувшинчики с зооморфной ручкой. Составляют 5% группы. Выделяются 2 подтипа.

Подтип 1. Неорнаментированные сосуды (рис. 3, 5).

Подтип 2. Тулово украшено вертикальными лощеными полосками (рис. 3, 6).

Тип 4. Кувшинчики с ручками на тулове. Составляют 6,6% группы. Выделяются 4 подтипа.

Подтип 1. Боковые ручки сосуда обведены двойным кругом и овалобразной штампованной окантовкой (рис. 3, 7).

Подтип 2. Горловина украшена валиками, а тулово—вертикальными лощеными полосками (рис. 3, 8).

Подтип 3. Нижняя половина тулова этого сосуда орнаментирована вертикальными лощеными полосками, кроме того, передняя сторона ниж-

ней половины имеет горизонтальный пояс из заштрихованных треугольников (рис. 3, 9).

Подтип 4. Нижняя половина горловины оформлена валиками. В верхней части тулова расположен пояс из радиально расходящихся полосок. Центральную часть тулова занимают редкие округлые вертикальные валики (рис. 3, 10).

Тип 5. Кувшинчик с зооморфной ручкой и ручками на тулове. По бокам носика-слива расположены имитирующие глаза-налепы. Верхняя часть тулова украшена пояском из заштрихованных округлых треугольников. Нижняя часть тулова имеет орнамент из групп вертикальных параллельных линий (рис. 3, 11).

Тип 6. Кувшинчики с носиком-сливом, без зооморфных ручек и ручек на тулове. Составляют 31,6% группы. Выделяются 11 подтипов.

Подтип 1. Неорнаментированный сосуд (рис. 4, 1).

Подтип 2. Горловина кувшинчика отделена от тулова полоской (рис. 4, 2).

Подтип 3. Нижняя часть горловины украшена валиками (рис. 4, 3). Составляют 42,1% типа.

Подтип 4. Нижняя часть горловины орнаментирована пояском из вертикальных черточек (рис. 4, 4).

Подтип 5. Сосуды, украшенные по тулову вертикальными лощеными полосками (рис. 4, 5).

Подтип 6. Горловина сосуда орнаментирована горизонтальными полосками, тулово — вертикальными лощеными полосками (рис. 4, 6).

Подтип 7. Сосуд, оформленный по тулову вертикальными лощеными полосками, а по горловине — валиками (рис. 4, 7).

Подтип 8. Тулово этого сосуда украшено четырьмя вертикальными поясками из заштрихованных треугольников (рис. 4, 8).

Подтип 9. Кувшинчик, орнаментированный по тулову коническими бугорками, а по горловине — валиками (рис. 4, 9).

Подтип 10. Горловина сосуда украшена валиками и пояском из вертикальных черточек. На тулове — конические бугорки с полукруглым ободком (рис. 4, 11).

Подтип 11. Горловина опоясана валиками. Тулово орнаментировано коническими бугорками с радиально расходящимися лучами, а также двумя горизонтальными и одной вертикальной линией из мелких черточек (рис. 4, 10).

Кувшинчики с шарообразным туловом без носика-слива (тип 1) встречаются на протяжении всего периода функционирования могильника, но в разных соотношениях (табл. 3). Ко второй половине V — первой половине VI в. относятся 47,3% этих сосудов из датированных комплексов, ко второй половине VI — первой четверти VII в. — 31,5%, ко второй четверти VII — рубежу VII — VIII вв. — 16% и, наконец, к первой половине VIII в. — 5,2%. Здесь наблюдается тенденция к постепенному отмиранию этой формы сосудов.

Неорнаментированные кувшинчики (подтип 1) встречаются на протяжении второй половины V—рубежа VII—VIII вв. В комплексах второй половины V—первой половины VI в. найдены кувшинчики, тулово которых украшено коническими бугорками с полукруглым штампованным ободком (подтип 4), коническими бугорками с овальной штампованной окантовкой и вертикальными лощеными полосками (подтип 8), коническими бугорками с полуовальной штампованной окантовкой и вертикальными лощеными полосками (подтип 9), коническими бугорками с кольцевым штампованным ободком и опущенными вершиной вниз треугольниками (подтип 10).

Во второй половине VI—первой четверти VII в. бытовали кувшинчики, украшенные по тулову коническими бугорками с овальной штампованной окантовкой (подтип 6), коническими бугорками и вертикальными лощеными полосками (подтип 7), а также кувшинчики с горловиной, орнаментированной валиками, и с туловом, украшенным коническими бугорками с радиально расходящимися лучами (подтип 11).

Кувшинчики с приплюснутым туловом и расширяющейся горловиной без носика-слива (тип 2) найдены только в комплексах второй четверти VII—первой половины VIII в. (табл. 4). Ко второй четверти VII—рубежу VII—VIII вв. относятся неорнаментированный сосуд (подтип 1), кувшинчик с рифленной горловиной (подтип 3). В погребениях первой половины VIII в. найдены кувшинчики с двойной ручкой (подтип 2) и сосуд с пояском из пересекающихся линий на горловине (подтип 4).

Кувшинчики с зооморфной ручкой (тип 3) как неорнаментированные (подтип 1), так и с туловом, украшенным лощеными полосками (подтип 2), происходят только из погребений второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. (табл. 4).

Кувшинчики с боковыми ручками на тулове (тип 4) найдены в катакомбах второй половины V—рубежа VII—VIII вв. (табл. 4). Сосуды второй половины V—первой половины VI в. украшены в нижней части горловины рифлением, а по тулову—валиками и пояском из радиально расходящихся лучей (подтип 4). Другой кувшинчик этого времени имеет на тулове орнамент из заштрихованных треугольников (подтип 3). Можно полагать, что сосуды с овалообразной окантовкой на тулове (подтип 1) бытовали на рубеже первого и второго хронологических этапов, т. е. датируются VI в. Сосуд из комплекса второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. украшен по тулову вертикальными лощеными полосками, а по горловине — валиками (подтип 2).

Кувшинчик с зооморфной ручкой и ручками на тулове (тип 5) находился в комплексе второй половины VI—первой четверти VII в. По элементам орнамента он имеет связи как с более ранней керамикой, так и с поздней. Связь с керамикой второй половины V—первой половины VI в. выражается в наличии горизонтального пояса из треугольников. С другой стороны, налпы, имитирующие глаза, характерны для второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв.

Распределение кувшинчиков с носиком-сливом, без зооморфных ручек на тулове (тип 6) в датированных комплексах (табл. 4) показывает, что они встречаются в период второй половины VI—первой половины VIII в. Из них 18,75% найдены в катакомбах второй половины VI—первой четверти VII в., а 75% — в погребениях второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. И только 1 экз. связан с комплексом первой половины VIII в.

В погребениях второй половины VI—первой четверти VII в. найдены неорнаментированный кувшинчик (подтип 1), сосуд с горловиной, украшенной валиками (подтип 3), и кувшинчик с вертикальными лощеными полосками по тулову (подтип 5). 83,3% кувшинчиков с валиками по горловине (подтип 3) связаны с комплексами второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв., что может указывать на их популярность именно в это время.

В катакомбах второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. встретились: кувшинчик с горловиной, отделенной полоской (подтип 2), сосуд с вертикальными лощеными полосками по тулову (подтип 5), кувшинчики с горизонтальными полосками по горловине и вертикальными лощеными полосками по тулову (подтип 6), с вертикальными лощеными полосками по тулову и валиками по горловине (подтип 7), с коническими бугорками на тулове и валиками на горловине (подтип 9), с валиками и пояском из черточек на горловине и коническими бугорками с полукруглой окантовкой на тулове (подтип 10), кувшинчик с туловом, орнаментированным коническими бугорками с радиально расходящимися лучами, а также двумя горизонтальными и одной вертикальной линией из мелких черточек (подтип 11). Кувшинчик, происходящий из комплекса первой половины VIII в., имеет орнамент из вертикальных поясков, состоящих из заштрихованных треугольников (подтип 8).

Группа III. Кружки. Составляют 60,59% всех сосудов. Выделяются 10 типов.

Тип 1. Кружки с зооморфной ручкой, начинающейся от края венчика. Составляют 12,27% группы. Выделяются 7 подтипов.

Подтип 1. Неорнаментированные сосуды (рис. 5, 1).

Подтип 2. Кружки, украшенные по тулову вертикальными лощеными полосками (рис. 5, 2). Составляют 50% типа.

Подтип 3. Тулово кружек украшено коническими бугорками (рис. 5, 3).

Подтип 4. Нижняя часть горловины орнаментирована горизонтальными параллельными полосками (рис. 5, 4).

Подтип 5. Нижняя часть горловины имеет пояс из вертикальных мелких черточек, на тулове — конические бугорки (рис. 5, 5).

Подтип 6. Тулово орнаментировано вертикальными лощеными полосками и коническими бугорками, а нижняя часть горловины — параллельными горизонтальными полосками (рис. 5, 6).

Подтип 7. Кружка, украшенная по тулову коническими бугорками с полукруглой окантовкой. В нижней части горловины — горизонтальные параллельные полосы (рис. 5, 7).

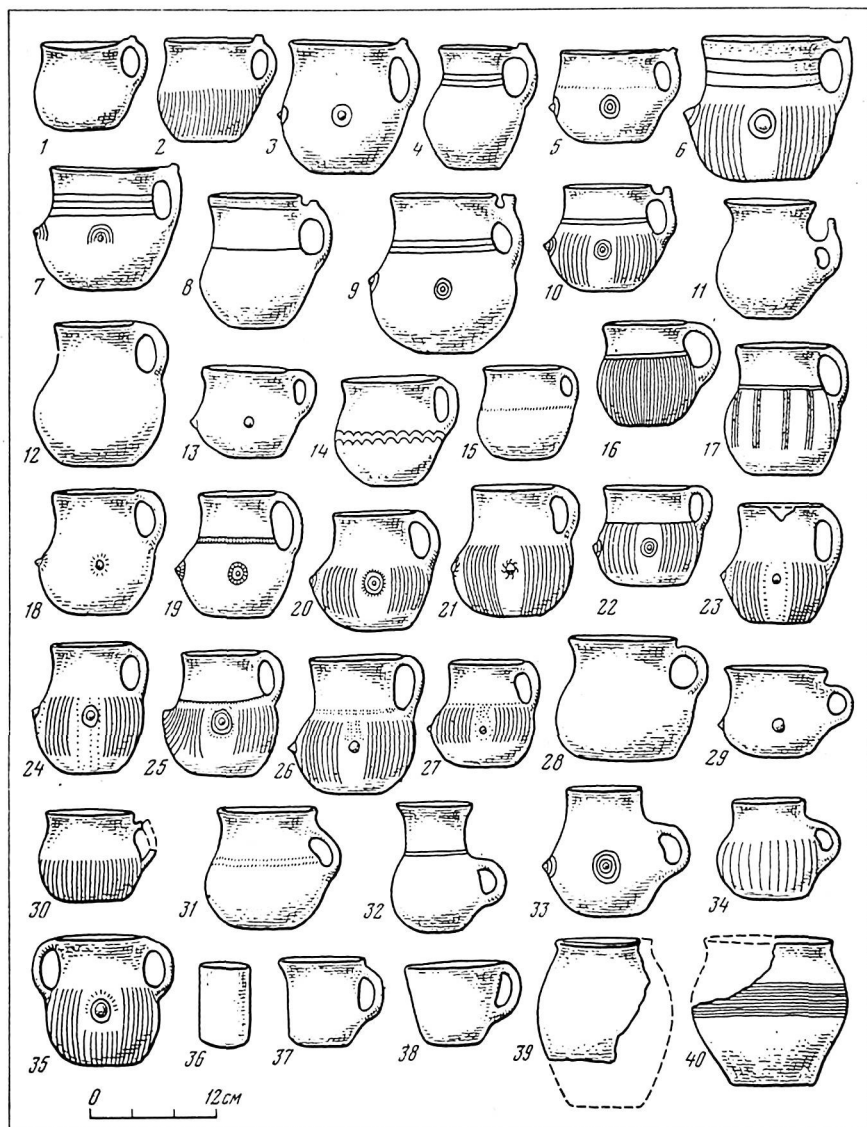

Рис. 5. Кружки, горшки, корчаги из катакомб

1 — 17; 2 — 22; 3 — 102; 4 — 39; 5 — 43; 6 — 9; 7 — 45; 8 — 11; 9 — 50; 10 — 122; 11 — 31; 12 — 5; 13 — 1; 14 — 34; 15 — 52; 16 — 1; 17 — 4-A; 18 — 61; 19 — 1-A; 20 — 72; 21 — 41; 22 — 60; 23 — 46; 24 — 51; 25 — 116; 26 — 41; 27 — 61; 28 — 77; 29 — 94; 30 — 83; 31 — 27; 32 — 47; 33 — 57; 34 — 119; 35 — 4; 36 — 119; 37 — 93; 38 — 77; 39 — 61; 40 — 119

Тип 2. Кружки с зооморфной ручкой от середины горловины. Составляют 4,29% группы. Выделяются 3 подтипа.

Подтип 1. Сосуд с горловиной, оформленной горизонтальными параллельными полосками (рис. 5, 8).

Подтип 2. На тулове конические бугорки. Горловина украшена горизонтальными полосками (рис. 5, 9).

Подтип 3. Тулово украшено вертикальными лощеными полосками, коническими бугорками, а нижняя часть горловины — горизонтальными параллельными полосками (рис. 5, 10).

Тип 3. Неорнаментированная кружка с зооморфной ручкой на тулове (рис. 5, 11). Составляет 0,61% группы.

Тип 4. Кружки с ручкой от края венчика. Составляют 69,94% группы. Выделяются 16 подтипов.

Подтип 1. Неорнаментированные сосуды (рис. 5, 12). Составляют 25,44% типа.

Подтип 2. Кружки, украшенные коническими бугорками (рис. 5, 13). Составляют 7,89% типа.

Подтип 3. Верхняя часть тулова украшена волнистыми линиями (рис. 5, 14).

Подтип 4. Горловина отделена от тулова пояском из вертикальных черточек (рис. 5, 15).

Подтип 5. Тулово украшено вертикальными лощеными полосками (рис. 5, 16). Составляют 39,47% типа.

Подтип 6. Тулово украшено группами из трех лощеных вертикальных полосок. Горловина отделена горизонтальными полосками (рис. 5, 17).

Подтип 7. Сосуд, орнаментированный коническими бугорками, окаймленными радиально расходящимися лучами (рис. 5, 18).

Подтип 8. Кружка, украшенная коническими бугорками, окаймленными радиально расходящимися лучами. Горловина отделена от тулова пояском из вертикальных черточек (рис. 5, 19).

Подтип 9. Тулово украшено коническими бугорками с радиально расходящимися лучами и вертикальными лощеными полосками (рис. 5, 20).

Подтип 10. Орнамент на тулове состоит из вертикальных лощеных полосок и конических бугорков с «вращающимся» расчленением (рис. 5, 21).

Подтип 11. Сосуды, орнаментированные по тулову коническими бугорками и вертикальными лощеными полосками (рис. 5, 22). Составляют 7,02% типа.

Подтип 12. На тулове — конические бугорки с овальной штампованной окантовкой и вертикальные лощеные полоски (рис. 5, 23).

Подтип 13. Тулово украшено вертикальными лощеными полосками и коническими бугорками, по бокам которых вертикальные пояски из мелких черточек (рис. 5, 24).

Подтип 14. Кружка, орнаментированная вертикальными лощеными полосками и коническими бугорками с радиально расходящимися лу-

чами. Горловина отделена горизонтальной полоской и пояском из вертикальных черточек (рис. 5, 25).

Подтип 15. Сосуды, оформленные коническими бугорками с полукруглой или трапециевидной штампованной окантовкой и вертикальными лощеными полосками по тулову, отделенному от горловины горизонтальными лощеными полосками или штампованным пояском (рис. 5, 26). Составляют 4,38% типа.

Подтип 16. Тулово украшено вертикальными лощеными полосками и коническими бугорками, окруженными штампованным пояском, от которого отходят вертикальные штампованные полоски (рис. 5, 27).

Тип 5. Кружки с ручкой, идущей от середины горловины. Составляют 8,59% группы. Выделяются 4 подтипа.

Подтип 1. Неорнаментированные кружки (рис. 5, 28). Составляют 42,86% типа.

Подтип 2. Кружки, украшенные по тулову коническими бугорками (рис. 5, 29). Составляют 35,71% типа.

Подтип 3. Тулово орнаментировано вертикальными лощеными полосками (рис. 5, 30).

Подтип 4. В верхней части тулова расположены два горизонтальных ряда углублений (рис. 5, 31).

Тип 6. Кружки с ручками на тулове. Составляют 1,84% группы. Выделяются 3 подтипа.

Подтип 1. Горловина отделена от тулова горизонтальной полоской (рис. 5, 32).

Подтип 2. Тулово украшено коническими бугорками (рис. 5, 33).

Подтип 3. На тулове—орнамент из вертикальных лощеных полосок (рис. 5, 34).

Тип 7. Кружка с двумя ручками от края горловины. Орнамент состоит из вертикальных лощеных полосок и конических бугорков с полукруглой окантовкой из радиально расходящихся лучей (рис. 5, 35). Составляет 0,61% группы.

Тип 8. Неорнаментированная кружка с цилиндрическим туловом (рис. 5, 36). Составляет 0,61% группы.

Тип 9. Неорнаментированная кружка с цилиндрическим туловом, ручкой и носиком-сливом (рис. 5, 37). Составляет 0,61% группы.

Тип 10. Неорнаментированная кружка усеченно-конической формы (рис. 5, 38). Составляет 0,61% группы.

Распределение кружек с зооморфными ручками от края венчика (тип 1) в датированных комплексах (табл. 5) показывает, что они встречаются со второй половины VI в. по первую половину VIII в. Однако их наибольшее количество падает на вторую четверть VII—рубеж VII—VIII вв. Так, если 33,33% сосудов из датированных комплексов приходится на вторую половину VI—первую четверть VII в., то со второй четверти VII по рубеж VII—VIII вв. их количество увеличивается до 58,33%, а в первой половине VIII в. уменьшается до 8,33%.

Из общего числа кружек с зооморфными ручками от края венчика 50% орнаментированы только вертикальными лощеными полосками (подтип 2). 30% этих сосудов связаны с комплексами второй половины VI—первой четверти VII в., а 70% найдены в катакомбах второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв.

Сосуд, орнаментированный коническими бугорками с полукруглой окантовкой (подтип 7), найден в погребении второй половины VI—первой четверти VII в.

В комплексах второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. найдены неорнаментированные кружки (подтип 1), кружки с коническими бугорками (подтип 3), сосуды, украшенные по горловине параллельными полосками (подтип 4) и сосуды с пояском из вертикальных мелких черточек (подтип 5).

Кружка из комплекса первой половины VIII в. украшена по тулову коническими бугорками, вертикальными лощеными полосками, а нижняя часть горловины—горизонтальными полосками (подтип 6).

Кружки с зооморфными ручками от середины горловины (тип 2) связаны с погребениями второй половины VI—рубежа VII—VIII вв. (табл. 5). 83,33% таких сосудов из датированных комплексов относятся ко второй половине VI—первой четверти VII в., а 16,66% — ко второй четверти VII—рубежу VII—VIII вв. Кружки, украшенные по тулову коническими бугорками, а по горловине горизонтальными полосками, бытовали как во второй половине VI—первой четверти VII в., так и во второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. Сосуды с горизонтальными полосками на горловине (подтип 1) и с вертикальными лощеными полосками и коническими бугорками на тулове (подтип 3) найдены в комплексах второй половины VI—первой четверти VII в.

Неорнаментированная кружка с зооморфной ручкой на тулове (тип 3) происходит из катакомбы второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. (табл. 5).

Кружки с ручками от края венчика (тип 4) наиболее многочисленны. Они бытуют на всем протяжении функционирования могильника: со второй половины V в. до середины VIII в. (табл. 6). В датированных комплексах 22,66% этих сосудов относятся ко второй половине V—первой половине VI в., 28 — ко второй половине VI—первой четверти VII в., 41,33 — ко второй четверти VII—рубежу VII—VIII вв., 8% — к первой половине VIII в. Таким образом, эта форма кружек получает наибольшее распространение в VII в. Неорнаментированные кружки (подтип 1) были распространены с середины V в. до середины VIII в. Однако 83,33% их происходят из комплексов второй половины VI—конца VII в.

В датированных комплексах второй половины V — первой половины VI в. найдены следующие кружки: с группами из трех вертикальных полосок на тулове (подтип 6); с коническими бугорками, окаймленными радиально расходящимися лучами (подтип 7); кружка, орнаментированная коническими бугорками, окаймленными радиально расходящимися лучами, с горловиной, окаймленной пояском из мелких черточек (подтип 8);

сосуд, украшенный вертикальными лощеными полосками и коническими бугорками с радиально расходящимися лучами (подтип 9); кружки с вертикальными лощеными полосками и коническими бугорками с «вращающимся» расчленением (подтип 10); сосуд, орнаментированный лощеными полосками и коническими бугорками, по бокам которых вертикальные пояски из мелких черточек (подтип 13); кружки, оформленные коническими бугорками с полукруглой или трапецевидной штампованной окантовкой и вертикальными лощеными полосками по тулову, отделенному от горловины горизонтальными лощеными полосками или штампованным пояском (подтип 15); кружки с вертикальными лощеными полосками на тулове и коническими бугорками, окруженными штампованным пояском, от которого отходят вертикальные штампованные полосы (подтип 16).

Кружки с ручкой от середины горловины (тип 5) происходят из погребений второй половины VI—первой половины VIII в. (табл. 7). 58,33% этих сосудов связаны с комплексами второй половины VI—первой четверти VII в. Кружки второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. составляют 33,33% сосудов этого типа. Неорнаментированные кружки (подтип 1) бытовали во второй половине VI—первой половине VIII в. Однако 66,66% этих сосудов приходится на вторую половину VI—первую четверть VII в. Сосуды, орнаментированные только коническими бугорками (подтип 2), найдены в погребениях второй половины VI—рубежа VII—VIII вв., а кружка с вертикальными лощеными полосками по тулову (подтип 3) связана с комплексом второй половины VI—первой четверти VII в. И наконец, сосуды, украшенные в верхней части тулова двумя горизонтальными поясками углублений (подтип 4), происходят из погребений второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв.

Дата кружек с ручками на тулове (тип 6) устанавливается только для двух подтипов (табл. 7). Кружка с коническими бугорками на тулове (подтип 2) найдена в погребении второй половины VI—первой четверти VII в., а сосуд с горизонтальной полоской в нижней части горловины (подтип 1) — в погребении первой половины VIII в.

Кружка с двумя ручками от края горловины (тип 7), вероятно, относится к VI в. В комплексах второй половины VI—первой четверти VII в. найдены: неорнаментированная кружка с цилиндрическим туловом (тип 8), кружка с цилиндрическим туловом, ручкой и носиком-сливом (тип 9). Неорнаментированная кружка усеченно-конической формы скорее всего относится ко второй четверти VII—рубежу VII—VIII вв.

Группа IV. Горшки. Тулово раздуто в середине. Составляют 0,74% всей керамики.

Группа V. Корчаги. Тулово раздуто в верхней половине. Составляют 0,74% всей керамики.

Все горшки и корчаги найдены в погребениях второй половины VI—рубежа VII—VIII вв.

Наряду с формой и орнаментом сосудов в определенной степени хронологическим показателем могут служить и знаки на дне сосудов. Распределение этих знаков из датированных комплексов (табл. 8) рисует следующую

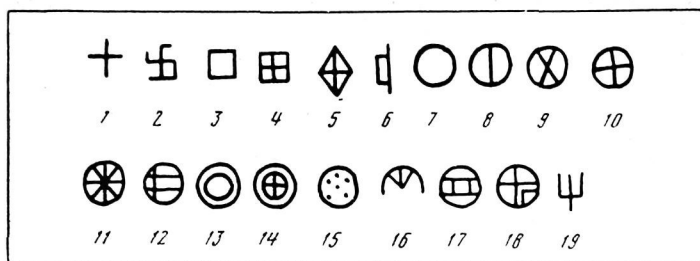

Рис. 6. Знаки на дне сосудов (дополнение к табл. 8)

щую картину. В комплексах второй половины V—середины VIII в. встречается знак в виде ромба с диагоналями (№ 5), поэтому его можно считать характерным для всего периода функционирования могильника Мокрая Балка, так как отсутствие этого знака на сосудах второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв., вероятно, объясняется случайностью. Знак в виде креста встречен на сосудах второй половины V—конца VII в. Три типа знаков обнаружено только на сосудах второй половины V—первой половины VI в. Это — квадрат (№ 3), квадрат с крестом (№ 4) и прямоугольник с вертикальной полоской (№ 6).

На сосудах второй половины VI—первой четверти VII в. встречены знаки в виде круга с косым крестом (№ 9), двойного круга с крестом (№ 14), круга с лесенкой (№ 17). На сосудах середины VI—середины VIII в. встречается знак в виде круга с крестом (№ 10). 9,37% таких знаков встречены на сосудах из комплексов второй половины VI—первой четверти VII в., 87,5 — на сосудах из погребений второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. и только 3,13% — на сосудах первой половины VIII в.

Сосуды из погребений второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. имели знаки в виде свастики (№ 2), круга (№ 7), круга с диагональю (№ 8), круга с двумя горизонтальными и одной вертикальной линиями (№ 12), двойного круга (№ 13), круга с шестью точками (№ 15), полукруга с тремя лучами (№ 16), круга с крестом и уголком (№ 18).

В комплексах второй четверти VII—первой половины VIII в. встречаются знаки в виде круга с многочисленными лучами (чаще всего их число составляет 7) (№ 11).

Использование знаков на дне сосудов как хронологического показателя требует чрезвычайной осторожности, так как многие из них бытовали в течение длительного времени и на большой территории. Поэтому предложенная хронология знаков преследует только одну цель — зафиксировать факт наличия конкретного знака на сосудах определенного времени.

Таким образом, в аланской керамике Центрального Кавказа второй половины V—первой половины VIII в. выделяется ряд форм и элементов.

орнамента, характерных для узких хронологических этапов. Однако эти формы и элементы не возникают внезапно и внезапно не исчезают (что происходит с пряжками и поясными наборами, связанными с общей восточноевропейской модой). Эволюция керамики протекает плавно. Для некоторых типов и подтипов можно проследить время их появления, широкого распространения и выхода из употребления. Судя по имеющимся материалам, выводы, сделанные на базе исследования керамического материала Мокрой Балки, не являются характерными только для этого могильника. Комплексы других северокавказских могильников, одновременные хронологическим этапам Мокрой Балки, содержат те же типы и те же подтипы керамики. Подобное явление наблюдается в Кугульском могильнике I⁵, в погребении на ул. Набережной в г. Кисловодске⁶, в катакомбном могильнике 2 у отстойника кисловодского озера⁷, в могильнике на Георгиевском плато⁸, в могильниках 1, 2 у Лермонтовской скалы и в Клиньярском могильнике⁹, в могильнике у Острога мыса¹⁰, в погребении на плато Кумыш-Баши¹¹, в Байтал-Чапканском могильнике¹² и ряде других. Все это может свидетельствовать о том, что изменения в керамике Мокрой Балки отражают закономерности в эволюции аланской керамики Центрального Кавказа.

¹ Кузнецов В. А. Локальный вариант аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии. — УЗ КБНИИ, 1959, № 16; *Он же*. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106.

² Абрамова М. П. О керамике с зооморфными ручками. — СА, 1969, № 2; Плетнева С. А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

³ Милорадович О. В. Знаки на керамике Верхнего Джулата. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

⁴ Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка. — КСИА, 1979, вып. 158. *Он же*. Новые находки в Мокрой Балке. — СА, 1979, № 3.

⁵ Рунин А. П. Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях. — МАДИСО, 1969, № 2, с. 97—111.

⁶ Пятигорский музей, инв. № 2512.

⁷ Рунин А. П. Отчет с полевых исследований на Кавказских Минеральных Водах. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 1480.

⁸ Пятигорский музей, книга поступлений за 1936 г.

⁹ По материалам Кисловодского краеведческого музея.

¹⁰ Рунин А. П. Разведки у г. Кисловодска. — АО 1974 г., М., 1975, с. 128.

¹¹ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, рис. 37, 38.

¹² Минаева Т. М. Байтал-Чапкан в Черкесии. — СА, 1956, XXVI.

Приложение

Таблица 1. Классификация керамики

Группа	Тип	Под-тип	Количество *	Номера каталогов	Группа	Тип	Под-тип	Количество *	Номера каталогов	
I	1		42		II	3		3		
			3	46, 68, 100			1	2	74, 104	
	2		5			2	1	117		
		1	1	117		4	4	4	36	
		2	1	21			1	1	18	
		3	1	37			2	1	61	
		4	1	82			3	1	3-A	
	5	1	118	4			1	122		
	3		4			5		1	19	
		1	3	10, 46, 113			6		11	45
4	2		1	27		1	1	117		
			30		2	1	1, 17, 24, 74, 90,			
	1	5	25, 34, 77, 89, 94	3	3	8	97, 103			
	2	4	1, 17, 25, 28		4	1	99			
	3	13	9, 15, 50, 55, 59, 78, 87, 92, 103, 113, 114, 117		5	2	22, 74			
		1	33		6	1	15			
	4	1	50		7	1	73			
	5	1	78, 92		8	1	5-A			
	6	2	52		9	1	52			
	7	1	38		10	1	90			
8	1	107	11		1	33				
9	1	113			163					
II	1	10	1	113	III	1		20		
		60					1	3	17, 33, 117	
		27				2	10	22, 38, 50, 73, 90, 93, 114, 117, 122, 11-K		
		1	6	42, 67, 78, 93, 106, 121				102, 117		
		2	2	48, 80		3	2	39		
		3	2	61, 1-K		4	1	43, 52		
		4	1	1-A		5	2	9		
		5	1	65		6	1	45		
		6	1	4-K		7	1	7		
		7	3	100, 116, 12-K		2	1	1	11	
8	3	4, 36, 46	2	3	50, 19-K, 25-K					
9	4	37, 46, 4-A		3	3	2, 122, 2-A				
10	1	42		3	3	31				
11	1	79	3		1					
12	2	44, 48		4	114					
2		6			1	29	5, 16, 19, 24, 25, 30, 32, 34, 58, 61, 65, 74, 79, 80, 86, 89, 90, 103, 106, 107, 109, 117, 120			
	1	1	50							
	2	3	5-A, 1-A-A, 15-K							
	3	1	114							
	4	1	19							

* В графе «количество», в строке, соответствующей номеру группы, указано общее число сосудов этой группы.

Таблица 1 (окончание)

Группа	Тип	Подтип	Количество *	Номера катакомб	Группа	Тип	Подтип	Количество *	Номера катакомб	
III		2	9	1, 11, 15, 21, 39, 61, 102, 105, 121	III		14	1	116	
		3	1	34			15	5	37, 41, 42, 51, 3-A	
		4	2	52, 90			16	3	61, 4-A	
		5	45	1, 3, 7, 9, 15, 17, 20, 21, 29, 33, 35, 44, 50, 59, 62, 73, 75, 76, 78, 92, 94, 101, 103, 104, 109, 113, 114, 117, 118, 121, 5-A			5	1	6	2, 17, 19, 28, 29, 77
				4-A				2	5	10, 17, 26, 94
		6	1	61			3	1	83	
		7	1	1-A			4	2	27, 9-K	
		8	1	72			6	3	3	47
		9	1	41, 46				1	1	57
		10	2	5, 38, 45, 60, 64, 82, 88, 107			2	3	119	
		11	8	5, 46, 121			7	1	4	
		12	3	51, 98			8	1	119	
		13	2			IV	9	1	93	
				V	10	1	77			
							2	45, 61		
							2	61, 119		

Таблица 2. Распределение кувшинов в датированных комплексах

Тип	Подтип	Хронологические этапы				Тип	Подтип	Хронологические этапы			
		I	II	III	IV			I	II	III	IV
1		1	1		1	4	1		4	1	
2	1			1			2		2		
	2			1			3			10	1
	3	1					4			1	
	4	1?					5			1	
	5			1			6			2	
3	1	1	1	1			7			1	
	2			1			8		1		
							9		1		
							10			1	

Таблица 3. Распределение кувшинчиков типа 1 в датированных комплексах

Подтип	Хронологические этапы				Подтип	Хронологические этапы			
	I	II	III	IV		I	II	III	IV
1	2	1	2		7		2		
2			1		8				
3	1			1	9	1			
4	1				10	3			
5					11	1			
6		1			12		2		

Таблица 7. Распределение кружек типов 5—10 в датированных комплексах

Тип	Подтип	Хронологические этапы				Тип	Подтип	Хронологические этапы			
		I	II	III	IV			I	II	III	IV
5	1		4	1	1	6	3	1?			
	2		2	1	7						
	3		1		8				1		
	4			2	9					1?	
6	1				10			1			
	2		1								

Таблица 8. Распределение знаков на дне сосудов в датированных комплексах

Номер знака	Хронологические этапы				Номер знака	Хронологические этапы			
	I	II	III	IV		I	II	III	IV
1	1	1	1		11			4	3
2			1		12			2	
3	1				13			1	
4	1				14	1			
5	1	1		1	15			1	
6	1				16			1	
7			1		17	1			
8			1		18			2	
9		1			19				
10		3	28	1					

**раннесредневековых курганов
Казахстанского Прииртышья**

В 1961 г. одним из отрядов Центрально-Казахстанской экспедиции, руководимым автором, было раскопано 12 курганов в могильнике у с. Боброво (правый берег р. Иртыша) Павлодарской обл.

Полученный материал был частично опубликован¹, но керамический комплекс из этих погребений не получил до сих пор должного освещения. В силу того что глиняная посуда наиболее верно отражает этнографические особенности населения, публикация всей бобровской керамики приобретает особое значение. Исследования раннесредневековых памятников, проведенные за последние годы в Омском Прииртышье², Приобье³, лесостепных районах Приишимья⁴ и Южного Приуралья⁵, дают основание на большом материале рассмотреть своеобразие глиняной посуды из погребений Бобровского могильника. Одновременно исследователи сопредельных районов все чаще обращаются к бобровскому керамическому материалу. Публикация этого материала обусловлена также и необходимостью более широкого использования его в науке.

Ниже дается описание курганов, в которых найдены глиняные сосуды.

Курган 1. Диаметр — 15 м, высота — 0,3 м. Под насыпью, на глубине 0,45 м, в восточной половине кургана обнаружены остатки трупосожжения в виде скопления кальцинированных костей, занимающего площадь 65×90 см мощностью 15 см. Возле кальцинированных костей найдены обломки от четырех горшков и целый кувшин с пробитым дном, поставленный вниз горловиной. Горшки (рис. 1, 1, 7, 8, 10) были изготовлены из неплотного теста с примесью шмота, черепок в изломе черного цвета. Орнамент состоит из косых насечек по венчику и верхней части тулова, по шейке проходит горизонтальный ряд ямок, сделанных путем вдавления с внешней стороны круглой палочкой. С внутренней стороны сосудов сохранились остатки пригорелой пищи. Два сосуда (рис. 1, 7, 10) этой группы имеют одинаковый орнаментальный сюжет и форму венчика, плавно отогнутого наружу, с кососрезанным бортиком.

Остальные два горшка (рис. 1, 1, 8) имеют разные формы венчиков. У одного (4) он прямой, почти не выделен от тулова, у второго (5) — косо срезан наружу и слегка отогнут.

Кувшин (рис. 2, 3) имеет высокое горло, резко переходящее в шарообразное (с округлым дном) тулово. Он изготовлен из неплотного теста с примесью мелкого песка, черепок в изломе серого цвета. По венчику, шейке и верхней части тулова нанесен орнамент, состоящий из ромбов, зигзагов и косых насечек, выполненных гребенчатым штампом.

Здесь же найдены разрозненные кости лошади (обломки черепа, ребро, копыто и голень). В западной половине кургана обнаружены фрагменты

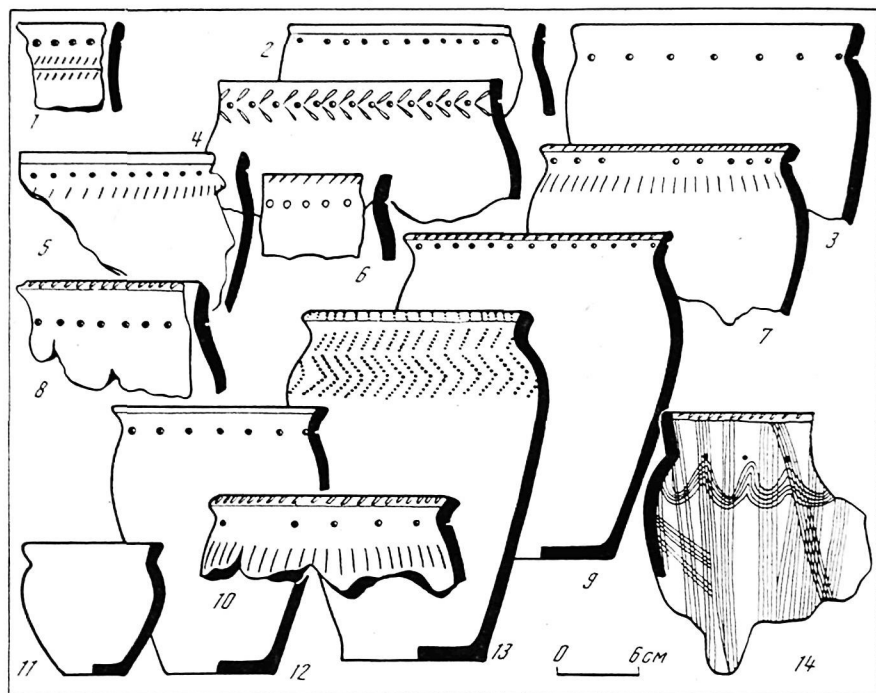

Рис. 1. Горшкообразные сосуды

1 — курган 1, сосуд 4;	6 — курган 4, сосуд 1;	11 — курган 4, сосуд 2;
2 — курган 6, сосуд 5;	7 — курган 1, сосуд 1;	12 — курган 2, сосуд 2;
3 — курган 2, сосуд 4;	8 — курган 1, сосуд 5;	13 — курган 11, сосуд 1;
4 — курган 11, сосуд 2;	9 — курган 13, сосуд 2;	14 — курган 13, сосуд 6
5 — курган 2, сосуд 1;	10 — курган 1, сосуд 3;	

еще двух сосудов, из них один (6) — кувшин с высоким горлом, «раздутым» туловом, острым ребром по плечу и уплощенным дном (рис. 3, 1). По венчику, горловине и верхней части тулова нанесен орнамент гребенчатым штампом в виде горизонтальных рядов косых насечек, ямок, прорезанных желобков.

Фрагмент седьмого сосуда кувшиновидной формы (рис. 4, 3) орнаментирован горизонтальными рядами ромбов, нанесенных гребенчатым штампом и полуovalными углублениями.

Оба сосуда изготовлены способом ручной лепки из неплотного теста с примесью шамота, черепок светло-красного цвета в изломе.

В северной части кургана лежали три черепа лошадей: два — зубами на юг, затылочной частью — на север, один — с обратной ориентировкой.

В западной половине раскопа на глубине 0,6 м обнаружены остатки берестяного чехла прямоугольной формы (1,7×1,4 м). Он состоял из пяти

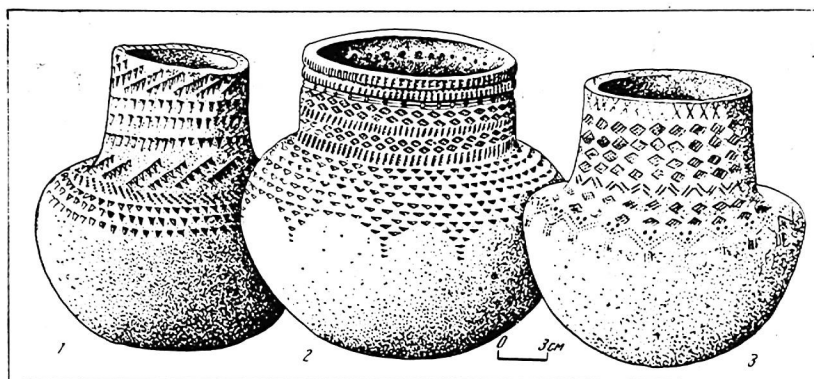

Рис. 2. Кувшиновидные сосуды

1 — курган 2, сосуд 5; 2 — курган 6, сосуд 1; 3 — курган 1, сосуд 14

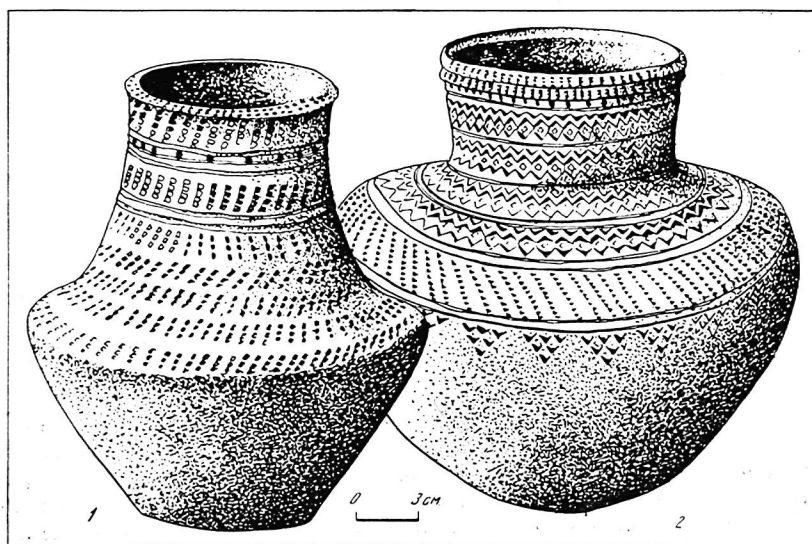

Рис. 3. Кувшиновидные сосуды

1 — курган 1, сосуд 6; 2 — курган 13, сосуд 1

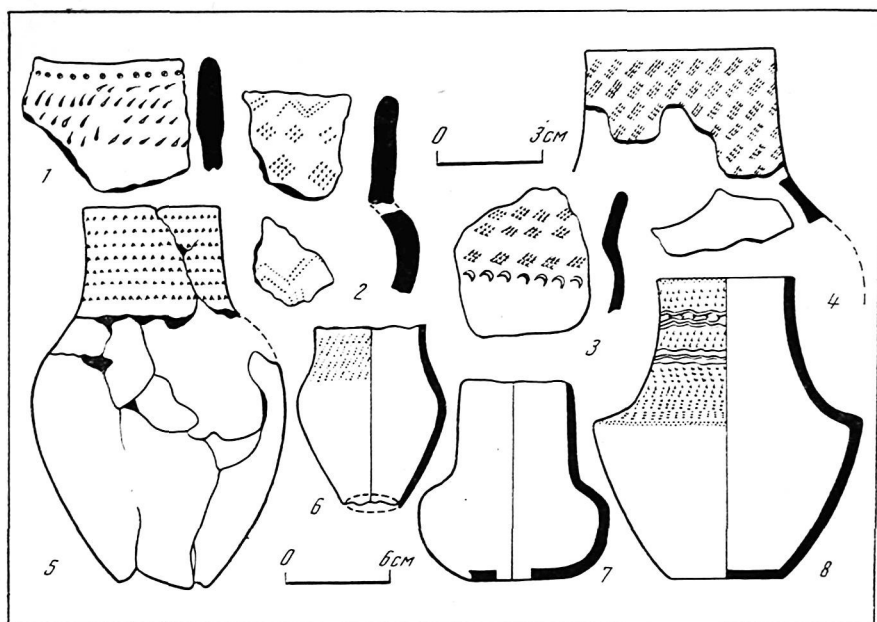

Рис. 4. Кувшиновидные сосуды

1 — курган 6, сосуд 2;	4 — курган 11, сосуд 3;	7 — курган 13, сосуд 5;
2 — курган 6, сосуд 4;	5 — курган 2, сосуд 6;	8 — курган 1, сосуд 4
3 — курган 1, сосуд 5;	6 — курган 11, сосуд 4;	

отдельных листов, соединенных между собой. В местах соединений прослеживаются отверстия диаметром 1,5—2 мм. Под берестой найдены остатки ислевшего дерева, два ребра лошади, несколько кусочков древесного угля.

Курган 2. Диаметр — 14 м, высота — 0,3 м. В восточной половине кургана на глубине 0,45 м обнаружено скопление кальцинированных костей на площади 1,2×1,4 м (толщиной 15 см). Среди них встречены кусочки древесного угля и обрывок обожженной бересты. Возле костей обнаружены фрагменты глиняного горшковидного сосуда (рис. 1, 5) и целый (рис. 1, 12) горшок (поставленный вверх дном) с резко отогнутым венчиком, округлым бортиком, сужающимся ко дну «раздутым» туловом. Второй горшок, судя по сохранившимся обломкам, имел плавно отогнутый венчик и округлый бортик. По форме и орнаменту он подобен сосудам 2 и 3 из первого кургана (рис. 1, 7, 10).

Третий сосуд — круглодонный, со слегка отогнутым венчиком, бортик косо срезан наружу (рис. 5, 2). По венчику и шейке нанесен орнамент в виде ряда косых насечек, ямок и треугольных вдавлений. Сосуд изготовлен

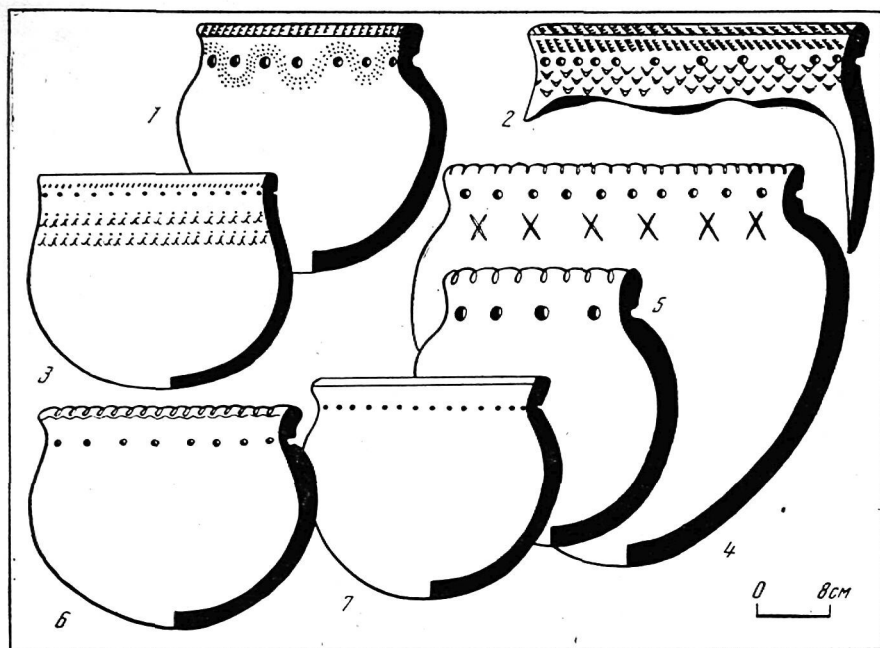

Рис. 5. Круглодонные горшки

1 — курган 4, сосуд 3;	4 — курган 6, сосуд 3;	6 — курган 13, сосуд 6;
2 — курган 2, сосуд 3;	5 — курган 7, сосуд 2;	7 — курган 13, сосуд 3
3 — курган 13, сосуд 4;		

из неплотного теста с примесью шамота, черепок в изломе серого цвета. Около сосудов лежали обломки трубчатых костей, позвонки, ребра и два черепа лошадей.

В западной половине кургана найдены еще три глиняных сосуда (4, 5, 6), из них два (5, 6) — кувшиновидной формы. Один — с высоким горлом, шаровидным туловом и округлым дном (рис. 2, 1), второй — с невысоким горлом, яйцевидным туловом (рис. 4, 5) и отверстием в дне. Орнамент в виде косых и горизонтальных линий из треугольных углублений нанесен по венчику, горловине и верхней части тулова гребенчатым и уголковым штампами. Третий сосуд (рис. 1, 3) — горшковидной формы с отогнутым наружу венчиком и округлым бортиком. Орнамент в виде ямок нанесен по шейке. Рядом обнаружены кости лошадей (четыре черепа, позвонки, ребра, лучевая и большая берцовая кость), птицы (череп и обломок бедренной кости), рога марала и косули, последние — со следами обработки. У рогов марала найден только коррозированный железный предмет в мелких обломках, форму и назначение которого восстановить не удалось.

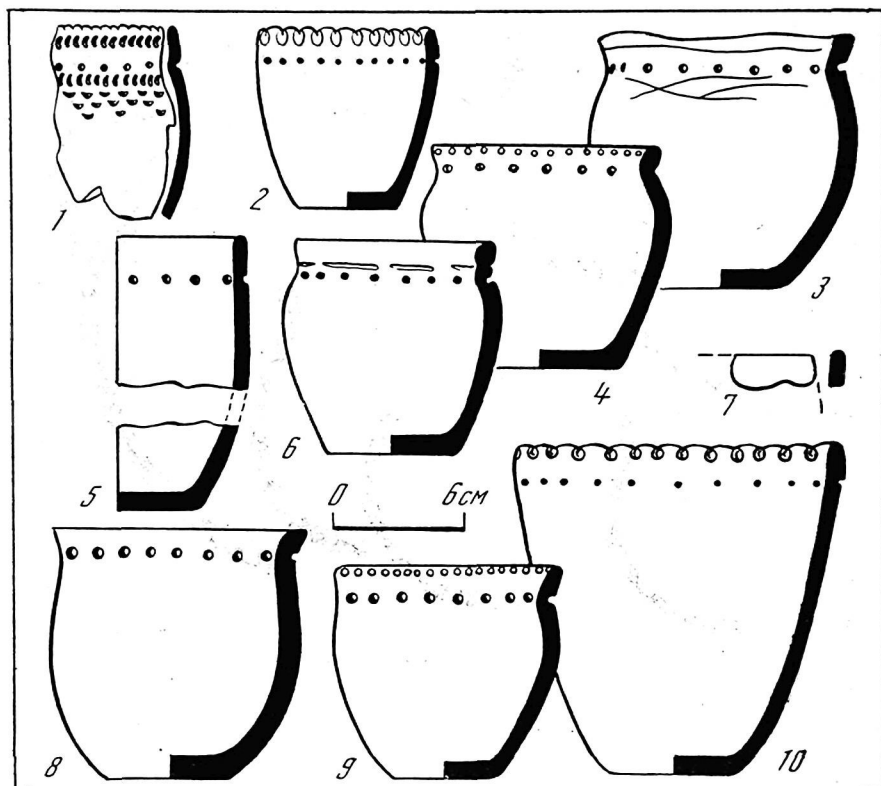

Рис. 6. Банкообразные горшки

1 — курган 3, сосуд 2;

2 — курган 3, сосуд 1;

3 — курган 4 (погребение 2),
сосуд 2;

4 — курган 4, сосуд 5;

5 — курган 3, сосуд 3;

6 — курган 4, сосуд 3;

8 — курган 7, сосуд 2;

9 — курган 5, сосуд 2;

10 — курган 5, сосуд 1

Курган 3. Диаметр — 9 м, высота — 10—12 см. В западной половине кургана на глубине 0,15 м найдены кости лошади (череп, зубы, фаланги, голень, ребро) и обломки сосуда баночной формы с прямым венчиком и округлым бортиком. Орнамент — из косых насечек, полуовальных и округлых углублений — нанесен по венчику, шейке и верхней части тулова. Изготовлен сосуд из неплотного теста с примесью шамота, черепок в изломе черного цвета (рис. 6, 1).

На глубине 0,5 м в юго-западной части кургана обнаружен скелет женщины, лежащей в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. Между черепом и левой ключицей найдены 11 бронзовых и серебряных подвесок сердцевидной формы, покрытых геометрическим и расти-

тельными орнаментом, по обе стороны черепа — бронзовые серьги в виде несомкнутого кольца, на шейных позвонках и на кистях обеих рук — биконические бусы черного цвета из стекловидной массы, у правого коленного сустава — железный однолезвийный нож, острием к ногам, на левой половине грудной клетки — три серебряные бляхи, две из них круглые с четырьмя диаметрально расположенными петельками по краям, третья — ажурная со слегка закрученными концами в виде рогов архара; у левой ступни лежали два железных стремени с отверстием для ремня, образованным дужкой (в виде восьмерки), железные витые удила с восьмеркообразными кольцами и с сильно коррозированными, рассыпавшимися на куски железными псалиями S-овидной формы, костяная подпружная пряжка.

В 90 см южнее женского скелета лежал детский, ориентированный головой к юго-западу. Около черепа найдены шаровидная бусина из стекловидной массы зеленоватого цвета с ребристой поверхностью и бронзовая бляха в форме бантика, покрытая растительным орнаментом, под нижней челюстью — железный миниатюрный нож (рукоять его лежала на шейных позвонках) и большая бусина в виде усеченного конуса, изготовленная из стекловидной массы черного цвета. У ног стоял асимметричный глиняный сосуд баночной формы с вогнутым венчиком, бортик округлый (рис. 6, 2). Орнамент нанесен в виде «защипов» (по венчику) и круглых вдавлений (по верхней части тулова). Тесто с примесью шамота, черепок в изломе черного цвета. На внешней поверхности — остатки копоти. Судя по темно-коричневому тлену, прослеживаемому на костях, погребенные, видимо, были завернуты в кошму.

В юго-восточной части кургана на глубине 0,4 м найдены обломки третьего глиняного сосуда (рис. 6, 5), по форме аналогичного первому, а также нижние челюсти сайги, лисицы и хорька. В сосуде и около него найдены 13 семян кедровой сосны⁶.

Курган 4. Диаметр — 13 м, высота — 0,12 м. В северо-восточном секторе насыпи, на глубине 0,3 м обнаружены обломки глиняного сосуда (№ 1) горшковидной формы, изготовленного из неплотного теста с примесью шамота, черепок в изломе черного цвета. Орнамент по венчику нанесен в виде косых насечек, а по верхней части горловины — в виде горизонтального ряда ямок, выдавленных круглой палочкой (рис. 1, б).

В середине кургана найдены остатки кострища, состоявшие из кусочков древесного угля, золыных пятен, обуглившихся попарно сложенных бревен длиной от 0,7 до 3 м, диаметром 15—20 см. На разных горизонтах в пределах указанной глубины лежали разрозненные обломки костей животных и три астрагала овцы (один из них — обгоревший). В насыпи найдено семь захоронений, шесть из них — детские. Погребенные лежали в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. Большинство скелетов было очень плохой сохранности.

Погребение 1 (грудной ребенок)⁷ было расположено в юго-западном секторе кургана. У ног скелета стоял асимметричный глиняный сосуд (2) с отогнутым наружу удлиненным венчиком и слегка выпуклым туловом,

с плоским дном (рис. 1, 11). Тесто рыхлое, с примесью крупного песка и шамота, черепок в изломе черного цвета. На внешней поверхности сохранились остатки копоти, на внутренней — нагара.

Погребение 2 (скелет ребенка 5—7 лет) было расположено в 3,5 м к востоку от первого. У ног стоял слабопрофилированный округлобокий сосуд (рис. 6, 3) с плоским дном, изготовленный из неплотного теста с примесью шамота. Орнамент в виде горизонтального ряда ямок и коротких линий нанесен круглой палочкой по верхней части шейки. На внутренней поверхности сохранились остатки нагара.

Погребение 3 (скелет ребенка 10—12 лет) было расположено в 1,65 м к юго-востоку от первого. Между грудной клеткой и тазовыми костями найдены: обломок трехгранного железного наконечника стрелы, обломок железного однолезвийного ножа и обрывок железной цепочки, похожий на фрагмент кольчуги. У ног стоял глиняный сосуд с прямым венчиком, шаровидным туловом и округлым дном (рис. 5, 1), изготовленный из рыхлого теста с примесью шамота. На внешней его поверхности видны следы затирки травой и остатки пригорелой пищи (особенно по горловине). По шейке круглой палочкой нанесен орнамент в виде горизонтального ряда ямок, а на венчике и по шейке гребенчатым штампом отгиснуты насечки и волнистая линия. На костях черепа и ног (вдоль скелета) сохранились остатки деревянного перекрытия.

Погребение 6 было расположено в 60 см юго-восточнее погребения 5. Скелет лежал в деревянной колоде длиной 1,4 м и шириной 35—40 см. Поверхность ее была обожжена. У левого бедра найден бронзовый бубенчик желудевидной формы, спаянный по горизонтали из сферических половинок, с петелькой на верхней и узкой прорезью на нижней; у левой половины таза — железный нож с остатками деревянной рукоятки и обломком железного кольца, вероятно от удил. У ног стоял глиняный сосуд (рис. 6, 4) баночной формы, с плоским дном, тесто рыхлое, с примесью шамота, черепок в изломе черного цвета. Орнамент в виде округлых углублений по шейке и вдавлений по венчику нанесен круглой полый палочкой. На стенках сохранились следы затирки травой.

Курган 5. Диаметр — 8 м, высота — 0,1 м. На глубине 0,75 м обнаружено три захоронения (мужское, детское и женское). Скелет мужчины был расположен в северо-западном секторе кургана в вытянутом положении, ногами на северо-восток, череп находился у левого бедра. У ног стоял глиняный сосуд баночной формы без выделенной шейки (рис. 6, 10), расширяющийся кверху. По венчику нанесены вдавления круглой палочкой, по шейке проходит горизонтальный ряд округлых ямок (точечный орнамент). Сосуд изготовлен из неплотного теста с примесью шамота. На поверхности сохранились остатки копоти и нагара. На костях скелета сохранились кусочки истлевшего, слегка обожженного дерева.

Погребение женщины разрушено.

Детский скелет лежал в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад, в юго-восточном секторе кургана. У ног стоял глиняный сосуд (рис. 6, 9) баночной формы, с плоским дном. По его венчику нане-

сены овальные углубления, по шейке — горизонтальный ряд ямок, выдавленных круглой палочкой и образующих на внутренней поверхности «жемчужины».

Курган 6. Насыпь расплывчатая, в плане — вытянутой овальной формы. Диаметр с юго-запада на северо-восток — 15 м, с северо-запада на юго-восток — 12 м, высота — 0,15 м. В юго-западной части (у подошвы кургана) имелось незначительное углубление диаметром 1 м.

В юго-западной половине кургана на глубине 0,2 м найдено железное втульчатое копьё, ромбовидное в сечении.

Там же, на глубине 0,35 м, обнаружены три глиняных сосуда; один — целый, стоял вверх дном (1), два — в обломках (2, 3). Первый сосуд имеет прямое невысокое горло, шаровидное тулово и округлое дно (рис. 2, 2). Бортик венчика косо срезан внутрь. Орнамент состоит из нескольких четких горизонтальных зон. Это косые и вертикальные ряды оттисков гребенчатого штампа, округлых ямок, каннелюр, отпечатков ромбического с сетчатой поверхностью штампа, расположенного в шахматном порядке, а также вдавления уголковым штампом, образующие треугольники вершинами вниз. Изготовлен сосуд из рыхлого теста с примесью шамота, черепок в изломе бурого цвета. На внешней поверхности — остатки копоти.

Фрагмент второго сосуда (рис. 4, 1) орнаментирован по горловине косыми насечками, горизонтальным рядом ямок и подтреугольных вдавлений, нанесенных уголковым штампом. Фрагменты третьего сосуда дают представление о круглодонном горшке с коротким прямым венчиком (бортик уплощенный) и яйцевидным туловом (рис. 5, 4). По венчику его оттиснуты косые насечки, на шейке — ряд ямок и прочерченные крестовидные линии. Наружная поверхность неровная, грубо заглажена травой.

В восточной половине кургана обнаружено скопление кальцинированных костей площадью $1,2 \times 0,7$ м, мощностью 0,2 м, вокруг которого найдены кости лошади (три черепа, астрагал и ляточная кость).

В западной половине кургана, у зольного пятна площадью 30×40 см, среди обгоревших костей лошади найдены обломки кувшиновидного сосуда (4) с невысоким горлом и шаровидным туловом (рис. 4, 2); орнамент — двойные ломаные линии по венчику и заштрихованные ромбы по верхней части тулова — нанесен гребенчатым штампом.

В юго-западной части кургана найдено три скелета лошадей, погребенных параллельно друг к другу, мордами на юго-запад.

Скелет одной лошади был обнаружен на глубине 0,3 м. Она лежала на животе, с подогнутыми под себя ногами. Кости очень плохо сохранились. Вещей не найдено. Скелет второй лошади, также лежавшей на животе с подогнутыми под себя ногами и поднятой головой, был расположен на глубине 0,8 м. В ее зубах найдены железные двукольчатые восьмеркообразные удила с железными S-овидными псалиями, по обе стороны черепа обнаружены две деревянные веретенообразные поделки, две бронзовые выпуклые бляхи с отверстиями по краю для пришивания и бронзовая ворворка. Под черепом лежали обломки бронзового бубенчика, по бокам скелета — железные стремяна с плоской подножкой и четырехугольным

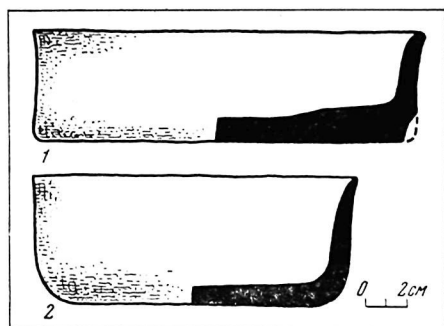

Рис. 7. Плоскодонные сковородки

- 1 — подъемный материал с поселения близ д. Башмачное;
2 — курган 6, сосуд 6

с железными черешковыми наконечниками, овальных в сечении, с окрашенными в красный цвет древками⁸, на конце которых имеются прорезы для тетивы лука; на некоторых древках сохранились обрывки сухожилий, с помощью которых крепились наконечники и оперение. Общая длина стрелы — 80 см. Кроме того, в колчане помещались запасное древко длиной 43 см и стрела с массивным круглым в сечении наконечником и вырезами у конца, которые, очевидно, были сделаны для привязывания шнура; общая длина этой стрелы — 59 см.

В саадаке были найдены также остатки сложносоставного лука с двумя серединными костяными накладками, костяная фигурная пряжка от подпруги, остатки кожаного пояса с концевой бронзовой пряжкой, подвижным язычком и пластинчатым основанием, украшенного бронзовыми бляшками сердцевидной и овальной формы (на бляшках имеется рельефное изображение всадника, отражающего копьем нападение тигра). Здесь же лежала сильно покоробленная деревянная чаша с кусочками сильно коррозированного железа в ней, а также четыре железные подвески с прорезью. Под колчаном найдены остатки верхней одежды (кафтан и халат) из шелковой ткани⁹.

Скелет третьей лошади находился на глубине 1 м. Она лежала с подогнутыми под себя ногами и была покрыта сверху берестой. В предполагаемом месте черепа собраны обломки от глиняного горшка (рис. 1, 2) и от плоскодонного, овального в плане, с невысокими стенками сосуда типа сковороды (рис. 7, 2), изготовленных из теста с примесью шамота, черепок в изломе серого цвета. Орнамент нанесен по венчику и верхней части тулова горшка в виде косых насечек и ямок. Среди костей скелета попадались кусочки древесного угля.

Под скелетом найден покоробленный берестяной колчан с вырезанным «карманом» на верхнем конце и вставным деревянным дном. В колчане

отверстием для ремня, пробитым в пластинке, выступающей в верхней части дужки; рядом со стременами найдена бронзовая миниатюрная пряжка с подвижным язычком. Под скелетом сохранился покоробленный берестяной чехол (саадак) прямоугольной формы длиной 1,7 м и шириной 50—60 см. Он был расположен длинной осью с юго-запада на северо-восток. Здесь же найден второй бронзовый бубенчик. В чехле находился берестяной колчан с открытым прямоугольным «карманом» и вставным овальным деревянным дном. Вырез «кармана» прикрыт тканью. В колчане длиной 90 см было найдено семь стрел

находились овално-уплощенные (2) трехлопастные (3) и один четырехугольной формы железные наконечники стрел. В отличие от первого колчана стрелы лежали здесь наконечниками и вниз (ко дну), и вверх (к открытому «карману»). Параллельно колчану лежал берестяной чехол-налуч (длиной 1,5 м и шириной 0,35 м), в нем сохранились остатки деревянного лука с двумя серединными и с двумя (на одном конце) концевыми костяными накладками. Длина лука (по тетиве) — 1,3 м.

Между луком и колчаном стояла сильно покоробленная деревянная чаша, в которой были железный нож и два ребра овцы; у верхнего конца колчана обнаружен спекшийся железный предмет и берестяное изделие вильчатой формы неизвестного назначения.

Курган 7. Диаметр — 9 м, высота — 0,15 м. В южной половине и в северо-западном секторе насыпи отмечены небольшие углубления. На глубине 0,15 м в северной половине кургана найден железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы со следами жильной обмотки (в пять оборотов) на черешке. В восточной части кургана, на глубине 0,55 м, обнаружен детский скелет. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. У его ног на березовой доске с неснятой корой стоял глиняный сосуд баночной формы (рис. 6, 8), с плоским дном, слегка отогнутым венчиком (бортик округлый) и рядом ямок по горловине. На костях и под ними прослеживался темно-коричневый глени (сгнившее дерево), с правой стороны скелета сохранился кусок бересты. Очевидно, костяк лежал между двумя досками, завернутыми в бересту.

Курган 11. Диаметр — 12 м, высота — 0,2 м. На глубине 0,3 м в восточной половине кургана обнаружены фрагменты трех глиняных сосудов. Два из них — в форме горшка с отогнутым венчиком. Бортик первого венчика срезан наружу, второго — округлен. По венчику и горловине первого сосуда ломаные линии и косые насечки нанесены крупнозубым гребенчатым штампом (рис. 1, 13). По шейке второго горшка (рис. 1, 4) между ямками выдавлены оттиски гладкого штампа, образующие угол. Оба сосуда изготовлены из неплотного теста с примесью шамота. Черепок в изломе — черного и серого цвета. Наружная поверхность неровная, грубо заглажена. Фрагмент от третьего, кувшиновидной формы сосуда орнаментирован по горловине шестью горизонтальными рядами из ромбов, нанесенных гребенчатым штампом, тесто неплотное, с примесью шамота, черепок в изломе — бурого цвета (рис. 4, 4). На той же глубине в юго-западной части кургана стоял вверх дном кувшиновидный глиняный сосуд (4) с яйцевидным туловом и отверстием в дне (рис. 4, 6). Диаметр отверстия — 5 см. По всей поверхности горловины проходят четыре горизонтальных ряда косых насечек, нанесенных гребенчатым штампом. Около сосуда зафиксированы скопления древесного угля, обломков обгоревших костей и точильный камень. В северной части кургана, на глубине 0,4 м, обнаружены кости лошади (бедренная и берцовые задней ноги, обломки челюсти) и железная пряжка овальной формы с подвижным язычком. На глубине 0,75 м в западной части кургана найден берестяной чехол —

саадак, в котором лежал берестяной колчан, аналогичный колчану из кургана 6. Длина саадака — 1,2 м, ширина — 32 см, на нем сохранились два берестяных «обруча»: один — посередине, другой — у конца. На «обручах» имеются отверстия, очевидно для крепления.

В колчане находились железные черешковые наконечники стрел овальной и трехгранной в сечении формы. Древки стрел очень плохой сохранности. От лука уцелели лишь срединные накладки. Рядом с колчаном найдена фигурная костяная пряжка стреловидной формы. На этой же глубине в восточной части кургана лежали три черепа лошадей.

Курган 12. Диаметр — 8 м, высота — 0,2 м. На глубине 0,2 м в северо-восточной части насыпи найден небольшой обломок венчика от глиняного гладкостенного сосуда, изготовленного из рыхлого с примесью шамота теста, черепок в изломе — черного цвета (рис. 6, 7). На разных горизонтах в насыпи встречались кусочки древесного угля. Под западной половиной насыпи выявлена овальная могила (2,6×1,4 м, глубиной 2,45 м), ориентированная с запада на восток.

На глубине 1,65 м обнаружена заставка подбоя в южной стенке. Заставка состояла из 22 бревен с неочищенной корой, диаметром 5—12 см и длиной 0,3—0,8 м. Бревна стояли наклонно, верхние концы их упирались в южную стенку, а нижние — в приступку у северной стенки. Глубина подбоя — 0,5 м, высота — 0,65 м. Погребенный лежал в подбое в вытянутом положении, на спине, головой на запад. При скелете найдены: у изголовья — череп и голень овцы с железным ножом, на тазовых костях — две сильно корродированные железные пряжки, форму их восстановить не удалось.

Скелет был заключен между двумя необработанными жердями длиной 1,32—1,35 м, диаметром 4—5 см. Поперек скелета и под ним прослеживались остатки древесины. Все это сооружение напоминает носилки, на которых опустили тело умершего. Погребенный, вероятно, был завернут в кошму, остатки которой в виде коричневого тлена сохранились на костях и под костями скелета.

Курган 13. Диаметр — 12 м, высота — 33 см. В южной половине насыпи на глубине 0,2 м обнаружен железный обоюдоострый меч (в обломках) длиной около 1 м. Под рукоятью найдены две бронзовые накладки: одна — сердцевидной формы, вторая — прямоугольная, с лицевой стороны выпуклая, разделенная бороздками на четыре части; на оборотной стороне в центре каждой накладки имеется штифтик для крепления. Около меча стоял вверх дном глиняный кувшиновидный сосуд с прямым невысоким горлом, шаровидным туловом и округлым дном (рис. 3, 2). По горловине и верхней части тулова вследствие чередования композиций из вертикальных и наклонных оттисков гребенки, отпечатков ромбического и уголкового штампа отчетливо различаются семь горизонтальных зон, отделенных одна от другой прочерченными желобками. Под венчиком проходит рубчатый валик. Черепок в изломе — черного цвета, с примесью крупного песка. Сосуд тонкостенный, со следами легкого лощения. Внешняя его поверхность местами закопчена.

На этой же глубине найдена каменная поделка овальной формы, возможно заготовка для пращи. В северо-восточной части кургана, на глубине 0,4 м, обнаружены остатки трупосожжения в виде скопления кальцинированных костей, занимающего площадь 2×1,5 м.

В разных местах раскопа лежали три нижние челюсти и трубчатые кости лошадей. В северо-западной части кургана найдены три глиняных сосуда (2, 3, 4). Сосуд 2 (рис. 1, 9) имеет форму горшка с плоским дном, невысокой горловиной, слегка отогнутым венчиком, с выпуклым сужающимся к дну туловом. По венчику нанесены косые насечки, по горловине выдавлен круглой палочкой горизонтальный ряд ямок. Тесто рыхлое, с примесью шамота, черепок в изломе серого цвета. Третий сосуд представляет собой горшок (рис. 5, 7) с коротким, слегка отогнутым венчиком, шаровидным туловом, округлым дном и горизонтальным рядом ямок по горловине. Четвертый сосуд (рис. 5, 3) — круглодонный, с прямым, слабо отогнутым венчиком (бортик прямой). По горловине идут треугольные вдавления и ряд ямок, по верхней части тулова нанесены отпечатки в виде «уточки».

В северо-восточной части были найдены еще два сосуда (5, 6) в обломках. Сосуд 5 (рис. 4, 7) с низким округлым туловом, высоким горлом, с отверстием в уплощенном дне, предназначался, вероятно, для отжимки творога. Тесто с примесью шамота, черепок в изломе розового цвета. Высота — 15 см, диаметр венчика — 8,5 см, диаметр донного отверстия — 2,5 см.

Шестой сосуд — круглодонный, с шаровидным туловом, слабо отогнутым венчиком (бортик косо срезан наружу) и с орнаментом в виде ямок по горловине и косых насечек на венчике (рис. 5, 6). Около него лежали обломки челюсти коровы. На глубине 0,65 м в северной части кургана обнаружены обломки седьмого сосуда (рис. 1, 14) горшковидной формы, со слабо отогнутым венчиком (бортик косо срезан наружу) и выпуклым туловом. По шейке проходит горизонтальный ряд ямок, ниже которых прочерчена многорядная волна. Внешняя поверхность горшка покрыта вертикальными неглубокими полосами, на внутренней видны следы затирки травой. Тесто с примесью шамота, черепок в изломе — серого цвета. Рядом с обломком сосуда лежали кости овцы (шейный позвонок, кости задней ноги) и кусочки древесного угля.

Таким образом, в исследованных курганах с находками сосудов наблюдаются три обряда погребения: 1 — трупосожжение (курганы 1, 2, 6, 11, 13), 2 — труположение в грунтовых ямах (курганы 7, 12), 3 — труположение в почвенном слое без могильной ямы (курганы 3, 4, 5).

Сожжение покойника совершали, очевидно, где-то в стороне, так как в курганах не прослежено сколько-нибудь мощных остатков кострищ. К месту погребения приносили сожженные останки и соорудили насыпь, предварительно положив вещи, которыми пользовался покойник ранее и считавшиеся необходимыми в «загробной жизни». В ряде случаев при

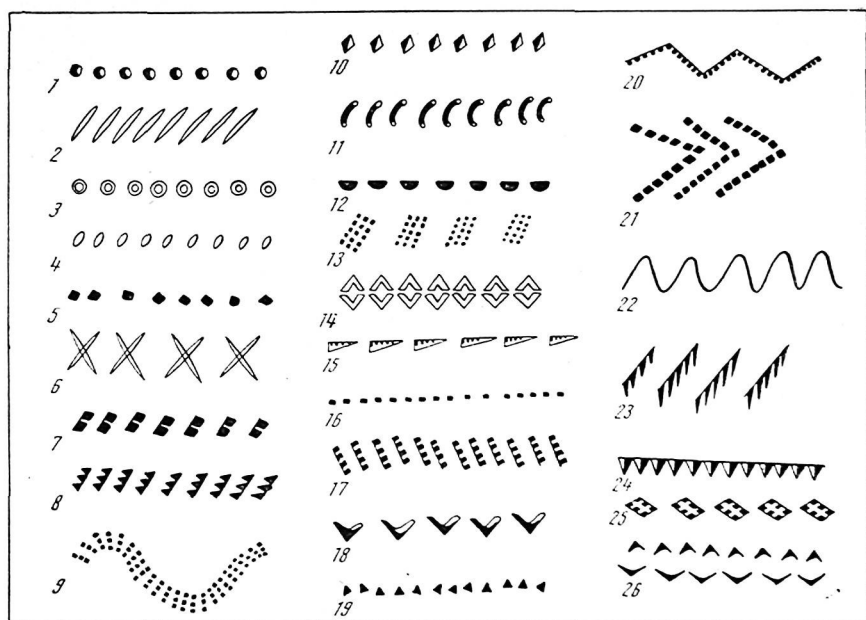

Рис. 8. Элементы узора глиняных сосудов

погребенном зафиксированы умышленно испорченные вещи (сосуды с пробитым дном, разломанный на части меч и др.).

Обычай класть в могилу вещи, предварительно разломав их, зарегистрирован у племен бельтир, живших на Енисее, в Минусинском крае. «Они (бельтиры. — Ф. А.) возле покойника кладут вещи, употреблявшиеся в этом мире, — писал И. Ф. Катанов, — узду разрезают. . . чашку, ложку покойника, изломавши, кладут в гроб. На том свете вещи, которые здесь имеют обратный вид, получают прямой, настоящий вид»¹⁰. Представления древних племен «о загробном мире» как продолжении настоящей жизни получили здесь достаточно яркое отражение.

Сопровождающий инвентарь в захоронениях довольно разнообразен и обилен¹¹. Он представлен орудиями труда, оружием, конской сбруей, остатками шелковой одежды, украшениями. Основное место среди вещевого материала занимает глиняная посуда. Следует подчеркнуть, что в курганах с трупосожжением количество сосудов различных форм доходит до семи-восьми в каждом, тогда как в женских или детских погребениях найдено лишь по одному сосуду. Всего в 12 исследованных курганах найдено 44 сосуда. Все сосуды сделаны из глиняного теста, с примесью шамота, реже — песка. Техника изготовления сосудов — ручная лепка ленточным способом и путем выдавливания из кома глины. Обжиг неравномер-

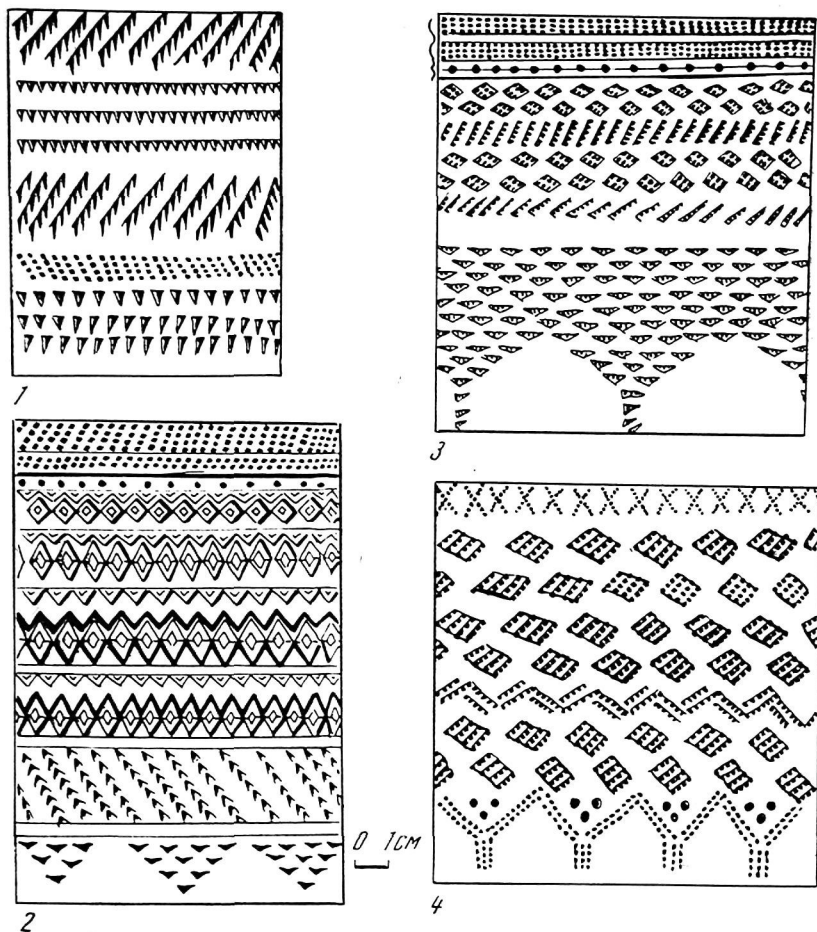

Рис. 9. Орнаментальные композиции на кувшиновидных сосудах

ный, костровый; большинство сосудов серовато-черного и светло-коричневого цвета, черепок в изломе — серый и черный. На поверхности сосудов чаще всего прослеживаются следы затирки травой и иногда — лощения.

Почти все сосуды украшены по венчику, плечикам и, реже, тулову орнаментом. Наиболее распространенным элементом орнамента является горизонтальный ряд ямок, образующих внутри сосуда «жемчужины». Часто встречаются оттиснутые гребенчатым или гладким штампом косые насечки, реже — ромбы, ломаные линии, овальные и треугольные углубления, нанесенные уголковым штампом, иногда — треугольники, спус-

кающиеся вершинами вниз. Встречается также прочерченный орнамент в виде горизонтальных или косых пересекающихся линий.

Описанные элементы орнамента (рис. 8) в сочетании составляют до семи горизонтальных полос, украшающих верхнюю половину сосудов.

В орнаментации сосудов всех типов характерна строгая горизонтальная зональность. Главной особенностью бобровской керамики является разнообразие форм и орнамента. Среди найденных сосудов нами выделены кувшины, горшки и открытые плоскодонные сковородки.

Кувшиновидные сосуды (рис. 3, 2, 4) отличаются от остальных групп по качеству изготовления и орнаментальному сюжету. Все они сделаны из глины с примесью песка или шамота. Обжиг слабый, костровый, черепок в изломе, как правило, черного или бурого цвета. Внешняя поверхность сосудов темно-серого цвета с черными пятнами или темно-коричневого — с серыми пятнами. На некоторых сосудах сохранились снаружи остатки копоти и пригорелой пищи. Наружная поверхность заглажена, иногда подлощена.

Характерной чертой этой группы сосудов является расположение основной орнаментальной зоны по горловине и по верхней части тулова. Многогорядная композиция узора достигалась чередованием различных типов штампов. Каждая зона обычно отделена прочерченными желобками.

Сочетание косых, вертикальных, крестовидных и пересекающихся насечек, заштрихованных ромбов, треугольников, овальных и круглых ямочных углублений с внешней стороны и «жемчужин» — с внутренней составляет основной мотив орнамента этой группы посуды (рис. 9).

Техника орнаментации кувшинов довольно сложна и многообразна. Для нанесения узора «бобровские» племена использовали главным образом крупно- (трех- и пятизубые) и мелкогребенчатые штампы. Для нанесения ямок и горизонтальных желобков часто применяли округлую деревянную или костяную палочку. Изучение орнаментальных композиций, состоящих из геометрических фигур, позволяет выделить несколько штампов. Один из них — уголкового (рис. 8, 14, 18), второй — ромбовидный, заполнение его — решетка из шести ячеек (рис. 8, 25).

Таким образом, в орнаментации кувшиновидных сосудов Бобровского могильника преобладают гребенчатый, ромбовидный и уголкового штампы, прочерченные желобки. Реже встречены ямки и «жемчужины» (рис. 9).

По форме горловины, тулова и дна кувшины можно подразделить на три типа. Первый тип представлен круглодонными кувшинами с невысоким горлом и шаровидным туловом (рис. 3, 2; 2, 2). Характерной чертой этих сосудов является наличие двух рубчатых валиков под венчиком. На одном сосуде имеется закраина на внутренней стороне венчика. К этому типу относятся еще два сосуда с высоким горлом (рис. 2, 3).

Ко второму типу относятся два кувшина (рис. 4, 7, 8; 2, 1) с высоким горлом, «раздутым» туловом, острым ребром по плечу и уплощенным дном. Любопытно, что у одного из них (рис. 4, 7) имеется отверстие в плоском дне диаметром 2,5 см.

Высота первого и второго типов сосудов колеблется от 16 до 23 см,

диаметр венчика — от 9 до 12,5 см, наибольший диаметр тулова — от 14 до 23 см. Толщина стенок — 0,5—1,2 см.

Третий тип включает сосуды с невысоким горлом и яйцевидным туловом (рис. 4, 2—6). В двух из них (рис. 4, 5, 6) имеется отверстие по всему диаметру дна. Узор, покрывающий горловину и верхнюю часть тулова, упрощен и состоит из косых насечек, нанесенных трех- или четырехзубым гребенчатым штампом, подтреугольных вдавлений, а также лунниц. К сожалению, этот тип посуды представлен фрагментарно, поэтому точно установить в каждом отдельном случае размеры не представляется возможным. Приблизительная высота — от 13 до 20 см, диаметр венчика — от 8 до 14 см, толщина стенок — от 0,5 до 1 см.

Открытие новых памятников в соседних лесостепных районах Прииртышья, Омском Прииртышье, а также кушнаренокских и каракуповских типов керамики расширило круг аналогий посуде из Бобровки, значительно увеличило территорию распространения подобной керамики. Надо сказать, что и ранее мною обращалось внимание на сходство (по форме и орнаменту) бобровских кувшинов с посудой северных лесостепных районов Западной Сибири (Омское Прииртышье, Барсов городок, Басандайка, Томский могильник, Потчевашское городище), а также западных районов (Стерлитамак) Башкирии¹².

Определенный интерес представляет сравнительный анализ элементов орнамента бобровской керамики с посудой из сопредельных регионов. Известно, что в орнаменте наиболее четко сохраняются своеобразные черты, характерные для определенной этнической группы населения.

В этой связи заслуживают внимания единство технических приемов нанесения орнамента, композиционное построение многорядных узоров, сочетание отдельных элементов, нанесенных гребенчатым, ромбовидным и угольным штампами на бобровских кувшинах и на керамике потчевашских¹³, логиновских¹⁴, большеложских¹⁵ памятников.

Указанное сходство можно объяснить, по-видимому, включением Бобровского могильника в круг лесостепных культур Западной Сибири, в развитии которых значительная роль принадлежала степным племенам. В этом плане интересна мысль В. И. Мошинской о существовании в районе Тобольского Прииртышья потчевашской культуры, испытывавшей непосредственное влияние степных культур Казахстанского Прииртышья¹⁶. Отмеченные общности в форме и орнаменте бобровской посуды с потчевашской, безусловно, свидетельствуют о тесных связях, а может быть, в некоторых случаях и об этнической близости. При этом надо учитывать выделение рядом исследователей позднего этапа потчевашской культуры¹⁷.

Стилизовое сходство бобровских кувшинов с южноуральскими позволило В. Ф. Генингу выдвинуть предположение о том, что верховья Обь-Иртышского междуречья были теми территориями, откуда вышло население, осевшее в V в. в Южном Приуралье¹⁸. К этой точке зрения склоняется и Н. А. Мажитов, разбирая кушнаренокские и каракуповские кувшины¹⁹.

Таблица 1. Размеры восстановленных горшков

Место находки	Д	Д ₁	Д ₂	Д ₃	Н
Курган 11/1*	25,5	27,5	22,5	14	32
Курган 2/2	22	21	19,5	11	24,5
Курган 13/2	27	27	25,2	14	29,5

* В числителе — номер кургана, в знаменателе — номер сосуда. Размеры сосудов даны в сантиметрах.

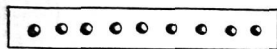
Говоря о сходстве бобровских кувшинов с посудой Прииртышья, Тобольского Прииртышья, Приобья и Южного Урала, нельзя не упомянуть и о своеобразии форм и узора курганной керамики. В отличие от логиновской, потчевашской и большеложской культур, где преобладают сосуды горшковидной и чашевидной форм, в бобровском комплексе значительную часть посуды составляют кувшины разных типов. Довольно редкими являются кувшины с отверстием в плоском дне. В орнаментальном мотиве бобровских сосудов данного типа отсутствует ряд штампов: «уточка», «змейка», ромбический глазчатый и кружковый с крестом внутри. Указанные отличия свидетельствуют о сохранении своеобразных этнографических черт, характерных для этнической группы населения Казахского Прииртышья.

Большую часть (71%) посуды из бобровского комплекса составляют горшки, которые по форме горловины, тулова, дна разделены на следующие типы:

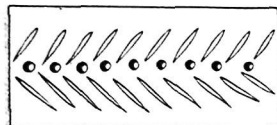
I. Высокие ($H > D$) горшки с узким дном и расширенным в верхней трети округлобким туловом ($D_2 > D_1$), сужающимся к горловине. Венчики плавно отогнуты, бортики прямые или косо срезаны наружу. По размерам горшки неодинаковы. Восстановлены три сосуда (табл. 1).

С учетом размеров фрагментарно сохранившихся сосудов диаметр венчиков варьирует от 22 до 30 см, диаметр горловины — от 19 до 29,5 см, диаметр наибольшего расширения — от 21 до 32 см, высота — от 24 до 32 см. Обычно этот тип сосудов орнаментирован только по краю венчика и шейке. Преобладают в узоре косые насечки, ямки, ломаные линии, оттиснутые гребенчатым и гладким штампами (рис. 10, 2, 4, 5, 17). Существенной особенностью данного типа керамики является ее малочисленность, но чаще — ее отсутствие в синхронных курганных захоронениях соседних районов.

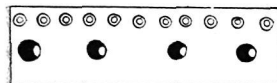
Единичные сосуды горшковидной формы (меньших размеров) найдены в кургане на Ближних Елбанах²⁰ и у с. Камышинка Шемонахинского района²¹.

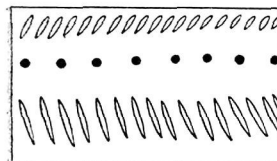
1

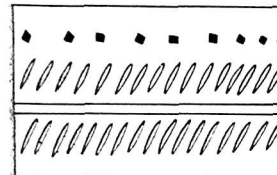
2

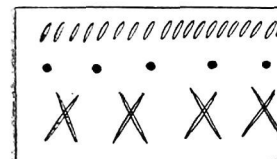
3

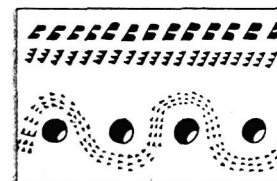
4

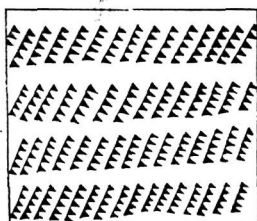
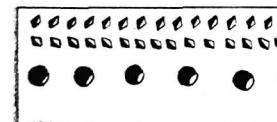
5

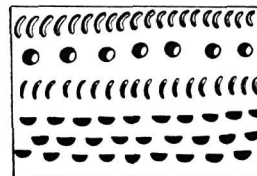
6

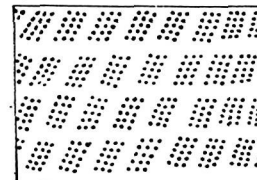
7

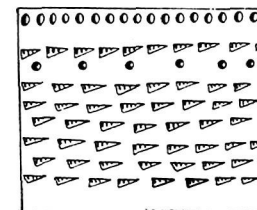
9

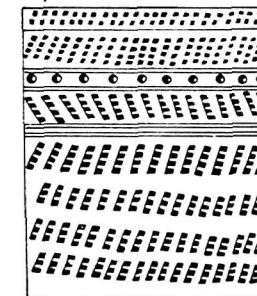
10

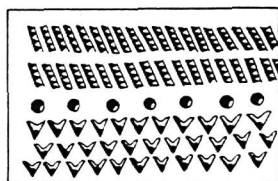
11

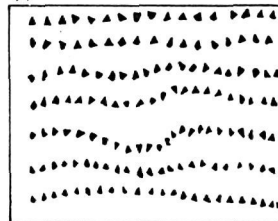
12

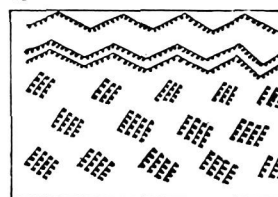
13

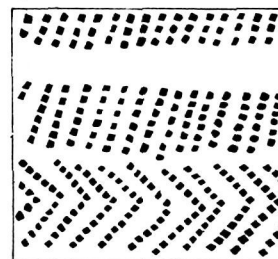
14

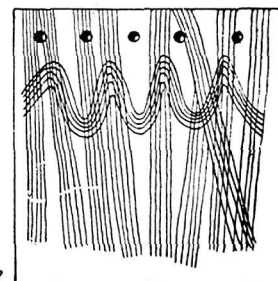
15

16

17

18

0 2 cm

Надо отметить, что подобная форма горшков зафиксирована на каменных изваяниях из Прииртышья²² и Семиречья²³. Высокие горшки, похожие на бобровские, являются разновидностью посуды одной группы племен центральной Башкирии, расселившихся здесь во второй половине I тысячелетия и вошедших в литературу под названием «романовский тип»²⁴.

Высокие профилированные горшки, напоминающие бобровские, широко использовались также населением оседлоземледельческих районов Казахстана в VIII—X вв.²⁵ Довольно большое число такого типа посуды в курганах Бобровского могильника, может быть, объясняется специфической формы хозяйства прииртышского населения. Из письменных источников, подтвержденных и археологическими материалами, известно о существовании земледелия у кимаков²⁶. Этим объясняется, вероятно, наличие высоких плоскодонных горшков, типичных для оседлоземледельческого населения, использовавшихся как тарная посуда.

II. Круглодонные горшковидные сосуды с расширенным округлым или яйцевидным туловом и суженным горлом. У всех сосудов четко выражена шейка. Короткие венчики прямые или слегка отогнуты наружу. Бортики плоские или закругленные. Все сосуды изготовлены из глины с примесью шамота, черепок в изломе — серого или черного цвета. Внешняя поверхность — серовато-черная или светло-коричневая, с остатками пригорелой пищи на верхней части сосуда и копоти, толщина стенок — 0,4—1 см. Наружная поверхность грубо заглажена и очень неровная. Размеры сосудов варьируют в довольно широком диапазоне: диаметр венчика — 13—22 см, высота — 12—23 см. Орнамент расположен по венчику и шейке.

Наиболее распространенным элементом орнамента являются округлые ямки (рис. 10, 1), образующие «жемчужины» на внутренней поверхности в сочетании с волнистой линией (рис. 10, 7), крестовидными пересекающимися насечками (рис. 10, 6), горизонтальными рядами подтреугольных углублений, нанесенных уголковым штампом (рис. 10, 14). В единственном случае зафиксирован элемент, напоминающий оттиск штампа «уточка» (рис. 5, 3), широко используемый северными приобскими племенами.

При общности композиционного решения орнаментальных элементов на бобровских сосудах и на посуде северных лесостепных племен надо отметить стилевое различие узора. Присущая керамике из городищ Потчеваш, Логиновское и Мурлинское многорядная композиция из различных штампов («уточка», ромбический, уголкового, гребенчатый) на бобровских горшках отсутствует. Эта группа посуды в отличие от предыдущей (кувшины) широко распространена в раннесредневековых комплексах Омского Прииртышья, Пришимья, Приобья²⁷ и Южного Урала²⁸. Характерно, что они близки и по размерам. Однотипные сосуды изображены на каменных скульптурах Казахстана²⁹.

Широкое использование горшков данного типа в Казахском Прииртышье, очевидно, связано с традицией ранних кочевников пред-

шестую эпохи, у которых преобладающей формой керамики были круглодонные горшки³⁰.

III. Горшки баночной формы. Среди них имеются широкогорлые сосуды с прямыми и отогнутыми внутрь венчиками (округлыми или уплощенными бортиками), без заметного перехода к тулову (рис. 6, 1, 2, 5, 7, 10), сужающиеся ко дну. Разновидностью этой группы посуды являются слабопрофилированные образцы банкообразной формы с «раздутым» туловом, сужающимся ко дну. Утолщенные округлые венчики слегка выступают над слабонамеченной шейкой (рис. 6, 3, 4, 6, 8, 9). Все сосуды изготовлены из неплотного теста с примесью шамота, черепок в изломе — черного или серого цвета. Наружная поверхность неровная, со следами заглаживания гладким штампом. Эти сосуды сравнительно небольшие по размерам. Высота их — от 10 до 18 см, диаметр венчика — 10—19 см, диаметр наибольшего расширения — 11—17 см, диаметр дна — 6—7 см.

Наиболее распространенным элементом орнамента являются округлые ямки (различные по диаметру и глубине) на шейке, а с внутренней стороны — «жемчужины». На одном горшке у венчика обозначен кружковой орнамент, оттиснутый полой трубочкой (рис. 8, 3). Исключением является узор из семи рядов, состоящий из косых насечек и полуовальных углублений, нанесенный на фрагменте сосуда из кургана 3 (рис. 8, 11, 12).

Сосуды баночной формы, по мнению Л. Р. Кызласова, являются единственной известной формой, которую изготавливали сами тюрки в VI—VIII вв. Этот тип посуды найден в Туве³¹, на Алтае³² и в Омском Прииртышье³³. Аналогия банке с широким дном имеется в Восточном Казахстане³⁴.

В единственном экземпляре найден (курган 6) фрагмент глиняной плоскодонной сковородки (рис. 7, 2), напоминающей горносталевские³⁵ и логиновские³⁶ сковородки-жаровни. Подобный сосуд был обнаружен нами в 1961 г. на распаханном поселении у с. Башмачное Павлодарской области (рис. 7, 1).

Деревянные сосуды чрезвычайно редки. Только в двух курганах зафиксированы остатки круглодонных чаш диаметром 13—17 см, изготовленные из березы и осины.

Итак, полученный комплекс весьма своеобразной керамики из Бобровского могильника впервые дает возможность сравнительно полно представить уровень развития гончарного производства и степень использования глиняной посуды в быту у кимаков Прииртышья.

Среди найденной керамики в количественном отношении преобладают горшки (71%), причем высокие горшки составляют 32% от общего числа, банки — 23%, круглодонные горшки — 16%. В меньшем количестве представлены кувшины — 27%. В единственном экземпляре найдена плоскодонная сковородка.

По назначению сосуды разделяются на столовые (I тип) и кухонные (2-я, 3-я группы II типа). Высокие горшки, возможно, использовались как тарная посуда.

Систематизация орнаментальных композиций позволила выделить три наиболее характерных простейших элемента узора.

1. Горизонтальный ряд ямочных вдавлений с внешней стороны, исполненных круглой палочкой (рис. 8, 1), образующих бугорки («жемчужины») с внутренней стороны. Этот элемент наносился главным образом на шейке всех типов сосудов и составляет во всех сюжетах орнамента 73%. Изредка на венчике горшков встречаются овальные углубления или кружковый орнамент (рис. 8, 3, 4).

2. Горизонтальный ряд наклонных отпечатков, оттиснутых гладким или гребенчатым штампом (рис. 8, 2, 7, 8, 17, 23). Такой узор зафиксирован на венчике, шейке и плечиках всех типов сосудов и составляет 29%.

3. Горизонтальный ряд заштрихованных или гладких отпечатков ромбов (рис. 8, 14, 25). Он отмечен только на шейке и плечиках кувшиновидных сосудов. Остальные элементы орнаментации (рис. 8) встречаются лишь в единичных экземплярах.

Представляет интерес узор в виде неглубоких вертикальных полос и «гирлянд» (рис. 10, 18) на плечиках горшка из кургана 13. Подобный мотив был широко распространен на кочевнических сосудах Саркела—Белой Вежи³⁷. Известно, что в этом городе после XI в. жили половцы³⁸. Элемент узора в виде полуовальных углублений (рис. 8, 11) также встречается на кочевнической посуде из Саркела—Белой Вежи³⁹.

Заслуживает внимания тот факт, что все формы посуды из погребений Бобровского могильника встречены в составе керамического комплекса поселений и городищ из сопредельных районов. Важно и то, что стиль и элементы орнамента бобровской керамики находят большое сходство в посуде из поселений VII—IX вв.: Прииртышья, Приобья — на севере, Южного Приуралья — на западе. Отмеченная общность рядом исследователей (В. Ф. Генинг, Д. Г. Савинов) объясняется включением лесостепного населения Обь-Иртышского междуречья в круг племен кимакского объединения либо влиянием (В. Н. Мошинская) степных прииртышских племен на культуру населения северных лесостепных областей. Близость по форме и орнаментации определенной группы уральской посуды с бобровской В. Ф. Генинг и Н. А. Мажитов связывают с продвижением какой-то части населения из Казахстанского Прииртышья в Башкирию.

Не отрицая полностью перечисленные гипотезы, следует учитывать также и тот факт, что наибольшее сходство бобровской керамики прослеживается с посудой оседлого населения Омского Прииртышья (Мурлинское городище). Указанная общность может быть объяснена прямыми контактами населения этих районов. Вместе с тем многочисленные параллели материалам из Бобровки имеются в североалтайских погребениях⁴⁰, причем не только в керамике, но и в металлических изделиях, а также в обряде погребения⁴¹. В то же время отмеченные выше особенности (наличие плоскодонных кувшинов с отверстием в дне, узкодонных банок совместно с высокими горшками, отсутствие ряда элементов узора — «точка», «змейка», глазчатого ромбического штампа) свидетельствуют

о своеобразии бобровского комплекса, которое проявляется также и при сопоставлении его с синхронными материалами из Казахстанского Прииртышья⁴². В частности, для прииртышских памятников характерно отсутствие посуды в большинстве захоронений. Исключение составляют лишь несколько курганов с трупосожжением, где зафиксированы единичные находки сосудов баночной формы или круглодонных горшков⁴³. Орнамент на них состоит из горизонтального ряда ямок на шейке и косых насечек по венчику. Отсутствуют орнаментированные кувшины, высокие горшки, «сковородки».

Все это позволяет выделить бобровский курганный комплекс в особую группу памятников Прииртышья.

Взаимодействие племен Павлодарского Прииртышья и северных лесостепных районов привело к сложению в пределах Обь-Иртышского междуречья культуры, общность которой несомненна наряду с наличием определенных местных специфических особенностей. Отмеченные по археологическим материалам контакты населения названных районов отражают взаимовлияние двух этнических групп — угорско-самодийской и тюркской. В такой связи весьма показательно, что керамика куштерьякского и караякуповского типов, которую В. Ф. Генинг связывает с самодийцами, сопоставима (как по форме, так и по отдельным элементам узора, а также характеру орнаментальной композиции) с бобровской посудой⁴⁴, на что справедливо указывали исследователи⁴⁵. По-видимому, это не случайно, особенно если учесть, что приток угорского и тюркского компонентов в районы Приуралья имел место еще в начале I тысячелетия н. э.⁴⁶ В последующие периоды, особенно в VIII—IX вв., факт усиления тюркского влияния на территории Башкирии зафиксирован и по поясным наборам⁴⁷.

Сопоставление археологического материала с письменными данными убедительно свидетельствует о том, что районы Южного Урала, Приобья и Северного Алтая входили в область расселения кимаков в IX—X вв. На основании анализа письменных источников Б. Е. Кумекоев определил приблизительные границы распространения кимакских племен к середине IX в. Он пишет, что регион «от юго-восточной части Южного Урала до Приаральских степей на западе, с земель Центрального Казахстана до Северного Прибалхашья, включая часть территории северо-восточного Семиречья на юге, от Западного Алтая до Кулундинской степи на востоке и до лесостепной полосы на севере»⁴⁸ заселен кимакскими племенами. К сожалению, из-за слабой изученности археологических памятников IX—X вв. в Центральном Казахстане и прилегающих к нему районах Прибалхашья и Семиречья трудно подобрать достаточно убедительные аналогии для бобровского комплекса вообще и керамике из этих областей в частности. Вместе с тем среди известных памятников кимаков нет сколько-нибудь похожего могильника (кроме Басандайки), включающего в себя такое большое число разнотипной посуды. Во всяком случае Бобровский могильник является пока единственным для Казахстанского Прииртышья памятником, позволяющим проследить существовавшую

взаимосвязь между соседними племенами, а также местное этнографическое своеобразие, намечаемое по форме и орнаменту сосудов.

Выше отмечалось, что для погребального обряда бобровских курганов характерно неравномерное количество посуды. Много ее (по 7—8 экз.) встречено в мужских захоронениях, совершенных по обряду сожжения (курганы 1, 11, 13). Только в этих курганах найдены богато орнаментированные кувшины, именно здесь преобладали высокие (тарные)

Таблица 2. Распределение керамической посуды в курганах Бобровского могильника

Номер		Пол	Обряд погребения	Тип I. Кувшины			Тип II. Горшки			Тип III. Сквородки	Всего
кургана	погребения			группа 1	группа 2	группа 3	группа 1	группа 2	группа 3		
1	—	М?	Трупосожжение	1	1	1	4	—	—	—	7
2	—	?	То же	1	—	1	3	1	—	—	6
3	—	Ж	Трупоположение	—	—	—	—	—	2	—	} 3
	—	Дет.	То же	—	—	—	—	—	1	—	
4	1	»	»	—	—	—	1	—	—	—	} 7
	2	»	»	—	—	—	1	—	1	—	
	3	»	»	—	—	—	—	1	1	—	
	6	»	»	—	—	—	—	1	1	—	
5	1	М	»	—	—	—	—	—	1	—	} 2
	3	Дет.	»	—	—	—	—	—	1	—	
6	—	М	Трупосожжение	1	—	2	1	1	—	1	6
7	1	Дет.	Трупоположение	—	—	—	—	—	1	—	1
11	—	М?	Трупосожжение	1	—	1	2	—	—	—	4
12	—	?	Трупоположение	—	—	—	—	—	1	—	1
13	—	М?	Трупосожжение	1	1	—	2	3	—	—	7

горшки для хранения продуктов. В других же курганах (с труположением) — и с мужскими, и с женскими захоронениями — глиняные сосуды однотипны (круглодонные горшки и банки) и единичны (табл. 2). Объяснить этот факт только социально-имущественным расслоением кимаков было бы недостаточно. В этой связи представляют интерес результаты анализа краниологического материала из бобровских курганов, свидетельствующие также о неоднородности погребенных по антропологическим показателям⁴⁹. В свою очередь, обилие разнотипной посуды является в какой-то степени отражением этнической неоднородности кимакского объединения племен. Однако выделение характерных признаков, присущих собственно-кимакской керамике, будет возможно лишь по мере дальнейшего накопления материала.

- 1 Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник. — Изв. АН КазССР. Серия общественных наук, 1963, вып. 4. с. 68; Она же. Памятники Павлодарского Прииртышья VII—XIII вв. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 98.
- 2 Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 203 и сл.
- 3 Чагаева А. С. О хронологии памятников Чувашского Мыса. — Там же, с. 227 и сл.
- 4 Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище. — ВАУ, Свердловск, 1969, вып. 8, с. 125.
- 5 Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—IV вв. н. э. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории ургов. М., 1972, с. 272—273; Мажитов Н. А. Южный Урал в XII—XIV вв. М., 1977.
- 6 Определено кандидатом биологических наук В. С. Корниловой.
- 7 Нумерация погребений, присваиваемая по мере их открытия, сохраняется полевая.
- 8 Древки стрел, по определению В. С. Корниловой, изготовлены из осины.
- 9 Подробнее о тканях см. в статье: Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник, с. 81.
- 10 Катанов И. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань, 1894, с. 9—10.
- 11 Анализ инвентаря дан в статьях: Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник, с. 78—83; Она же. Памятники. . . , с. 101—110.
- 12 Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник, с. 78—79; Она же. Памятники. . . , с. 109.
- 13 Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш. — МИА, 1954, № 35, с. 207, табл. IX; Чагаева А. С. О хронологии. . . , табл. 1, 13, 25, 27.
- 14 Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище, табл. 55, 1—4, 6, 8; табл. 56, 1—5, 8.
- 15 Черенцов В. Н., Мошинская В. И. Городище Большой Лог. — КСИИМК, 1951, XXXVII, с. 82, рис. 28, 4.
- 16 Мошинская В. И. Городище. . . , с. 189.
- 17 Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники. . . , с. 222.
- 18 Генинг В. Ф. Южное Приуралье. . . , с. 272—273.
- 19 Мажитов Н. А. Южный Урал. . . , с. 68—69.
- 20 Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби. — МИА, 1956, № 48, табл. LIX, 8.
- 21 Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 66, табл. VI, 1.
- 22 Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана. — СА, 1976, № 4, рис. 2, 4; 3 з.

- ²³ См. рис. 1, 6 в статье А. А. Чарикова «Новая серия каменных статуэток из Семиречья» в настоящем сборнике.
- ²⁴ Генинг В. Ф. Южное Приуралье. . . , с. 281—284; *Мажитов Н. А.* Южный Урал. . . , табл. VII, 6—9.
- ²⁵ *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 5, с. 180, рис. 98; *Агеева Е. И.* Обзор находок. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1962, т. 14, с. 194, рис. 57; *Мерциев М. С.* К вопросу стратиграфии нижних слоев Тараза. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, рис. 2, 55.
- ²⁶ *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 94—95.
- ²⁷ Генинг В. Ф., *Евдокимов В. В.* Логиновское городище, табл. 56, 10; *Чагаева А. С.* О хронологии памятников. . . , с. 232, табл. I, 30, 31, 71, 78, 79; *Грязнов М. П.* История. . . , табл. XLII, 1, 2; табл. LIX, 7; XLVI, 7—9.
- ²⁸ *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М., 1968, табл. 23, 5—8; *Он же.* Южный Урал. . . , табл. XXIII, 2; XXIV, 2, 7, 10; XXV, 15, 17; XXVI, 9, 11.
- ²⁹ *Кызласов Л. Р.* Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. — Изв. АН КазССР, 1951, вып. 3, с. 56, рис. 2.
- ³⁰ *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, табл. IX.
- ³¹ *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 19, табл. I, 30, 31.
- ³² *Радлов В. В.* Сибирские древности. — МАР, 1894, № 15, т. 1, вып. 3, с. 74—81.
- ³³ Генинг В. Ф., *Корякова А. Н.* и др. Памятники. . . , с. 225, рис. 1, 74.
- ³⁴ *Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. — Тюркологический сборник. Л., 1972, табл. I, 10.
- ³⁵ Генинг В. Ф., *Корякова А. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В.* Памятники. . . , с. 218, рис. 1, 70.
- ³⁶ Генинг В. Ф., *Евдокимов В. В.* Логиновское городище, табл. 65, 3, 4.
- ³⁷ *Плетнева С. А.* Керамика Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, с. 231, рис. 18, 10; 19, 9, 13, 17, 18.
- ³⁸ *Плетнева С. А.* Керамика. . . , с. 272.
- ³⁹ Там же, с. 234, рис. 15, 2; 19, 14, 15.
- ⁴⁰ *Арсланова Ф. Х.* Бобровский могильник, с. 80.
- ⁴¹ *Савинов Д. Г.* Расселение кимаков в IX—X вв. по данным археологических источников. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 101—102.
- ⁴² *Арсланова Ф. Х.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 43—56.
- ⁴³ *Арсланова Ф. Х.* Курганы. . . , с. 66, табл. VI.
- ⁴⁴ Генинг В. Ф. Южное Приуралье. . . , с. 272.
- ⁴⁵ Там же, с. 273—274; *Мажитов Н. А.* Южный Урал. . . , с. 69.
- ⁴⁶ Генинг В. Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тысячелетии н. э. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 336.
- ⁴⁷ *Ковалевская В. Б.* Башкирия и Евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов). — В кн.: Проблемы археологии и древней истории ургов. М., 1972, с. 108—109.
- ⁴⁸ *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 58.
- ⁴⁹ *Исмагулов О.* Антропологические данные о тюрках Прииртышья. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 83—84.

● **Столовая керамика
Андрейаульского городища
(типология и стратиграфия)**

Раннесредневековая керамика северо-восточного равнинного Дагестана играет зачастую решающую роль в выяснении различных вопросов, связанных с экономической, а также этнической историей населения, оставившего многочисленные городища, крепости и могильники. Исследователи раннесредневековых памятников Терско-Сулакского междуречья отмечали большое своеобразие керамики этого района, многообразии ее форм, богатство орнаментации. Ими делались попытки классификации добытого керамического материала, выяснения его стратиграфии и хронологии¹. Дальнейшее накопление керамических коллекций с городищ и могильников позволили исследователям поставить новые вопросы, разрешение которых проливало свет на многие темные страницы древней истории как самого Дагестана, так и юго-восточных степей нашей страны.

В этой связи необходимо упомянуть работу А. В. Гадло, посвященную анализу бытовых остатков (в том числе и керамики) с городища Казаркала. Автор выделил ведущие керамические формы трех периодов бытования городища и предпринял попытку выяснить этническую принадлежность культуры этих периодов².

Большое значение для изучения керамического комплекса средневекового Дагестана имеют материалы Андрейаульского городища — памятника прекрасной сохранности с мощными, достигающими 4 м культурными напластованиями, насыщенными большим и разнообразным керамическим материалом. Городище расположено на левом высоком берегу р. Акташ в 2 км к северу от с. Андрейаул Хасавюртовского района Дагестанской АССР³.

Андрейаульское городище давно привлекало к себе внимание ученых. Первые сведения о нем сообщили Н. А. Нарышкин⁴ и А. Н. Грен⁵. Обследование его проводили А. А. Иессен⁶, М. Исаков⁷, М. И. Пикуль⁸, а планомерные раскопки начались только с 1967 г. Исследования производились археологической экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР под руководством Д. М. Атаева⁹ и М. Г. Магомедова¹⁰.

Раскопки на городище велись сравнительно небольшими площадями, однако благодаря им было накоплено огромное количество обломков керамики. Предварительный их анализ был проведен М. М. Маммаевым, выделившим некоторые типы бытовавшей там посуды¹¹, и М. Г. Магомедовым, которому удалось выявить, в основном по керамике, три периода жизни городища и проследить генетическую связь в культуре этих периодов¹².

Однако специального изучения керамики Андрейаульского городища не производилось, хотя отсутствие четкой ее классификации сказывалось на разрешении многих вопросов, связанных как с жизнью самого городища, так и с ключевыми вопросами раннесредневековой археологии всего Приморского Дагестана.

Керамика Андрейаульского городища делится по функциональному назначению на три группы: кухонную, столовую, тарную. Данная статья посвящена столовой посуде¹³.

К группе столовой, или парадной, посуды отнесены керамические формы (и их обломки), отличающиеся тщательностью выделки. Их характеризует тонко отмученное тесто с примесью мелкозернистого кварца, шамота, реже—ракушки или мелкозернистого песка. Обжиг керамики большей частью ровный. Черепок в изломе—серый (всех оттенков), реже—черный или серый с бурыми прослойками, поверхность — черная, серая, реже—буроватая или серая с желтыми пятнами. Поверхность столовой посуды тщательно ложила (обычно вертикальными, горизонтальными или пересекающимися полосками), сосуды украшались различными типами резного и лепного орнамента.

Среди обломков столовой посуды встречены экземпляры, сделанные как вручную, так и на гончарном круге.

Разработка типологии осложнена большой фрагментарностью посуды. Тем не менее крупные обломки венчиков, ручек и дниц позволяют графически реконструировать формы столовой посуды, выяснить ее размеры, а зачастую и пропорции.

Статистические подсчеты керамики велись в поле по группам, учитывая лишь функциональное назначение того или иного сосуда, а также по ряду признаков, характеризующих группу в целом, что дало общую, но далеко не полную картину. Эти пробелы были восполнены автором в период камеральной обработки керамики.

Анализ столовой керамики Андрейаульского городища построен в основном на материалах, полученных из стратиграфического раскопа № 3 площадью 96 кв. м (1976, 1977 гг.). Автор дает себе отчет, что материалы одного раскопа не могут выявить всего многообразия посуды, употреблявшейся на городище, поэтому в типологию были внесены также целые сосуды из раскопок предыдущих лет.

В основу данной работы были положены методы типологического анализа керамики, разработанные С. А. Плетневой и И. П. Русановой¹⁴.

Вся столовая посуда по назначению разделена нами на классы. Форма тулова явилась главным признаком для деления основных классов керамики на отделы, а форма венчика — на типы и виды. Для выявления видов решающее значение имеют точные промеры сосудов, на основе которых сравниваются их пропорции.

Помимо создания типологии парадной посуды, важной задачей является выяснение относительной хронологии различных ее типов. Составление так называемого керамического профиля¹⁵, привязанного к стратиграфии раскопа, значительно облегчает эту задачу и позволяет четко

дифференцировать керамические материалы хронологически. Результаты этой дифференциации нашли отражение в графиках, составленных для наиболее характерных типов посуды.

Столовая керамика Андрейаульского городища отличается большим многообразием. Нами выделены шесть основных классов столовой посуды: миски, чашки, кружки, кувшины, горшки, пифосы.

Миски. По форме тулова миски разделены нами на четыре отдела: I округлобокие, II граненые, III рифленые, IV реберчатые.

Отдел I. Округлобокие миски характеризуются широким устьем, узким донцем, плавным переходом от бортика к донцу, что и создает округлое тулово. По форме закраины миски делятся на два типа: тип 1 — с вогнутым краем; тип 2 — с отогнутым краем.

По степени вогнутости закраины миски типа 1 подразделяются нами на два вида.

Вид А. Миски с вогнутой закраиной и уплощенным изнутри бортиком (рис. 1, 1—7). Наибольшее расширение тулова (d_3)¹⁶ приходится на среднюю часть бортика или на линию перехода бортика к донцу. Степень профилированности венчика у мисок выражена отношением $d_3 : d_2$. У первых мисок оно равно 1,02—1,04, у вторых — 1,05—1,11. Последние имеют более угловатую форму. Диаметры устья у мисок вида А самые разнообразны (13—32 см). Миски этого вида редко украшались. Обнаружен один обломок миски, орнаментированный у закраины рельефным налепом в виде змеи (?) (рис. 1, 7).

Вид Б. Край миски загнут внутрь в виде валика (рис. 1, 8—12). Часто он примазан к тулову очень небрежно. Соотношение $d_3 : d_2$ составляет 1,02—1,10. Миски вида Б средних и больших размеров (d_2 равен 16—36 см). Один фрагмент миски этого вида орнаментирован изнутри рядом лощеных полос по заглаженной поверхности, расходящихся радиально от дна миски к устью (рис. 1, 12).

При раскопках в 1975 г. цитадели городища встречена целая миска вида Б (рис. 1, 13). Диаметр ее устья 22 см, отношение $d_2 : d_3 = 1,07$. Наибольшее расширение тулова приходится на $4/5$ высоты ($h_1 : H = 0,73$). Диаметр донца чуть меньше половины диаметра наибольшего расширения тулова ($d_3 : d_4 = 0,4$). Внешняя поверхность миски серого цвета залощена небрежно горизонтальными полосками. Внутренняя поверхность залощена вертикальными полосками, радиально расходящимися от донца к устью¹⁷.

Тип 2. По степени отогнутости края миски второго типа подразделяются на два вида.

Вид А. С загнутым наружу краем, со слегка или хорошо обозначенной шейкой и плечиками (рис. 2, 1—4). Диаметр наибольшего расширения тулова или совпадает с диаметром устья, или немного превышает его ($d_3 : d_2$ составляет 1,0—1,04). Миски вида А — средних и больших размеров (d_1 равен 12,8—30 см).

Две миски вида А орнаментированы лепным тамбовидным знаком (змея?) на внешней стороне бортика у венчика (рис. 2, 2).

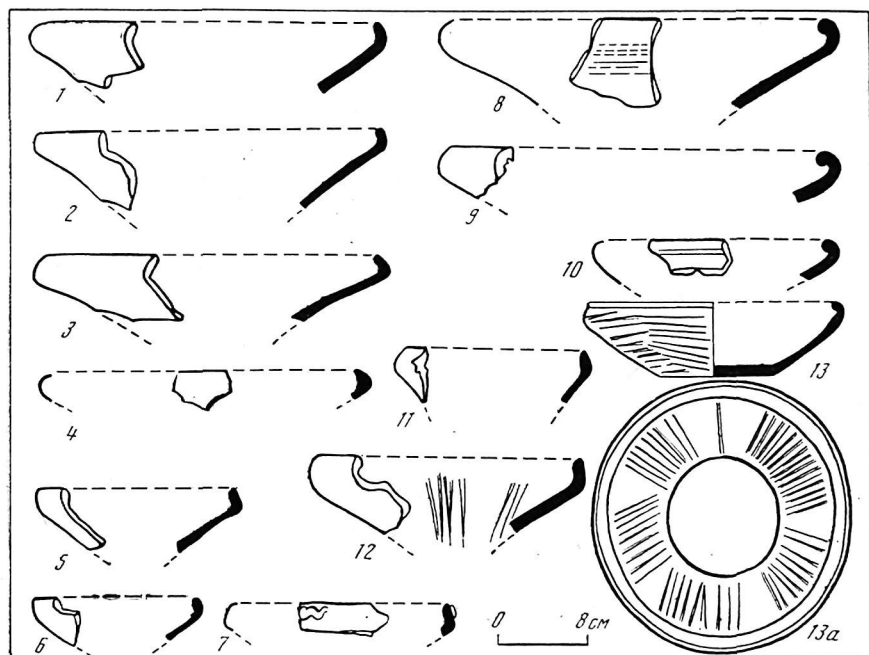

Рис. 1. Андрейаульское городище. Миски

1—7 — округлобокие (тип 1, вид А); 8—13 — округлобокие (тип 1, вид Б)

Вид Б. Среди мисок второго типа выделяются миски с отогнутым наружу краем, составляющим горизонтальную площадку (рис. 2, 5—6). Шейка слабо обозначена и по диаметру совпадает с диаметром наибольшего расширения тулова. Миски вида Б встречены бóльших размеров (d_1 составляет 23,8—30 см).

Отдел II. Граненые миски характеризуются вогнутым внутрь краем, широким устьем и узким донцем, бортик с хорошо обозначенными тремя, реже—двумя гранями. По степени вогнутости края миски подразделяются на два вида.

Вид А. Миски с вогнутой закраиной (рис. 2, 10—13). Отношение $d_3 : d_2$ составляет 1,04—1,16. Бортик мисок трехгранный или двугранный, донце очень узкое. Отношение $d_4 : d_3$ равно 0,32—0,34. Переход от верхней части тулова к придонной очень резкий, что создает прогнутую форму нижней части миски. Миски вида А — средних и больших размеров (d_2 составляет 17—34,8 см).

Два больших фрагмента мисок вида А дают возможность почти полностью реконструировать форму мисок этого вида (рис. 2, 12—13).

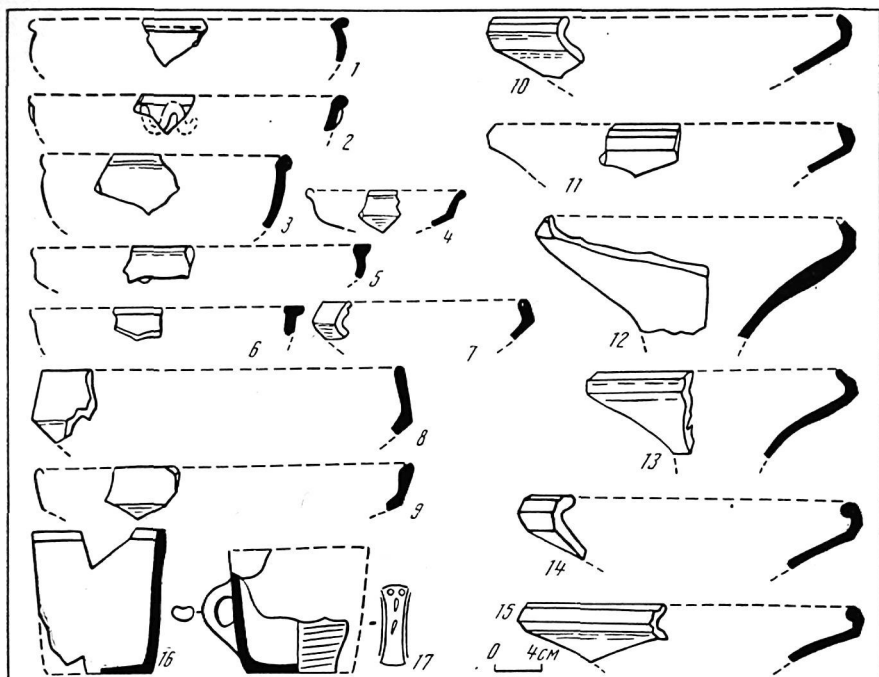

Рис. 2. Андрейаульское городище. Миски, кружки

1—4 — округлобокие миски (тип 2, вид А); 5, 6 — округлобокие миски (тип 2, вид Б); 7—9 — реберчатые миски (тип 2); 10—13 — граненые миски (тип 1, вид А); 14, 15 — граненые миски (тип 1, вид Б); 16, 17 — кружки

Это миски с двугранными бортиками, массивными стенками, утончающимися к донцу. Миски—средних размеров (d_2 равен 20,4; 25,2 см), сильно профилированные ($d_3 : d_2$ составляет 1,10; 1,16), очень мелкие ($d_3 : H$ равно 2,8; 3,2). Наибольшее расширение тулова приходится на $3/4$ или $4/5$ высоты.

Вид Б. Миски с вогнутой внутрь и загнутой в виде валика закраиной, иногда очень небрежно примазанной к тулову, с трехгранным бортиком и резким переходом к узкому донцу (рис. 2, 14—15). Миски этого вида—средних размеров (d_2 составляет 23,6—33 см). Наибольшее расширение тулова приходится на границу второй и третьей граней. Отношение $d_3 : d_2$ равно 1,06—1,10.

Отдел III. Рифленые миски, бортик которых покрыт глубокими горизонтальными желобками (обычно их три), по форме закраины разделяются на три типа.

Тип 1. Миски с вогнутой внутрь закраиной, рифленным бортиком, широким устьем и резким переходом к узкому донцу. По степени профилированности они подразделяются на три вида.

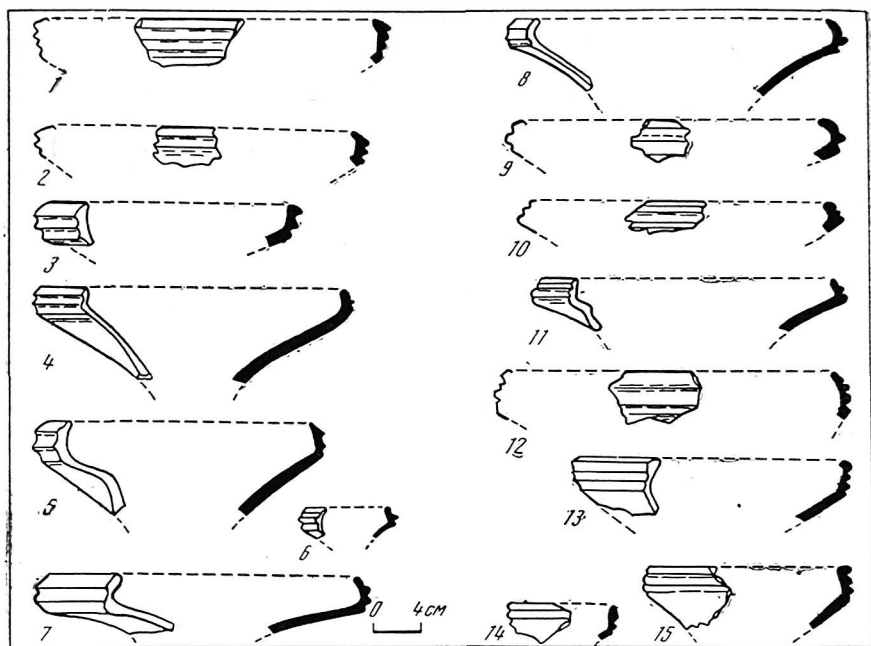

Рис. 3. Андрейаульское городище. Миски

1—3 — рифленые (тип 1, вид А); 4—9 — рифленые (тип 1, вид В); 10, 11 — рифленые (тип 1, вид В); 12—15 — рифленые (тип 2)

Вид А. Слабопрофилированные миски (рис. 3, 1—3). Отношение $d_3 : d_2$ равно 1,08—1,11. Наибольшее расширение приходится на верхнюю линию рифления. Миски—средних размеров (d_2 составляет 18,2—29,4 см). Закраина их оформлена в виде площадки, наклоненной наружу.

Вид В. Средней профилированности миски (рис. 3, 4—9). Отношение $d_3 : d_2$ равно 1,06—1,16. Наибольшее расширение приходится на вторую линию рифления, которая часто подчеркнута большей выпуклостью. Размеры мисок в основном средние (d_2 равен 17—28 см), но выделяются две миски с диаметром устья 7,4 и 36 см. Первая — миниатюрная мисочка (рис. 3, 6), вторая — огромная, с толстыми стенками.

Вид В. Сильнопрофилированные миски (рис. 3, 10—11). Наибольшее расширение тулова приходится на линию перехода верхней части миски к придонной. Отношение $d_3 : d_2$ составляет 1,14. Переход к придонной части—резкий, что придает миске биконическую форму. Размеры мисок этого вида—средние (d_2 равен 24,4—26,2 см).

Тип 2. Чашеобразные миски. Среди рифленых мисок с вогнутым краем выделяются глубокие миски с тремя линиями рифления. По форме они больше похожи на чашки, но по размерам примыкают к мискам (рис. 3,

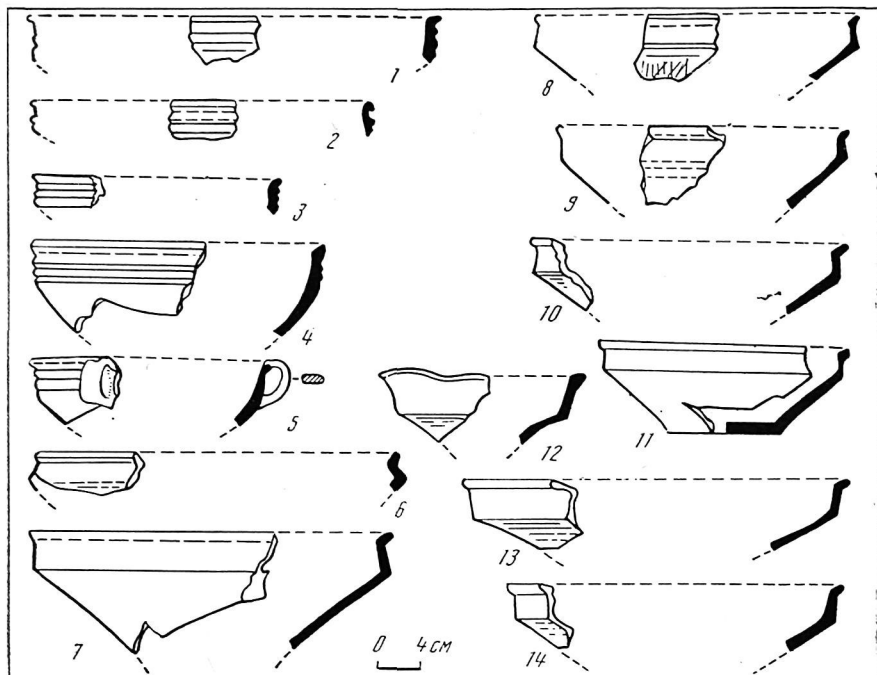

Рис. 4. Андрейаульское городище. Миски

1—3 — рифленые (тип 2, вид А); 4, 5 — рифленые (тип 2, вид Б); 6—11 — реберчатые (тип 1, вид А); 12—14 — реберчатые (тип 1, вид Б)

12—15). Прямой бортик мисок или наклонен внутрь ($d_3 : d_2$ равно 1,04—1,10; наибольшее расширение тулова приходится на линию перехода верхней части к придонной), или немного отклонен наружу (наибольшее расширение совпадает с диаметром устья или перемещается на верхнюю линию рифления). Миски — средних размеров (d_2 составляет 9—29 см), край их имеет скругленные очертания или срезан в виде площадки.

Тип 3. Рифленые миски с отогнутой закраиной. По степени отогнутости закраины и общей форме тулова миски этого типа подразделяются на два вида.

Вид А. Миски с отогнутой закраиной в виде горизонтальной площадки и резким переходом от бортика к придонной части (рис. 4, 1—3). Бортик слегка наклонен внутрь или вертикальный. Диаметр наибольшего расширения или немного больше диаметра устья или равен ему ($d_3 : d_2$ равно 1,0—1,02). Миски — средних и крупных размеров (d_1 составляет 21,8—36 см).

Вид Б. Миски с загнутой наружу закраиной и плавным переходом от бортика к донцу, что придает им чашеобразную форму (рис. 4, 4—5).

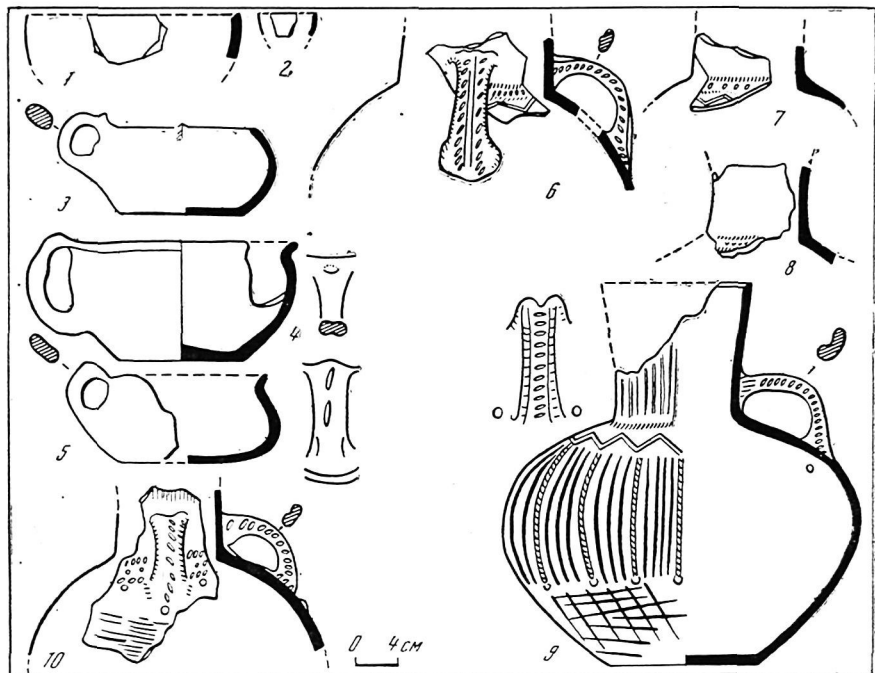

Рис. 5. Андрейаульское городище. Чашки, кувшины

1, 2 — безручные чашки; 3 — чашки с ручками (тип 1); 4, 5 — чашки с ручками (тип 2); 6—10 — кувшины (тип 1)

Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю линию рифления. Диаметры венчиков равны 14,2—32 см. Одна миска (рис. 4, 5) — с ленточной ручкой, выходящей из закраины, нижний конец ручки прикреплен к тулову на линии перехода к придонной части. Ручка украшена круглой вмятиной у основания.

Отдел IV. Реберчатые миски характеризуются прямыми стенками и резким переходом от бортика к донцу, что создает ребро на линии перехода. По форме закраины эти миски подразделяются на два типа: 1 — с отогнутой закраиной, 2 — биконические миски.

Тип 1. Миски с отогнутой закраиной по степени профилированности тулова разделены на два вида.

Вид А. Миски с наклоненными внутрь стенками (рис. 4, 6—11). Наибольшее расширение тулова приходится на линию ребра. Диаметр наибольшего расширения тулова превышает или равен диаметру устья миски ($d_3 : d_2$ равно 1,04—1,0). Большой фрагмент миски (рис. 4, 11) позволяет реконструировать форму мисок этого вида, а также выяснить их основные пропорции. Это — миска с наклонным внутрь бортиком, диаметр

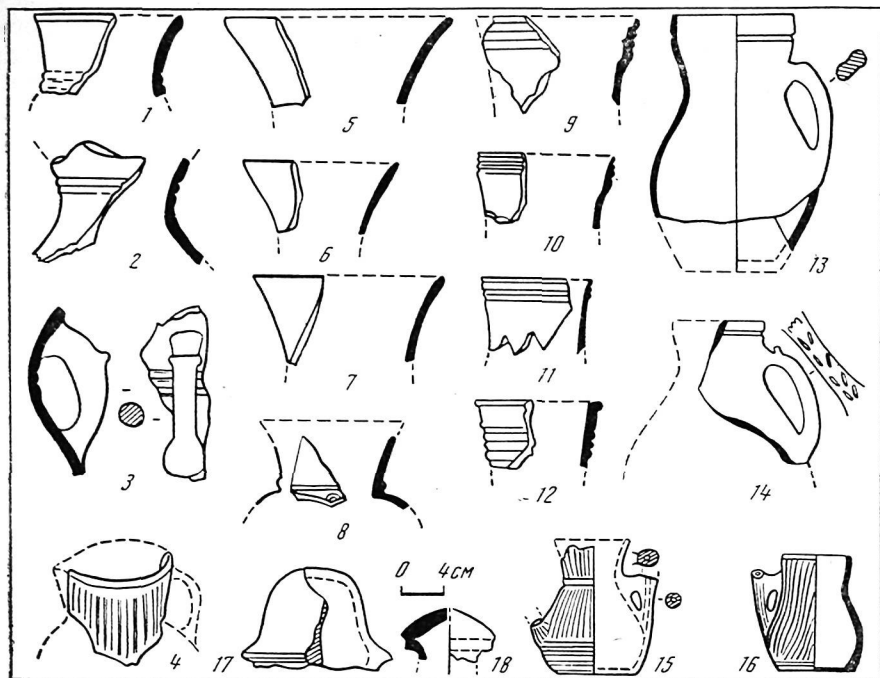

Рис. 6. Андрейаульское городище. Кувшины

1—3 — тип 2; 4 — тип 3; 5—8 — тип 4; 9—12 — тип 5; 13, 14 — тип 6; 15, 16 — тип 7; 17, 18 — крышки

наибольшего расширения тулова немного превышает диаметр устья ($d_3 : d_2 = 1,01$), линия перегиба тулова миски расположена на уровне $2/3$ ее высоты ($h_1 : H = 0,7$). Донце миски относительно широкое, диаметр его наполовину меньше наибольшего расширения тулова ($d_4 : d_3 = 0,47$). Миски вида А — средних и больших размеров (d_1 составляет 19—32 см). Внешняя поверхность придонной части одной миски орнаментирована лощеными пересекающимися полосками (рис. 4, 8).

Вид Б. Миски с отклоненными наружу стенками (рис. 4, 12—14). Наибольшее расширение тулова приходится на устье. Диаметр по линии ребра меньше диаметра устья ($d_3 : d_2$ равно 0,99—0,89). Размеры мисок — средние и большие (d_1 составляет 18,2—34 см).

Тип 2. Биконические миски характеризуются прямыми стенками, наклоненными внутрь или немного отклоненными наружу с резким переходом от верхней части тулова к нижней, что придает мискам биконическую форму (рис. 2, 7—9). Диаметр устья — средний и большой (17,8—33,2 см).

Чашки. Эти сосуды отличаются округлым гладким туловом, широким устьем и плавным переходом от верхней части тулова к широкому донцу. Они разделены нами на два отдела: I — безручные; II — с ручками.

Отдел I. Безручные чашки со слегка вогнутым краем (рис. 5, 1, 2) самых различных размеров (d_2 от 5 до 18,6 см).

Отдел II. Чашки с ручками, отличающиеся от чашек первого отдела главным образом наличием ручки, по форме закраины разделенные нами на два типа.

Тип 1. Чашка с вогнутым краем (рис. 5, 3). Отношение $d_3 : d_2$ составляет 1,3. Ленточная ручка выходит верхним концом из закраины, а нижним прикреплена к средней части тулова в месте его наибольшего расширения, которое расположено на $1/2$ высоты чашки ($h_1 : H = 0,54$). Донце чашки — широкое и чуть больше половины диаметра наибольшего расширения ($d_4 : d_3 = 0,6$) и в два раза — ее высоты ($d_3 : H = 2,2$). Чашка тщательно залощена изнутри и снаружи и украшена двумя короткими вертикальными валиками, помещенными у закраины с противоположных сторон; у основания ручки — два сосцевидных налета.

Тип 2. Чашки с отогнутым краем (рис. 5, 4, 5), имеют хорошо выраженную шейку, наибольшее расширение тулова приходится на половину их высоты ($h_1 : H$ равно 0,4—0,6) и в два раза больше последней ($d_3 : H$ равно 2,0—2,2). Донце чашек — широкое и равно или чуть больше половины наибольшего расширения тулова ($d_4 : d_3$ равно 0,53—0,6). Поверхность чашек слабо залощена или заглажена. Ленточная ручка прикреплена верхним концом к закраине, а нижним — к придонной части. Ручки украшены глубокими косыми насечками и глубокой круглой вмятиной у основания.

Кружки. К кружкам нами отнесены сосуды баночной или цилиндрической формы с прямыми гладкими стенками, слегка расширяющимися к закраине (рис. 2, 16—17). Один фрагмент кружки снабжен ленточной ручкой, прикрепленной к нижней части тулова. Ручка орнаментирована вертикальными насечками по тулову и двумя небольшими круглыми налетами у основания (рис. 2, 17). Поверхность кружек лощеная, иногда горизонтальными полосками.

Кувшины. Классификация кувшинов по причине большой фрагментарности их обломков весьма затруднительна¹⁸. Анализу подверглись крупные обломки венчиков и горловин¹⁹ и восемь целых кувшинов из раскопок 1967 и 1975 гг. По основным пропорциям тулова, форме и размерам горловины, форме венчика кувшины разделены на семь типов²⁰.

Тип 1. Кувшины с высоким прямым горлом, слегка расширяющимся к венчику, широко раздутым, шаровидным туловом, широким плоским дном (рис. 5, 6—8). Из раскопок 1975 г. на цитадели городища известен один целый кувшин этого типа (рис. 6, 9). Это — стройной формы сосуд (отношение $d_3 : H$ равно у него 0,9) с высоким прямым горлом ($h_2 : H = 0,35$). Горло довольно узкое ($d_2 : d_3 = 0,3$). Диаметр наибольшего расширения тулова приходится на $2/5$ высоты сосуда ($h_1 : H = 0,4$). Донце — плоское, относительно широкое ($d_4 : d_3 = 0,4$).

Поверхность кувшинов первого типа имеет лощение серого, реже — серого цвета с буроватым оттенком. Тулово и горло ложились иногда вертикальными и горизонтальными полосками. Кувшины первого типа пышно декорировались: по основанию горла — двумя рядами косых насечек и семечкообразными выемками между ними, часто по тулову у основания горловины прорезалась зигзагообразная линия²¹, от нижних углов ее отходили тонкие лепные валики, рассеченные резным штампом. Валики заканчивались круглыми и каплевидными налепами. Один фрагмент декорирован по основанию горловины рядом косых насечек и круглым штампом под ними. Кувшины первого типа снабжались гребенчатой (тип 2) или реберчатой (тип 3) ручкой, декорированной косыми насечками по тулову и боковым ребрам ее, а иногда насечки наносились и по основанию ручки. Верхний конец ручек прикреплялся к основанию горловины, а нижний — к верхней части тулова. У основания ручки иногда помещались круглые рельефные налепы.

Тип 2. Серолощенные кувшины со средней высоты горлом (5—6,6 см), слегка расширяющимся к краю (рис. 6, 1—3). Венчик отогнут и оформлен в виде валика. Переход от горловины к округлому тулову плавный, без четко выраженных плечиков, граница горловины и тулова оформлена рядом рифленых линий. Один фрагмент кувшина имел круглую в сечении ручку с поперечным валиком в средней части, прикрепленную одним концом к горловине выше рифленой полосы, а другим — к верхней части тулова.

Тип 3. Кувшины с невысоким горлом, слегка расширяющимся к венчику (рис. 6, 4). Венчик оформлен в виде слива. Имеющийся обломок сосуда не дает четкого представления о форме тулова, но, вероятно, оно было слабо раздутым. Кувшин снабжался ручкой, крепившейся одним концом к верхней части горловины, а другим — к верхней части тулова.

Тип 4. Кувшины больших диаметров (d_1 равен 14—20 см) и относительно короткой средней ширины горловиной ($d_2 : h_2$ составляет 1,4—1,5). Горловина резко расширяется к венчику ($d_2 : d_1$ равно 0,5—0,6), создавая воронкообразную форму (рис. 6, 5—8). Форма тулова слабо раздутая. Горловина отделена от тулова невысоким валиком, иногда — декорированными вмятинами. Один из обломков кувшинов украшен кольцевидным налепом, расположенным у горловины на тулове.

Тип 5. Кувшины со средним диаметром венчика (9,6—15 см), невысокой горловиной, с прямыми или расширяющимися к венчику стенками. Отличительной особенностью кувшинов этого типа является украшение горловины рядом рифленых линий (рис. 6, 9—12). Они помещались в верхней части горловины, у венчика, иногда — в средней части горловины; встречены обломки горловин, сплошь покрытых рифлением. Венчик кувшинов округлен, иногда срезан, образуя горизонтальную площадку. Форму тулова выяснить не удалось. На одном из фрагментов горловины сохранилось основание круглой в сечении ручки, крепившейся одним из концов к средней части горловины.

Тип 6. Кувшины вытянутой формы ($d_3 : H = 0,8$), средней высоты, с нешироким горлом (рис. 6, 13, 14), высота горла меньше $1/3$ высоты сосуда ($h_2 : H = 0,3$), диаметр горла меньше половины наибольшего расширения тулова ($d_2 : d_3 = 0,56$). Стенки горловины расширяются к венчику ($d_2 : d_1 = 0,77$). Диаметр наибольшего расширения тулова находится на $1/3$ его высоты ($h_1 : H = 0,3$), что придает тулову слегка раздутую, грушевидную форму. Дно кувшинов плоское и широкое ($d_4 : d_3 = 0,53$). Внешняя поверхность кувшинов залощена. Кувшины снабжены ленточной ручкой, прикрепленной верхним концом к основанию горловины, а нижним — к средней части тулова, на линии его наибольшего расширения. Ручка украшена одним или двумя рядами косых насечек вдоль тулова и тремя рельефными напемами, сплюснутыми с боков. Венчик кувшинов подчеркнут глубокой желобчатой линией.

Тип 7. Небольшие стройные сосудики (рис. 6, 15, 16), диаметр наибольшего расширения тулова приближается к высоте ($d_3 : H = 0,9-0,85$). Горло средней высоты ($h_2 : H = 0,3$), неширокое, его диаметр наполовину меньше наибольшего расширения тулова ($d_2 : d_3$ равно $0,5-0,6$). Тулово призматическое, высота его нижней части составляет $1/5$ высоты сосуда ($h_1 : H$ равно $0,20-0,26$). Донце широкое ($d_4 : d_3 = 0,7$). Сосудики снабжены одной или двумя круглыми в сечении ручками, служившими одновременно и сливом. Ручки прикреплены одним концом к тулову на линии его наибольшего расширения, а другим — к основанию горловины. Конец ручек-сливов был оформлен, вероятно, в виде носика. Поверхность сосудиков залощена вертикальными полосками по горловине и верхней части тулова и горизонтальными — в нижней части. Один из сосудиков украшен двумя горизонтальными желобками в самой широкой части тулова, горловина подчеркнута невысоким валиком.

Крышки кувшинов. Из раскопок на городище известны два крупных обломка крышек от кувшинов (рис. 6, 17, 18), диаметр нижней части которых невелик — 5 и 11 см. Крышки — полусферические, с сужением в нижней части по размерам диаметра горловины сосуда. Одна из крышек — с небольшим сквозным круглым отверстием, расположенным в центральной части верхней стенки.

Горшки. Сосуды горшкообразной формы с вертикальной короткой шейкой или отогнутой закраиной, с хорошо залощенной внешней поверхностью²². По форме тулова они разделены на несколько типов.

Тип 1. Горшки с широко раздутым туловом, без шейки, со слабо выраженным резко отогнутым венчиком характерного сечения (рис. 7, 1). Диаметр венчика — большой (16—25 см). Некоторые экземпляры горшков украшены у горловины кольцевидным рельефным напелем, встречены фрагменты, поверхность которых залощена пересекающимися полосками.

Тип 2. Горшки с широко раздутым туловом, четко выраженной короткой шейкой, отогнутым венчиком (рис. 7, 2, 3). Горшки — больших размеров (d_1 составляет 15,2—22,2 см). Поверхность их тщательно залощена. Почти все горшки украшены у основания шейки кольцевидным рельефным напелем.

Тип 3. Небольшие горшочки (d_1 составляет 8—9 см) с округлым туловом, короткой шейкой, слабо отогнутым венчиком (рис. 7, 4, 5), тонкостенные.

Тип 4. Тонкостенные горшки с почти вертикальной короткой шейкой и продолговатым грушевидным туловом (рис. 7, 6, 7). Диаметры венчиков — 7—18 см.

Тип 5. Небольшой горшок с приплюснутым раздутым туловом (рис. 7, 8). Диаметр наибольшего расширения тулова немного больше высоты горшка ($d_3 : H = 1,2$). Линия наибольшего расширения тулова расположена на $1/3$ его высоты, донце широкое, больше половины диаметра наибольшего расширения ($d_4 : d_3 = 0,6$). Верхняя часть тулова переходит в короткую шейку. Венчик загнут наружу. Поверхность горшка тщательно заглажена, венчик изнутри залощен. Горшок в верхней части тулова украшен крупным фигурным налепом, поверхность которого залощена. Вероятно, налеп существовал и на противоположной стороне сосуда. Поверхность горшка заглаживалась уже после прикрепления налепа.

Пифосы. Горшкообразной формы сосуды больших размеров, употреблявшиеся главным образом для хранения продуктов. По форме тулова они разделены на два типа.

Тип 1. Безручные пифосы с хорошо выраженной высокой шейкой, загнутой наружу в виде валика закраиной и округлым туловом, с хорошо оформленными плечиками (рис. 7, 10—13). Диаметр венчика сосудов этого типа — 12,2—29 см. Поверхность пифосов лощеная. Один из обломков украшен косыми насечками по внешней стороне венчика, другой — соцевидным налепом в верхней части тулова.

Тип 2. Пифосы с ручками (рис. 7, 14). Сосуды горшковидной формы с вытянутым туловом, хорошо обозначенной шейкой, отогнутым венчиком. Сохранившийся большой обломок сосуда этого типа дает некоторое представление о пропорциях таких пифосов. Это — узкогорлый сосуд, диаметр горла которого составляет $2/5$ наибольшего расширения тулова ($d_2 : d_3 = 0,4$). Сосуд снабжен двумя массивными ручками ленточной формы, крепившимися в средней части тулова. Тулово ручек украшено тремя глубокими косыми насечками. Внешняя поверхность горшка — коричневато-оранжевая, внутренняя — серая, всех оттенков. Сосуд покрыт беспорядочными (?) глубокими лощеными полосками. Тесто двухслойное (серое и оранжеватое), с примесью мелкозернистого песка.

В силу большой фрагментарности сосудов мы считаем необходимым выделить в специальный отдел обломки ручек и орнаментированных стенок, так как зачастую невозможно определить принадлежность данной категории обломков к тому или иному типу сосудов.

Ручки. Ручки столовых сосудов Андрейаульского городища отличаются большим разнообразием. По основной форме и мотивам орнаментации они разделены на шесть типов: 1 — зооморфные, 2 — гребенчатые, 3 — реберчатые, 4 — круглые, 5 — витые, 6 — ленточные.

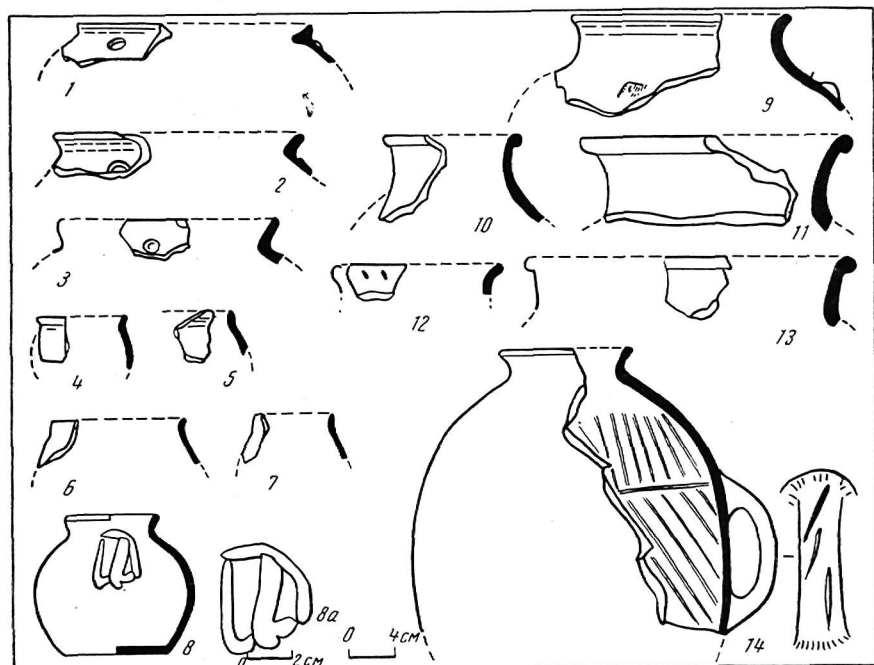

Рис. 7. Андрейаульское городище. Горшки, пифосы

1, 2 — горшки (тип 1); 2, 3 — горшки (тип 2); 4, 5 — горшки (тип 3);
6, 7 — горшки (тип 4); 8 — горшок (тип 5); 9—13 — пифосы (тип 1); 14 — пифос (тип 2)

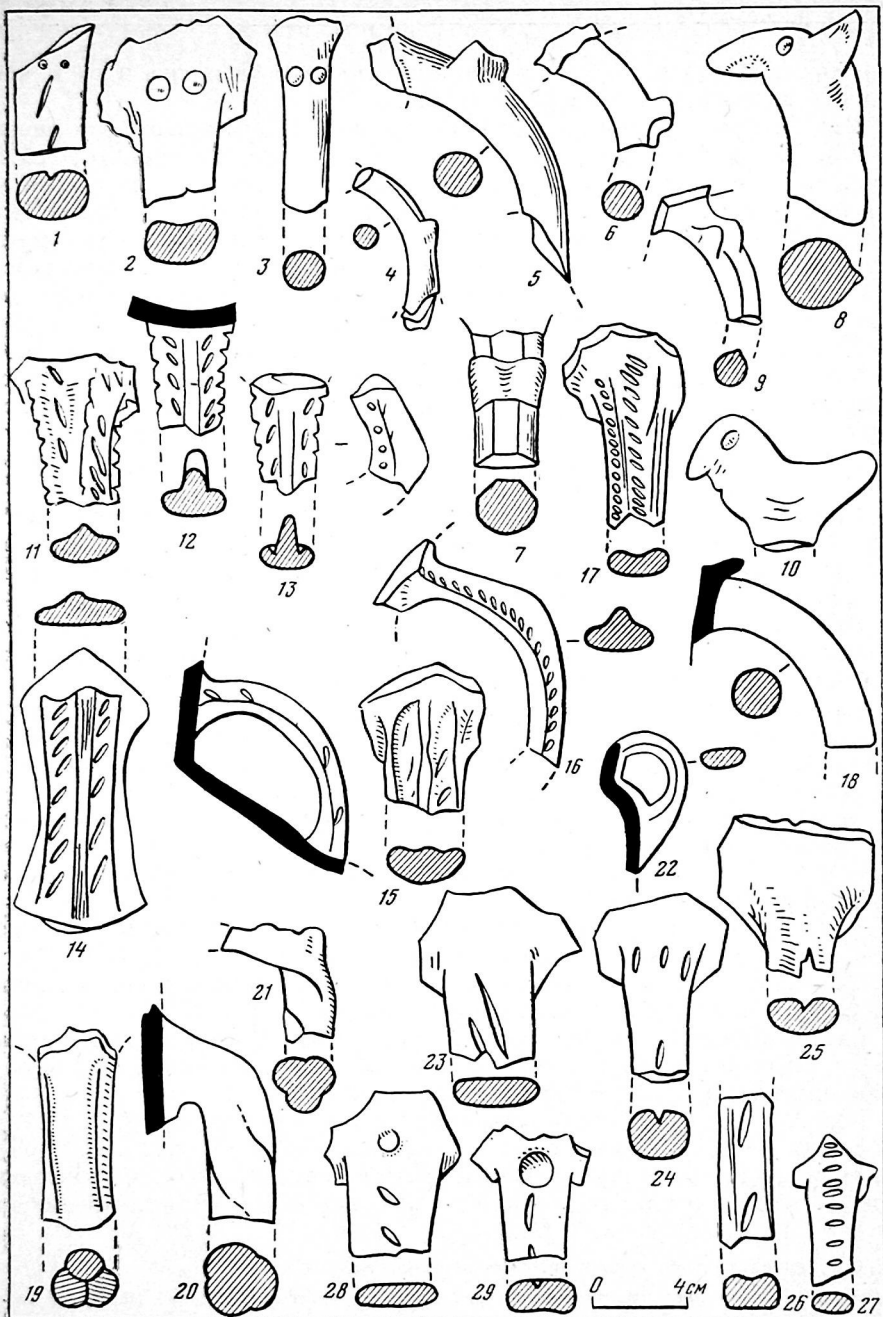
Тип 1. Ручки сосудов с передачей всей формы животного или отдельного его черта. По основным мотивам орнаментации ручки этого типа разделены на три вида.

Вид А. Ручки с двумя небольшими круглыми напелами в верхней части (рис. 8, 1—3). Сечение таких ручек различное (круглое, овальное, подчетырехугольное). Некоторые ручки, помимо двух круглых напелов, украшены косыми насечками, одна ручка оформлена в верхней части в виде двух граней с вертикальной насечкой на каждой, ручка — овальная в сечении.

Вид Б. Ручки с поперечным лепным рельефным валиком (рис. 8, 4—7). Часто эти валики напоминают по форме ушки животного. Одна ручка

Рис. 8. Андрейаульское городище. Ручки

1—3 — тип 1, вид А; 4—7 — тип 1, вид Б; 8—10 — тип 1, вид Б; 11—13 — тип 2, вид А; 14—16 — тип 2, вид Б; 17 — тип 3; 18 — тип 4; 19—21 — тип 5; 22 — тип 6, вид А; 23—27 — тип 6, вид Б; 28, 29 — тип 6, вид В

своеобразной формы: внешняя ее поверхность оформлена в виде трех граней, внутренняя — округлая (рис. 8, 7).

Вид В. Ручки с изображением конкретной формы животного (рис. 8, 8—10). Таких ручек встречено две. Одна — в виде фигурки вороны (?) (рис. 8, 10) — служила навершием ручки, поверхность ее тщательно залощена, другая — в виде головки лошади (?) (рис. 8, 8) — могла быть частью самой ручки, поверхность этой ручки заглажена. Одна ручка серолощенного сосуда — круглая в сечении, с ребром посередине, срезанной площадкой у верхнего основания и двумя рельефными напелами в виде ушек, помещенных по обе стороны площадки (рис. 8, 9).

Тип 2. Ручки, верхняя часть которых оформлена в виде рельефного гребня, часто фигурного, проходящего вдоль тулова. Края ручек слегка приподняты. Крепились ручки этого типа одним концом к основанию горловины, другим — к верхней части тулова. Ручки щедро орнаментированы косыми насечками. По степени орнаментации они подразделяются на два вида.

Вид А. Гребенчатые ручки с рельефным или фигурным гребнем посередине и частыми короткими косыми насечками на тулове по обе стороны гребня, а также на боковых ребрах ручки (рис. 8, 11—13). Насечки нанесены также на тулове сосуда у основания ручек.

Вид Б. Гребенчатые ручки отличаются от ручек вида А некоторой упрощенностью в орнаментации. Косые насечки нанесены только на тулове ручки по обе стороны рельефного гребня (рис. 8, 14—16).

Тип 3. Ручки с приподнятыми краями, оформленными в виде ребер, и ложбинкой посередине (рис. 8, 17). По тулову и боковым ребрам ручки нанесены косые насечки. Крепились ручки одним концом к основанию горловины, другим — к верхней части тулова.

Тип 4. Круглые в сечении ручки черно- и серолощенных сосудов с гладкой поверхностью (рис. 8, 18). Один фрагмент ручки орнаментирован вертикальными проколками, другой — спиралевидным углублением, опоясывающим всю ручку.

Тип 5. Витые, или жгутовидные. Три круглых глиняных жгута переплетены между собой, составляя единое тулово ручки (рис. 8, 19—21). Верхнее основание одной из ручек — с горизонтальной площадкой и двумя напелами в виде ушек (?) по краям площадки (рис. 8, 21).

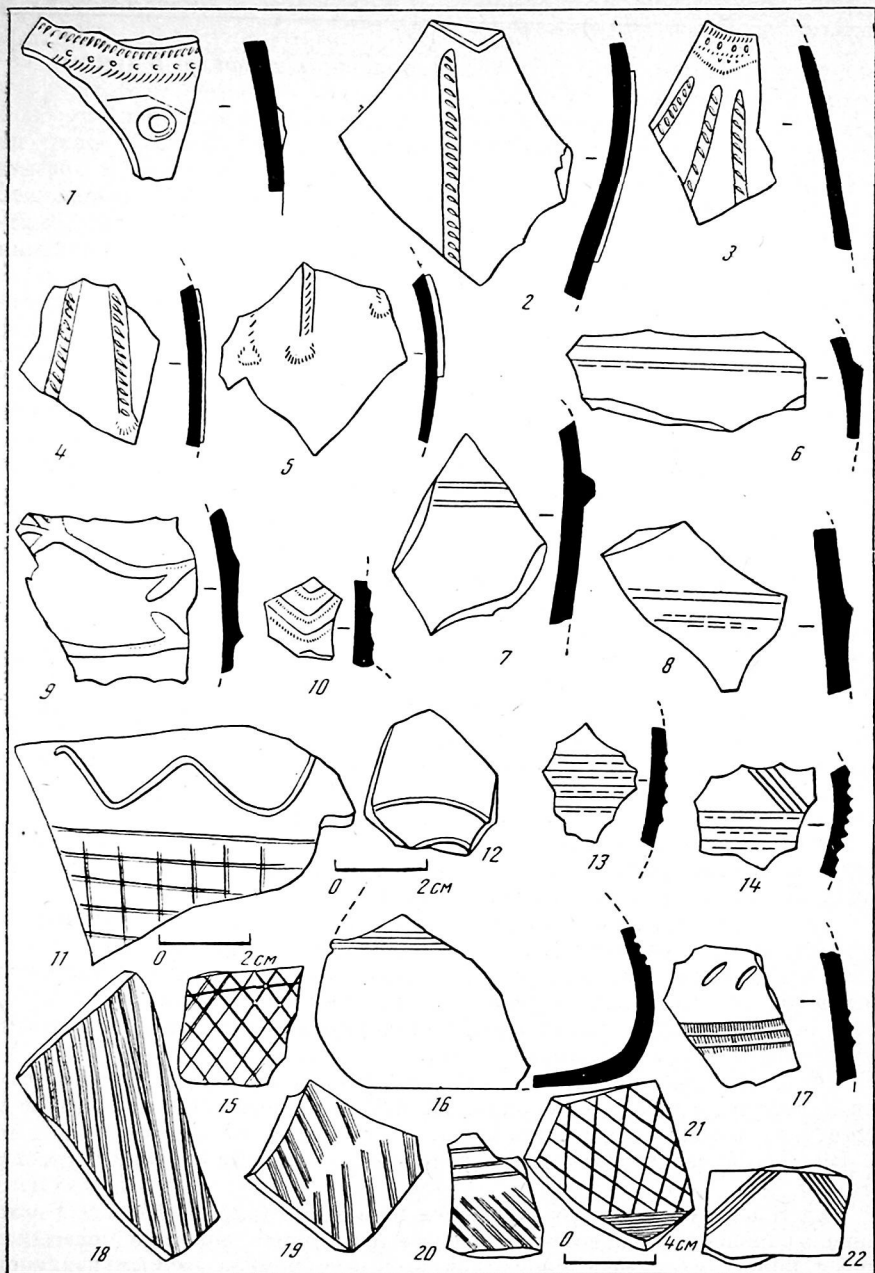
Тип 6. Ленточные ручки серо- и чернолощенных сосудов, выполненные из плоской глиняной ленты, сечение в основном овальное. По способу орнаментации подразделяются на три вида.

Вид А. Простые, неорнаментированные ленточные ручки (рис. 8, 22).

Вид Б. Ленточные ручки с косыми насечками по тулову (рис. 8, 23—27). Насечки могут иметь наклон в правую или левую сторону, идти в один или два ряда и наноситься также на боковые ребра ручки. Крепились

Рис. 9. Андрейаульское городище. Типы орнамента

1—5 — тип 1; 6—8 — тип 2, вид А; 9—12 — тип 2, вид Б; 13 — тип 3; 14, 16, 17 — тип 4; 18—20 — тип 5, вид А; 11, 15 — тип 5, вид Б; 21, 22 — тип 5, вид В

ручки одним концом к верхней части горловины кувшина, а другим, вероятно, к средней части тулова.

Вид В. Ленточные ручки с косыми насечками по тулову и глубокой круглой вмятиной у верхнего (?) основания (рис. 8, 28, 29). Один из фрагментов украшен поперечными насечками по тулову ручки и косыми насечками по боковым ребрам, а также круглой вмятиной у основания.

Орнамент. Столовая посуда Андреяульского городища богато украшена самыми разнообразными типами орнамента. По технике исполнения и основному сюжету орнамент подразделяется на несколько типов.

Тип 1. Заостренным предметом по слегка подсохшему сосуду наносились два параллельных ряда косых насечек, опоясывающих основание горловины, а между ними — ряд семечкообразных выемок (рис. 9, 1—5). По тулову у основания горловины прорезалась зигзагообразная линия и к нижним углам ее прикреплялись тонкие рассеченные резным штампом вертикальные валики, заканчивающиеся небольшими каплевидными расплюснутыми налепами. Орнаментом этого типа украшались кувшины с широко раздутым туловом (тип 1).

Тип 2. Лепные рельефные валики. На тулово сосудов налеплялись узкие глиняные ленты, треугольные или трапециевидные в сечении. По форме валики разделены на два вида.

Вид А. Горизонтальные. Валики налеплялись на лощенные или хорошо заглаженные сосуды, опоясывая их тулово (рис. 9, 6—8). Один фрагмент сосуда, помимо горизонтального валика, орнаментирован несколькими рядами глубоко лощенных линий, расположенных по обе стороны валика.

Вид Б. Фигурные валики²³. Некоторые сосуды украшены валиками самых различных конфигураций: растительный орнамент (рис. 9, 9), зигзагообразные валики (рис. 9, 10), концентрические валики (рис. 9, 12). Один фрагмент, помимо волнистообразного валика, украшен также пересекающимися лощеными полосками (рис. 9, 11).

Тип 3. Резные линии наносились заостренной палочкой на тулово сосуда во время вращения на гончарном круге (рис. 9, 13). Таких линий может быть один ряд или несколько горизонтальных рядов.

Тип 4. Рифление. Сосуды, украшенные рифлением, встречены крайне редко (всего пять обломков). Рифление различается простое (горизонтальные ряды рифленых линий, рис. 9, 16, 17) и сложное (ряды пересекающихся горизонтальных и вертикальных или наклонных линий, рис. 9, 14). Один обломок сосуда, помимо рифления, украшен косыми насечками по тулову выше рифления (рис. 9, 16).

Тип 5. Лощение полосками. По серой заглаженной поверхности сосудов наносились лощеные полоски. По форме их расположения орнамент этого типа разделяется на три вида.

Вид А. Горизонтальные или вертикальные лощеные полоски²⁴ (рис. 9, 18—20).

Вид Б. Лощение пересекающимися полосками (рис. 9, 11, 15). По хорошо заглаженной поверхности сосуда наносились лощеные пересекающиеся полосы, создавая рисунок клеток или ромбов разных размеров.

Слой	Миски											Кувшины					Горшки						
	I				II			III			IV				1	2	3	4	5	1	2	3	4
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11												
III	22	40,3	2,9	0,9	4,6	2,6	17,7	1,9	5,3	1,2	0,5	5	20	2,5	40	32,5	-	-	-	-			
II	7,1	3,7	-	1	5	0,5	62,8	6,3	1,8	10,5	1	23	1,6	-	55,7	19,7	-	51,4	8,6	40			
I	1,8	-	-	0,9	-	0,9	23,6	16	-	53,7	2,8	46	2,7	-	35,1	16,2	29,2	33,3	20,8	16,6			

Ручки											Орнамент								
1			2		3	4	5	6			1	2	3	4	5				
A	B	B	A	B				A	B	B					A	B	B		
9	3	3	4,5	3,7	3	23	2,2	15,7	28,4	4,5	2,1	6,7	8,2	2,7	57,9	16	6,4		
-	16,7	-	36,1	5,6	6,9	9,7	2,8	13,9	8,3	-	11,2	0,9	1,3	6,2	3,2	76,7	0,3		
-	2,9	-	54,3	2,9	8,6	-	2,9	11,4	14,3	2,9	36,4	-	2	3,4	2,4	54,6	1		

Рис. 10. Взаимовстречаемость типов столовой посуды в слоях Андрейаульского городища, % (‰ вычислялся для каждой группы сосудов в отдельности)

Цифры слева: I — I—III вв.; II — IV—VI вв.; III — VII—VIII вв.

Миски: I — округлобокие; II — граненные; III — рифленые; IV — реберчатые; 1 — тип 1, вид А; 2 — тип 1, вид Б; 3 — тип 2, вид А; 4 — тип 2, вид Б; 5 — тип 1, вид А; 6 — тип 1, вид Б; 7 — тип 1; 8 — тип 2; 9 — тип 3; 10 — тип 1; 11 — тип 2. Кувшины, горшки, ручки, орнамент: цифры — типы; буквы — виды

Вид В. Глубокое рельефное лощение (рис. 9, 21, 22). Встречено несколько обломков серолощенных и чернолощенных сосудов, отдельные части которых украшены глубокими рельефными лощеными полосками, составляющими различные конфигурации.

Керамические комплексы Андрейаульского городища датировались исследователями на разных этапах изучения городища по-разному, но в основном укладывались в рамки раннесредневекового периода²⁵⁻²⁶. Эта хронология устанавливалась на основе привлечения внешних аналогий в культурах сопредельных с Дагестаном областей. Устанавливался очень широкий хронологический диапазон (свыше 700 лет).

Исследования последних лет дали возможность несколько конкретизировать хронологические рамки существования городища и выделить три периода его бытования, а также предварительно вычленить соответствующие каждому из них керамические комплексы²⁷. Однако конкретизацией времени функционирования тех или иных форм керамики, выявленной на городище, специалисты не занимались. Сделать это на основе привлечения лишь внешних аналогий не представляется возможным

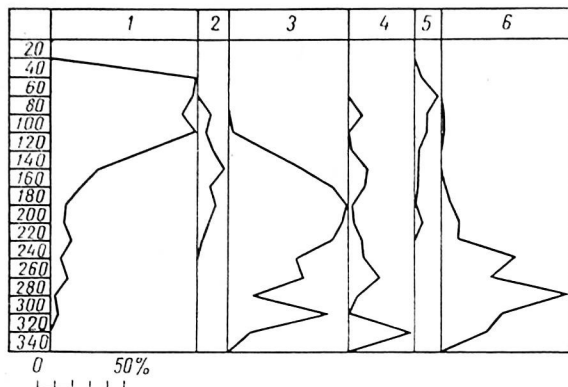

Рис. 11. Соотношение типов мисок в слоях Андрей-аульского городища, %

Цифры слева — глубина, см;

1 — округлобокие, тип 1;

2 — граненые;

3 — рифленые, тип 1;

4 — рифленые, тип 2;

5 — рифленые, тип 3;

6 — реберчатые, тип 1

в силу отсутствия классификации керамики со средневековых поселений северного Дагестана. Поэтому мы попытаемся прежде всего выяснить относительную хронологию столовой посуды. Для удобства пользования материалами и для получения более четкой картины хронологическая колонка составлена последовательно, по классам столовой посуды²⁸.

Миски. Эта посуда претерпевала значительные изменения в течение всего бытования города (рис. 10; 11). Наиболее употребительным типом мисок на раннем этапе его бытования были реберчатые миски с отогнутой закраиной (тип 1, виды А, Б). На втором этапе они утрачивают свое значение. Если в нижних слоях городища они составляют 53,7% среди всех мисок, то в средних — 10,5%, а в верхних не встречаются.

Хронологические рамки употребления рифленых чашеобразных мисок (тип 2) также ограничиваются ранним периодом жизни городища, в среднем периоде они выходят из употребления (I слой — 16%, II слой — 6,3%).

Рифленые миски с вогнутой закраиной (тип I, виды А, Б, В) употреблялись на раннем этапе жизни города (23,6%), в среднем же периоде они получают широкое распространение и становятся господствующей формой (62,8%). Наиболее употребляемыми среди них были миски с выпуклой средней линией рифления (вид Б) — 68,3%. В верхних слоях городища миски этого типа утрачивают свое значение.

В среднем же периоде появляется еще одна форма мисок — граненые, с вогнутой закраиной (тип I, вид А) (5%). Они употреблялись до конца бытования городища, претерпевая в верхних слоях некоторые изменения в форме (вид Б) (закраина миски загибается внутрь в виде валика), связанные, как нам кажется, с усовершенствованием техники изготовления керамики (употребление ножного гончарного круга). Граненые миски (тип I, вид А, Б) составляют 7,2% в верхних слоях. Хотя граненые миски с вогнутой закраиной (вид А) преобладают над мисками с загнутой закраиной (вид Б), однако последних все же много (40%).

Округлобокие миски с вогнутой закраиной (тип I, вид А) также являются в средних слоях (их здесь очень мало — 7,1%). В верхних же

слоях они становятся господствующей формой мисок, на них также распространяется мода загибать закраину внутрь в виде валика (вид Б). В верхних слоях они (тип I, виды А, Б) составляют 62,3% среди всех мисок, наиболее излюбленной формой становятся миски с загнутой валиком закраиной (вид Б), которые составляют 70,7% среди мисок этого типа.

В верхних слоях городища получают распространение округлобокие миски с загнутой наружу закраиной (тип 2, вид А) — 2,9% и рифленые миски с отогнутой закраиной (тип 3, виды А, Б) — 5,3%.

Установить хронологию некоторых типов мисок не представляется возможным из-за незначительного их количества. Таковыми являются округлобокие миски с отогнутой в виде горизонтальной площадки закраиной (тип 2, вид Б) и реберчатые миски биконической формы (тип 2).

Чашки без ручек (тип 1) встречены только в верхних слоях городища, их очень мало — четыре фрагмента, и они являются малопопулярной формой столовой посуды.

Кружки без ручек (тип 1) также появляются в самых верхних слоях городища на заключительном этапе и не получают широкого распространения (три фрагмента).

Кувшины (рис. 10). Самой ранней формой этих сосудов являются кувшины с широко раздутым шаровидным туловом, украшенные «пышным» орнаментом (тип 1). В нижних слоях городища их встречено 46%, они доживают до среднего периода, где составляют уже 23%.

Кувшины с воронкообразной горловиной (тип 4) были популярной формой на всем протяжении бытования города. Но ведущей формой они становятся лишь во втором (55,7%) и третьем (40%) периодах.

Кувшины с рифленой горловиной (тип 5) встречены также во всех слоях городища, но наиболее полно представлены в верхних слоях (32,5%).

Кувшины с рифленным основанием горловины (тип 2) и венчиком-сливом (тип 3) употреблялись на заключительном этапе бытования городища.

Кувшин с венчиком-сливом (тип 3) встречен в верхнем слое городища.

Горшки. Одной из наиболее употребительных форм горшков на раннем этапе бытования городища были горшки с широко раздутым туловом, без шейки, с резко отогнутым слабо выраженным венчиком (тип 1), они составляют 29,2% среди горшков других форм (рис. 10). Их употребление ограничивается рамками нижнего слоя. Этим же временем ограничивается употребление горшков с округлым туловом, короткой шейкой и слабо отогнутым венчиком (тип 3). Горшки же с вертикальной короткой шейкой и продолговатым грушевидным туловом (тип 4) появляются в конце раннего периода и становятся одной из ведущих форм среди лощеных горшков в средних слоях, составляя 40%.

Наиболее популярной формой лощеных горшков в раннем и среднем периодах были горшки с раздутым туловом, хорошо выраженной шейкой и отогнутым венчиком (тип 2): I слой — 33,3%; II слой — 51,4%.

Пифосы (тип 1). Получили распространение в верхних слоях городища (рис. 10).

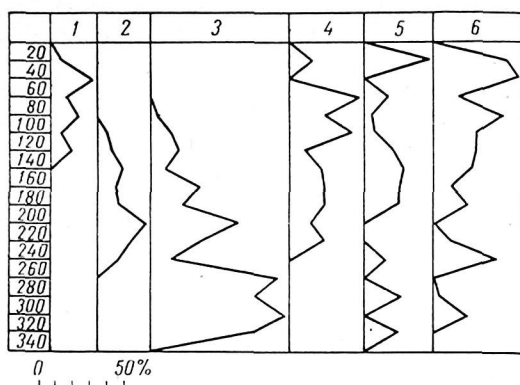

Рис. 12. Соотношение типов ручек столовых сосудов в слоях Андреяулского городища, %

Цифры слева — глубина, см;

1 — тип 1, вид А;

2 — тип 1, вид В;

3 — тип 2;

4 — тип 4;

5 — тип 6, вид А;

6 — тип 6, вид В

Ручки сосудов (рис. 10; 12). Формы ручек, которыми снабжались кувшины, миски, чашки и кружки, отличаются большим многообразием. Самой ранней формой были гребенчатые ручки, щедро украшенные косыми насечками (тип 2, вид А). Они прикреплялись в основном к кувшинам с широко раздутым туловом (тип 1). Ручки этой формы выходят из употребления вместе с кувшинами: слой I — 54,3%; слой II — 36,1; слой III — 4,5%.

В среднем слое они несколько упрощаются (вид В), но и это не сделало их более популярными.

Реберчатые ручки (тип 3) также употреблялись лишь в раннем и среднем периодах.

Наиболее излюбленной формой ручек во всех слоях городища были ленточные (тип 6). Неорнаментированные ленточные ручки (вид А) и ленточные ручки с насечками (вид В) употреблялись на всех этапах функционирования городища.

Ручки с косыми насечками в верхних слоях достигают массового употребления (28,4%). В верхнем слое появляются ленточные ручки, украшенные, помимо косых насечек, глубокой круглой вмятиной у основания (вид В).

Для средних слоев характерны зооморфные ручки с поперечными напелами в виде ушек (тип 1, вид В), в верхних слоях они почти не встречаются: II слой — 16,7%, III слой — 3%. На смену им в верхних слоях приходят зооморфные ручки с небольшими круглыми напелами у основания — «глазками» (вид А), а также ручки с конкретным изображением животного (вид В) (первые составляют среди ручек этого типа 58,3%).

Ручки круглые в сечении (тип 4), появившиеся в средних слоях (9,7%), широко распространяются в верхних (23%). На всех этапах функционируют витые ручки (тип 5), хотя попадают они крайне редко.

Типы орнамента (рис. 10; 13).

«Пышный» орнамент (тип 1) широко использовался для украшения многих сосудов в нижнем слое городища (36,4%), в среднем слое он менее

Рис. 13. Соотношение типов орнамента столовых сосудов в слоях Андреяульского городища, %

Цифры слева — глубина, см;

1 — тип 1;

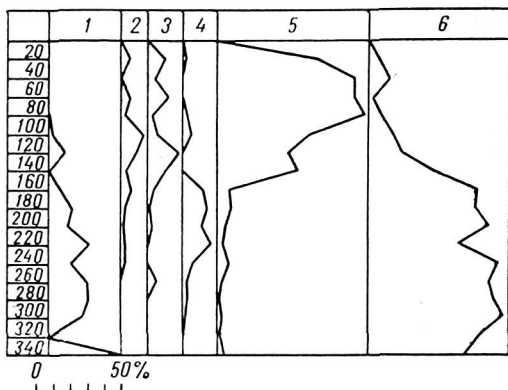
2 — тип 2;

3 — тип 3;

4 — тип 4;

5 — тип 5, вид А;

6 — тип 5, вид Б

популярен (11,2%). Наряду с «пышным» сосуды украшались в нижних слоях лощением пересекающимися полосами (тип 5, вид Б) (54,6%), ставшим в средних слоях наиболее популярным типом орнамента (76,7%). В верхних слоях обломки, украшенные лощением пересекающимися полосами, встречены реже (16%).

Широкое распространение в верхних слоях получает орнаментация кувшинов вертикальными и горизонтальными полосами (тип 5, вид А) — 57,9%. В верхних же слоях появляется еще один новый тип орнамента — горизонтальные лепные валики (тип 2, вид А) — 6,7%.

Рифление отдельных участков тулова (тип 4) очень редко применялось для украшения сосудов (в основном во втором периоде — 6,2%), орнаментация техникой глубокого лощения (тип 5, вид Б) и нанесение на тулово резных горизонтальных линий (тип 3) имели применение лишь на заключительном этапе (соответственно 6,4 и 8,2%).

Стратиграфические наблюдения над керамикой Андреяульского городища показывают, что в течение всего времени его бытования наряду с развитием форм отдельных типов столовой посуды происходила и периодическая их смена. Особенно отчетливо это прослеживается на формах мисок, ручек и типах орнамента. Для каждого слоя городища характерен определенный набор типов столовой посуды и способов ее украшения (рис. 14).

Нижний слой (рис. 14, 11—14, 31—34) мощностью 1 м характеризуется реберчатыми мисками (тип 1, виды А, Б), рифлеными с загнутым внутрь краем (тип 1) и чашеобразными мисками (тип 2), кувшинами с раздутым туловом (тип 1), украшенными «пышным» орнаментом (тип 1), и кувшинами с воронкообразной горловиной (тип 4), горшками для хранения продуктов (типы 1, 2) и миниатюрными горшочками (тип 3). Сосуды снабжались реберчатыми (тип 2) и ленточными (тип 6) ручками, украшались, помимо «пышного» орнамента, пересекающимися лощеными полосками (тип 5, вид Б).

Керамика нижних слоев городища предварительно была датирована исследователями памятника II—III вв. ^{28а}

Реберчатые миски (тип 1, виды А, Б) известны в могильниках и некоторых поселениях сарматского времени (от III в. до н. э. до I в. н. э.) на территории Северного Кавказа ²⁹. Известны миски этой формы и в Средней Азии (материалы IV—III вв. до н. э.) ³⁰. Попадают они изредка и в раннесредневековых памятниках Северного Кавказа, где датируются вплоть до IV—V вв. н. э. ³¹

Чашеобразные миски с рифленным бортиком (тип 2), как и предыдущие, известны в могильниках сарматского времени Северного Кавказа ³², а также на средневековых поселениях и могильниках от IV—VI вв. (в Средней Азии) до X в. (на Северном Кавказе) включительно ³³.

Аналогии кувшинам с раздутым туловом (тип 1), снабженным гребенчатой ручкой (тип 2) и украшенным «пышным» орнаментом (тип 1), встречены в курганном погребении I—II вв. на Нижней Волге ³⁴, а также в Дагестане в большом Буйнакском кургане III—V вв. ³⁵

Таким образом, в целом, придерживаясь первоначальной датировки нижних слоев городища, нам кажется, судя по аналогиям, можно несколько передвинуть нижнюю дату до I в. н. э.

Однако, как мы видим, почти все типы сосудов нижнего слоя датируются достаточно широко от конца I тысячелетия до н. э. и до начала II тысячелетия н. э. Только стратиграфический анализ этой керамики на материалах Андрейаульского городища показывает, что все перечисленные нами типы являются преобладающими в нижнем слое и действительно характеризуют его, а в верхних (средневековых слоях) они встречаются, по-видимому, или в виде пережитков (как и в остальных средневековых памятниках Северного Кавказа), или же (отдельные фрагменты) — в переломах.

Исследователи связывают нижний слой Андрейаульского городища с культурой аборигенного населения, подвергшегося сильному воздействию Кавказской Албании ³⁶. Однако анализ столовой посуды этого памятника позволяет, видимо, считать, что в тот период значительно сильнее в районе Терско-Сулакского междуречья было влияние сармато-аланского пришлого населения. Это подтверждается и сообщениями античных авторов, свидетельствующих о пребывании в предкавказских степях в начале I тысячелетия н. э. многочисленных сарматских племен ³⁷. Очевидно, мы с полным правом можем назвать этот период «сарматским».

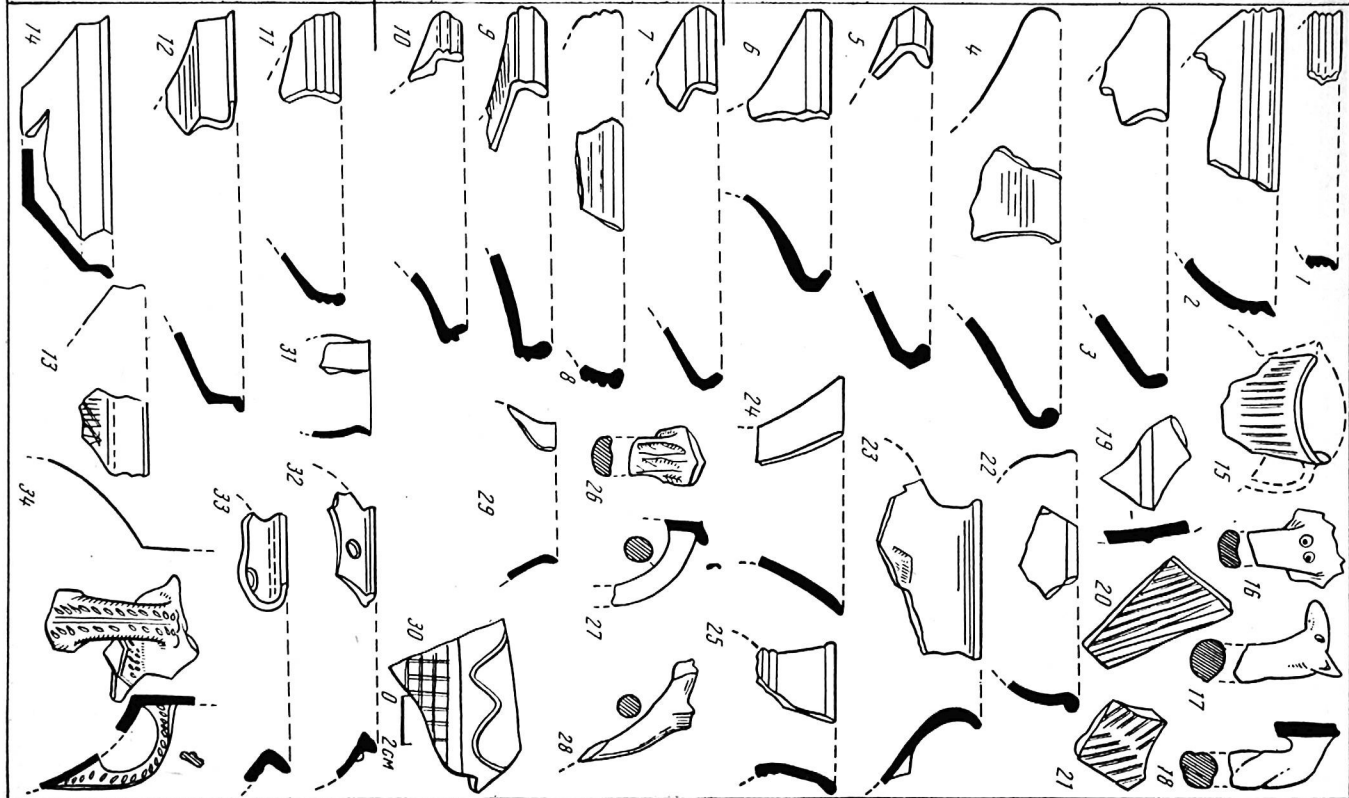
В среднем слое (рис. 14, 7—10, 26—30), толщина которого местами достигает на Андрейаульском городище до 160 см, наиболее типичными формами столовой посуды являются рифленные (тип 1, виды А, Б, В) и граненые (тип 1, вид А) миски, а также продолжают встречаться реберчатые миски (тип 1).

Рис. 14. Соотношение основных типов столовой посуды с периодами жизни Андрейаульского городища

Нижний слой
(сарматский)
I—III вв.

Средний слой
(гунно-савирский)
IV—VII вв.

Верхний слой
(хазарский)
VII—VIII вв.

Набор типов кувшинов второго периода почти не изменился, продолжают употребляться широко раздутые кувшины (тип 1), кувшины с воронкообразной (тип 4) и рифленой (тип 5) горловиной. Широкое применение в среднем периоде продолжают иметь также горшки для хранения продуктов (тип 2) и миниатюрные горшочки (тип 4).

Ручки сосудов претерпевают значительные изменения: наряду с плоскими (тип 6) и реберчатыми (тип 2) начинают широко употребляться зооморфные (тип 1, вид Б) и круглые в сечении (тип 4). Несмотря на то что типы орнамента остаются прежними, резко изменяется их процентное соотношение. Преобладающим становится украшение сосудов пересекающимися лощеными полосками, а «пышный» орнамент употребляется значительно реже.

Следует отметить, что аналогий мискам, появившимся в этом слое, на Северном Кавказе в синхронных памятниках IV—VI вв., по существу, нет.

Появление этих новых форм, широкое распространение зооморфных ручек и лощения позволяют, вероятно, говорить о какой-то (хотя бы частичной) смене населения в Терско-Сулакском междуречье в эти столетия.

Начиная с IV в. н. э. античные и армянские авторы постоянно упоминают гуннов в связи с их набегами на Закавказье³⁸. С конца IV в. гуннские племена участвовали в ирано-византийских войнах, поддерживая то одну, то другую сторону. Со второй половины V в. в источниках появляется этноним «гунны-савиры»³⁹. Они завладели долиной вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента⁴⁰. На этой территории в VI—VII вв. складывается прочное племенное объединение, известное из источников как «царство гуннов». Гунны-савиры играли большую роль в событиях раннесредневековой истории Ирана, Византии, народов Закавказья, а также, по мнению некоторых исследователей, в сложении сильнейшего раннефеодального государства Восточной Европы — Хазарского каганата⁴¹. Учитывая вышесказанное, мы можем определить средний слой Андрейаульского городища как «гунно-савирский».

В верхнем слое (рис. 14, 1—6, 15—25) мощностью на отдельных участках до 160 см получают распространение округлобокие миски (тип 1, виды А, Б; тип 2, вид А) и рифленые (тип 3, виды А, Б). Продолжают встречаться граненые миски (виды А, Б) и рифленые (тип 1). Формы кувшинов становятся более разнообразными (типы 2, 3, 4, 5), входят в употребление пифосы (тип 1). Типы ручек остаются прежними, они только несколько видоизменяются: ленточные ручки все чаще покрываются косыми насечками (тип 1, вид Б), иногда добавляется круглая вмятина у основания (тип 1, вид В), на смену зооморфным ручкам с «ушками» (тип 1, вид Б) приходят зооморфные ручки с «глазками» (тип 1, вид А) и конкретным изображением животного (тип 1, вид В).

Орнаментация сосудов в верхнем слое упрощается — преобладает лощение горизонтальными и вертикальными полосками (тип 5, вид А), а также украшение сосудов лепными валиками (тип 2, вид А) и резными горизонтальными линиями (тип 3).

Аналогии андрейаульским округлобким мискам с загнутым внутрь бортиком (тип 1, вид А) находятся в памятниках в основном северо-восточного Кавказа, где они широко бытуют в раннесредневековое время ⁴².

Округлобокые миски с загнутым наружу краем (тип 2, вид А) известны среди материалов раннесредневековых городищ Чечено-Ингушетии и могильников Адыгей ⁴³.

Рифленые миски с загнутым наружу краем (тип 3, виды А, Б) часто встречаются в материалах средневековых поселений Чечено-Ингушетии ⁴⁴, есть они и в Средней Азии (верхние слои Пенджикента) ⁴⁵.

Кувшины с рифленным основанием горловины (тип 2) известны в среднеазиатских материалах IV—VI и VII—VIII вв. ⁴⁶

Горшкообразные пифосы (тип 1) имели распространение в средневековую эпоху в Чечено-Ингушетии ⁴⁷.

Культура верхнего слоя городища связывается археологами с хазарским периодом жизни и определяется как наиболее ранний вариант салтово-маяцкой культуры ⁴⁸.

Периодическая смена форм столовой посуды, способов ее орнаментации может быть объяснена, по-видимому, как хронологической модификацией, так и частичной сменой этнического состава населения. Последнее более вероятно, так как хронологическая модификация сказывается в основном на пропорциях сосудов, не приводя к коренной ломке традиционных эстетических представлений. Это отчетливо видно на материалах Андрейаульского городища, в культурных слоях которого представлены многочисленные типы столовой посуды, хронологически разделяющие жизнь на городище на три периода: I — «сарматский» (I—III вв.); II — «гунно-савирский» (IV—VI вв.); III — «хазарский» (VII—VIII вв.).

Для каждого из периодов, как мы видели, характерен особый, отличный от другого набор столовой посуды, находившейся в употреблении, хотя некоторое время сосуды различных хронологических периодов, естественно, сосуществовали.

Три периода, выделенные нами на Андрейаульском городище благодаря анализу керамического материала, очень слабо освещены письменными источниками и пока мало исследованы археологически.

Данная работа является первым опытом археологического изучения керамического комплекса раннесредневековых памятников предгорного Дагестана.

Типологическое и стратиграфическое изучение такой массовой категории материала, какой является керамика, позволит в будущем разобраться не только в истории отдельных памятников, но и коснуться более общих проблем, в частности вопроса о заселенности Дагестана в разные исторические периоды.

- ¹ *Пикуль М. И.* Отчет о работе III Бавтугайского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1958 г. — РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, № 2550; *Она же.* Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. — РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, № 2298; *Путинцева Н. Д.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1957 г. — РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, № 65; *Она же.* Верхнечирюртовский могильник (предварительные сообщения). — МАД, 1961, т. II; *Она же.* Северо-восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. — РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, № 113; *Магомедов М. Г.* Верхнечирюртовское городище. — Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1970, т. 19.
- ² *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории восточного Предкавказья. — МАД, 1974, т. 5, с. 152.
- ³ *Атаев Д. М.* Отчет о работе археологической экспедиции ИИЯЛ Даг. ФАН СССР в 1967 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 3588; *Атаев Д., Абакаров А., Магомедов М., Маммаев М.* Раскопки Андрейаульского городища. — АО 1967 г., М., 1968.
- ⁴ *Нарышкин Н. А.* — См.: ЗОЛКА, 1875, кн. I, с. 185.
- ⁵ *Грен А. Н.* Отчет о командировке для раскопок и археологического исследования Хазарского каганата в Хасавюртовском округе Терской области. — ИАН, 1905, прибавление к вып. 16, с. 18; *Она же.* Отчет о летней командировке в Хасавюртовский округ Терской области. — Тр. МАО, 1907, т. 21, вып. 2, протоколы; прил. II к протоколу № 631, с. 133.
- ⁶ *Иссен А. А.* Работы на Сулаке. — Изв. ГАИМК, 1935, вып. 110, с. 33.
- ⁷ *Исаков М.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, с. 28.
- ⁸ *Пикуль М. И.* Отчет по археологическим работам за август-сентябрь месяца 1951 г. и первую четверть 1952 г. — РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, № 987.
- ⁹ *Атаев Д. М.* Отчет. . .
- ¹⁰ *Магомедов М. Г., Гмыря Л. Б.* Работы на Андрейаульском городище. — АО 1975 г., М., 1976; *Магомедов М. Г., Абрамова М. П., Гмыря Л. Б.* Исследование Андрейаульского городища. — АО 1976 г., М., 1977.
- ¹¹ *Маммаев М. М.* Гончарное производство Андрейаульского городища. — РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, № 3954; *Она же.* Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане. (Гончарные печи Андрейаульского городища). — Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1970, т. 20, с. 346—349.
- ¹² *Магомедов М. Г., Абрамова М. П., Гмыря Л. Б.* Исследование Андрейаульского городища.
- ¹³ Приношу глубокую благодарность М. Г. Магомедову за разрешение использовать неопубликованные материалы его экспедиции.
- ¹⁴ *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75; *Она же.* Средневековая керамика Таманского городища. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963; *Она же.* От ковчег в городом. М., 1967; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976.
- ¹⁵ *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи, с. 257.
- ¹⁶ Для обозначения основных промеров мисок вводятся следующие индексы: диаметр венчика (d_1), диаметр устья (d_2), диаметр наибольшего расширения тулова (d_3), диаметр донца (d_4), высота миски (H), высота наибольшего расширения тулова (h_1).
- ¹⁷ Лощеных полосок — 52, они расположены группами: четыре группы по 9 полос, одна — по 15 и одна — по 1. Группы полос расположены под некоторым углом одна к другой (рис. 1, 13а).
- ¹⁸ Разрабатывая типологию кувшинов, мы старались учитывать все особенности формы тулова. Однако зачастую имеющиеся обломки кувшинов позволяли выделять тот или иной тип, основываясь лишь на форме горловины и венчика. Мы отдаем себе отчет в возможной неточности такой типологии.
- ¹⁹ Анализ ручек и орнаментированных стенок произведен нами в специальном отделе.
- ²⁰ Для обозначения основных промеров кувшинов вводятся следующие индексы: диаметр венчика (d_1), диаметр горловины (d_2), диаметр наибольшего расширения тулова (d_3), диаметр

- донца (d_4), высота сосуда (H), высота наибольшего расширения тулова (h_1), высота горла (h_2).
- ²¹ Целый кувшин первого типа орнаментирован резной зигзагообразной линией из 13 зигзагов.
- ²² Для обозначения промеров горшков и пифосов вводятся следующие индексы: диаметр венчика (d_1), диаметр горла (d_2), диаметр наибольшего расширения тулова (d_3), диаметр донца (d_4), высота сосуда (H), высота наибольшего расширения тулова (h_1).
- ²³ Объединение валиков различных конфигураций в вид Б является условным в силу неясности сюжета орнамента.
- ²⁴ Имеющиеся фрагменты сосудов, к сожалению, не дают возможности определить точное расположение полос.
- ²⁵⁻²⁶ Атаев Д. М. Отчет. . .; Атаев Д., Абакаров А., Магомедов М., Маммаев М. Раскопки Андрейаульского городища, с. 93—94; Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андрейаульское городище. — В кн.: Древности Дагестана, Махачкала, 1974, с. 135.
- ²⁷ Магомедов М. Г., Абрамова М. П., Гмыря Л. Б. Исследование Андрейаульского городища, с. 108—109.
- ²⁸ Анализу подверглись 2902 фрагмента столовой посуды из 11716, выявленных на раскопке.
- ^{28а} Магомедов М. Г., Абрамова М. П., Гмыря Л. Б. Исследование Андрейаульского городища, с. 108.
- ²⁹ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. — МИА, 1951, № 23, с. 194, рис. 15, 10; Он же. Тахтамукаевский могильник. — Тр. Адыг. НИИЯЛИЭ, 1961, т. II, с. 192—194, табл. 1, 2, 3; Виноградов В. Б. Сарматы северо-восточного Кавказа. — Тр. ЧИНИИ, 1963, т. 6, с. 55, 74, 114, рис. 20; 30; 43, 10.
- ³⁰ Филанович М. И. Гяур-кала. — Тр. ЮТАКЭ, 1974, т. 15, рис. 6.
- ³¹ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106, рис. 3А, 12; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, табл. 21-6, 16.
- ³² Анфимов Н. В. Тахтамукаевский могильник, с. 190—191, табл. I, 5, 8; Он же. Меото-сарматский могильник. . ., с. 194, рис. 15, 11; 16, 6; Дитлер А. П. Могильники в районе поселка Колосовки на реке Фарс. — Тр. Адыг. НИИЯЛИЭ, 1961, т. II, с. 137, 145, табл. VII, 3.
- ³³ Кузнецов В. А. Раскопки Змейского поселения VIII—X вв. — МАДИСО, 1969, т. II, рис. 6, 1, 2; Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. — СА, 1956, XXVI, с. 242, рис. 6; Дресвянская Г. Я. «Овальный» дом христианской общины в Старом Мерве. — Тр. ЮТАКЭ, 1974, т. XV, с. 162, рис. 7.
- ³⁴ Смирнов К. Ф. Курганы у сел. Иловатки и Политотдельское. — МИА, 1959, № 60, с. 274, рис. 26, 8.
- ³⁵ Виноградов В. Б. Сарматы. . ., с. 89, рис. 40, 4.
- ³⁶ Магомедов М. Г., Абрамова М. П., Гмыря Л. Б. Исследование Андрейаульского городища, с. 108—109.
- ³⁷ Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе/Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. СПб., 1893, т. 1. Греческие писатели, с. 231—232, с. 339.
- ³⁸ См.: Патканьян К. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями. — Тр. Восточного отделения императорского русского археологического общества, 1869, ч. XIV, с. 20—21; Известия древних писателей. . . СПб., 1906, т. 2, вып. 2. Латинские писатели, с. 379; Памятники древнеармянской литературы, 1953, т. 1, с. 14—15; Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.; Л., 1959, с. 193.
- ³⁹ Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта/Пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1884, с. 126.
- ⁴⁰ Артамонов В. И. История хазар. Л., 1962, с. 69, примеч. 1.
- ⁴¹ Артамонов В. И. История хазар, с. 156; Гадло А. В. Новые материалы. . ., с. 153; Котович В. Г. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений прикаспийского Дагестана. — В кн.: Пятье крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1975, с. 99—100.
- ⁴² Гадло А. В. Новые материалы. . ., с. 150, рис. 35, 8, 10; Минаева Т. М.

- Археологические разведки в долине р. Сунжи. — Сб. тр. Ставроп. пед. ин-та, 1958, вып. 13, с. 417, 419, 422, 424—426, 428, 430, табл. VII, а; *Кузнецов В. А.* Раскопки Змейского поселения. . ., с. 90, рис. 6, 3, 4; *Деолик В. Б.* Змейское средневековое селение. — В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 46—49, рис. 8; *Багаев М. Х.* Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии: Дис. . . канд. ист. наук. М., 1970. — Архив ИА АН СССР, р-2, № 2072, с. 41, 50, 273, рис. 12, 85, 1.
- ⁴³ *Багаев М. Х.* Раннесредневековая материальная культура. . ., с. 273, рис. 85, 4; *Дитлер А. П.* Могильники в районе поселка Колосовки. . ., с. 135, 149, табл. VI, 5.
- ⁴⁴ *Багаев М. Х.* Раннесредневековая материальная культура. . ., рис. 85, 2.
- ⁴⁵ *Бентович И. Б.* Керамика верхнего слоя Пенджикента. — МИА, 1964, № 124, с. 276, рис. 17, 5.
- ⁴⁶ *Дресвянская Г. Я.* «Овальный» дом христианской общины. . ., рис. 7; *Заурова Е. З.* Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва. — Тр. ЮТАКЭ, 1962, т. XI, с. 201, табл. 4, рис. 19, 17.
- ⁴⁷ *Багаев М. Х.* Раннесредневековая материальная культура. . ., рис. 86, 1—3.
- ⁴⁸ *Атаев Д. М., Магомедов М. Г.* Андрейаульское городище, с. 135; *Магомедов М. Г., Абрамова М. П., Гмыря Л. Б.* Исследование Андрейаульского городища, с. 109.

Гора Самохвал (по-хакасски Ирт-тах) расположена на правом берегу р. Абакан при слиянии ее с Енисеем, на юго-восточной окраине г. Абакана. Гора состоит из пяти сопок, вытянутых единым небольшим массивом с запада на восток, от Абакана к Енисею. Крайняя восточная сопка омывается Енисеем. На вершинах, седловинах и полках горы Самохвал в 1968 г. обнаружено шесть небольших курганных групп, относящихся к различным периодам II тысячелетия н. э. Полностью раскопаны могильники Самохвал I и II, состоявшие из 7 и 10 курганов каждый, в различной степени изучены группы Самохвал III и V. Работы проводятся Хакасской археологической экспедицией Московского университета под руководством Л. Р. Кызласова¹.

Хотя изучение средневековых памятников горы Самохвал еще не завершено, но полученные здесь материалы, относящиеся к аскизской культуре средневековых хакасов,² нуждаются во введении в научный оборот. Это вызвано все еще недостаточной представленностью в литературе памятников названной культуры. Раскопанные на Самохвале аскизские комплексы не только типичны по своему погребальному обряду, конструкции надмогильных сооружений, составу и облику инвентаря, но разновременны. Они относятся к периоду от середины XI в. по крайней мере до первой половины XIII в. Добытые здесь материалы ярко отражают основные закономерности развития культуры на малиновском и каменском этапах, а также на очень важном, но малоизученном черновском периоде — относящиеся к нему комплексы еще никем не опубликованы³. Таким образом, самохвальские курганы позволяют познакомиться с материальной культурой древнехакасского государства в самый драматичный период его истории — во время начала и наибольшего размаха борьбы против нашествия монгольских феодалов.

Вполне самостоятельный интерес представляет и серия женских погребений на горе Самохвал — до сих пор не публиковавшийся вид аскизских памятников, позволяющий между тем поставить ряд интересных археологических, историко-культурных и социально-экономических вопросов.

Могильник Самохвал I раскапывался в 1970 г. Он представлял собой группу из семи курганов, расположенных на небольшом, слегка покатом плато с юго-восточной стороны от вершины горы с установленным на ней геодезическим «маяком». Эта часть сопки находится в виду долины Енисея и Тагарского острова, в 4—5 км по прямой на север—северо-запад от д. Подсиной. Курганный комплекс состоял из разнотипных памятников⁴. Три аскизских кургана (1, 2, 5) располагались цепочкой, вытянутой

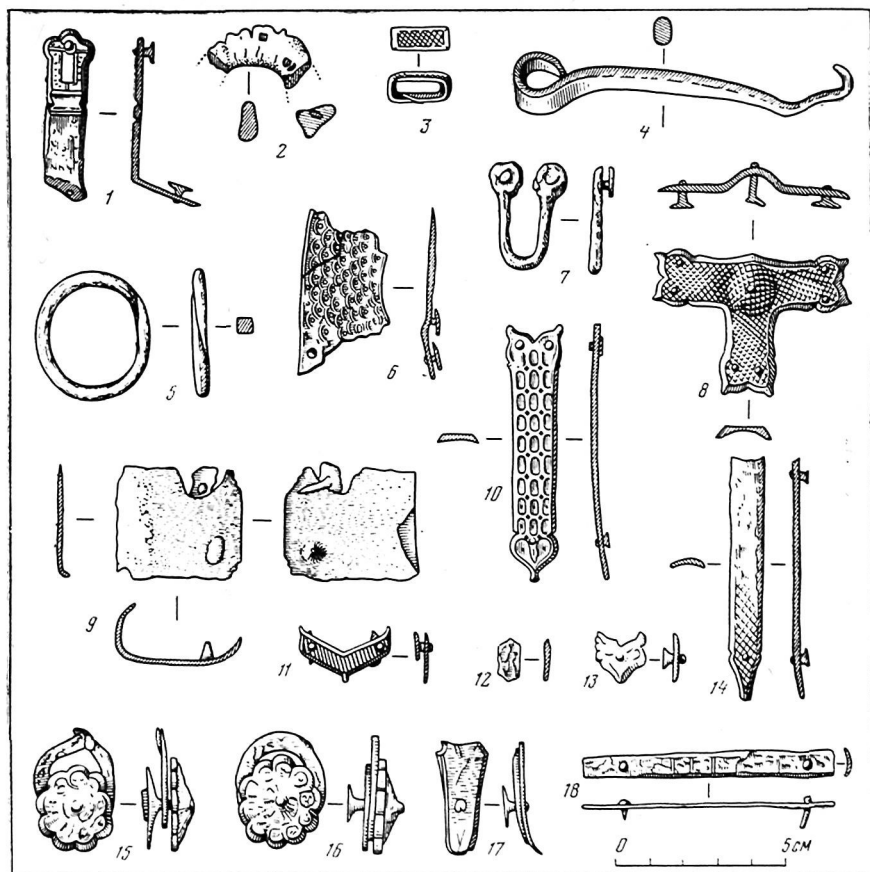

Рис. 1. Инвентарь курганов черновского периода малиновского этапа (XII в.)

1—4 — Самохвал I, курган 1; 5—7, 9 — Самохвал II, курган 4; 8, 10, 14 — Самохвал I, курган 2; 11—13, 15—18 — Самохвал III, курган 12. 2 — рог; 4, 5, 7, 9, 12, 17 — железо; остальное — железо с серебряной аппликацией

с северо-запада на юго-восток, и представляли собой невысокие кольцевидные в плане каменные слабозадернованные сооружения. Насыпи были сложены из небольших плиток девонского песчаника — подручного материала, добывавшегося на скальных выходах горы. Все курганы раскопаны на снос с оставлением одной бровки по линии север—юг. Для выявления границ надмогильного сооружения раскопки начинались с оконтуривающей насыпь кольцевой траншеи (шириной около метра), доводившейся до материка. После этого снимался дерн с обеих пол кургана и расчищалась каменная выкладка. Затем убирались все наклонно лежавшие

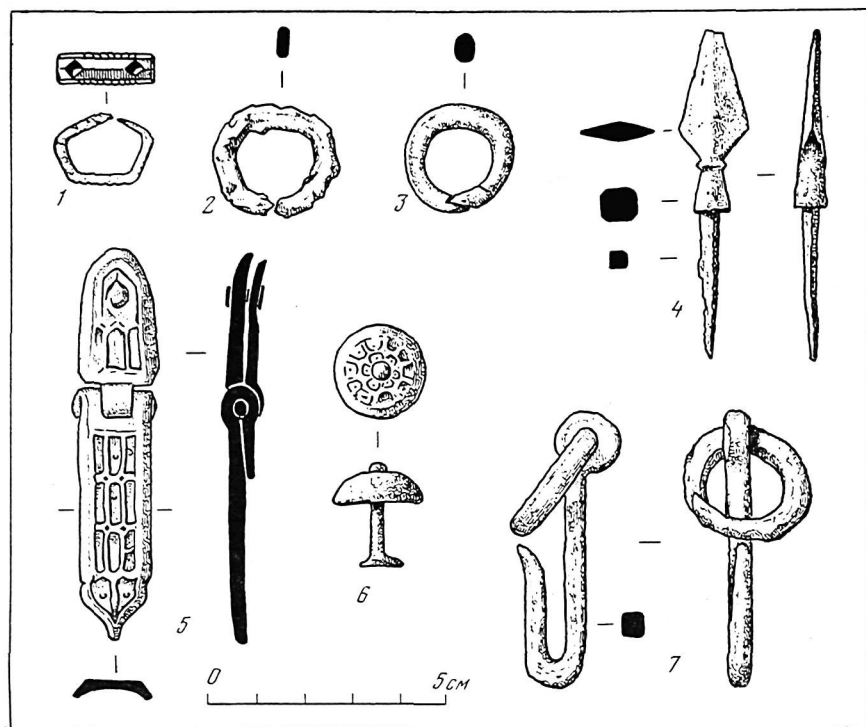
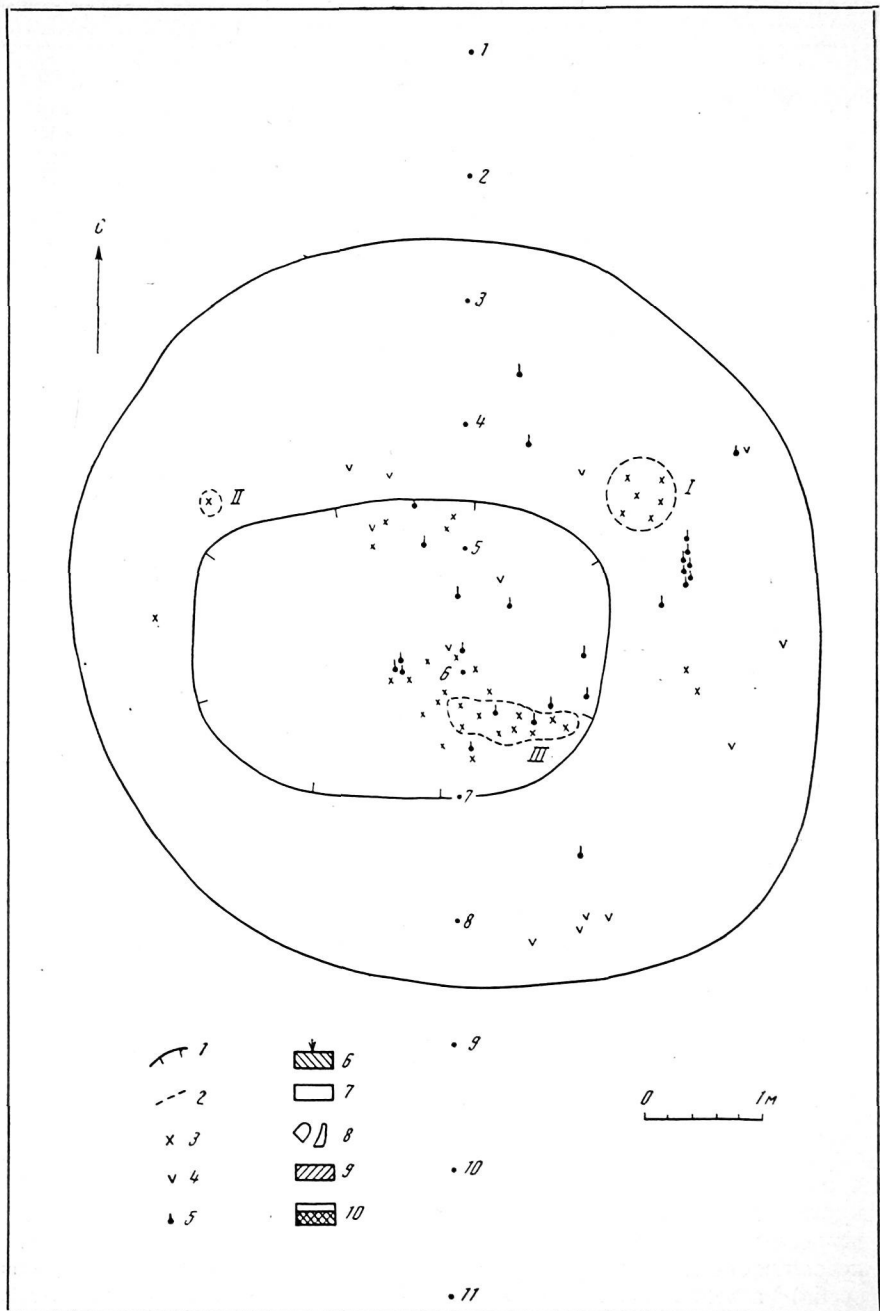

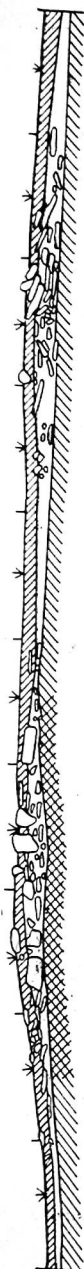
Рис. 2. Инвентарь курганов оглахтинского периода малиновского этапа (XI в.)

1—4, 7 — Самохвал III, курган 10; 5, 6 — Самохвал I, курган 5. 5, 6 — железо с серебряной аппликацией; остальное — железо

плиты, оставлялись лишь горизонтально лежавшие на материке или погребенном дерне (если он прослеживался). Полученное таким образом основание разрушившегося со временем сооружения имело кольцевидную форму, так как середина кургана от плит была свободна. Вероятно, первоначально кладка образовывала невысокую круглую стенку, развал которой создавал невысокую кольцевидную насыпь кургана.

Курган 1 имел насыпь размером: 7 м (с севера на юг) и 6,5 м (с запада на восток)⁵. Размеры задернованной центральной впадины составляли соответственно 2,6×2,1 м. В оконтуривающей траншее за пределами насыпи под дерном найдены железный наременный наконечник (рис. 1, 1) и несколько обломков костей животных. При разборке западной половины кургана в дерновом слое и среди камней насыпи часто встречались разрозненные кости животных (мелкие неопределимые обломки, ребра и позвонки овцы, зубы, части челюсти, позвонки и ребра лошади — от одной особи)⁶ и мелкие кальцинированные кости человека (в том числе обломки

череп). В этих же условиях найдены: обломок костяной пряжки (рис. 1, 2), железная обойма ремня (рис. 1, 3), часть крюковых удил (рис. 1, 4) и обломок железной накладки. После разборки восточной половины расчищено два трупосожжения. Первое имело овальную форму, вытянутую с севера на юг ($2,46 \times 1,94$ м). Кальцинированные кости и комочки золы лежали здесь слоем в 20 см толщиной. Второе пятно имело сходную форму ($1,1 \times 0,55$ м). Первое скопление косточек занимало южную часть свободного от камней центрального пространства, второе — северную, но оба в значительной степени уходили и под каменную кладку. Почва под погребениями прокалена не была. Материк залегал на глубине 30 см от верха насыпи.

Курган 2 располагался в непосредственной близости к северо-западу от кургана 1. Его округлая насыпь имела диаметр 5 м, центральная впадина — 1,8 м. Обломки костей животных начали встречаться, как и при раскопках предыдущего кургана, уже в оконтуривающей траншее. Под восточной половиной насыпи в ее нижних слоях и на горизонте выявлены два железных наконечника (рис. 1, 10, 14) и распределитель ремней — тройчатка (рис. 1, 8). Трупосожжение расчищено в центральной, свободной от камней части кургана. Оно представляло собой вытянутое с запада на восток овальное зольное пятно ($1,38 \times 0,68$ м) с кальцинированными костями человека. Начавшись сразу под дерном, остатки трупосожжения залегали до материка и имели мощность 10 см. Почва под ними не имела следов прокаленности. К юго-западу от погребения компактно лежали пять ребер и один позвонок овцы.

Курган 5 находился в 60 м к юго-востоку от кургана 1. Размеры его насыпи — $7,6 \times 7,1$ м, диаметр впадины — 4 м. Среди камней насыпи и под ними найдены разрозненно шесть неопределимых обломков костей животных, обломки тазовых, таранная и пяточная кости одной овцы и 67 частей челюстей, зубов и фаланг одной лошади, обломки ребер крупного животного. Постоянно встречались разбросанные кальцинированные кости человека. Основное пятно трупосожжения (диаметром 2 м) расчищено в центральной, первоначально свободной от камней части кургана. Почва под ним прокалена не была. Погребальный инвентарь был сильно

Рис. 3. План и профиль кургана 1 группы Самохвал II

1 — граница впадины; 2 — граница трупосожжения; 3 — кальцинированные кости человека; 4 — кости животных; 5 — находка; 6 — дерн; 7 — серая земля; 8 — каменные плиты; 9 — материк; 10 — выход скалы

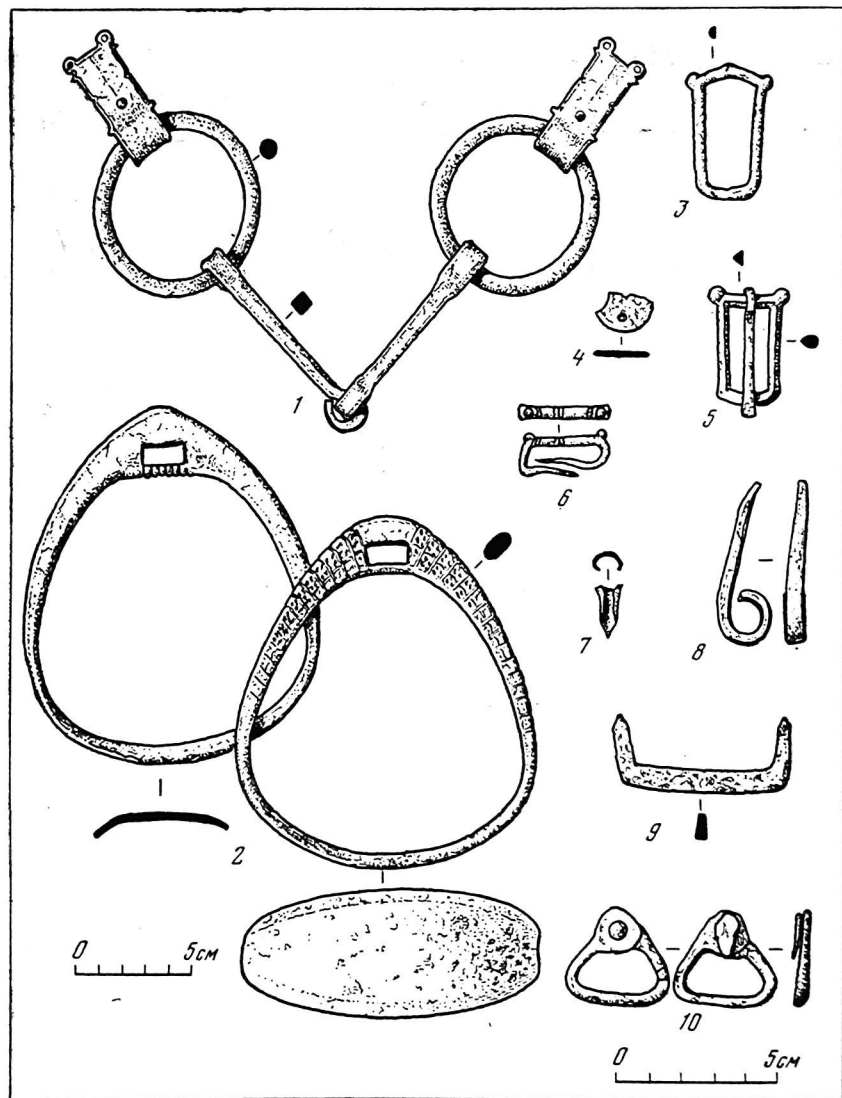

Рис. 4. Самохвал II, курган 1. Погребальный инвентарь. Начало каменного этапа (XIII в.)

2 — железо с серебряной аппликацией, остальное — железо

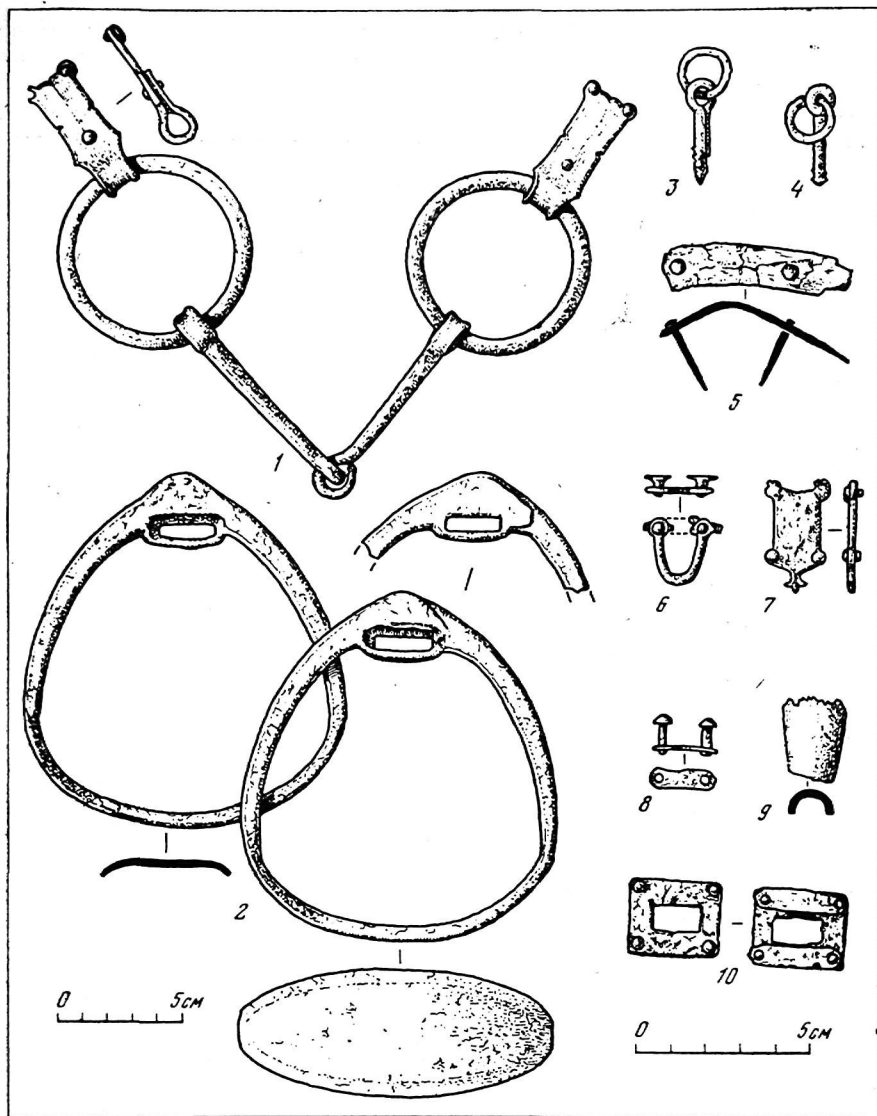

Рис. 5. Самохвал II, курган 1. Погребальный инвентарь. Начало каменного этапа (XIII в.)

9 — кость; остальное — железо

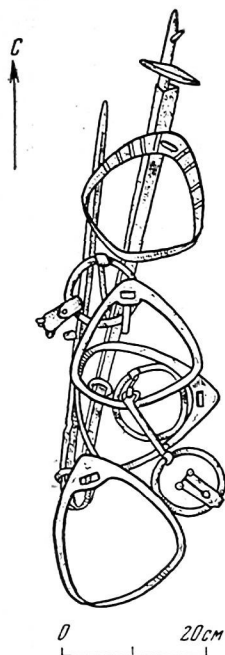

Рис. 6. Самохвал II, курган 1. План «тайника»

разбросан. Предметы встречались практически по всей поверхности кургана. Под камнями насыпи на материке найдены невыразительный мелкий обломок боковины лепного сосуда черного цвета, обломок железной пластинки со следами заклепки, железная грибовидная бляшка (рис. 2, 6) и часть выпуклой железной седельной обивки полукруглого сечения. В свободной от камней центральной части кургана встречен лишь шарнирный подвесной наконечник (рис. 2, 5).

Могильник Самохвал II располагался на второй от Енисея сопке горы, в 800 м к востоку от главной вершины с «маяком» и в 1 км к северо-востоку от группы Самохвал I. Сопка состоит из двух вершин, разделенных седловиной и вытянутых по линии север—юг. На северной вершине и в седловине были расположены раскопанные курганы 1—4 и 6, 7. Здесь же находятся нетронутые нами четыре поздние хакасские могилы. Курганы 5, 8 и 9 находятся на южной вершине сопки, а курган 11 — в стороне, у подошвы ее южного склона, близ грунтовой дороги, проходящей здесь с запада на восток. Вторая дорога проходит через седловину сопки.

Вся группа состоит из типично аскизских кольцевидных каменных курганов с задернованными впадинами в центре⁷. Курганы раскапывались в 1974 г.

Курган 1 (рис. 3) имел насыпь до раскопок размером 6 (с севера на юг) × 6,6 м (с запада на восток), центральная впадина овальной формы была вытянута с запада на восток (размеры: 2,4 × 3,5 м). После раскопок размеры каменного кольца составили 6,05 × 6,4 м. С юго-востока к кургану прилежала каменная наброска, под которой ничего не оказалось. При расчистке восточной половины кургана под камнями насыпи в различных местах встречены челюсть и зубы лошади, челюсть овцы и два обломка трубчатых костей животного, а также подъязычная кость крупного копытного. Часто встречались разрозненные кальцинированные кости человека, но в двух случаях они лежали обособленными кучками (погребение I — диаметром 30 см и толщиной 4 см; погребение III — длиной 1,14 м и шириной 20—40 см, в один слой). По одиночке в различных местах при разборке полу найдены железные предметы: кресало (рис. 4, 9), части накладки седла (рис. 5, 5), небольшая обивочка с двумя заклепками (рис. 5, 8), бляшка с отверстием (рис. 5, 10), уздечные пряжки (рис. 4, 3, 5), петелька с парой заклепок (рис. 5, 6), наременный наконечник (рис. 5, 7), язычок крупной пряжки (рис. 4, 8).

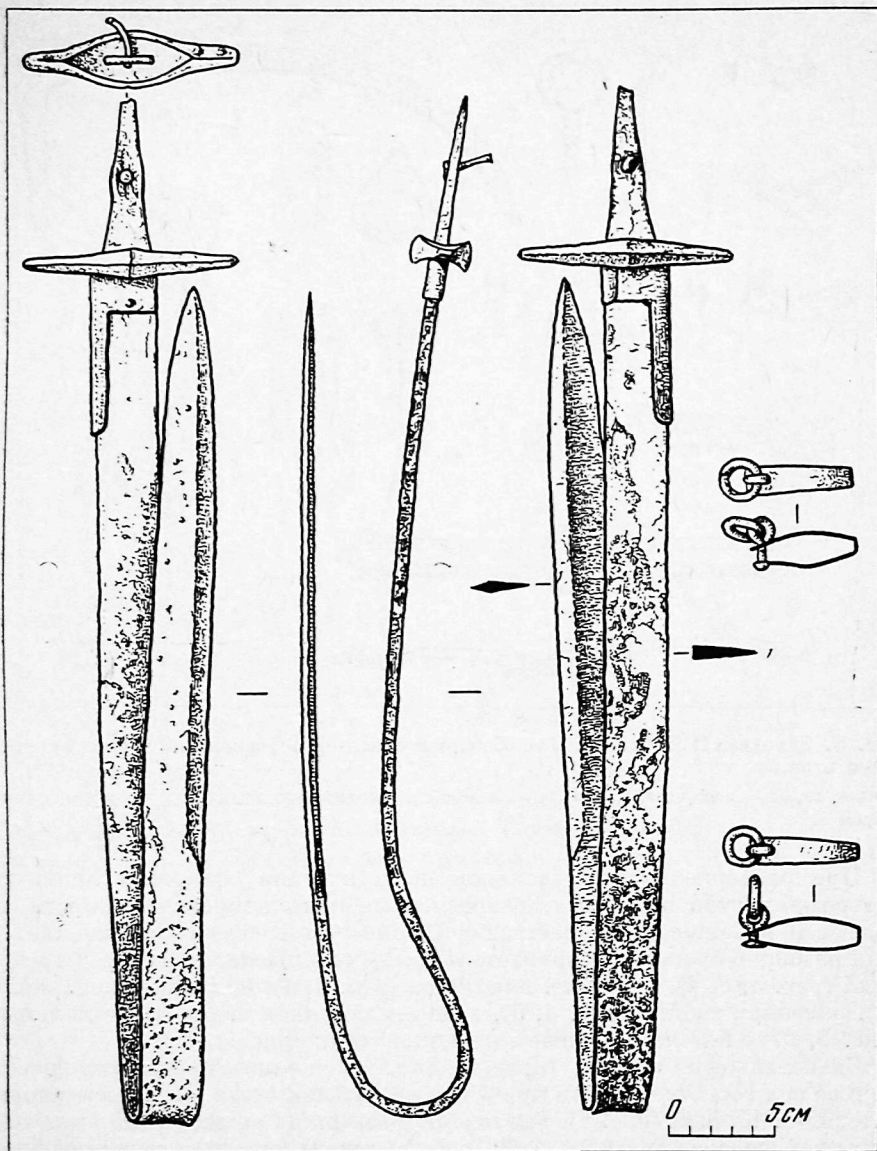

Рис. 7. Палаш из кургана 1 группы Самохвал II

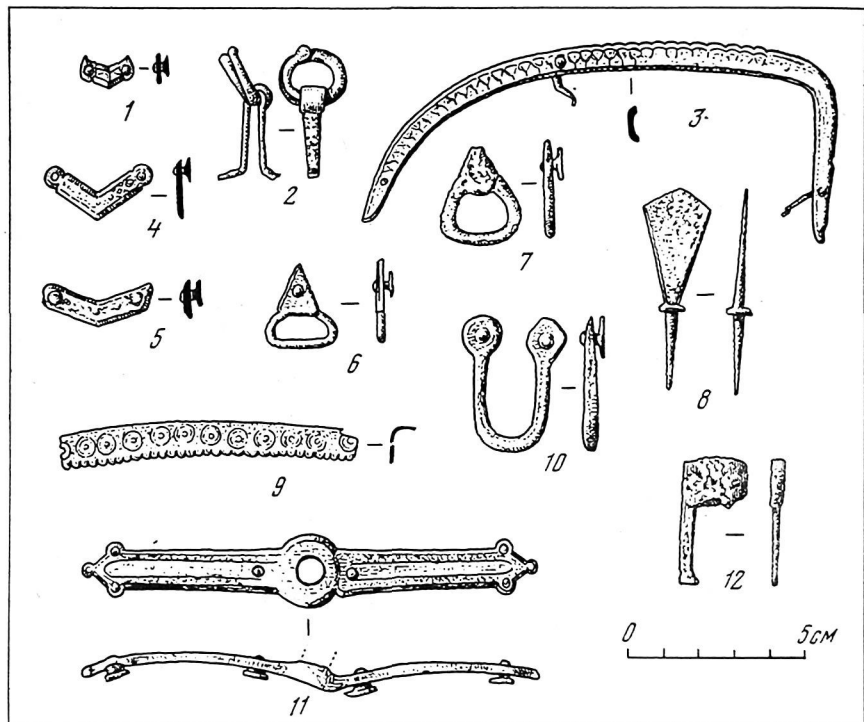

Рис. 8. Самохвал II, курган 3. Погребальный инвентарь. Черновский период малиновского этапа

2, 6—8, 10, 12 — железо; 1, 3, 4, 5, 11 — железо с серебряной аппликацией; 9 — бронза с резным узором

При разборке насыпи западной половины кургана встречены лишь два обгоревших зуба животных, разрозненные кальцинированные кости человека и небольшое их скопление (диаметром 10 см) — погребение II. При разборке бровки на горизонте найдены седельные пробойчики с кольцами (рис. 5, 3, 4), железная пластинка (рис. 4, 4), пряжка-петля (рис. 4, 10), ременная обойма (рис. 4, 6), обломок костяной свистульки от стрелы (рис. 5, 9) и небольшой железный наконечник (рис. 4, 7).

Значительный интерес представляет скопление предметов, расчищенное под восточной половиной кургана в неглубокой ямке (4 см ниже уровня материка). Кучкой (рис. 6), вытянутой с севера на юг на 58 см, были сложены четыре стремена (рис. 4, 2; 5, 2), две пары удил с кольчатыми пласлями и наременными накладками (рис. 4, 1; 5, 1). Все эти предметы располагались поверх согнутого вдвое палаша с прямым напусковым перекрестием и железными петлями ножен (рис. 7). Длина палаша — 87 см.

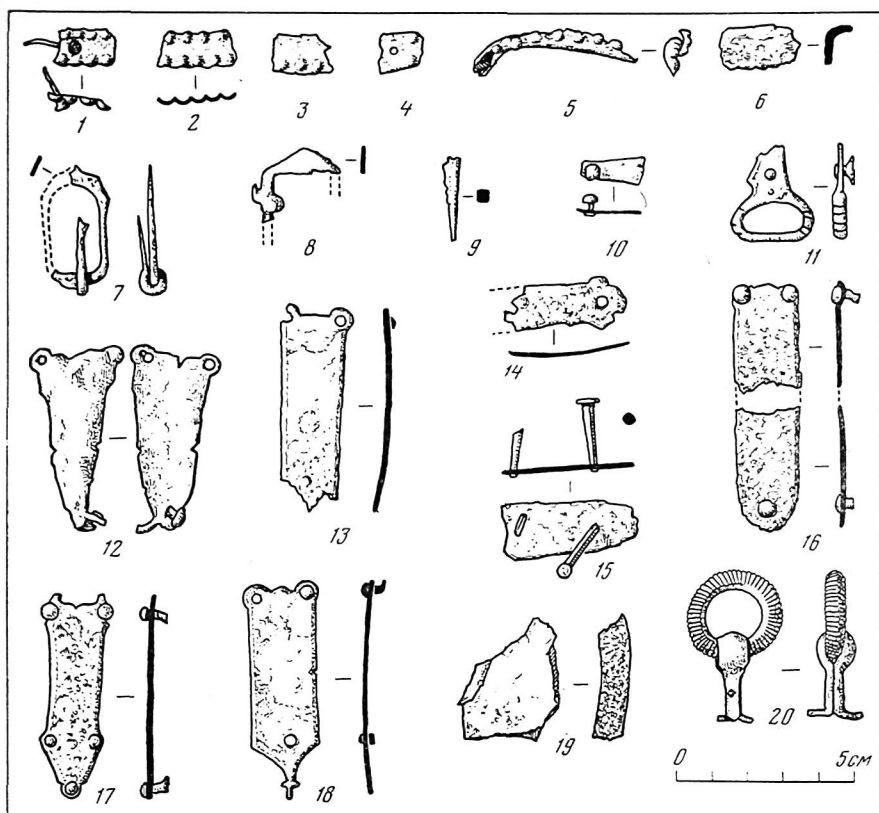

Рис. 9. Самохвал II, курган 5. Инвентарь. Каменный этап

1—5, 12 — бронза; 19 — глина; остальное — железо

Курган 3 был расположен на северной вершине сопки, в 10 м к северу от кургана 1. Диаметр насыпи — 8 м, внутренней впадины — около 2 м. После расчистки диаметр сооружения составил около 6,7 м, а размеры впадины — 4×4,25 м. При разборе насыпи в разных местах встречены кости лошади: зубы, части челюстей, трубчатые кости и фаланги. Дважды эти кости встречены небольшими скоплениями. В западной части кургана вместе найдены две фаланги, голень и обломки нижней челюсти, в юго-восточной — копыта, две фаланги и зубы коня. В последнем случае кости оказались частично обгоревшими, лежали среди древесных углей и были по кругу обложены камнями. Угли и кости были принесены со стороны, почва под ними не была прокаленной. Остатки трупосожжения встречались во время раскопок постоянно в виде разрозненных кальцинирован-

ных костей. Их единственное скопление расчищено у внутреннего южного борта каменной кладки. Инвентарь погребения был разбросан. Мелкие железные вещи найдены главным образом в северо-восточной и центральной частях кургана, в меньшем числе — в юго-западной части. Найдены: железные накладки — «галочки» (1 экз. — рис. 8, 1; 4 экз. — рис. 8, 4, 5), часть седельной оковки со следами серебряной инкрустации (рис. 8, 3), седельный пробойчик с кольцом (рис. 8, 2), две пряжки-петли (рис. 8, 6, 7), часть бронзовой седельной накладки с циркульным узором (рис. 8, 9), пластина уздечного султанчика с серебряной инкрустацией (рис. 8, 11), два наконечника стрел (рис. 8, 8), дужка с двумя заклепками (рис. 8, 10), обломок срубной пряжки (рис. 8, 12) и мелкие части железных (иногда ржавых) пластинок.

Курган 4 был расположен на южном склоне северной сопки, недалеко от основания седловины, в 38,2 м к юго-западу от кургана 1 (азимут 219°). Диаметр кургана до начала работ составлял 7,2 м, размеры впадины — 3,4×3,7 м. Расчищенное кольцо выкладки имело размеры 7,6×7 м, а впадина — 3×4,16 м. Уже в дерне встречены кальцинированные кости человека и отдельные кости животных. Здесь же найдены железная петелька (рис. 1, 7) и накладка с чешуйчатым узором (рис. 1, 6). Среди камней обнаружены концевая накладка ножен меча (рис. 1, 9) и железное кольцо (рис. 1, 5).

Курган 5 находился в маленькой ложбинке, на южной вершине сопки, на расстоянии 169,5 м от кургана 3 (азимут на курган 3—355°). От центра кургана до грунтовой дороги в седловине — 89,5 м. До раскопок курган имел размеры 7,83×7,5 м со впадиной размером 4,6×4,2 м. В центре впадины имелся свежий грабительский шурф 1×0,9 м. Разрозненные кальцинированные косточки человека, зубы, части челюсти, фаланги и обломки трубчатых костей лошади, отдельные древесные угольки и железные изделия встречены сразу под дерном и между плит выкладки. В кургане найдены: куски бронзовой седельной обивки с выдавленными выпуклостями — «жемчужником» (10 экз. — рис. 9, 1—4; 1 экз. — рис. 9, 5), обломки пряжек (рис. 9, 7, 8) и всевозможных накладок (рис. 9, 6, 10, 14, 15), пряжка-петля (рис. 9, 11), ременные наконечники (рис. 9, 12, 13, 16—18), седельный пробой с рубчатым колечком (рис. 9, 20), кусок лепного сосуда (рис. 9, 19).

Курган 6 располагался в восточной части седловины, между вершинами сопки, в 88,15 м от кургана 3 (азимут на него — 123°). К югу от кургана в 25,15 м через седловину проходит грунтовая дорога. Насыпь до раскопок была овальной, вытянутой с запада на восток (10,4×8,7 м). Центральная часть насыпи кем-то разрушена, камни выброшены за пределы кургана. Центральное углубление — овальное (5,7×2,8 м). В насыпи и под ней встречено много костей животных: лошади (зубы, обломки челюстей и черепа, копыта, фаланги, трубчатые кости, части лопатки), крупного (кости ног) и мелкого (ребра, трубчатые кости) рогатого скота. Так же как и в других курганах, встречены разбросанные кости трупосожжения. Скопление кальцинированных костей, рассыпанных тонким слоем в форме

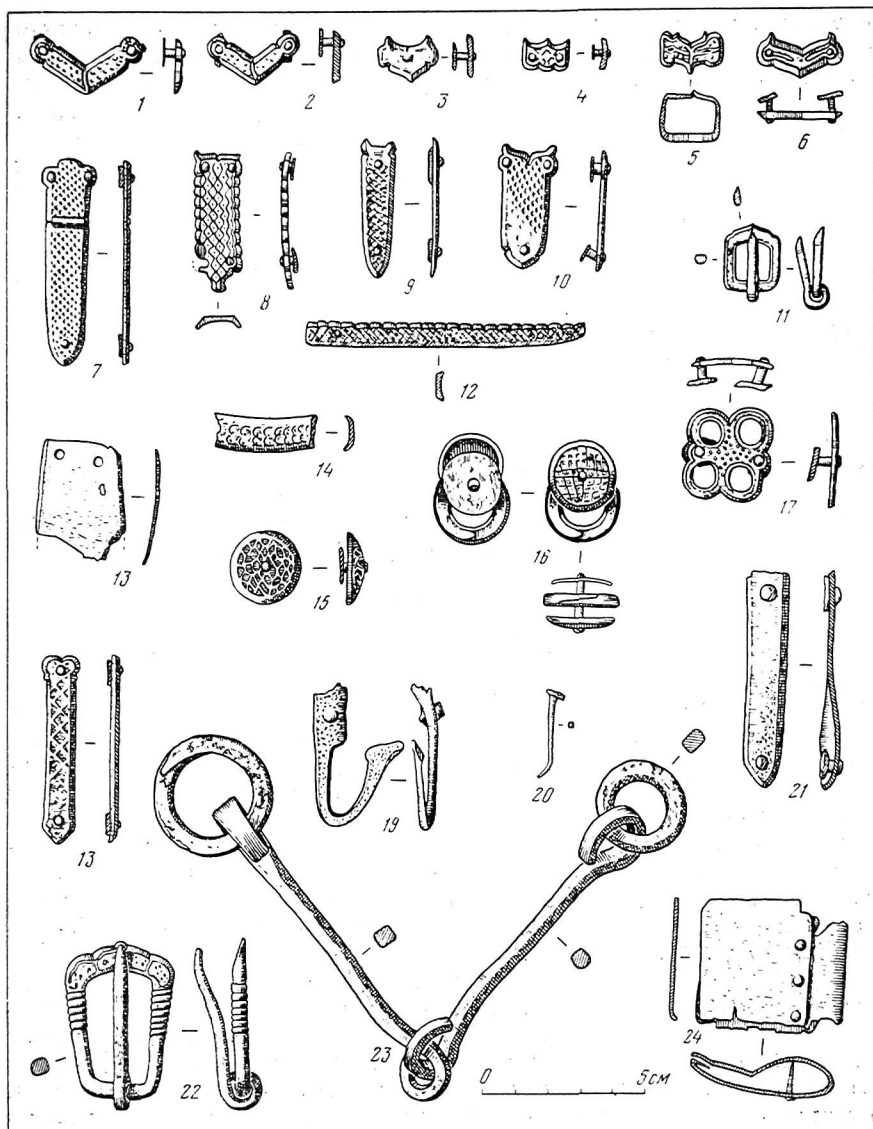

Рис. 10. Самохвал II, курган 6. Инвентарь. Черновский период малиновского этапа
 11, 13, 23, 24 — железо; 21 — белый сплав; остальное — железо с серебряной аппликацией

неправильного овала, обнаружено у восточного края выкладки и выходило за ее пределы. Здесь вместе с костями найдены крючковые удила с парой уплощенных колец малого диаметра (рис. 10, 23). Другие предметы располагались в центральной части кургана на довольно широкой площади. Здесь найдены: уздечные пряжки (рис. 10, 11), одна из которых украшена резьбой и серебряной инкрустацией (рис. 10, 22); части седельной обивки (рис. 10, 12, 14); сбруйные бляхи-«галочки» (рис. 10, 1, 2, 6); фестончатая и шесть трехрогих (рис. 10, 3, 4); грибовидные и круглые с шайбами (рис. 10, 15, 16); прорезные (рис. 10, 17); ременные наконечники (рис. 10, 7, 9, 10, 18, 21); обоймы (рис. 10, 5). Все украшено серебряной насечкой. Найдены также обломки портупейных крючков (рис. 10, 19), панцирного доспеха (рис. 10, 13), часть оковки низа ножен меча (рис. 10, 24), кусочки железных пластин. В северо-западной части кургана на горизонте лежали мелкие и невыразительные обломки гладкого лепного сосуда.

В 1970 г. при первоначальном осмотре курганной группы Самохвал II Л. Р. Кызласовым во впадине этого кургана был поднят наременный наконечник с насечками (рис. 10, 8).

Курган 7 был расположен в седловине в 32 м к юго-востоку от кургана 6 (азимут 144°) и в 2 м к югу от грунтовой дороги. С юго-восточной стороны его насыпи в непосредственной близости находятся три поздние хакасские могилы и еще одна — к юго-западу, на отлете. До начала работ курган представлял собой плоскую овальную земляную насыпь с разбросанными по поверхности камнями. Расчистка выявила развал кольцевидной выкладки из каменных плит и необработанного камня. Первоначальные размеры кургана: 5,26 м (с севера на юг) и 6 м (с запада на восток). Центральная впадина его была завалена камнями в один слой, в то время как в полах камни залежали в три—шесть слоев. В насыпи и под ней встречено довольно много мелких обломков конечностей животных, а также разбросанные зубы лошади, зубы и ребра овцы. Трупосожжение представлено редкими древесными угольками и сильно разбросанными в центральной части кургана кальцинированными костями человека. От погребального инвентаря остались только две сердоликовые бусины (бипирамидальной шестигранной и шаровидной формы — рис. 11, 8, 12) и бронзовые наременные бляхи с рельефным растительным узором (две целые и обломок третьей — рис. 11, 7, 11, 15).

Курган 8 располагался на восточном скате южной вершины сопки, переходящем в ложбину. Насыпь его находилась в 115,6 м от центра кургана 5 (азимут — 140°). До раскопок курган имел овальную в плане форму (4,2×3,82 м) и был вытянут с север—северо-востока на юг—юго-запад (со впадиной 1,7×2 м). Расчистка выявила основание овальной выкладки, вытянутой с северо-востока на юго-запад (3,5×2,9 м), с первоначальной шириной стенки 0,5—0,8 м. В нижних слоях насыпи и на горизонте встречены обломки черепа, позвонков и трубчатых костей, фаланги, пяточные и грифельные кости лошади; кости таза и трубчатые мелкого животного. Пережеванные косточки человека рассеяны повсюду и нигде не образуют единого пятна. Кое-где обнаружены мелкие кусочки древесного угля.

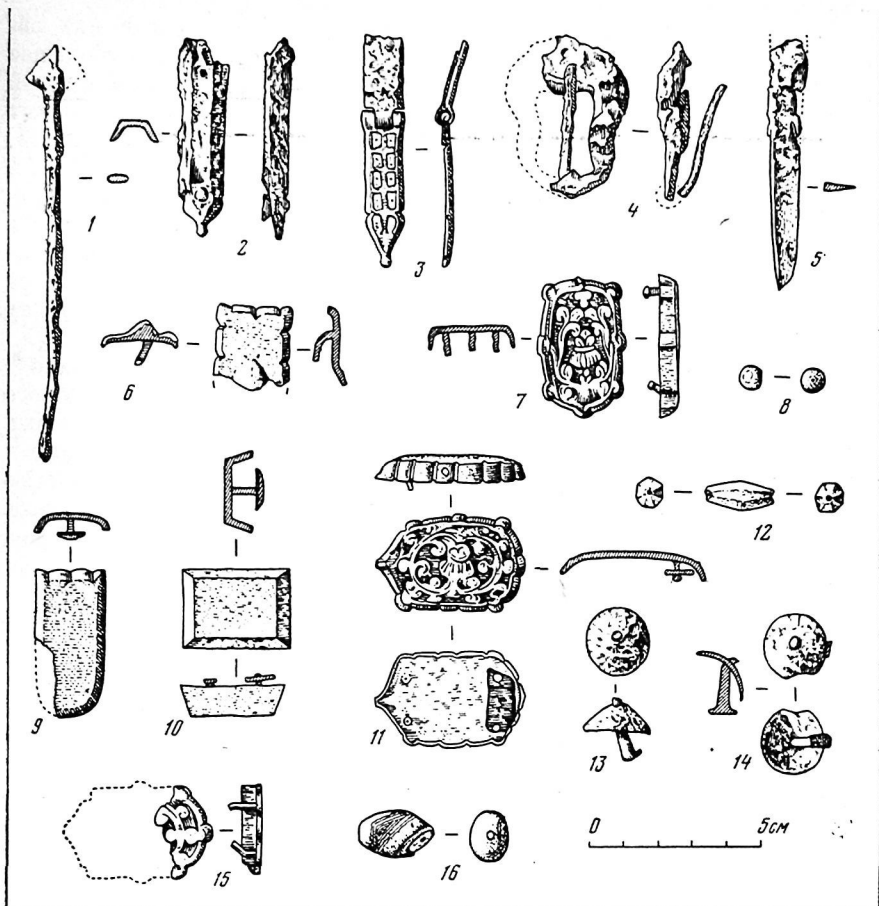

Рис. 11. Инвентарь женских погребений могильника Самохвал II. Оглахтинский период малиновского этапа

1—6, 9, 10 — курган 9; 7, 8, 11, 12, 15 — курган 7; 13, 14, 16 — курган 8. 1, 2, 4, 5, 13, 14 — железо; 3 — железо с серебряной аппликацией; 6, 7, 9, 10, 11, 15 — бронза; 8, 12 — сердолик; 16 — агат

Из погребального инвентаря под насыпью оказались лишь крупная агатовая бусина (рис. 11, 16), две железные грибовидные сбруйные бляшки (рис. 11, 13, 14) и мелкий обломок плоской бляшки.

Курган 9 находился на юго-восточном склоне южной вершины сопки, в 58 м к западу (азимут — 290°) от кургана 8. До раскопок размеры его слабозадернованной выкладки составляли 4,5×4,7 м, свободной от камней впадины — 2,2×1,95 м. Расчищенное основание каменной выкладки имело размеры 4,4×3,5 м со впадиной — 2,5×1,9 м (ширина стенок — 0,8—1 м) и было вытянуто с востока на запад. Под насыпью встречены раз-

розненные кости домашних животных: позвонки овцы; позвонки, лопатка и кости ноги быка (?). Кости трупосожжения разбросаны (среди них обгоревший зуб-резец, принадлежавший молодому человеку). Небольшое скопление их (диаметром 26 и толщиной 2—3 см) встречено в центральной части кургана. Между плитами и на горизонте найдены четыре бронзовых наконечника ремней (рис. 11, 9), четыре бронзовые прямоугольные (рис. 11, 10) и одна фигурная (рис. 11, 6) бляхи, железный ножичек (рис. 11, 5), часть пряжки (рис. 11, 4), наконечник ремня (рис. 11, 2), шарнирный наконечник-подвеска (рис. 11, 3) и булавка с обломленными верхушкой и концом (рис. 11, 1). Многие предметы покороблены в сильном огне, встречены и капли оплавленного металла. В юго-восточной части кургана на горизонте выявлено большое (1,9×1 м) пятно прокаленной на глубину 5 см почвы.

Курган 11 раскопан в 1975 г. Он был расположен обособленно⁸, к югу—юго-востоку от основного могильника. Развал плит девонского песчаника до раскопок имел округлую в плане форму (5,15×4,85 м) и был задернован. Разрозненные кости животных, встреченные среди плит и под ними, представлены зубами лошади, ребром, позвонком и частью копчика овцы, а также обломками трубчатых костей. Кальцинированные человеческие кости были разбросаны и лишь в восточной части кургана образовывали на горизонте небольшое скопление (диаметром 25 см и толщиной 5—7 см). Прямо под дерном на плитах обнаружен обломок железного крючка (рис. 12, 9). Под плитами найден весь остальной погребальный инвентарь, сконцентрированный в центральной части кургана: три бронебойных наконечника стрел (рис. 12, 1—3), три обломка крупных ножей (рис. 12, 4, 5, 7), миниатюрный ножичек (рис. 12, 11), кресало (рис. 12, 14), ременная обойма (рис. 12, 8), фигурные бляшки с кольцами (рис. 12, 13, 15, 17, 18), небольшая пряжка (рис. 12, 6), Т-образная накладка (рис. 12, 10) и ряд мелких обивок и заклепок (рис. 12, 12, 16).

Могильник Самохвал III располагался на первой с востока сопке горы, круто обрывающейся в Енисей. Верхушка этой сопки вытянута с севера на юг и двумя седловинами разделена на три вершинки. Здесь обнаружено пять округлых каменных курганов: один на северном скате, три — в центральной седловине и последний — на южном скате горы. В 1974, 1975 и 1978 гг. изучены три аскизских кургана в центральной седловине и на северном скате⁹.

Курган 10 был недавно полностью уничтожен грабителями. К началу работ он представлял собой сплошную яму (диаметром 3 м и средней глубиной 0,5 м), окруженную еще свежим отвалом. Раскопщики не знали, что имеют дело с трупосожжением, погребенным на горизонте. Они снесли каменное сооружение и изрыли материк. Отвалы усыпаны каменными плитками и мелкими кальцинированными человеческими косточками. Так как грабители не представляли, с чем имели дело, и вероятно, охотились за ценностями, экспедицией были тщательно просмотрены все отвалы и защищен горизонт. При этом действительно был обнаружен ряд предметов, которые выбросили или не заметили грабители: ременная обойма (рис. 2, 1),

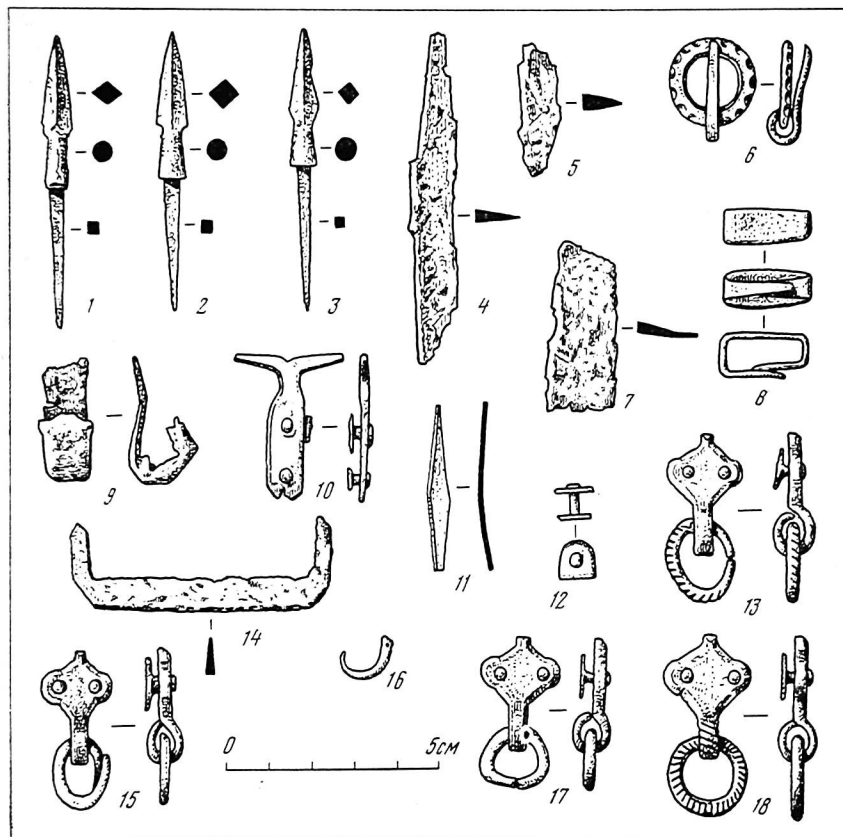

Рис. 12. Самохвал II, курган 11. Железный инвентарь. Оглахтинский период малиновского этапа

два сбруйных кольца (рис. 2, 2, 3), наконечник стрелы (рис. 2, 4), крюк на кольце (рис. 2, 7), маленькая пряжка с круглой рамкой и подвижным язычком и мелкие обломки железных пластин. Все они побывали на погребальном костре.

Курган 12 находился в 19 м к юго-востоку от кургана 10 и в 50 м западнее обрыва к Енисею. Его размеры до раскопок составляли 6,6 м (с севера на юг) и 5,4 м (с востока на запад) (диаметр впадины — 2 м). Первоначальный диаметр сооружения — около 4,5 м. При разборке восточной половины кургана выяснилось, что между каменными плитками нет земляной засыпки, а сами они кое-где сохранились в кладке высотой до трех рядов. На материке под восточной половиной найдены зуб лошади, обломок ребра овцы и мелкие угольки. Немногочисленные железные вещи найдены в централь-

ной части кургана, свободной от каменных плит: блюдка-«галочка» (рис. 1, 11), фестончатая блюдка (рис. 1, 13), две грибовидные блюдки с шайбами (рис. 1, 15, 16), часть накладки (рис. 1, 17) и седельной обивки (рис. 1, 18). Малочисленные кальцинированные косточки человека были разбросаны в центре кургана прямо на материковом скальном выходе.

Курган 14 был расположен на северном скате, обособленно, в 179 м от кургана 13 (азимут — $3^{\circ}30'$). Он представлял собой кольцевидную выкладку (с севера на юг — 6, 8 м, с запада на восток — 6,5 м) со свободной от камней впадиной в центре ($2,3 \times 2,1$ м). Курган был сооружен прямо на скальном выходе и не имел никаких следов погребения, никаких предметов и костей животных. Вероятно, это — безынвентарный кенотаф.

Таким образом, описанные курганы содержали погребения, совершенные по обряду трупосожжения на стороне с последующим захоронением на уровне горизонта пережженных человеческих костей и побывавших в огне предметов: остатков конской сбруи, одежды, предметов вооружения и украшений, — сопровождавших умершего на погребальном костре. Все это — хорошо знакомые черты погребального обряда средневековых хакасов, не оставляющие сомнений в этнической принадлежности погребенных людей. В этом убеждает и найденный инвентарь, целиком относящийся к аскизской культуре.

Характерной чертой погребального обряда самохвальских могильников, пожалуй, следует считать почти обязательное присутствие в курганах остатков черепа и конечностей лошади. Скорее всего — это остатки конских шкур, снятых вместе с головой и нижними отделами ног. Повидимому, шкура коня играла определенную роль в погребальном обряде средневековых хакасов. Следы этого обычая зафиксированы в ряде других аскизских курганов¹⁰. Однако проследить особенности такого обряда при изучении наземных погребений непросто. К обнаружению конских костей в аскизских памятниках следует относиться с осторожностью. Частое наличие среди них ребер, лопаток, позвонков и т. д. (например, в кургане 1 могильника Самохвал I) не позволяет решать вопрос однозначно. Кости лошади могли попадать в курганы и с мясной пищей, сопровождавшей умерших. Об обычае снабжать мясом мертвых красноречиво свидетельствуют кости овцы — практически обязательная находка в аскизских погребениях. Все высказанное позволяет вопрос о происхождении и назначении находимых в курганах конских костей решать индивидуально для каждого памятника. Во всяком случае до получения большой серии подобных наблюдений.

Все пятнадцать раскопанных на горе Самохвал аскизских курганов первоначально представляли собой каменные кольцевидные оградки, стенки которых были сложены насухо из плит песчаника и скальных обломков (рис. 13, 4). Наибольшее число рядов кладки, которое удалось проследить, — шесть, а наибольшая высота развалов стенок над современной почвой — 22—25 см. Завалившиеся ряды кладки реконструируются в стенки высотой 35—40 см. Таким образом, высота каменных оградок первоначально, вероятно, была близкой к полуметру. В середине такой

кольцевидной оградки, свободной от земли и камней, располагались в древности останки умершего, сопроводительный инвентарь и пища. Вряд ли все это оставалось в каменной ограде под открытым небом. Эти каменные «юртообразные сооружения»¹¹, вероятно, имели деревянные куполовидные крыши, давно сгнившие и археологически неуловимые. Для реконструкции внешнего вида погребальных сооружений аскизской культуры большое значение имеют: учет не только внешнего вида их остатков, но и исторического места этой культуры, ее соотношения с памятниками предшествующего и последующего времени; сравнение ее курганов с надмогильными сооружениями этих культур. Аскизскую культуру создали средневековые хакасы — прямые потомки носителей тюхтятской культуры (IX—X вв.) и культуры чаатас (VI—IX вв.), в свою очередь восходящих к населению таштыкской культуры раннего железного века (I в. до н. э. — V в. н. э.)¹². Аскизская же культура непосредственно предшествовала этнографической культуре современного хакасского народа¹³.

Надмогильные сооружения эпохи чаатас, как и в предшествующее время, несомненно, имитировали жилище. У ряда бегских курганов раннего утинского этапа этой культуры в конструкциях каменных кладок хорошо различаются заложённые камнем входы, а у типологически восходящих к ним сооружений позднего копенского этапа появляется многоугольность планов¹⁴, вполне сопоставимая с планами многогранных рубленых жилищ («юрт», по-хакасски — агас иб) древних и современных хакасов. У многоугольных каменных курганов, как и вообще у курганов культуры чаатас, центр был пустым. Это сближает их с курганами аскизской культуры. Они также, вероятно, имели деревянные перекрытия. Курганы тюхтятской культуры сохранили эту особенность чаатасов. Они уже были округлыми, юртообразными каменными сооружениями. Все основные черты конструкций тюхтятских курганов перешли к аскизским. Связь с этнографическими материалами подкрепляет высказанные соображения о первоначальном облике средневековых курганов. Во-первых, на современных кладбищах хакасов еще совсем недавно сооружались деревянные домики над каждой могилой (рис. 13, 2, 3) — черта, вряд ли связанная с православным обрядом. Такие домики скорее всего являются пережитком древних, хорошо укоренившихся в сознании хакасов дохристианских представлений и обычаев. Во-вторых, общий облик деревянных хакасских жилищ, состоящих из невысоких многоугольных стен и куполовидных крыш, вполне сопоставим с реконструируемым обликом аскизских кольцевых курганов (рис. 13, 1). К этому, возможно, следует добавить, что аскизские курганы первоначально могли иметь вид не круглых, а многоугольных (скажем, 12-угольных, как агас иб) выкладок, точный абрис которых проследить теперь, в условиях развалившейся каменной кладки, трудно. Во всяком случае появление традиционных многоугольных рубленых хакасских жилищ в глубокой древности сомнений вызывать не может. Кроме конструкций средневековых могил, это теперь подтверждается особенностями средневековой городской архитектуры древних ха-

касов¹⁵. Такая форма жилищ существовала в Южной Сибири еще в раннем железном веке¹⁶, а возникает она, вероятно, еще раньше.

Проблема датировки каждого из публикуемых комплексов облегчается уже разработанной нами схемой относительной хронологии аскизской культуры с конца X по XV в.¹⁷ Однако если для двух выделяемых этапов, малиновского и каменского, абсолютные даты устанавливаются довольно определенно, то возможность представить первый этап в трех последовательных периодах развития (эйлигхемском, оглахтинском и черновском) пока не дает надежных оснований для абсолютного датирования каждого из них. Для этого пока не хватает материала. Поэтому и самохвальские курганы малиновского этапа (конца X—XII вв.) могут с полной определенностью быть отнесены к тому или иному его периоду, абсолютная да-

Рис. 13. Традиционные формы жилища и надмогильных сооружений хакасов

1 — хакаское национальное жилище агас иб (Политов улус, р. Тёя); 2 — вид хакаского кладбища у бывшего Аёшина улуса в 1959 г. (р. Белый Июс); 3 — надгробное сооружение на кладбище Кызласова улуса (р. Есь). Фотоматериалы Л. Р. Кызласова; 4 — профиль круглого аскизского кургана. Самохвал I, курган 1. Условные обозначения те же, что на рис. 3

тировка же каждого из них предварительна. Тем не менее, как мы увидим, разложение конкретного материала в рамках узкой относительной хронологии может дать историком немало нового.

Самохвал I. Курган 1 относится к черновскому периоду малиновского этапа. В этом убеждает манера оформления найденных в нем железных предметов: завершение наременного наконечника тремя округлыми выступами, оконтуривающий характер зоны серебряной аппликации на нем (рис. 1, 1), а также разделка фона для серебряной аппликации на обойме крест-накрест крест-накрест (рис. 1, 3)¹⁸. Отнесение комплекса к концу малиновского этапа подтверждается и обнаружением здесь части крюковых удил, нетипичных для его памятников, но характерных для последующего этапа XIII—XIV вв.¹⁹ Все это позволяет датировать комплекс в широких пределах XII в.

Курган 2, вероятно, того же времени. В оформлении предметов здесь хорошо видны как новые черты черновского периода (косая насечка фона крест-накрест — рис. 1, 8, 14; парносердцевидность завершений — рис. 1, 8; парность заклепок в одной зоне крепления — рис. 1, 8, 10), так и особенности более ранних периодов малиновского этапа, демонстрирующие генетические связи культуры на смежных ступенях развития (ячеистый сотовый орнамент — рис. 1, 10; сердцевидность завершений — рис. 1, 10, 14, одиночное расположение заклепок в каждой из зон крепления — рис. 1, 14)²⁰. Вероятно, комплекс относится к началу черновского периода.

Курган 5 — самый ранний в этой группе. По внешнему виду изделий он должен быть отнесен к огластинскому периоду. На это указывает ячеистость орнамента (рис. 2, 5, 6), сердцевидность и округлость завершений шарнирного наконечника, одна заклепка на его щитке (рис. 2, 5). Вероятно, комплекс относится ко второй половине XI в.

Таким образом, последовательность сооружения курганов в группе Самохвал I ясна: 5, 2, 1. Вероятно, с этим следует связывать и определенную удаленность кургана 5 от компактно расположенных курганов 1 и 2.

Самохвал II. Курган 1. Насколько известно, для аскизских курганов малиновского этапа, за исключением самых ранних памятников конца X — начала XI в., в целом не характерны ни стремена, ни даже удила. Мечи также не клали в могилы²¹. Поэтому обнаружение всего этого в кургане 1 само по себе примечательно. Однако стремена с отверстием в уплощенной дужке арочных очертаний, как в этом комплексе (рис. 4, 2; 5, 2), более характерны для известных аскизских памятников середины XIII—XIV в.²² Примечательная деталь одного самохвальского стремени — серебряная насечка на его дужке — известна и для поздних экземпляров каменского этапа²³. Но покрывающий ее узор — ячеистый с каплевидным насечением внутренней поверхности — типичен для изделий XI—XII вв. (рис. 4, 2). Подобное сочетание черт оформления предметов двух этапов аскизской культуры наблюдается и на обеих парах удил из этого кургана (рис. 4, 1; 5, 1). Как отмечалось, крюковые удила с кольчатыми псалями — характерная особенность аскизской культуры в монгольское время. Но

на каменском этапе они обычно имеют уплощенные кольца большого диаметра²⁴, а здесь кольца сделаны из прута круглого сечения. Следует иметь в виду, что крюковые удила с кольчатыми псалиями появляются в аскизской культуре в результате влияния со стороны уже в готовом виде. Исходная форма, повлиявшая на удила средневековых хакасов, как раз и имела кольчатые псалии круглого сечения. Под воздействием основных тенденций в оформлении аскизских изделий кольчатые псалии таких удили превратились в XIII—XIV вв. в уплощенные²⁵. Наконечники нащечных ремней узды имеют облик, в целом характерный для накладок каменского этапа. Такова форма и ременного наконечника, найденного в этом кургане (рис. 5, 7). Он имеет две зоны крепления, в каждой из которых — пара заклепок с декоративно крупными головками, расположенными на самых краях углов предмета²⁶. Однако оформление его конца бутоновидной фигурой — черта конца малиновского этапа. Обе встреченные в кургане 1 пряжки имеют на передней стороне рамки два округлых выступа (также украшена и ременная обойма из этого погребения — рис. 4, 3, 5, 6). Подобное оформление пряжек встречено в комплексах каменского этапа (Оглахты III, курган 1; близкое оформление у пряжек из Часовенной Горы и кургана у пос. Петровского)²⁷. Подтреугольная форма пряжки-петли из самохвалского погребения также близка к облику подобных изделий XIII—XIV вв.²⁸ Аналогии квадратной бляшке с отверстием (рис. 5, 10) также можно встретить среди каменных комплексов²⁹. Весь остальной инвентарь (в том числе и палаш) не имеет датирующего значения — на обоих этапах аскизской культуры ему присущ сходный малоизменяющийся облик.

Таким образом, необходимо признать, что погребальный инвентарь кургана 1 и по своему составу, и по типологическим признакам имеет ряд характерных черт как каменского (XIII—XIV вв.), так и малиновского этапа, вернее, его позднего, черновского, периода. Все это дает возможность отнести его ко времени начала каменского этапа, когда пережиточные черты предшествующего периода были еще достаточно сильны, а характерные черты культуры второй половины XIII—XIV в. (типичные для каменных памятников) еще не везде проявились с необходимой ясностью. По всей вероятности этот комплекс следует датировать первой половиной XIII в.

Курган 3 относится к более раннему времени. Так, пластинка султана имеет фертовидное завершение и окантовывающий пояс серебряной аппликации (рис. 8, 11) — черты оформления изделий черновского периода малиновского этапа. Вытянутость орнаментальных фигур на седельной обивке (рис. 8, 3) также характерна для этого периода³⁰. Бляхи-«галочки» (рис. 8, 4, 5) тоже подтверждают такую датировку. Они еще довольно простой формы, на каменском этапе их контур М-образен³¹. В ранних аскизских памятниках такие бляшки, насколько известно, не встречаются. Третья бляха из этого кургана (рис. 8, 1) типологически еще более ранняя — ее концы сердцевидны. Пряжки-петли — скорее вытянутых, чем сдавленно-треугольных очертаний (рис. 8, 6, 7). Наконечник стрелы плоский, укороченно-ромбический, в общем принадлежит к заостренным

срезям (рис. 8, 8). Маленькие срезы известны в курганах каменного этапа³². Все это позволяет отнести курган 3 к концу XII в.

Курган 4 содержит немного предметов. Определенное датированное значение здесь имеет, пожалуй, лишь обломок крупного широкого наконечника. Широкие пластинчатые предметы характерны для каменного этапа³³. Но начало этой тенденции в оформлении предметов, несомненно, относится к концу малиновского этапа — к черновскому периоду. На нашем обломке зафиксировано и парное расположение заклепок, но еще с мелкими головками (рис. 1, 6). Ячейстый чешуйчатый орнамент типичен для памятников малиновского этапа. По всей вероятности курганы следуют датировать в широких пределах XII в.

Курган 5 относится к началу каменного этапа и может датироваться первой половиной XIII в. В нем встречены характерные седельные обивки с «жемчужником» и ременные наконечники с пятью заклепками (хотя на некоторых две заклепки имитируются парой выпуклостей — рис. 9, 1—5, 12, 17)³⁴. Необходимо отметить, что среди этих типично каменных по облику изделий в комплексе есть предметы и с пережиточными малиновскими чертами. Таковы наконечники с парой заклепок лишь у заднего конца и одной заклепкой во второй зоне крепления. Причем одиночная заклепка расположена не на мысу предмета, как в каменном этапе (рис. 9, 16, 18). Конец одного из таких наконечников имеет на мысу крестовидную фигуру — выродившийся уже мотив бутоновидных завершений (рис. 9, 18; ср. с рис. 5, 7). Петля-пряжка из этого кургана (рис. 9, 11) также имеет вытянутый конец — атавизм подобных малиновских изделий.

Курган 6 относится к черновскому периоду малиновского этапа. На найденных в нем изделиях широко применена косая насечка крест-накрест фона для серебряной аппликации. При этом серебряная аппликация занимала всю поверхность украшаемых изделий (рис. 10, 4, 7, 9, 10, 12, 16, 18). На одной из бляшек бороздки такой насечки пересекаются под прямым углом (рис. 10, 16); на другой — образуют мелкий ячейстый узор (рис. 10, 15), позволяющий предположить, что на первом парном изделии насечка — результат схематизации, упрощенной передачи ячейстого орнамента. Узор на ременной обойме (рис. 10, 5) и бляхе-«галочке» (рис. 10, 6) сохранил пережитки растительных мотивов, широко применявшихся для образования ячейстого узора в конце X—XI в.³⁵ Сама бляшка-«галочка» имеет облик этого же времени, что, очевидно, вызвано развитием парно-сердцевидных завершений в черновский период. Такое завершение имеет один из наконечников рассматриваемого комплекса (рис. 10, 10). Округлоконечность наконечников (рис. 10, 7, 9, 18, 21), как и сердцевидность завершения одного экземпляра (рис. 10, 10), восходит к ранним периодам малиновского этапа. Для них характерно и одиночное расположение заклепок по длинной оси предмета (рис. 10, 9, 18, 21). Сочетание парных заклепок на задних концах накладок с одиночными на переднем конце — особенность черновского периода (рис. 10, 7, 10). К нему относятся и такие черты, как оформление двумя и тремя зубцами, отмечаемые на некоторых изделиях из кургана 6 (рис. 10, 4, 9). Орнамент одного из наконечников

(рис. 10, 8) образован сочетанием разрозненных волнистых линий — характерный мотив черновского периода, результат видоизменения ячеистого узора предшествующего времени. Типичны, как уже отмечалось, и бляшки-«галочки» простой формы (рис. 10, 1, 2). Прорезная бляха из кургана 6 (рис. 10, 17), видимо, демонстрирует исходные формы каменных блях сходного облика³⁶. Не противоречат обосновываемой датировке и крюковые удила из этого комплекса (рис. 10, 23), хотя они в целом характерны для последующего каменского этапа аскизской культуры XIII—XIV вв. Найденные удила имеют очень небольшие подвижные кольца. Они не превышают по размерам обычные кольца для крепления повода — характерную конструктивную деталь узды малиновского этапа конца X—XII в. Вполне вероятно, что кольца и в данном случае служили для этого, а псалии существовали отдельно и по каким-то причинам не сохранились. Сочетание крюковых удил с вертикальными псалиями у этого экземпляра не кажется нам невероятным. Во-первых, традиционные аскизские псалии были цельноковаными и напускными³⁷. Имея специальные отверстия для надевания на концы обычных упоровых удил, они технически могут сочетаться и с крюковыми, если крюк загибается, пропускаясь в это отверстие. Во-вторых, во время внедрения в аскизскую культуру первоначально чуждой ей формы крюковых удил возникли своеобразные гибридные формы, сочетающие в себе новые и традиционные формы, способствуя тем самым укоренению вновь пришедших³⁸. В-третьих, даже для более позднего каменского этапа зафиксированы случайно найденные крюковые удила, сочетающиеся с плоскими напускными псалиями (Минусинский музей, № 6078). Они, кроме железных вертикальных псалиев, также имеют отдельные, свободно вращающиеся кольца малого диаметра для крепления повода (рис. 14).

Таким образом, курган 6 можно широко датировать XII в., но вполне вероятно, что он относится ко второй половине этого столетия.

Курган 7, несомненно, женский. Об этом прежде всего говорят бусы (рис. 11, 8, 12), не встречающиеся в мужских аскизских погребениях. Они же служат и датирующим материалом, так как бипирамидальные сердоликовые бусины в памятниках Восточной Европы и аскизской культуры Енисея встречаются в X—XII вв. В курганах малиновского этапа известны и сердоликовые шаровидные бусины. Для погребений средневековых хакасок характерна малочисленность бусин³⁹. Именно для женских курганов малиновского этапа характерны бронзовые уздечные бляхи — пережиточные формы древнехакасских изделий, широко изготовлявшихся в IX—X вв.⁴⁰ Так же как и в рассматриваемом погребении, это — не предметы, подражающие прежним формам, а настоящие, вероятно долго хранимые, бляшки тухтятского типа⁴¹ (рис. 11, 7, 11, 15). Не сталкиваемся ли мы здесь с хорошо знакомым по этнографии явлением консервативности предметов женского обихода и передачи их от матери к дочери? До сих пор у народов Саяно-Алтая принято, например, передавать молодым матерям люльки, в которых благополучно вырастали дети у старшего поколения. Обнаружение тухтятских уздечных блях в аскизских

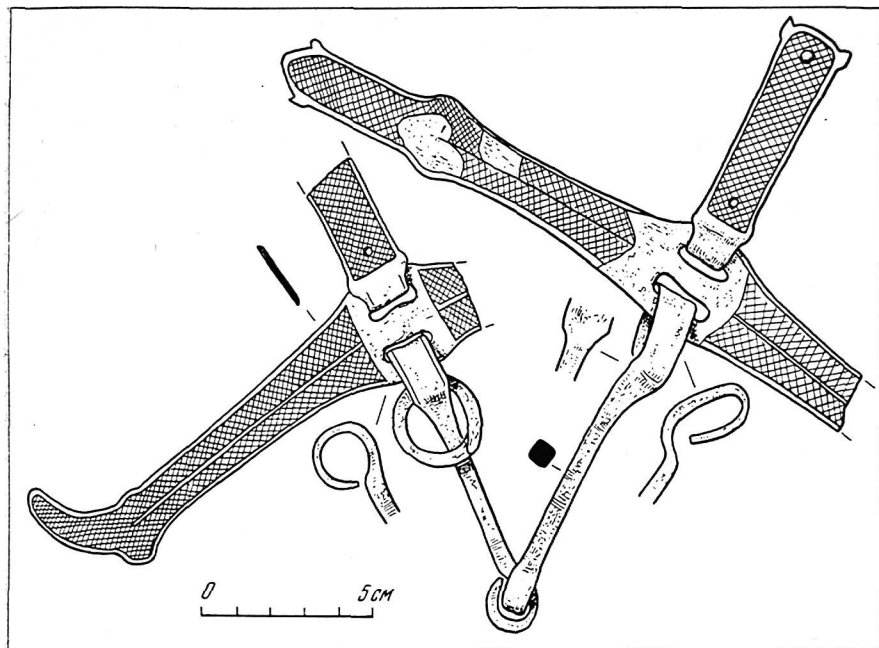

Рис. 14. Аскизские удила XIII—XIV вв., случайно найденные в Хакасско-Минусинской котловине (Минусинский музей, № 6078). Железо с серебряной аппликацией

курганах можно было бы объяснить передачей по наследству особых женских (возможно, свадебных) уздечек, однако само существование таких женских узд нуждается в подтверждении. Как бы то ни было, эту особенность во всяком случае всегда следует иметь в виду при определении времени и культурной принадлежности женских погребений. Курган 7, исходя из всего изложенного, следует датировать XI—началом XII в.

Курган 8 — тоже женский. Эллипсоидная агатовая бусина (рис. 11, 16) находит себе аналогии среди материалов огластинского этапа⁴². Грибовидные бляшки (рис. 11, 13, 14) сопоставимы с аналогичными бляшками из кургана 6 этого же могильника (рис. 10, 15, 16) и из кургана 1 Демир-Суг I в Туве (оба — черновского периода), близки им выпуклые бляхи из кургана 12 Самохвала III (начало черновского периода) (рис. 1, 15, 18), но наиболее сходный экземпляр происходит из кургана 5 могильника Самохвал I (рис. 2, 6), относящегося к огластинской стадии. Все это позволяет отнести комплекс к XI в., возможно, началу XII в. Для сужения этой датировки пока мало данных.

Курган 9 — третье женское погребение могильника Самохвал II. На это указывает железная головная булавка (рис. 11, 1) — характерная

особенность именно женских аскизских погребений⁴³. Кроме того, в нем, так же как и в кургане 7, найдены бронзовые бляхи, характерные для тухтатской культуры IX—X вв. (рис. 11, 6, 9, 10). Датирующими предметами в погребении являются два ременных наконечника, имеющие все черты, присущие этим изделиям в XI в. (рис. 11, 2, 3): П-образное поперечное сечение, сердцевидность и фигурноскобчатость завершений, ячеистый сотовый орнамент, одиночное расположение заклепок и узость предмета в целом⁴⁴.

Курган 11 мужской. Он также относится к оглахтинскому периоду малиновского этапа. Например, наконечники стрел такого типа (рис. 12, 1—3) встречены в аскизском кургане 3 на Абаканском чаатасе⁴⁵. Ременные бляшки с подвесным колючком (рис. 12, 13, 15, 17, 18) и Т-образная накладка на вытянутой пластине плавных очертаний (рис. 12, 10) — в кургане 1 в Малиновке⁴⁶ и во многих других комплексах XI в.

В литературе уже отмечалась примечательная особенность аскизских могильников — погребение в одном месте лишь воинов-дружинников⁴⁷. Эта их черта привела к тому, что в южносибирской археологии сложилась довольно необычная ситуация, когда целая археологическая культура оказалась известной главным образом по мужским погребениям. Среди 130 известных нам комплексов аскизской культуры насчитывается лишь девять несомненно женских погребений: три из них публикуются здесь, а остальные раскопаны на горах Оглахты⁴⁸. Смешанное расположение мужских и женских курганов в Оглахтинской крепости вызвано, вероятно, особыми причинами военного времени⁴⁹. Для могильника Самохвал II возможно другое объяснение. Как мы видели, все мужские курганы могильника (1, 3, 4, 5, 6) датируются второй половиной XII—первой половиной XIII в. (исключение составляет курган 11 XI в., который расположен обособленно и к группе Самохвал II относится только формально). Женские же погребения могильника относятся к XI—началу XII в. (7, 8, 9). Таким образом, могильник Самохвал II фактически представляет собой две курганные группы разного времени (а считая курган 11, — даже три). При этом группы различаются и по половой принадлежности погребенных. Следует обратить внимание на то, что мужские погребения могильника располагаются в основном на северной вершине сопки и в седловине (лишь курган 5 на южной вершине), а женские курганы группируются на южной вершине, а лишь курган 7 находится в седловине. Таким образом, между выявленными двумя группами наблюдаются и локальные различия. Считаем возможным поставить здесь вопрос о локально обособленных женских могильниках аскизской культуры, подобно известной черте мужских кладбищ средневековых хакасов. Однако постановка такого вопроса не освобождает от необходимости поисков одновременных мужских могильников, соотносимых с женскими погребениями. Вопрос об определении «парного» мужского могильника для женской группы Самохвал II преждевременно до датировки курганов Самохвала III.

Самохвал III. Курган 10, вероятно, оглахтинского периода. При датировании этого комплекса более приходится исходить из интуиции и от-

существа здесь характерных для всех иных периодов черт в оформлении предметов. Скорее всего курган следует в широких пределах датировать XI в.

Курган 12 относится к началу черновского периода. В этом убеждает наличие бляхи-«галочки», оформленной косой насечкой крест-накрест (рис. 1, 11), а также ярко выраженное сохранение традиций оглахтинского периода в оформлении других предметов комплекса: ячеистости орнамента (рис. 1, 15, 18) и фестончатости контура уздечной бляшки (рис. 1, 13). Видимо, дату можно определить серединой XII в.

Пожалуй, этот могильник, один курган которого, к сожалению, еще не раскопан, и может оказаться парным женской группе Самохвал II. Он также невелик. Оба изученных в нем погребения — мужские и близки женским по времени. Кенотаф не может подтвердить предположение, но и не противоречит ему. Самохвал III находится на соседней сопке. Во всяком случае приходится учитывать, что среди изученных памятников горы Самохвал иной мужской курганной группы, одновременной описанным женским погребениям, пока нет. О второй части групп Самохвал II уже шла речь. Полностью мужской аскизский могильник Самохвал I с одержит лишь один одновременный курган оглахтинского периода (остальные его погребения — черновские). Одинок и последний одновременный курган 11 (Самохвал II). Дальнейшие исследования Самохвала III подтвердят или опровергнут высказанное предположение.

На горе Самохвал раскопаны еще не все средневековые могильники Мужские группы Самохвал I и II пока не имеют соответствующих им женских погребений. Однако, если они здесь и не будут найдены при дальнейших работах, необходимость археологического изучения не только всех без исключения курганов любого аскизского могильника, но и всех окрестных средневековых могильников как единого археологического комплекса станет лишь еще более очевидной. Без этой трудоемкой работы не избежать уже сложившейся в практике односторонности в изучении аскизской культуры, не понять многих важных ее сторон и особенностей.

На наш взгляд, раскопки курганов на горе Самохвал позволяют поставить вопрос о существовании у средневековых хакасов единого погребального обряда для мужчин и женщин. Ответ принесет дальнейшее изучение аскизских памятников.

В заключение необходимо сформулировать еще одну проблему, которую ставят исследования курганных групп горы Самохвал. В каждой из них рядом с аскизскими погребениями вскрыты могилы с труположениями. Определение их даты, культурной принадлежности, а также соотношения с аскизскими памятниками — задача будущего.

Изученные памятники служат еще одним ярким примером важности сплошного изучения археологических объектов одного небольшого района для воссоздания сложной картины древней жизни, историко-экономических проблем определенного общества в целом.

- ¹ *Кызласов Л. Р.* Двадцатый год работы Хакасской экспедиции. — АО 1970 г., М., 1971, с. 218—219; *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов. — АО 1974 г., М., 1975, с. 216; *Они же.* Раскопки средневекового замка в Хакасии. — АО 1975 г., М., 1976, с. 257; *Они же.* Исследование замка в дельте Уйбата. — АО 1976 г., М., 1977, с. 214; *Они же.* Святилище Уйбатского города. — АО 1977 г., М., 1978; *Они же.* Изучение древнехакасских крепостей и замков. — АО 1978 г., М., 1979. Автор благодарит Л. Р. Кызласова за предоставленную возможность публикации материалов могильника.
- ² *Кызласов Л. Р.* Курганы средневековых хакасов (аскизская культура). — В кн.: *Первобытная археология Сибири.* Л., 1975; *Он же.* История Тувы в средние века. М., 1969, гл. IV.
- ³ Разделение аскизской культуры на этапы и периоды развития см.: *Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири. Происхождение и развитие (X—XIV вв.): Автореф. дис. . . канд. ист. наук М., 1977; *Он же.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время). — СА, 1978, № 1. Все опубликованные ранее комплексы малиновского этапа относятся к эйлингемскому или оглахтинскому периодам.
- ⁴ Курганы 3, 4, 6 и 7 этого могильника не относятся к аскизской культуре.
- ⁵ Выявить основу первоначальной выкладки курганов этого могильника не удалось из-за мелких размеров камней насыпей.
- ⁶ Определили кости Л. Р. Кызласов и В. П. Данильченко.
- ⁷ Кроме кургана 2, содержащего позднесредневековое погребение, совершенное под влиянием православного обряда.
- ⁸ Курганы 10 и 12 раскопаны в группе Самохвал III.
- ⁹ Четвертый курган (13) раскопан в 1976 г. Он не относится к аскизской культуре.
- ¹⁰ *Кызласов Л. Р.* Курганы средневековых хакасов. . . , с. 195.
- ¹¹ *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века, с. 97.
- ¹² *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века, гл. IV; *Кызласов И. Л.* Аскизская культура. . .
- ¹³ *Кызласов Л. Р.* Курганы средневековых хакасов. . .
- ¹⁴ *Кызласов Л. Р.* Двадцатый год работы Хакасской экспедиции; *Зяблин Л. П.* Архитектура курганов чаатаса Гришкин Лог. — В кн.: *Новое в советской археологии.* М., 1965, рис. 2, 3.
- ¹⁵ *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Исследование замка в дельте Уйбата, план на с. 214. Многоугольный в плане аскизский курган раскопан Л. Р. Кызласовым под Минусинском в сезон 1979 г.
- ¹⁶ *Мартынова Г. С.* Михайловское поселение по результатам раскопок 1967 г. — Изв. лаборатории археологических исследований, Кемерово, 1970, вып. 2.
- ¹⁷ *Кызласов И. Л.* Аскизская культура. . . *Он же.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв.
- ¹⁸ Характеристику изделий черновского периода см.: *Кызласов И. Л.* Аскизская культура. . . , с. 16.
- ¹⁹ *Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв., рис. 1, 9, 10, 67; с. 140.
- ²⁰ Там же, с. 125; *Он же.* Аскизская культура. . . , с. 15—16.
- ²¹ *Кызласов Л. Р.* Курганы средневековых хакасов. . . , с. 194, 202, 210.
- ²² *Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв., с. 129, 138, рис. 1, II, 2, 58; табл. на с. 128, 2.
- ²³ Часовенная Гора, могилы 2 (ГЭ-1931/3) и 3 (ГЭ-1931/44). Также по одному украшенному стремени в паре.
- ²⁴ *Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв., с. 127—129.
- ²⁵ Там же, с. 140; *Он же.* Аскизская культура. . . , с. 18—19.
- ²⁶ *Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв., с. 125.
- ²⁷ *Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв., табл. на с. 128, рис. 1, II, 50.
- ²⁸ Там же, с. 129, рис. 5, 8, 9.
- ²⁹ Там же рис. 9, 4.
- ³⁰ *Кызласов И. Л.* Аскизская культура. . . , с. 16.
- ³¹ *Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв., с. 127—129, рис. 5, 7.

- ³² Там же, рис. 4, 8, 9.
- ³³ Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв., с. 125.
- ³⁴ Там же, с. 125, 127.
- ³⁵ Кызласов И. Л. Аскизская культура. . ., с. 12.
- ³⁶ Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв., рис. 4; 10.
- ³⁷ См., например: Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов. . ., рис. 11, 5; *Он же*. История Тувы в средние века, рис. 46.
- ³⁸ Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв., с. 130—131, рис. 1, II, 3; 8, 7.
- ³⁹ Кызласов И. Л. Бусы средневековой Хакасии. — В кн.: Вопросы истории Хакасии. Абакан, 1977.
- ⁴⁰ Такие бляхи встречены во всех женских курганах на горах Оглахты, кроме кургана 7 Оглахты II.
- ⁴¹ Ср.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. LXI.
- ⁴² Кызласов И. Л. Бусы средневековой Хакасии, тип. 5.
- ⁴³ Кызласов И. Л. Булавки древних хакасов. — В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977.
- ⁴⁴ Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв., с. 125; ср.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 44.
- ⁴⁵ Хранится в музее кафедры археологии МГУ.
- ⁴⁶ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 44, 7, 13.
- ⁴⁷ Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов. . ., с. 207.
- ⁴⁸ Кызласов И. Л. Бусы средневековой Хакасии, с. 136, примеч. 3.
- ⁴⁹ Кызласов Л. Р. Древние крепости Хакасии. — АО 1968 г., М., 1969, с. 245.

Тамги, знаки, пятна, клейма, тавра, знамена, марки, меты — все это однотипное интереснейшее явление в древней и современной истории многих, если не всех народов мира. Там, где сами знаки сохранились до наших дней — в употреблении или хотя бы в памяти людей, они являются живым свидетельством, пришедшим к нам из глубочайшей древности, из времен родового строя.

В нашей стране знаки на основании археологических и этнографических исследований изучены в разной степени на огромной территории — от Поморья до Крыма и от Приднепровья до Дальнего Востока. Знаки эти у разных народов имели различное употребление. У кочевых скотоводческих племен тамгой помечалось основное богатство, основная собственность — скот; у земледельческих народов — орудия труда и земельные владения (знаки на межевых камнях); у охотников — оружие, капканы. И у всех у них на разных стадиях развития тамга употреблялась по-разному — широко (когда помечались все предметы быта, как у населения русского Севера в XIX в.) или лишь в какой-то узкой области хозяйства. Тамги ставились на монетах, использовались как таможенные знаки. Иногда знак служил надписью на могильном камне и говорил о принадлежности умершего к какому-то роду; такие знаки встречаются на надгробных крестах чувашей; иногда они употреблялись вместо личной подписи на документе. Случалось, как свидетельствуют археологические раскопки, что знаками помечались какие-то определенные предметы, например, бляшки поясов или глиняные сосуды.

Темой настоящего исследования являются знаки на золотоордынской керамике. Кроме монет, это единственная категория золотоордынских древностей, на которой знаки встречаются сравнительно часто. На остальных предметах знаков, можно сказать, не ставили. Область же наибольшего применения тамг — таврение лошадей и другого скота — не оставляет археологических свидетельств.

Для того чтобы как-то осмыслить этот материал, нами привлечены сведения об употреблении тамг, о закономерностях их развития и об их значении у многих народов. Изучение форм знаков в сочетании с историческими и археологическими сведениями о генезисе, передвижениях и древней истории этих народов должно помочь в исследовании золотоордынских тамг, их происхождения, а также роли различных народов в сложении пестрой материальной культуры Золотой Орды. При этом особенное внимание уделялось знакам, которые существовали у населения той территории, где потом образовалась Золотая Орда (так сказать, знаки подстилающего слоя), и знакам тех народов (зафиксированным

этнографами), предки которых некогда входили в состав золотоордынского государства.

Знаки уже более 100 лет привлекают внимание историков. Им посвящено множество статей и книг, начиная с этнографических описаний отдельных народов и кончая специальными исследованиями. Очень большое внимание уделяется до сих пор знакам Северного Причерноморья, наиболее далекому от нашей темы разделу.

Все эти работы, содержащие как конкретные наблюдения, так и теоретические выводы, очень важны для понимания возникновения, развития и роли тамг.

С середины прошлого века в России периодически появлялись сочинения исторического и этнографического характера, содержащие в числе прочего сведения об употреблении тамг различными народами, приводились рисунки знаков, которые удавалось собрать автору. Я имею в виду работы П. Небольсина о калмыках (1852 г.)¹, Г. Потанина о северо-западной Монголии (1881 г.)², В. Н. Майнова о мордве (1885 г.)³ и др. Все они не утратили своего значения до сих пор, особенно в отношении таких исчезающих или уже исчезнувших древних черт, как тамги.

Первым в России серьезным исследованием знаков была большая работа П. Е. Ефименко «Юридические знаки. (Опыт исследования по сравнительному обычному праву)», опубликованная в 1874 г.⁴ На основании большого этнографического материала по русским и по другим народам европейской части России П. Е. Ефименко выводит закономерность развития знаков — при распадении родовых связей родовые знаки трансформируются в общинные, затем в дворовые (семейные) и, наконец, в личные. Здесь все яснее обозначается характер их как знаков собственности. Автором рассмотрены различные случаи употребления знаков. На русском Севере, например, их ставят на всех бытовых предметах, приобретенных в собственность; собственности общины или казны, которую хозяин получил в вечное пользование; долговых бирках вместо личной подписи. Таможенные знаки, по мнению П. Е. Ефименко, произошли именно от знаков собственности; у русских таможенными знаками служили личные знаки великих и удельных князей, которые прежде были родовыми знаками.

П. Е. Ефименко прослежено правило наследования знаков — знак отца без изменений получает сын, наследующий основное имущество, остальных наследники получают измененные знаки — «отпятныши», в которых к отцовскому знаку прибавляются детали. На основании ранних письменных упоминаний о знаках (в Русской Правде) автор утверждает, что русские знаки возникли самостоятельно, но не отвергает и возможности заимствования тамг у других народов.

Слабой стороной работы П. Е. Ефименко была попытка объяснить схемы развития знаков биологическими законами.

В 1887 г. в «Трудах V Археологического съезда» была опубликована статья Е. Г. Соловьева «О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и других племен, населяющих Россию»⁵. Автор

ее характеризует знаки как важный исторический источник. Интересно его наблюдение о соотношении культурного уровня народа и формы его знаков: простые по форме знаки — буквы — принадлежат народам, «научно развитым»; простые, но неправильные — еще не живущим по писаным законам, но уже по обычному праву; вычурные — народам, еще «не сформировавшимся в культурном отношении»⁶.

В общем эта схема эволюции знаков правильна. Нужно учитывать лишь, что часто народы, не имеющие собственной азбуки, т. е. «не сформировавшиеся в культурном отношении», употребляют в качестве тамг буквы алфавита других народов.

Еще раньше, в 1885 г., Е. Г. Соловьевым была издана книга «О тамгах и знаках собственности на некоторых предметах древнего быта», где приведено огромное количество знаков: русских, мордовских, татарских, чувашских.

Многие интересные мысли содержала вышедшая в 1894 г. работа Н. А. Аристова «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных о начинающихся антропологических исследованиях»⁷. Это было первое исследование о собственно-тюркских тамгах.

Вслед за А. Левшиным⁸ Н. А. Аристов признает, что тамги киргизов заимствованы у монголов, которые распространили их в Средней Азии. Мысль Н. А. Аристова, что древность тамг подтверждается многими названиями киргизских родов и колен, происходящими от названий тамг, находит подтверждение в работах современных этнографов⁹. Специально останавливается Н. А. Аристов на значении тамг. В работе 1897 г., возражая А. Н. Харузину¹⁰, утверждавшему, что «тамга — не есть знак собственности, а знак родовой», Н. А. Аристов пишет: «... тамга — это знак родовой собственности, она возникла в древности, когда не было еще семейной и личной собственности»¹¹. Этот вопрос о значении тамги (родовой знак или знак собственности) будет неоднократно подниматься исследователями впоследствии. Сходство знаков у многих не связанных родственно народов Н. А. Аристов объясняет одинаковым уровнем их развития, сходством быта и хозяйства.

Очень большое внимание в этой работе уделено связи тюркских тамг с орхонскими рунами. Н. А. Аристов, как и Н. Г. Малицкий¹², считал, что знаки орхонского алфавита произошли от скотоводческих тамг. Он находил возможным связывать возникновение орхонской письменности с тюркским населением Восточной Монголии, так как там обитали племена найманов и киреев, в графике чьих тамг преобладали прямые линии и отсутствовали круги, что характерно и для орхонского алфавита.

Тюркским тамгам была также посвящена статья Д. Н. Соколова «О башкирских тамгах»¹³. В работе содержится ряд ценных наблюдений этнографического характера об употреблении, изменении, наследовании знаков у башкир и приведено некоторое количество башкир-

ских и киргизских тамг. Разгадку общности многих тамг у различных неродственных народов Д. Н. Соколов видит в том, что у всех у них в древности были одинаковые божества, символы которых и были первоначальными знаками.

Материалы по знакам продолжали накапливаться. Для нашей темы большое значение имеют знаки с болгарского городища Плиска (изданы в 1905 г.), с Маяцкого городища (опубликованы Н. Е. Макаренко в 1911 г.), знаки крымских татар, изданные в ряде статей С. А. Козиным, О. Акчокраклы¹⁴ в 1920-х годах.

В 1933 г. вышла книга И. И. Мещанинова «Загадочные знаки Северного Причерноморья»¹⁵. При всех ошибках исторических построений автора в работе содержится ряд верных положений, имеющих значение для изучения не только сарматских знаков, но и общих проблем. Это относится прежде всего к выводам о путях развития родовых знаков. Знаки первоначально были изображениями тотемов — покровителей родов. Потеряв с развитием общества свое тотемное значение, они на определенном этапе могут быть осмыслены и получить названия по сходству с реальными предметами окружающей жизни или действием и превращаются в пиктограмму. Мысль о первоначальном значении знаков как изображении тотема подтвердилась впоследствии многими фактами из этнографии отсталых народов.

Родовые знаки, по мысли И. И. Мещанинова, при объединении родов в племенные союзы продолжают развиваться, и образуются племенные знаки. В дальнейшем в развитом классовом обществе знаки приобретают значение геральдических эмблем. Последнее положение И. И. Мещанинова можно подкрепить примером геральдики литовских татар, гербы которых XVI—XVIII вв. имеют в большинстве своем в основе знаки, общие с золотоордынскими и со знаками современных тюркских народов¹⁶.

И. И. Мещанинов привел веские доводы против отнесения причерноморских знаков к знакам письма. Очень важно в работе признание опасности каких-либо исторических выводов на основании сходства знаков различных народов. Это сходство, по мнению автора, свидетельствует об одинаковом уровне развития их графики. Это предостережение не всегда принималось во внимание последующими исследователями.

В 1940 г. вышла статья Б. А. Рыбакова о русских княжеских знаках¹⁷. В работе собрано множество вещей со знаками Рюриковичей. Русские знаки подразделялись на несколько групп, причем родовые, семейные и личные тамги отделялись от клейм мастеров. Здесь же было отмечено типологическое сходство русских княжеских знаков с боспорскими царскими и верно подчеркнута их семантическая связь — и те и другие принадлежали правящей династии при отсутствии генетической связи между ними. В «Ремесле древней Руси» Б. А. Рыбаков уделил много внимания русским знакам, в частности гончарным клеймам — знакам мастеров. На основании изучения стратиграфии клейм на памятнике и при учете этнографического наблюдения об «отпятновании» (усложнении отцовского знака сыном при разделе имущества) Б. А. Рыбаковым была выдвинута

гипотеза о наследственном характере гончарного ремесла в древнерусской деревне. Гончарные клейма в виде княжеских знаков позволили Б. А. Рыбакову выделить вотчинных ремесленников среди городских гончаров X—XIII вв.¹⁸

В 1947 г. в «Советской этнографии» появились еще две работы по знакам — В. Н. Чернецова¹⁹ и С. П. Толстова²⁰. Этнографические сведения по возникновению и развитию тамг у обских угров, сообщенные В. Н. Чернецовым, настолько важны для понимания этого явления, что без этой работы не обходится ни один из исследователей знаков независимо от времени и места их употребления. Здесь мы находимся как бы у истоков истории знака, на наших глазах он возникает из родового тотема и постепенно трансформируется в личный знак. Наглядно виден процесс перехода от реалистического знака — рисунка тотема — к абстрактному геометрическому рисунку, не теряющему в ряде случаев своего смыслового значения.

Статья С. П. Толстова базируется на тезисе о том, что «тамги — символ слишком большого значения, чтобы совпадение могло быть случайным». Речь идет о сходстве тамг хорезмской династии Сиявушидов с тамгами боспорских царей. Опираясь на отмеченное Б. А. Рыбаковым сходство древнерусских княжеских знаков с боспорскими, С. П. Толстов «протягивает нить дальше» — к Сиявушидам, в Сасанидский восточный Иран, в Парфию. В этот же ряд включены близкие знаки мощиных древностей, Маяцкого и Саркельского городищ. К этому ряду сходных знаков можно добавить тамги золотоордынских ханов (Джучидов).

Близость эта действительно поразительна, но она не получила объяснения в статье С. П. Толстова. С критическими замечаниями в его адрес выступил П. Н. Третьяков²¹, указавший на опасность генетических построений на основе внешнего сходства знаков у разных народов и на отсутствие каких-либо древних династических связей между Сиявушидами и Рюриковичами, которые как будто имел в виду С. П. Толстов.

В 1956 г. вышла книга Х. Енихена «Знаки царского достоинства у иранских народов»²², посвященная в основном знакам Северного Причерноморья. Автор видит в царских знаках Боспора изображения птицы (петуха), сидящей на шесте, и выводит их из иранских аналогичных изображений первых веков нашей эры. Х. Енихен для тюркских знаков предполагает также иранское происхождение. Объяснение общности схем царских знаков на огромной территории автор видит в заимствовании их у иранцев. Воцарившийся род делал традиционную государственную эмблему, герб, своим родовым знаком. Это, по-видимому, пока единственная приемлемая гипотеза, объясняющая, почему двузубец и трезубец — знаки боспорских царей и русских Рюриковичей, и Джучидов, и Чингисидов и т. д. — так близки между собой. Время возникновения самих знаков собственности автор относит к эпохе появления скотоводства у кочевников. Способ видоизменения тамг — добавление черточек к отцовскому знаку у младших отпрысков рода — Х. Енихен считает характерным для тюркских народов и для тех, кто находился под их влиянием.

Саркельские знаки, находимые на кирпичах и керамике, были подробно рассмотрены в статье А. М. Щербака²³. В большой и разнообразной коллекции знаков исследователь выделяет три культурные традиции: прибрежно-черноморскую, приднепровско-русскую и степную кочевническую. Отмечено, что «почти все саркельские знаки из числа тех, которые были сделаны на керамике, являются знаками собственности и напоминают хорошо известные специалистам тюркские и монгольские тамги». Наиболее подробно А. М. Щербак останавливается именно на знаках степной кочевнической группы. Их дата — IX в.; их характерной особенностью он считает близость к различным руническим алфавитам тюркских народов. В противоположность своим предшественникам (Н. Г. Малицкому, Н. А. Аристову) А. М. Щербак выдвигает тезис о происхождении знаков собственности из знаков письма. В частности, монгольские знаки, опубликованные Ринченем²⁴, автор возводит к китайским иероглифам, орхонским рунам, монгольскому и тибетскому алфавиту и буквам русского алфавита. Сходство с русскими буквами никак нельзя проследить по публикации Ринчена.

Поскольку в IX в. восточная часть южнорусских степей была занята огузским племенем печенегов, то А. М. Щербак признает возможность проникновения огузских знаков в Саркел.

В 1959 г. была опубликована книга Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья», где были собраны и интерпретированы известные к тому времени знаки этого круга. Вслед за своими предшественниками Э. И. Соломоник относит появление знаков ко времени родового строя. С разложением родового строя и с появлением частной собственности знаки становятся знаками собственности, которую они ограждают от посягательств. Э. И. Соломоник считает, что знаки менялись и развивались вместе с обществом и служили одновременно для разных целей.

Особо важное значение при формировании знаковой системы придает Э. И. Соломоник заимствованию знаков; она объясняет этим распространение сходных знаков на широких территориях, особенно у родственных племен. В качестве примера приводится сходство основных тамг монгольских и тюркских народов.

По-видимому, роль заимствования в процессе формирования знаков здесь преувеличена: во-первых, сама Э. И. Соломоник исключает из возможных заимствований знаки простейших форм, а также такие знаки, как свастика. Они возникли самостоятельно и встречаются повсеместно. Во-вторых, признаваемое ею тотемное происхождение знаков само по себе является объяснением этого сходства. Ссылка на пример тюркских народностей неубедительна — сходство знаков, например, башкир, казахов, киргизов, туркмен и других объясняется наличием в их составе потомков одних и тех же племен, входивших некогда в состав Золотой Орды. Так, например, одинаковые тамги имеют кыпчаки, которые сохраняют это название в составе перечисленных народов.

Отличие сарматских знаков от любой из систем письма Э. И. Соломоник верно усматривает в неограниченном количестве знаков и в их непрерывном возрастании путем варьирования старых и включения новых.

В отношении особенно интересующих нас знаков на ремесленных изделиях Э. И. Соломоник отмечает следующее: знак, нанесенный при изготовлении предмета, может быть личным знаком мастера или знаком владельца мастерской, даже царя (в царской мастерской); при домашнем производстве он может быть знаком собственности изготовителя; знак, процарапанный после (на готовом предмете) — знак владельца вещи, знак собственности.

Многие историко-этнографические исследования последнего двадцатилетия касаются — попутно или как предмета специального исследования — вопроса о знаках (Б. О. Долгих — о тамгах северных народностей²⁵, Г. Е. Марков — о северных туркменах²⁶, В. В. Востров, М. С. Муқанов — о казахах²⁷, В. Ф. Каховский — о чувашах²⁸ и т. д.). Множится и археологический материал: Р. М. Джанполадян опубликовала знаки со сфероконических сосудов из Двина и Ани²⁹, опубликовано несколько десятков тамг с чжурчженского поселения на Дальнем Востоке³⁰.

Вопросу о сибирских знаках посвящена книга Ю. Б. Симченко «Тамги народов Сибири XVII в.»³¹. На этнографических примерах, взятых из недавнего прошлого, еще раз подтверждается происхождение родовых знаков от изображения тотема. Эти тамги — самые древние у народов Сибири, их ставили на собственности, принадлежащей всему роду. При этом существовала и личная тамга, которая употреблялась как юридический знак в сделках между главами семей. Способ наследования обычный — наследник имущества получает тамгу без изменений, остальные потомки ее несколько варьировуют. Для XVII в. уже не существовало связи между личной тамгой и родовыми знаками.

В отличие от принятого мнения, что с образованием племен возникают и племенные тамги, Ю. Б. Симченко утверждает, что в Сибири племенные тамги отсутствовали — члены племени не считали общим для всех знак вождя. Кроме перечисленных видов тамг, у сибирских народов существовали магические сакральные тамги и кастовые (например, шаманские тамги), позже появляются и должностные тамги — сотников, десятников, старшин.

В эволюции знаков сибирских народов существует та же закономерность, что и у других народов, — от простейших реалистических изображений к стилизованным схематическим и, наконец, превращение их в символические знаки.

На примере знака «шайтанская рожа» (личина идола), встреченного у мордвы, черемисов и обских угров, Ю. Б. Симченко прослеживает древнее единство финских народов.

Наиболее крупной работой, уделяющей большое внимание тюркским тамгам, за последние годы была книга Р. Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа»³². Автором собрано около 3500 башкирских тамг,

принадлежавших различным племенам, племенным подразделениям, родам. Тамги используются в книге как ценный исторический источник, позволяющий автору делать в ряде случаев выводы по этногенезу отдельных башкирских племен. В отличие от сибирских башкирские тамги бывают и племенные, хотя былая племенная общность зачастую по тамгам уже не прослеживается.

На интересных примерах из этнографии башкир Р. Г. Кузеев выявляет тотемное происхождение отдельных знаков. При анализе тамги племени бурзен \rightarrow \rightarrow Р. Г. Кузеев отмечает, что там, где племя живет компактно, сохраняя древние традиции, такая тамга называется «дербник» (ястреб), те же бурзяне, которые смешаны с другими племенами, не помнят этого древнего названия (связанного, по-видимому, с тотемом) и называют свою тамгу «молоток» — по сходству с реальным предметом быта. Автор приводит объяснение стариков, что название «дербник» происходит от сходства тамги с летящим ястребом, но вернее предположить, что это позднее, вторичное осмысление древнего символа, попытка опять-таки объяснить его реальной действительностью. В то же время единое название для внешне различных тамг нередко указывает на общность этих тамг и их обладателей в древности.

Р. Г. Кузеев прослеживает родство некоторых знаков на широкой территории у отдельных групп в составе тюркских народов, генетически связанных между собой, что зафиксировано в их общих названиях.

Последней крупной работой в области изучения знаков Северного Причерноморья явилась книга В. С. Драчука «Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской территории античного мира первых веков нашей эры». Она отличается от книги Э. И. Соломоник большим объемом материала, накопленного за разделяющее эти две работы двадцатилетие, более подробной историографической частью, привлечением несколько большего сравнительного материала.

Изучая вопрос о заимствовании знаков, автор несколькими примерами подтверждает вывод о том, что заимствовались обычно лишь письменные знаки. Основным способом развития системы знаков В. С. Драчук в отличие от Э. И. Соломоник признает не заимствование, а самостоятельное возникновение, так как смысл знака был в выделении рода, семьи и определенного лица среди соседних родов и семей. Знаки Причерноморья, считает автор, не были одновременно и кульново-магическими, и знаками собственности, и родовыми. Они — только родовые знаки.

Тамгами Золотой Орды специально никто не занимался, так как большинство их добыто раскопками последних лет (1959—1979 гг.). В этой работе использованы материалы Поволжской археологической экспедиции по Царевскому городищу (Новый Сарай), Селитренному городищу (Сарай), Водянскому городищу (Бельджамен?), по Болгарам и Ага-Базару [как опубликованные, так и хранящиеся в Государственном

музею Татарской АССР (далее — ГМТР) и Болгарском историко-культурном заповеднике]. Имеется несколько знаков из Увека (из собрания ГМТР) и с городища Мечетное (Саратовский краеведческий музей). Просмотрен также материал раскопок золотоордынского городища Орхей на территории Молдавии.

Всего нами собрано около 300 тамг. Почти все они помещены на глиняных сосудах, точнее — на ручках кувшинов. Несмотря на большое разнообразие знаков, среди них встречаются и много сходных. Все знаки, сохранившиеся целиком или хотя бы настолько, что можно восстановить их форму, объединены в группы. Сначала рассматриваются знаки этих групп, потом — единичные.

К каждой группе и к каждому единичному знаку подобраны возможные аналогии: археологические — происходящие с памятников предшествующего периода примерно с той же территории, на которой образовалась Золотая Орда, и этнографические — знаки народов, связанных своим этногенезом с этим государством.

Как и у многих народов Евразии, у татаро-монголов знаками царствующего рода были двузубец и трезубец. Аналогичный факт отмечается исследователями: для иранских правителей сасанидского времени, для хорезмской династии Сиявушидов, для боспорских царей, для русских князей³³.

О том, что эта необъяснимая пока закономерность относится и к тюркским народам, говорят знаки на монетах Джучидов — ханов Золотой Орды и Крымского ханства.

Изучение золотоордынских монет позволило нумизматам установить два типа ханских тамг, употреблявшихся при чеканке: парный трезубец или двузубец, помещенный остриями в сторону (эмблема Чингисидов — монгольских верховных каанов); двузубец или, реже, трезубец, обращенный остриями вниз (тамга Джучидов). Тамга Чингисидов встречается на монетах, которые от имени великих монгольских каанов Менгу и Ариг-Буги выпускали в середине XIII в. золотоордынские ханы Бату и Берке. С именем Менгу сочетается, по-видимому, тамга , а с именем Ариг-Буги ³⁴.

Берке,¹ стремясь выйти из зависимости от каракарумского каана, после конфликта с ним в 50-х годах XIII в. заменил на своих монетах (без указания имени хана) эту тамгу знаком, служившим, вероятно, родовой тамгой Джучидов, и снабдил ее на первых порах усилительной надписью «главная тамга»³⁵. Впоследствии в определенной политической ситуации Берке снова помещал на своих монетах имя каана Ариг-Буги и тамгу Чингисидов³⁶, но в последние десятилетия XIII в. на монетах Золотой Орды уже безраздельно господствует джучидская «тамга дома Бату». Большинство этих монет — анонимные. На некоторых все же

указано имя хана Менгу-Тимура (1266—1280) ³⁷, Туда-Менгу

(1280—1287) ³⁸, Тулабуги (1287—1290) ³⁹, Токты (1290—1313) ⁴⁰,
Узбека (1313—1339) ⁴¹.

Очень интересна редкая монета Ногай. Джучид по происхождению, Ногай также чеканил на своей монете родовую тамгу ⁴².

Как видим, связь определенного варианта одного и того же знака с именем хана не прослеживается на небольшом сравнительно количестве опубликованных монет. Такие же знаки встречены на очень большом числе анонимных монет этого периода. Варианты этой тамги образуются, по-видимому, не только отрезками у правой или левой ножки двузубца, продлением центральной линии вниз так, что получается трезубец, разными наверхшими (кружок, перекладина), но и разным количеством точек, помещенных внутри и около знака.

Проблема соотношения вариантов джучидской тамги с конкретным ханом должна быть рассмотрена на большом нумизматическом материале. Возможно, что в монетных штампах не соблюдалась четко принадлежность определенной тамги данному хану. Достаточно было того, что это — тамга дома Бату. Это может объясняться отношением династии к завоеванной территории как к общеродовой собственности. Последнее явствует хотя бы из анализа порядка престолонаследия в Золотой Орде — власть наследовал старший в роду, а не прямой наследник ⁴³.

А. А. Спицыным была опубликована золотая подвеска из поясного набора клада в урочище Гашун-Уст б. Ставропольской губернии с джучидской тамгой, совершенно идентичной тамге на монетах хана Токты ⁴⁴.

Трезубец стал позже тамгой крымской династии Гиреев — это, так называемая тарак-тамга. Она имелась на монетах, на ярлыках крымских ханов. Ее изображали на особом щите рядом с генуэзским гербом на воротах Кафы, что должно было указывать на вассальное положение генуэзской крепости по отношению к ханам. Эта тамга есть на стенах дворца в Бахчисарае, на дюрбе (погребальном сооружении) Хаджи-Гирея в Салачуке ⁴⁵.

Очень интересно в этом смысле изображение джучидского двузубца на флагах двух городов Нижнего Поволжья в Каталонском атласе 1375 г. ⁴⁶ Один из этих двух пунктов с надписью *sağa* отождествляется с Новым Сараем (Царевское городище), другой пункт расположен неподалеку. На флаге Сарая изображен прямоугольный двузубец с отрезком у левой ножки и с кружочком-наверхшим, совершенно таким, как на монетах: . На другом флаге к этому знаку добавлен справа полумесяц: .

Помещение этих знаков на испанской карте 1375 г., причем одного из них на флаге столицы, показывает, насколько хорошо была известна Европе тамга золотоордынского хана. Принадлежность двузубцев и трезубцев правящему роду подтверждается для Золотой Орды данными этнографии по тюркским народам, входившим некогда в состав этого

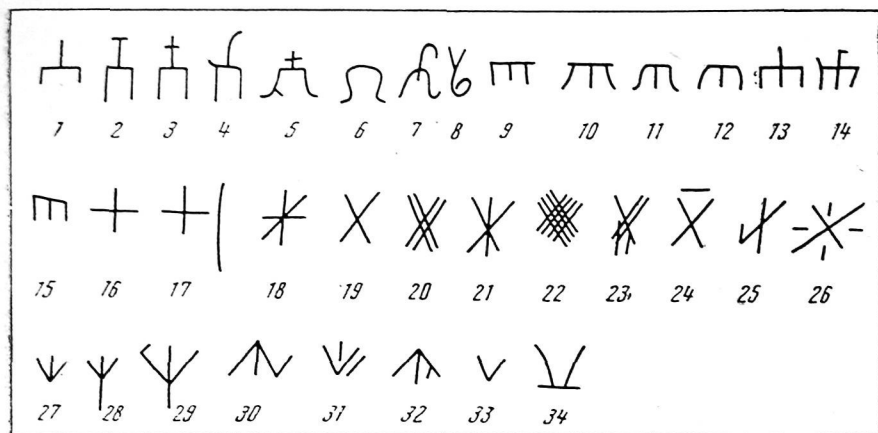

Рис. 1. Знаки, встречаемые на золотоордынской керамике (1—34)

государства. Трезубец \mathbb{M} назывался «ханской тамгой» у ногайцев⁴⁷, несколько авторов приводят название «султанская тамга» для знака \mathbb{H} у казахов Малого Жүза и у башкир⁴⁸. Киргизы северо-западной Монголии именовали «султанской» или «дворянской» тамгой трезубец \mathbb{M} ⁴⁹.

Двузубцы

В коллекции золотоордынских знаков имеется 10 двузубцев (рис. 1, 1—8; 2, 1, 4). Один из них помещен на бронзовом замочке болгарского типа в виде фигурки лошади (рис. 1, 5), все остальные — на красноглиняных сосудах. Найдены: 8 экз. на Царевском городище (1960, 1961, 1965, 1971 гг.), 1 — на Ага-Базаре (опубликован К. А. Смирновым), 1 экз. (на замочке) — в Болгаре.

Основное отличие двузубцев на керамике от аналогичных знаков на монетах заключено в навершии: большинство монетных тамг имеет наверху кружок, что ни разу не встречено у знаков на сосудах. Круг вообще почти не встречается среди керамических тамг; возможно, его трудно было процарапывать по глине. Приведенный выше знак с монеты Тула-Буги с навершием в виде горизонтальной черточки находит полную аналогию в знаке на ручке кувшина с Царевского городища (1960 г.). Для двузубцев округлых очертаний находятся аналогии среди тамг, которыми надчеканивались монеты второй половины XIV в. Надчеканка применялась, чтобы легализовать старые монеты, обрезанные под определенный вес. Среди этих знаков-надчеканок находят аналогии: двузубец, опирающийся на горизонтальные отростки⁵⁰, — найден на Царевском городище, 1971 г. (рис. 1, 6); двузубец с загнутым концом

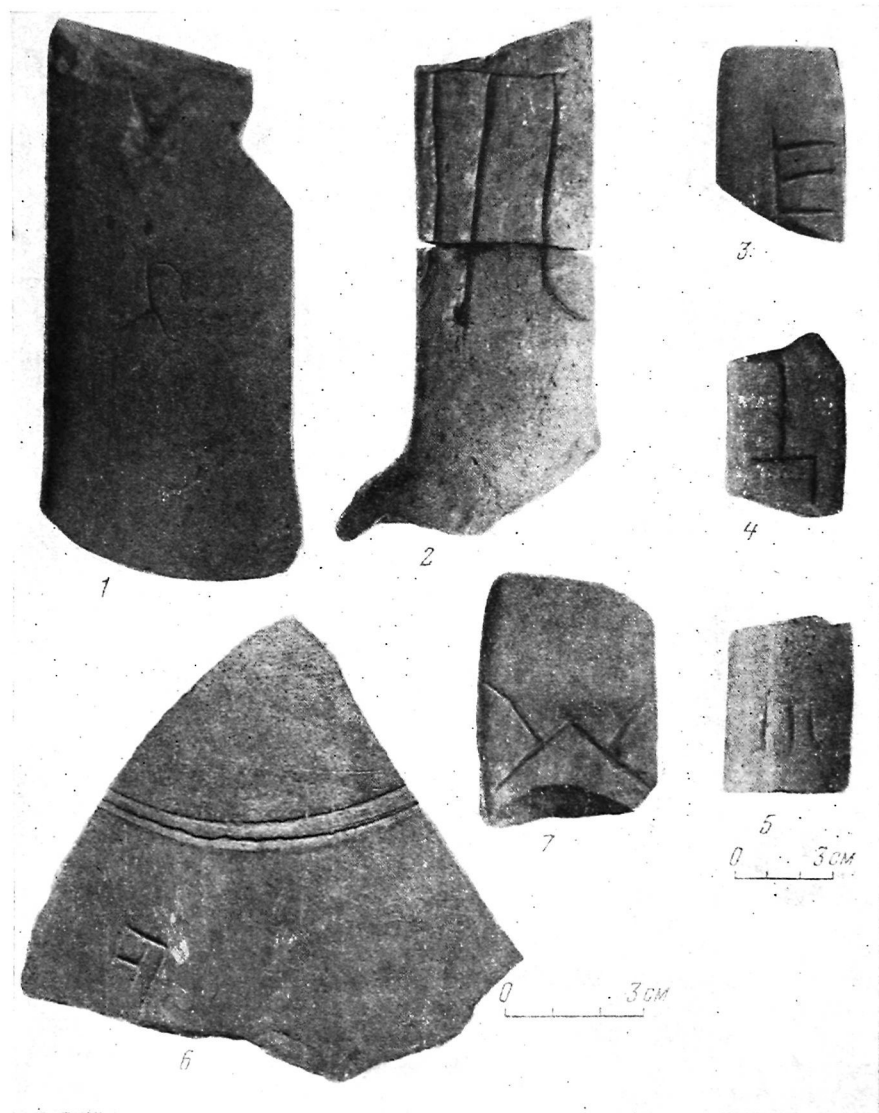

Рис. 2. Фрагменты сосудов с процарапанными знаками (1—7)

и отростком наверху, повернутым вправо ⁵¹, — найден на Царевском городище, 1960 г. (рис. 1, 7).

Кроме этих прямых совпадений джучидских тамг на монетах и на керамике, имеется большое число аналогий нашим знакам в археологическом и этнографическом материале.

Такие же знаки встречаются на кирпичах и керамике Саркела ⁵², на черепице средневековых памятников Крыма. И здесь и там есть двузубцы с навершием в виде креста и в виде горизонтальной черточки.

В Саркеле имеются двузубцы с отогнутым вправо отростком, подобные нашей находке — Царевское городище, 1961 г. (рис. 1, 4) ⁵³. Прямоугольные двузубцы с вертикальным отростком встречены на сфероноусах из Двина ⁵⁴. Этнографически тамги в виде прямоугольных очертаний двузубцев зафиксированы у многих народов: у ногайцев ⁵⁵, кабардинцев ⁵⁶, у тюркоязычного населения Причерноморья ⁵⁷, башкир ⁵⁸.

Двузубцы округлых очертаний с горизонтальными отростками у ножек также есть на двинском сфероноусе ⁵⁹. Эта форма двузубца является основой многих знаков Рюриковичей ⁶⁰. Такие же округлые двузубцы есть у кабардинцев и черкесов (в очень большом количестве разнообразных вариантов) ⁶¹, у ногайцев ⁶², у черемисов ⁶³, у казанских татар ⁶⁴, у казахов ⁶⁵, у монголов ⁶⁶. Округлый двузубец с завернутыми концами и кружком-навершием зафиксирован у крымских татар ⁶⁷. Разные варианты этой тамги есть у некоторых башкирских родов ⁶⁸.

Трезубцы

Среди монетных тамг трезубцы встречаются реже, чем двузубцы. Оставим в стороне сдвоенный трезубец каана Менгу, такие тамги в нашем материале не встречены ⁶⁹. На монетах конца XIII в., как с именем хана (например, Тула-Буги), так и на анонимных, встречаются такие трезубцы ⁷⁰. Эта форма, кроме навершия, близка трезубцам на кера-

мике. Надчеканка «лировидная тамга» на монетах конца XIV в., а также варианты такого знака с крымских монет XV в. не имеют аналогий среди керамических знаков. Всего в нашей коллекции 10 трезубцев (рис. 1, 9—15): 5 экз. — с Царевского городища (1961, 1963, 1964, 1973 гг.), 2 — с Водянского (1969, 1971 гг.), 2 — из Болгара (на сфероноусах, опубликованы Юсуповым), 1 экз. — с Селитренного городища (1969 г.). Два из них — с Царевского и Селитренного городища — помещены на ручках сосудов боком (такое положение трезубца зафиксировано Д. Н. Соколовым у башкир) ⁷¹.

Большинство наших трезубцев (8 экз.) не имеет вертикального отростка (рис. 1, 9—12, 15; 2, 2, 3, 5). Точная аналогия им — знаки на сфероноусе из Двина ⁷². Такие трезубцы известны у казахов ⁷³, тюрков в Северо-Западной Монголии ⁷⁴, у монголов ⁷⁵, ногайцев ⁷⁶, башкир ⁷⁷. Именно в такой форме трезубец служил тамгой крымским ханам. Два трезубца

имеют отросток в виде навершия (рис. 1, 13, 14). Аналогичные знаки встречены на Саркельском городище⁷⁸. Трезубцы с отростком есть у тюрков Причерноморья⁷⁹, у казанских татар⁸⁰, у ногайцев⁸¹, казахов⁸², башкир⁸³, чувашей⁸⁴. Огромное количество трезубцев встречено среди тамг западного Кавказа — округлые и прямоугольные, с навершием и без него. Некоторые из них повторяют наши знаки, но в целом они разнообразнее. В числе обладателей таких тамг назван род султана Бахти-Гирея⁸⁵.

Кресты

Наиболее многочисленная группа тамг в нашем материале — это кресты: прямые и косые, с дополнениями в виде различных черточек и, наконец, кресты с лопастями — свастика.

Изображение креста — один из древнейших и распространеннейших знаков у многих народов⁸⁶. Пристрастие к кресту объясняется тем, что он исстари был символом огня, солнца. Человек придавал фигуре креста магическое значение и стремился с его помощью охранить себя и свое жилище от злых сил.

В золотоордынском материале тамга в виде креста встречена нами 33 раза (рис. 3, 7); сюда входят и кресты в сочетании с помещенной рядом черточкой (рис. 1, 16, 17), с двумя черточками. 10 экз. таких тамг найдено на Царевском (1961—1965 гг.), 14 — на Селитренном (1963, 1965, 1969, 1976, 1978 гг.), 6 — на Водянском (1970—1972, 1974 гг.) городищах, 1 — в Болгаре (1953) и 2 экз. — на Ага-Базаре (опубликованы К. А. Смирновым; рис. 5, 1; 6, 6; 7, 1). Встречен этот знак и в Старом Орхее.

Сюда же можно прибавить три тамги, где фигура креста перечеркнута еще одной линией; они найдены на Царевском (1962 г.) и Селитренном (1969 г.) городищах (рис. 1, 18).

Тамга в виде креста часто встречается в археологических коллекциях: во многих экземплярах в Саркеле⁸⁷, на Маяцком городище⁸⁸, на кирпичах Плиски⁸⁹, на сфероконах Двина и Ани⁹⁰.

В качестве тамги крест употребляли до недавнего времени очень многие народы: тюрки Причерноморья⁹¹, казанские татары⁹², киргизы⁹³ (племя кипчак), тюрские племена киргизов северо-западной Монголии⁹⁴, несколько родов и племенных подразделений казахов (в том числе адаи, входившие в XIII—XIV вв. в состав кипчаков, корткара из племени кереев)⁹⁵. Такую же тамгу Н. А. Баскаков зафиксировал у ногайцев⁹⁶, П. Небольсин⁹⁷ у калмыков, В. Н. Майнов — у мордвы (мордовское название этого знака «костер») ⁹⁸, В. Ф. Каховский — у чувашей⁹⁹. Крест в качестве тамги употреблялся теми народами Сибири, которые находились под сильным влиянием соседних татар¹⁰⁰. Наконец, крест зафиксирован в качестве тамги у монголов¹⁰¹.

Таким образом, с уверенностью можно говорить о том, что на юго-востоке европейской части нашей страны до прихода сюда татаро-монго-

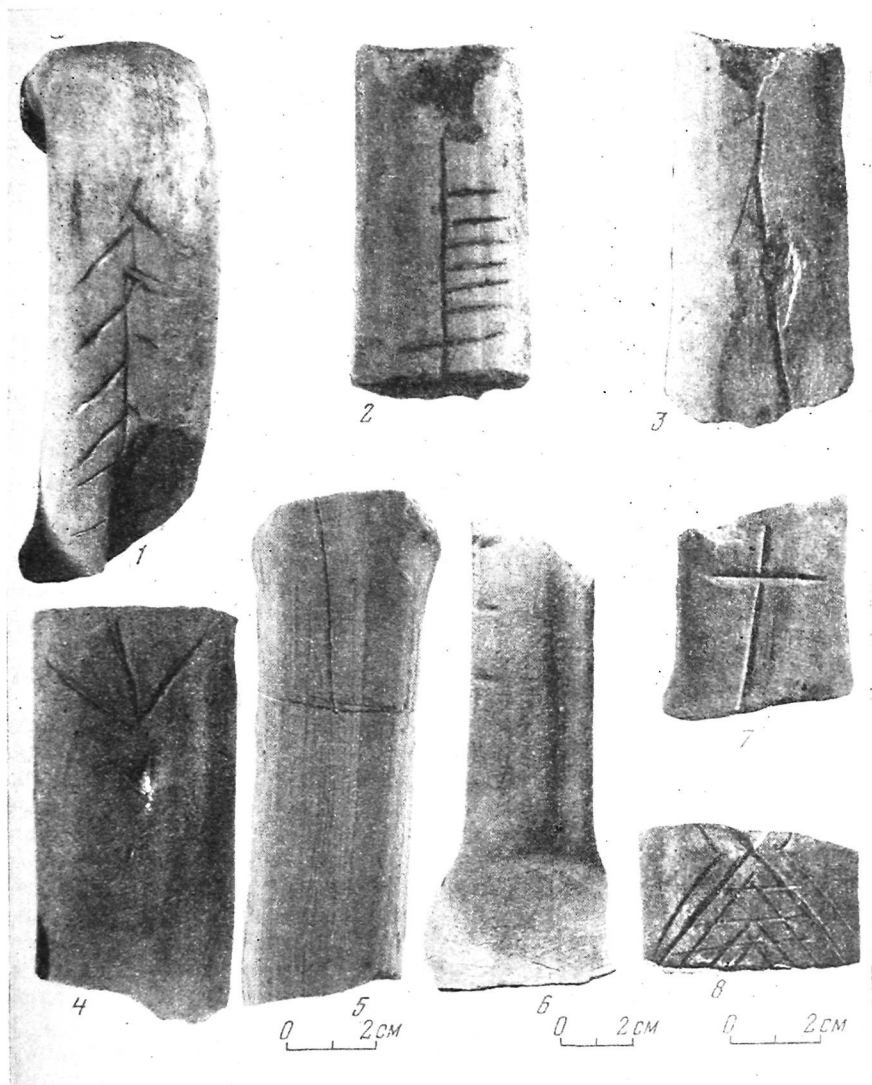

Рис. 3. Ручки кувшинов с процарапанными знаками (1—8)

лов тамга в виде креста употреблялась. Из тюркских народов Средней Азии такая тамга существовала у тех родов и племен, чей этногенез был тесно связан с кипчаками. Трудно сказать, пользовались крестом-тамгой кипчаки до того, как были насильственно включены в состав Золотой Орды, или ее принесли с собой татаро-монголы, а потом она широко распространилась через посредство кипчаков.

К о с о й к р е с т. Косой крест (рис. 1, 19) употреблялся как самостоятельный знак. Он распространен, может быть, даже более широко, чем прямой крест, но этнографически зафиксирован в качестве тамги всегда в других родовых и племенных подразделениях.

В наших материалах косой крест встречается почти в 2 раза реже, чем прямой крест: 6 экз. — с Царевского городища (1961, 1963, 1964, 1965, 1971 гг.), 5 — с Селитренного, причем один из них из двойных линий (рис. 1, 20), а один, нанесенный четырехзубой гребенкой, в сочетании с фигурой «галочкой» (рис. 1, 22), 2 — из Болгара (с дополнительной черточкой наверху) и 2 экз. — из Ага-Базара (один из них с дополнительной черточкой сбоку опубликован К. А. Смирновым). Один из косых крестов с Селитренного городища процарапан на днище сосуда.

Сюда же можно добавить тамгу с Царевского городища, где к косому кресту добавлена лопасть (1961 г.; рис. 1, 25), с Селитренного — к косому кресту добавлены «в виде сияния» четыре луча (1951 г., рис. 1, 26), из Болгара — с дополнительной вертикальной линией через перекрестие (рис. 1, 21) и с Ага-Базара — сложная фигура, в основе которой лежит косой крест (рис. 1, 23).

Косой крест много раз встречен на сосудах из Саркеля¹⁰², в Плиске¹⁰³, на средневековых блюдах из Херсонеса¹⁰⁴.

В отличие от прямого косой крест очень часто встречается среди башкирских тамг, где он носит название «мотушка» (у нескольких родов племени байлар, у племен ирэкте, еней, гэре, киргиз, елан, ельдек, канлы, дуван, таз)¹⁰⁵. Косой крест считают своей тамгой половина казахского племени ашамайлы, а также керей¹⁰⁶. То же относится к кенегес и атамайлы — племенам каракалпаков, что, по мнению Т. А. Жданко, подтверждает древнюю общность последних с племенем канлы¹⁰⁷. Этот знак кара-ногайцы называют «купол юрты»¹⁰⁸, а калмыки — «перекрестия шестов кибитки»¹⁰⁹. Зафиксирована тамга — косой крест — у тюрков Причерноморья¹¹⁰, у монголов¹¹¹, у чувашей¹¹², а также у вогулов бассейна Сырвы и Ирени и в бывшем Тюменском уезде¹¹³.

Таким образом, и косой крест был известен на территории, занятой впоследствии татаро-монголами, а в более позднее время распространился в этнических образованиях, на которые распалась Золотая Орда.

С в а с т и к а. Свастика (крест с лопастями) встречена среди тамг в золотоордынских центрах всего дважды — и оба раза на Царевском городище (1961, 1965 гг.), причем в одном случае к ней добавлены горизонтальные черточки сверху и снизу. Свастика в древности также была солнечным символом. Есть мнение, что эта фигура повторяет по форме ин-

струмент для высекаания огня. Свастика среди опубликованных археологических материалов интересующей нас территории встречается реже, чем другие формы крестов. Она известна в Саркеле¹¹⁴, на камнях и кирпичах Плиски¹¹⁵. Этнографы фиксируют эту тамгу у монголов (причем встречаются свастики с черточкой внизу)¹¹⁶, у калмыков¹¹⁷, у мордвы¹¹⁸, у киргизов в Северо-Западной Монголии¹¹⁹. Из сибирских народов этим знаком пользуются вотяки Сосьвинской области, а также остяки, лопари, мешеряки (его местное название — «скобель»).

У башкир изредка встречаются кресты с одной или двумя лопастями¹²⁰. Это — или свастика, утерявшая при переходе по наследству остальные лопасти, или крест, усложненный по той же причине.

Птичья лапка

Следующую крупную группу составляют знаки, состоящие из трех черточек, выходящих из одной точки (рис. 3, 4). Это — «птичья лапка», также, по-видимому, древний знак, имеющий, по мнению многих исследователей, тотемное происхождение. След птичьей лапки должен был изображать тотема-птицу. Этот знак бывает с продленной средней черточкой — так называемый четвертый палец, а бывает «трехпалым» (рис. 1, 27, 28).

В нашей коллекции знак «птичья лапка» встречается 25 раз (рис. 1, 31): 13 экз. — с Царевского городища (9 — трехпалых, 4 — с «четвертым пальцем»; 1961—1965, 1967 гг.), 2 — с Селитренного городища (по одному тех и других; 1965 г.), 2 — с Водянского городища (по одному тех и других; 1968, 1971 гг.), 7 — из Болгар (все трехпалые, один с добавочной черточкой; 1940, 1948, 1949, 1969, 1973 гг.), 1 экз. (с черточкой) — из Ага-Базара (опубликован К. А. Смирновым). Один знак, но без даты, мне известен с Билярского городища¹²¹. К этой группе можно отнести еще несколько знаков, где к такой схеме прибавлено по несколько черточек, что дает новую фигуру (рис. 1, 32; 1964 г.): 1 экз. — из Царева, 3 экз. — из Болгар (рис. 1, 29—31; 1939, 1950 гг.). Интересно, что шесть болгарских знаков помещены на сфероконасах, остальные — на ручках больших сосудов.

Знак «птичьей лапки» встречен на позднесредневековых блюдах из Херсонеса¹²², на сосудах и кирпичах из Саркела¹²³, из Плиски¹²⁴. Имеется такой знак на керамике чжурженского поселения на Дальнем Востоке¹²⁵, на камнях Маяцкого городища¹²⁶. Широко применяется знак «птичья лапка» у башкир, которые называют его «лапка глухаря» или «гусиная лапка», что, возможно, говорит о различных тотемах для различных племен или родов. Знаки этих подразделений различаются по длине черточек и по положению тамги¹²⁷. «Птичья лапка» с «четвертым пальцем» употреблялась чувашами¹²⁸. Имеется такая тамга и у казахов¹²⁹, туркмен¹³⁰, караногайцев¹³¹. Этот знак приведен Махмудом Кашгарским в XI в. для туркменского рода (племени?) салгур с добавлением двух черточек¹³².

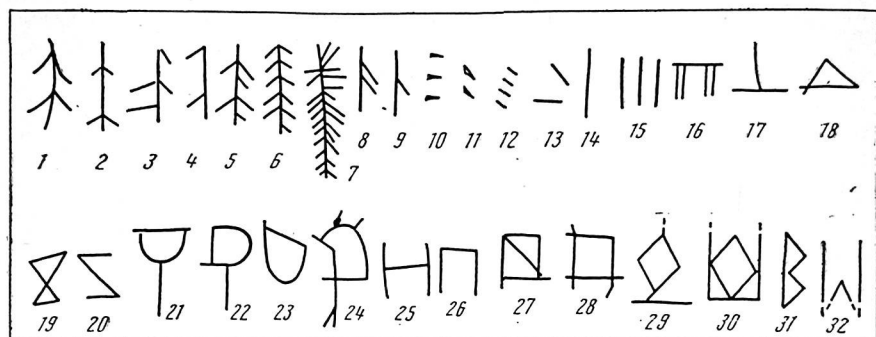

Рис. 4. Знаки, встречаемые на золотоордынской керамике (1—32)

Особенно распространена была эта тамга среди многих народов Сибири, может быть благодаря долго сохранявшимся у них тотемистическим представлениям; ее считают самой архаичной у тюменцев, ею пользовались уфимские «ясачные люди», вогулы бассейна Сылвы¹³³. В. Н. Чернецов приводит интереснейший факт: личная тамга вогульского рода Кукиных выглядела как птичья лапка, предком этой семьи считался филин. Более древними тамгами для рода и семьи с «птичьим предком» В. Н. Чернецов считал широко распространенные у вогулов реалистические изображения птиц¹³⁴.

Интересно, что такой знак у мордвы называется «заячья нога»¹³⁵.

Знак «елочка»

Следующую по численности группу тамг составляет «елочка» — знак, состоящий из вертикальной линии и отходящих от нее наклоненных черточек, что похоже на схематическое изображение ветвей ели (рис. 3, 1; 4, 1—7).

Возникает вопрос, считать ли относящимися к этой группе знаков те, у которых лишь одна «ветвь»? В тех случаях, когда единственная ветвь помещена в середине «ствола» — это можно считать знаком «елочка», а если на вершине, то, вероятно, это другой знак ↑ и ↑, тем более что эти два знака известны у тех народов, где знак «елочка» как будто не употребляется.

«Елочка» с несколькими ветвями встречена в наших материалах 20 раз: Царевское городище — 8 экз. (1961—1964 гг.); Селитренное городище — 7 (1963, 1967, 1969, 1977 гг.); Болгарское городище — 3; Аза-Базар — 1 экз. (опубликован К. А. Смирновым); Водянское городище — 1 экз. (на каменной литевой форме). Из всех вариантов этого знака лишь «елочка» с четырьмя ветвями (две наверху и две внизу) повторяется 5 раз (3 — с Селитренного городища, 2 — из Болгара), причем в одном слу-

чае они не симметричны (рис. 4, 1, 2); «елочка» с одной ветвью — 6 раз, поровну с Царевского и Селитренного городищ. У всех остальных знаков число и расположение «ветвей» не совпадают ни на одном и том же памятнике, ни на разных (рис. 4, 3—9).

Знак «елочка» встречен много раз в Саркеле¹³⁶, есть он и в Плиске¹³⁷, на черепице из поселений Крыма¹³⁸, на средневековых блюдах Херсонеса¹³⁹, на сфероконусах из Двина и Ани¹⁴⁰. Помещен он и на керамике чжурженского поселения у пос. Ратное¹⁴¹. Этнографы знают этот знак у тюрков Причерноморья¹⁴², у башкир, которые иногда рисуют его с ветвями, направленными вверх, а иногда — в лежачем положении¹⁴³.

Очень много знаков в виде вариантов «елочки» у сибирских народов: у белогорских вогулов, в Сосьвинской области¹⁴⁴. При рассмотрении топографии этого знака можно заметить, что им в наиболее полном виде пользовались народы, обитающие в лесной зоне, и его не знают обитатели степей. Это вполне понятно. По-видимому, к золотоордынцам этот знак попал от покоренного населения лесной и лесостепной Восточной Европы¹⁴⁵, но он не был воспринят или был впоследствии утерян теми народами из состава Золотой Орды, которым этот знак не был понятен.

Знак «черта»

Многочисленную группу разнообразных знаков составляют различные черточки, прямые линии, насечки. Эти знаки делятся на несколько типов. Все они помещались на ручках кувшинов.

Тип I — горизонтальные или косые насечки по краю ручки (рис. 3, 6; 4, 10). Таких глубоких коротких насечек бывает по несколько с одной стороны. Только на одной ручке из Болгар (1940 г.) помещено симметрично по три насечки с каждой стороны. По две рядом расположенные насечки имеются на двух ручках с Селитренного городища (1969 г.; рис. 4, 11). По пяти насечки, расположенные с равным интервалом, имеется на пяти ручках: 3 экз. — с Селитренного городища (1965, 1969 гг.), 1 — с Царевского (1965 г.), 1 экз. — Водянского (1974 г.). На одной ручке с Селитренного городища (1969 г.) нанесены с одного края пять насечек, причем интервалы соблюдены неточно. Возможно, что некоторые из несохранившихся полностью ручек имели больше насечек.

Всего тамг в виде насечек по краю ручки найдено: 6 экз. — на Селитренном городище, 1 — в Болгаре; 1 — на Царевском и 1 экз. — на Водянском городищах. Встречен этот знак и в Старом Орхее.

Тип II — косые насечки посередине ручки.

По одной косой насечке имеется на трех обломках ручек: 2 экз. — с Водянского городища (1967 г.), причем одна насечка нанесена ногтем, 1 экз. — с Царевского городища (1966 г.).

По две косые параллельные насечки имеются на двух ручках — из Болгара (1927 г.) и из Увека. На одной ручке с Царевского городища черточки идут в разных направлениях (1966 г.; рис. 4, 13).

По четыре косых параллельных насечки имеется на двух ручках: с Царевского городища (1963 г.) и из Увека (рис. 4, 12). Всего этого типа: 3 экз. — с Царевского городища, 2 — с Водянского городища, 2 — из Увека, 1 экз. — из Болгара.

Тип III — горизонтальные насечки, проходящие посередине ручки. По одной насечке — 3 экз.: 2 — из Болгара (1949, 1950 гг.), одна из них ногтевидная; 1 — из Селитренного. По две насечки — 2 экз., оба из Болгара (1938, 1957 гг.), на одной — линии параллельны, на другой — помещены рядом. По три горизонтальных насечки — 5 экз.: 2 — с Селитренного городища (1965, 1966 гг.), 1 — с Царевского (1962 г.), 1 — с Водянского (1970 г.), 1 — с Болгарского (1948 г.). На всех ручках, кроме водянской, линии длинные, отделены одна от другой большим интервалом.

Всего этого типа известно: 5 экз. — с Болгарского городища, 4 — с Селитренного, 1 — с Царевского, 1 — с Водянского.

Горизонтальная линия в качестве тамги на ручке сосуда опубликована среди материалов с Саркельского городища¹⁴⁶, там же найдены тамги в виде трех и четырех параллельных линий¹⁴⁷.

Тип IV — вертикальные линии посередине ручек. Одна линия (рис. 4, 14) — 3 экз. (городище Селитренное, 1965 г.; Царевское, 1963 г.; Мечетное, 1914 г.). Две параллельные линии — 3 экз. (2 — Царевское городище, 1968 г.; 1 — Болгар, 1938 г.). Три параллельные линии — 8 экз. (3 — с Водянского городища (1973, 1974 гг.); 2 — с Царевского городища (1962 г.); 4 — с Селитренного (1969, 1977, 1979 гг., рис. 4, 15). Среди них 1 экз. с Царевского и 2 экз. с Водянского городища имеют дополнительную поперечную черту.

Четыре параллельные линии — 2 экз. с Царевского городища; на одной ручке линии расположены на равном расстоянии, на другом — сгруппированы по две и упираются в поперечную черту (рис. 4, 16). Знак из одной или нескольких вертикальных линий известен среди знаков Плиски¹⁴⁸, Саркела¹⁴⁹, Маяцкого городища¹⁵⁰. Знак в виде трех параллельных черточек найден на чжурженском поселении на Дальнем Востоке¹⁵¹.

Знаки, состоящие из прямых черточек, — простейшие и очень распространенные. Знак, состоящий из одной или двух вертикальных или наклонных линий, по наблюдениям ряда исследователей, относится к кипчакским тамгам. В. В. Востров и М. С. Муканов сообщают, что казахи племени кипчак имеют единую тамгу ||, которая, по мнению авторов, изображает первую букву арабского алфавита¹⁵². Такие же сведения содержатся в работах других исследователей этнографии казахов: А. Левшин приводит для этой этнической группы знак из одной черты¹⁵³, Д. Н. Соколов — две параллельные линии (у различных подразделений этот знак имеет разное положение)¹⁵⁴.

Эту повторяемость тамги у кипчаков, входящих в состав разных современных народов, прослеживает Р. Г. Кузеев¹⁵⁵. Оказывается, что племя кипчак и род кара-кипчак у башкир, племя кипчак у тюрок При-

черноморья имели эту же тамгу. Т. А. Жданко приводит такую же тамгу кипчаков, входивших в состав каракалпаков¹⁵⁶. Совершенно такая же тамга у киргизов группы «кипчак», живших в северо-западной части Монголии¹⁵⁷.

Р. Г. Кузеев считает тамгу в виде вертикальной линии — древней печенежской тамгой. Тамга в виде двух линий стала знаком многих более молодых кипчацких образований¹⁵⁸. Среди современного башкирского населения тамгу этого типа имеют несколько племен и родов, связанных по происхождению с Дешт-и-Кипчаком¹⁵⁹.

Знак в виде одной или нескольких (до шести) параллельных линий зафиксирован у тюрок Причерноморья¹⁶⁰, у ногайцев (вертикальные, горизонтальные и наклонные)¹⁶¹. Такие знаки известны у калмыков¹⁶², мордвы¹⁶³, татар из окрестностей г. Свяжска (по документам рубежа XVII—XVIII вв.)¹⁶⁴, у чувашей¹⁶⁵. Среди монгольских тамг Ринчен приводит несколько вариантов, состоящих из трех параллельных линий (горизонтальных и вертикальных)¹⁶⁶. В виде одной линии имелась тамга у тюркского населения северо-западной Монголии¹⁶⁷. Широко распространены такие тамги у народов Сибири¹⁶⁸. Русские называли знак в виде линии «рубуж»¹⁶⁹.

Знак «перпендикуляр» (рис. 3, 5; 4, 17; 5, 8)

В нашей коллекции таких знаков 7 экз.: 4 — с Царевского городища (1961, 1962 гг.), 1 — с Селитренного городища (1969 г.), 1 — с Ага-Базара (опубликован К. А. Смирновым), оба на ручках кувшинов, 1 — из Болгара — на сфероконусе (опубликован Г. В. Юсуповым). Такой знак есть на сфероконусе из Биляра (ГМТР), на средневековой черепице в Херсонесе¹⁷⁰, в Мангупе¹⁷¹. В Плиске имеется несколько вариантов этого знака¹⁷². В Саркеле, так же как и на Маяцком городище, он, по-видимому, не употреблялся. Точно такой знак приводит Рашид-ад-Дин для одной из ветвей огузского (туркменского) народа¹⁷³.

Этнографически такой знак был зафиксирован у тюрок Причерноморья¹⁷⁴, у ногайцев и кара-ногайцев, которые называют его «молоток-тамга»¹⁷⁵. Употребляли его каракалпаки, считая изображением подставки для ловчих птиц¹⁷⁶. Есть этот знак у казахов¹⁷⁷, киргизов¹⁷⁸, туркмен¹⁷⁹.

Среди народов Поволжья такую тамгу знали свияжские (казанские) татары¹⁸⁰, мордва, называвшая его «молоток»¹⁸¹, и башкиры, разные подразделения которых называют ее «молот», «топор»¹⁸². На основании этой тамги Р. Г. Кузеев доказывает древнюю общность катаяских башкирских родов и кара-катаяцев со средневековыми кара-кытаями. Этот знак в разных положениях употребляли чувашаи¹⁸³. Есть он и у монголов¹⁸⁴.

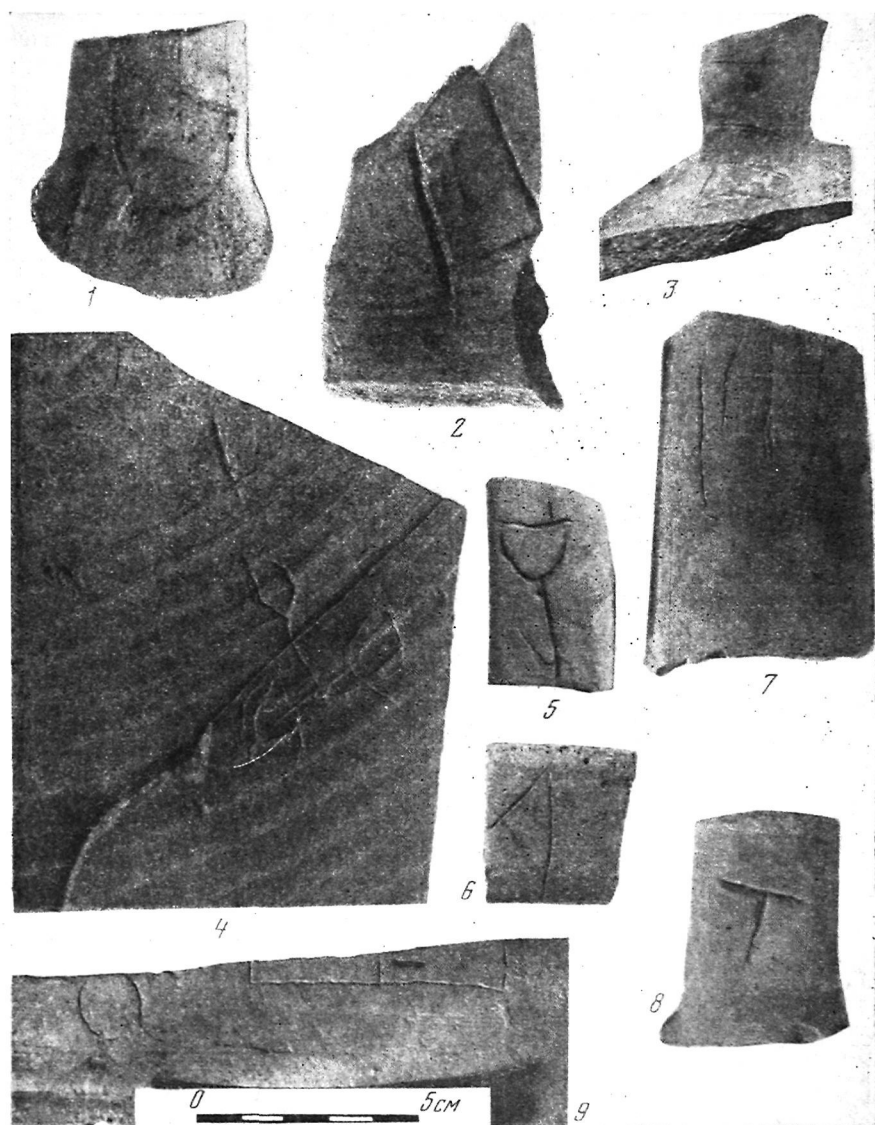

Рис. 5. Фрагменты сосудов с процарапанными знаками (1—9)

Треугольник

Учено 8 экз.: 5 — на Царевском городище (1961, 1963 гг.), 1 — на Селитренном (1965 г.), 2 — в Болгаре (1975 г., опубликован Г. В. Юсуповым); один на сферокунусе, остальные на ручках кувшинов (рис. 4, 18; 5, 6). Тамга в виде треугольника известна на черепицах из Мангупа¹⁸⁵, на Маяцком городище¹⁸⁶, в Саркеле¹⁸⁷, в Плиске¹⁸⁸.

Такую тамгу употребляли тюркоязычное население Крыма¹⁸⁹, кара-ногайцы (называют ее «талисман»)¹⁹⁰, калмыки¹⁹¹, казанские татары¹⁹², казахи¹⁹³, башкиры (довольно редко)¹⁹⁴. Б. Ринчен публикует такую монгольскую тамгу¹⁹⁵, В. Ф. Каховский — чувашскую (название ее «лемех»)¹⁹⁶.

«Песочные часы»

Этот знак близок предыдущему, так как представляет собой два треугольника, соединенных вершинами (рис. 4, 19). Эта тамга на золотоордынских городищах встречена 5 экз.: 2 — с Селитренного городища (1969 г.), 2 — с Царевского городища (1962, 1963 гг.), 1 — из Болгара (1950 г., знак помещен в лежачем положении). Сюда, вероятно, можно добавить еще один знак (на ручке сосуда из Болгара — 1972 г.), у которого не хватает одной наклонной черты, так что получается зеркальное изображение буквы «зет» (рис. 4, 20).

Знак этот, судя по публикациям, не был особенно широко распространен, хотя известен в Саркеле¹⁹⁷ и Плиске¹⁹⁸. Здесь часто встречаются такие неполные знаки, как вышеописанный из Болгара. Встречается он и на поливных блюдах из Херсонеса¹⁹⁹. Причерноморские турки употребляли этот знак без нижней горизонтальной черты²⁰⁰. Полный знак зафиксирован у кара-ногайцев рода уйгур²⁰¹ и у монголов²⁰².

Знак в виде полукруга

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие среди золотоордынских тамг на керамике различных вариаций круга, в то время как на монетах Золотой Орды и среди знаков других народов круг является важной составной или главной частью многих знаков. Исключения два: 1) знак на обломке стенки большого рифленого красноглиняного сосуда, сохранившийся неполностью. Неясно, была ли эта одна фигура из нескольких деталей или несколько фигур, помещенных рядом. Сохранились часть прямого угла, разделенного пополам, и помещенный в 2 см от него неточно процарапанный кружок (Царевское городище, 1964 г.; диаметр кружка — 1,5 см; рис. 5, 9); 2) знак также на стенке большого красноглиняного рифленого сосуда, состоящий из большого правильного круга диаметром 7 см и помещенного внутри него знака из двух

перпендикулярных линий с какими-то неправильными овалами на трех концах (Царевское городище, 1964 г.; рис. 5, 4). Последняя фигура, возможно, является неудачным изображением знака, известного у западнокавказских горцев и у калмыков, где на трех концах перпендикулярных прямых помещены кружки²⁰³. Малое количество кругов в золотоордынских тамгах объясняется, возможно, трудностью нанесения без помощи штампа фигуры круга на твердую глину, однако на саркельской керамике некоторое количество знаков в виде круга встречается.

В золотоордынских тамгах используется иногда фигура, близкая к полукругу или полуовалу. Таких тамг, в которые этот элемент входит как основной, найдено всего 4 экз.: 3 — на Царевском городище (1960, 1961, 1963 гг.), 1 — на Селитренном (1969 г.; рис. 4, 21—24; 5, 1, 5). Идентичных среди них нет. Три знака помещены на ручках, два — на стенках сосуда.

Три царевские находки представляют собой полукруг с отходящей от него чертой. Тамга этой группы с Селитренного городища представляет собой скорее полуовал с несколькими отходящими черточками.

Сюда же можно условно отнести знак с болгарского глиняного грузила, представляющий собой сегмент. Знак в виде полукруга встречается в Пляске и Саркеле, но лишь как часть тамги, общими очертаниями совсем не похожей на наши тамги. Наиболее близок к золотоордынским знак уфимских так называемых ясачных людей²⁰⁴, а также тамга табынских родов в центральной Башкирии (лишь формой полуовала)²⁰⁵ и тамга чувашей²⁰⁶.

Знак в виде буквы «Н»

Таких знаков в наших материалах 6 экз.: 3 — с Царевского городища (1966 г.), 1 — с Селитренного (1969 г.), 1 — с Водянского (1974 г.), 1 — с Болгарского городища (1954 г.; рис. 4, 25). На ручке сосуда из с. Селитренного знак помещен в лежачем положении.

Знаки помещали на черепицах в средневековом Херсонесе²⁰⁷ и на других памятниках Крыма²⁰⁸, их много на саркельской керамике²⁰⁹, где они, возможно, изображали греческую букву²¹⁰.

Этот знак можно встретить у тюрок Причерноморья²¹¹, он помещен на камне в кладке средних ворот в Чуфут-кале (возможно, относится к золотоордынскому времени)²¹². Такой знак употребляли кара-ногайцы²¹³, казанские татары²¹⁴ и казахи племени найман²¹⁵.

Знак в виде квадрата или ромба

Таких знаков в нашей коллекции 4 экз.: 2 — квадрат с диагональю и квадрат или ромб (найлены на Ага-Базаре; опубликованы К. А. Смирновым), 1 — ромб с дополнительной чертой внизу (на Царевском горо-

дище; 1965 г.), 1 — ромб, вписанный в прямоугольник (на Селитренном городище, 1978 г.). Все эти знаки нанесены на ручки сосудов (рис. 4, 27—30).

Знаки этого типа известны в Плиске — квадрат с двумя диагоналями или квадрат «с заходящими концами»²¹⁶. Такой же квадрат с заходящими концами найден на Маяцком городище²¹⁷. В Саркеле есть знак в виде ромба с диагональю, трапеции с двумя диагоналями²¹⁸. Клеймо в виде квадрата помещено на дне кувшина из Большетарханского раннеболгарского могильника²¹⁹.

Квадрат с диагоналями процарапан на дне серебряной чаши из Ялты, опубликованной Я. И. Смирновым²²⁰.

Тамгу в виде квадрата приписывает одному из огузских родов или племен Махмуд Кашгарский, а Абу-л-Гази изображает тамгу, принадлежащую другому роду, как прямоугольник с диагональю²²¹.

Знаки в виде квадратов и прямоугольников встречены у тюрок Причерноморья²²², знак квадрат помещен на блоке в стене Чуфут-Кале²²³. Квадраты и ромбы употребляли в качестве тамги монголы²²⁴, квадраты — казанские татары²²⁵, калмыки²²⁶, чувашаи²²⁷, башкиры²²⁸. У мордвы знак в виде прямоугольника называется «дом»²²⁹, у кара-ногайцев — «колыбель»²³⁰.

Знак в виде «галочки»

Знак в виде угла — «галочки» (рис. 1, 33) встречен на керамике с золотоордынских городищ — всего 4 экз.: 2 — на Царевском городище (1961 г.), 1 — на Ага-Базаре (опубликован К. Смирновым), 1 — на Селитренном городище (сохранился неполностью). Сюда же можно добавить двоянный знак с Царевского городища и знак, где к «галочке» добавлены еще три черточки.

Знак такого начертания был распространен довольно широко: в Плиске он встречен на камнях и кирпичах²³¹, в Саркеле — на кирпичах и керамике²³², имеется он на камнях Маяцкого городища²³³, на черепицах средневекового Крыма²³⁴ и с дополнительными черточками — на блюдах Херсонеса²³⁵.

Махмуд Кашгарский приводит тамгу огузского рода — две «галочки» рядом, но одна повернута на 180°. Абу-л-Гази (для другого рода) — «галочку» острием вверх. Рашид-ад-Дин приписывает этот знак двум подразделениям: в одном случае — две «галочки» рядом, в другом — «галочка» с черточкой справа²³⁶.

Знак «галочка» часто встречается у башкир; различные группы называют его по-разному — «мотушка», «крюк для выделывания кож». У некоторых башкирских племен эта тамга, повернутая лучами вправо, называется «гусиные лапки», в таком случае это, вероятно, упрощенный, лишенный одного пальца знак «птичья лапка»²³⁷. «Галочка» употреблялась в качестве тамги казаками²³⁸, каракалпаками²³⁹, черемисами²⁴⁰, чувашами²⁴¹ и вогулами Тюменского уезда²⁴².

Знак «сетка»

(рис. 5, 3, 7; 6, 1—6)

Такой знак встречен на сосудах 7 раз: 4 экз. — на Царевском городище (1962—1965 гг.), 2 — на Селитренном (1969, 1971 гг.), 1 экз. — на Водянском (1969 г.). Один из царевских знаков — крупная сетка на двух обломках стенки сосуда. Среди всех приводимых знаков нет идентичных, общая у них только схема, да и то она выдержана очень приблизительно.

Знак в виде сетки встречен на черепицах в Мангупе²⁴³. Сетка процарапана на дне кувшина из Большетарханского могильника²⁴⁴. На Маяцком городище такие знаки встречаются, а один из них очень близок царевской находке²⁴⁵.

Знак в виде буквы «П»

Таких знаков всего два — с Селитренного городища (1967 г.) и из Болгара (на сфероконусе; рис. 4, 26).

Аналогичные знаки найдены на черепицах раннесредневековых поселений Крыма²⁴⁶, в Плиске²⁴⁷, на Маяцком городище²⁴⁸. В сочетании с другим этот знак встречен на сфероконусе из Ани²⁴⁹. Такая тамга была в употреблении у тюркского населения Причерноморья²⁵⁰. Очень много таких знаков у различных племен башкир, которые называют их «ворота» или «дом»²⁵¹. Встречаются они у ногайцев²⁵², казахов²⁵³, казанских татар²⁵⁴, киргизов, живших в северо-западной Монголии, которые называли эту фигуру «косяк»²⁵⁵.

В опубликованных русских бортовых знаках ее название «скобель»²⁵⁶.

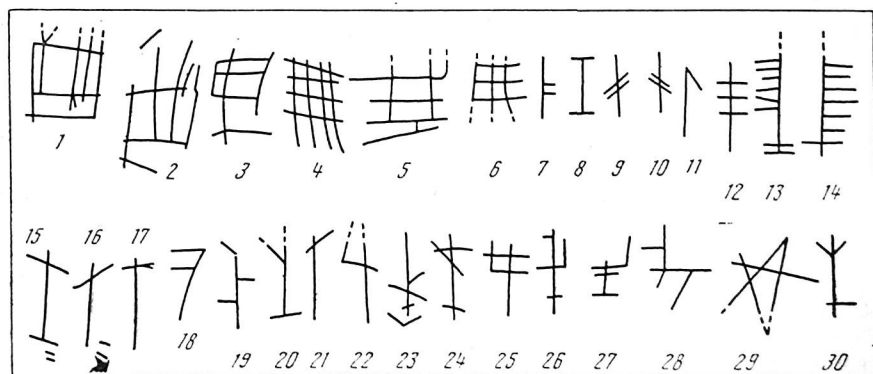

Рис. 6. Знаки, встречаемые на золотоордынской керамике (1—30)

Знак в виде буквы «В»

Таких тамг найдено две — обе на ручках кувшинов с Водянского городища (1968, 1973 гг.; рис. 4, 31).

Совершенно такой же знак несколько раз встречен в Саркеле на ручках и стенках сосудов. Иногда этот знак, похожий на русскую букву «В», сочетается с другими знаками, также похожими на русские буквы²⁵⁷.

А. М. Щербак относит этот знак в числе других к группе, близкой со знаками надписей на новочеркасских баклажках, на камнях Маяцкого городища и на палочке из Таласа. Однако на воспроизведенных им указанных эпиграфических памятниках именно этого знака нет²⁵⁸.

Знаки такого облика встречены на сосудах и на черепице в Крыму; чаще они имеют округлую форму, но есть и остроугольные, близкие к нашим. А. Л. Якобсон относит их к буквенным знакам²⁵⁹.

Такой тамги нет в Крыму и в Поволжье. Они как будто отсутствуют и у народов Средней Азии и Казахстана.

В числе прочих букв русского алфавита этот знак употреблялся русскими²⁶⁰.

Может быть, на Водянском городище, где жило много русских и где заметно влияние русской культуры, русская буква и была использована как тамга.

Знак «усеченный угол»

Встречено 3 экз.: 2 — на Царевском городище (1961 г.), 1 — на Селитренном (1965 г., рис. 1, 34). Все они помещены на ручках кувшинов. На Царевском городище, кроме того, найдена тамга, где к этой фигуре добавлена еще одна черта (1962 г.). Интересен также обломок блюда с Царевского городища, где на внутренней поверхности процарапаны, по-видимому до обжига, несколько знаков, среди которых данный знак изображен дважды.

Такой знак очень часто встречается как клеймо на черепицах средневекового Крыма²⁶¹. Аналогичный знак известен среди старинных бортовых знаков у лопарей²⁶².

Среди литовских татар этот знак с добавлением внизу горизонтальной черты считали своим гербом князя Ассанчуковичи-Уланы и все боковые ветви этой семьи²⁶³. Сходный знак обнаружен Р. Б. Ахмеровым на скале Тамга-Таш в Башкирии²⁶⁴.

Знак «угол между двумя параллельными линиями»

Найдено 2 экз. — на ручках кувшинов с Царевского городища (1966 г.). В обоих случаях знак сохранился неполностью, так что целиком он неизвестен (рис. 4, 32).

Аналогии этому знаку мне неизвестны, кроме одного русского бортового знака XVI—XVII вв.²⁶⁵

Знаки «перечеркнутые вертикали»

Группа вмещает в себя очень разнообразные знаки, основу которых составляет вертикальная черта. Среди них очень мало одинаковых.

Тип I — вертикаль с двумя параллельными горизонтальными отростками — 2 экз. Найдены на Царевском городище (1966 г.; рис. 6, 7). На камнях в Плиске имеется близкий знак, но с тремя горизонталями²⁶⁶. Такому же схему имеет тамга казахского племени сргели; отличие лишь в том, что линия не вертикальна, а наклонна²⁶⁷.

Тип II — вертикаль, упирающаяся концами в горизонтальные отрезки (форма римской единицы), — 2 экз. Найдены на Водянском городище (1968, 1973 гг.; рис. 6, 8). Сюда же можно добавить аналогичный знак с Царевского городища, перечеркнутый кривой линией (1966 г.; рис. 6, 24). Подобные знаки есть у монголов²⁶⁸.

Тип III — вертикаль, перечеркнутая двумя параллельными косыми отрезками (рис. 6, 9). Найдено 4 экз.: 3 — на Царевском городище (1966 г.), 1 — на Ага-Базаре (опубликован К. А. Смирновым). Аналогии неизвестны.

Тип IV — вертикаль, перечеркнутая горизонталями (рис. 3, 2; 6, 12—14). Найдены 3 экз.: 2 — на Селитренном городище (1967, 1971 гг.), 1 — на Водянском (1968 г.). Принцип образования этих знаков один, но они не идентичны. Похожие знаки есть в Саркеле²⁶⁹.

Тип V — вертикаль, пересеченная кривой линией (рис. 6, 21), — 1 экз. Найден на Царевском городище (1965 г.) Аналогия — в Саркеле²⁷⁰.

Тип VI — вертикаль, пересеченная кривой линией, и две параллельные черточки рядом (рис. 6, 15, 16) — 2 экз. Найдены на Царевском городище (1963 г.). У одного из них — дополнительная горизонтальная черточка внизу. Аналогия — тамга рода янсары у юго-восточных башкир²⁷¹.

Тип VII (рис. 6, 30) — 1 экз. Найден на Царевском городище (1962 г.). Аналогии неизвестны.

Тип VIII — знак в виде единицы или его зеркальное отображение (рис. 3, 3; 6, 11). Найдены 4 экз.: 3 — на Царевском городище (1962, 1966 гг.), 1 — в Селитренном (1969 г.). Подобный знак есть в Плиске²⁷². Он же зафиксирован в Причерноморье²⁷³, у чувашей²⁷⁴. Ногайцы называют его «крючок-тамга»; повернутый на 90°, он служит тамгой ногайскому роду кипчак²⁷⁵, некоторым родам казахов²⁷⁶ и башкир²⁷⁷ (как вертикальные, так и в лежачем положении).

Тип IX — вертикаль с двумя горизонтальными отростками у верхнего конца (рис. 6, 18). Найден 1 экз. на Царевском городище (1961 г.). Повернутая на 90°, подобная тамга есть у чувашей²⁷⁸.

Тип X — вертикаль с отростками в разных направлениях (рис. 6, 19). Найден 1 экз. на Водянском городище (1969 г.). Точные аналогии неизвестны.

Тип XI (рис. 6, 20) — 1 экз. Найден на Царевском городище (1971 г.). Точные аналогии неизвестны.

Тип XII (рис. 6, 17) — 1 экз. Найден на Водянском городище (1972 г.). Аналогии неизвестны.

Единичные знаки

Знак типа рис. 6, 23. Найден на ручке красноглиняного сосуда с Селитренного городища (1963 г.). Наиболее близкая, но неточная аналогия — из Саркела ²⁷⁹.

Знаки типа рис. 6, 25—27. Они близки, но не идентичны. Найдены по одному на Царевском (1964 г.), Селитренном (1977 г.) и Болгарском (1971 г.) городищах. Близкие, но все же не точно такие знаки встречены в Саркеле ²⁸⁰.

Пятиконечная звезда. Такая тамга, помещенная на стенку сосуда, найдена на Царевском городище (1964 г.; рис. 6, 29). У знака не хватает одной линии. Знак в виде пятиконечной звезды встречается на раннесредневековых черепицах с поселений Крыма ²⁸¹. Черепицу с таким знаком из Мангупа М. А. Тиханова датирует XIV в. ²⁸² Такой знак есть на ручках сосудов в Саркеле. ²⁸³ Этнографически знак зафиксирован у кабардинцев ²⁸⁴ и монголов ²⁸⁵. Пятиконечная звезда встречена в 1975 г. на камнях Маяцкого городища (2 экз.) ²⁸⁶.

Шестиконечная звезда. Найден 1 экз. на Селитренном городище (1971 г.). Знак нанесен на ручку сосуда. Тамга в виде шестиконечной звезды найдена на Маяцком городище ²⁸⁷.

Такой же знак имеется на камне из стены Чуфут-кале ²⁸⁸ и среди тамг крымских татар ²⁸⁹.

Знак типа рис. 7, 1. Такая тамга найдена на Селитренном городище (1969 г.). Прямых аналогий ей не обнаружено. По-видимому, она является частью фигуры, которая имеется, например, среди знаков на кирпичях Плиски ²⁹⁰.

Знак типа рис. 7, 2. Найден на Болгарском городище (1939 г.). Аналогией ему, может быть, можно считать знаки на нескольких саркельских кирпичях ²⁹¹. Близкие по форме, но не идентичные знаки есть у крымских татар ²⁹².

Знак типа рис. 7, 3. Найден в Болгаре (год неизвестен). Точно такого знака я не знаю. Очень близки к нему некоторые знаки на керамике и кирпичях Саркела ²⁹³. Наиболее похожие знаки встречены у монголов ²⁹⁴ и у ногайцев рода канглы ²⁹⁵.

Знак типа рис. 7, 4. Найден в 1977 г. в Болгаре на жернове (аналогичный болгарский знак на сфероконусе опубликован Г. В. Юсуповым). Близкий по форме знак, но без закругляющихся концов есть в Плиске ²⁹⁶. Самая точная аналогия нашему знаку имеется у Рашид-ад-Дина в его воспроизведении знаков огузских родов (знак там помещен в перевернутом положении) ²⁹⁷ и у современных башкир ²⁹⁸. Похожи на него знаки некоторых башкирских племен и родов ²⁹⁹. У причерноморских тюрок знак точно такой, как в Плиске ³⁰⁰.

Знак типа рис. 7, 12. Встречен на ручке сосуда Царевского городища (1963 г.). Наиболее близкая аналогия — знак на кирпиче из Плиски, где по бокам имеются окаймляющие линии ³⁰¹. У казахов и башкир

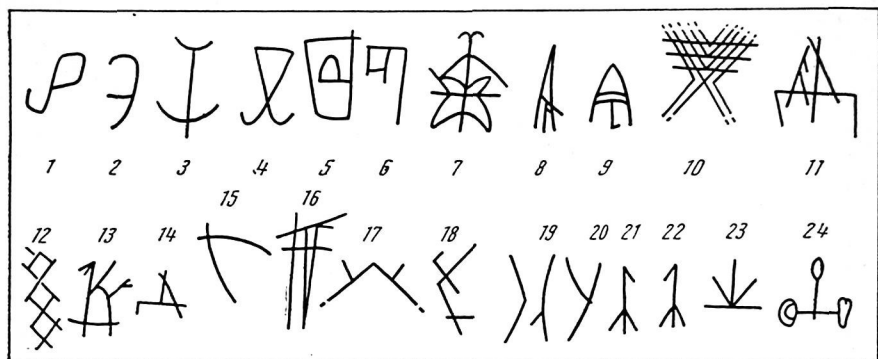

Рис. 7. Знаки, встречаемые на золотоордынской керамике (1—24)

существует знак, состоящий из одного ромба с продленными сторонами или из двух неполных ромбов ³⁰².

Знак типа рис. 7, 9. Встречен на сферокунусе из Болгара (опубликован Г. В. Юсуповым). Больше всего напоминал бы русскую букву А, но этому сходству мешает крючок внизу. Похожие знаки встречены у русских и корел, только там отросток прямой, без изгиба ³⁰³. Перевернутый знак без отростка употребляли казахи рода адаи ³⁰⁴, несколько таких знаков найдено на средневековых черепицах на Мангупском городище в Крыму ³⁰⁵. Похожий знак существовал у калмыков ³⁰⁶.

Знаки типа рис. 7, 17, 18. Найдены на Царевском городище (1965 г.) на ручке кувшина. Возможно, что это лишь часть знака. В таком виде знак находит аналогию на Маяцком городище ³⁰⁷, а также в Саркеле на ручке сосуда, где такой знак снабжен еще третьим отростком ³⁰⁸. Похожий знак с Ага-Базара помещен на ручке сосуда боком (опубликован К. А. Смирновым).

Знак типа рис. 7, 19. Найдены на Ага-Базаре на ручке кувшина (опубликован К. А. Смирновым). Аналогии неизвестны.

Знак типа рис. 7, 16. Знак на ручке сосуда из Болгара (1957 г.). Аналогии неизвестны.

Знак типа рис. 7, 11. Найдены на Царевском городище (1966 г.) на стенке красноглиняного большого сосуда.

Знак типа рис. 7, 14. Найдены на Болгарском городище (1975 г.); процарапан по стенке красноглиняного сферокунуса. Похож на неоконченный предыдущий знак. Аналогии обоим этим знакам мне неизвестны.

Знак типа рис. 7, 13. На ручке кувшина с Селитренного городища (1963 г.). Аналогии неизвестны.

Знак типа рис. 7, 8. На ручке кувшина с Царевского городища (1963 г.). Аналогии неизвестны.

Знак типа рис. 6, 28. На стенке сосуда из Болгара (1970 г.). Аналогии неизвестны.

Знак типа рис. 7, 15. На ручке кувшина с Царевского городища (1965 г.). Аналогии неизвестны.

Четырехконечная звезда. На ручке кувшина с Водянского городища (1963 г.; рис. 7, 7). Прямые аналогии неизвестны. Четырехчастотная розетка есть среди монгольских знаков. Навершие в виде усиков имеется у знаков северокавказских народов. Но в целом знак уникален.

Знак типа рис. 3, 8; 7, 10. На ручке кувшина с Царевского городища (1963 г.), сохранился неполностью. Аналогий этому знаку найти не удалось.

Знак типа рис. 7, 5. Найден на Царевском городище на горле сосуда (1962 г.). Аналогии неизвестны.

Знак типа рис. 2, 6; 7, 6. Найден на Селитренном городище (1977 г.) на стенке сосуда.

Подводя итоги описанию золотоордынских знаков (главным образом на керамике), можно отметить некоторые различия в наборе тамг в разных городах.

Двузубцы. На Царевском городище — 5% от всего количества знаков, на Болгарском — 1 экз., на Ага-Базаре — 1 экз.

Трезубцы. На Царевском городище — 3,5%, на Водянском — 5,5%, на Селитренном и в Болгарах — по 1 экз.

Кресты. На Царевском городище — 7,2%, на Селитренном — 20, на Водянском — 20, в Болгарах — 2,5%.

Косые кресты. На Царевском городище — 4,5%, на Селитренном — 11, на Болгарском — 2,5%, на Водянском их нет вообще.

«Птичья лапка». На Царевском городище — 9,2%, на Селитренном — 3, на Водянском — 4, на Болгарском — 25%.

Группа тамг, состоящая из черточек, насечек, очень разнообразна и плохо поддается подсчетам. Заметно, однако, что на Царевском городище преобладают тамги в виде вертикальных линий и их вариации, а на Селитренном и на Болгарском — горизонтальные.

Все остальные знаки встречены в очень небольшом количестве.

Таким образом, выясняется, что кресты составляют большую группу тамг с Селитренного и Водянского городищ. На этих городищах они встречаются чаще, чем на других. Тамга «птичья лапка» встречается чаще всего на Болгарском городище. На Царевском городище, где найдено больше всего тамг, они очень разнообразны, и там не выделяется какой-либо ведущей формы.

Почти все приведенные знаки — одиночные. В нашей коллекции очень редко встречаются сочетания нескольких знаков. На ручке кувшина с Царевского городища помещены одна «галочка» и две черты, дальше — облом (1964 г.). На двух стенках сосудов с Водянского городища сочетается несколько разных знаков. Кружок и прямоугольник сочетаются на обломке толстостенного сосуда с Царевского городища (рис. 5, 9).

Рис. 8. Сердоликовая печатка перстня со знаком с Селитренного городища

каменной литейной форме с Водянского городища (1974 г.; рис. 7, 21, 22)³⁰⁹; знак джучидского двузубца на бронзовом замочке болгарского типа (в виде лошадки) с городища Болгара (хранился в Казанском университете, паспорт неизвестен)³¹⁰; каменный жернов со знаком из Болгара (1977 г.); известняковая дисковидная пуговица с несколькими знаками, процарапанными на плоскостях (Царевское городище, 1967 г.); резная сердоликовая вставка перстня-печатки (Селитренное городище, 1975 г., рис. 8). На ней изображен сложный знак, состоящий из элементов, близких к знаку, изображенному на рис. 7, 1. При раскопках золотоордынских городов иногда встречаются куски глиняной обмазки или ганча с процарапанными знаками.

Все остальные приведенные в работе знаки были процарапаны на неполивных сосудах, почти всегда красноглиняных, кроме нескольких болгарских сероглиняных. Подавляющее большинство знаков помещалось на ручках сосудов (224 экз.). 25 знаков встречены на стенках крупных красноглиняных сосудов, два — на днище, один — на горле кувшина. Восемь болгарских сфероконических сосудов со знаками опубликованы З. Виноградовым³¹¹; несколько сфероконусов добавлено Г. В. Юсуповым³¹² (часть их хранится в ГМТР).

Еще больше сфероконусов со знаками происходит с Биллярского городища, но неясно, к какому времени относятся эти сфероконусы — золотоордынскому или более раннему. С других золотоордынских городищ тамги на сфероконических сосудах неизвестны, кроме сфероконуса из Увека с несколькими значками. На двух сфероконусах из Нового Сарая имеются арабские надписи с именами мастеров³¹³.

Несколько знаков нанесено на поверхности сфероконуса из Увека (Саратовский музей, № 258). Следует упомянуть еще известняковую пуговицу, на одной стороне которой 6 раз повторен знак «птичья лапка», на другой — два трезубца, один четырехзубец, «галочка» и несколько черточек (Царевское городище, 1967 г.; рис. 9, 2), а также дно красноглиняной чаши, покрытое ангобом, где в центре процарапан кружок, а вокруг расположены два знака «птичьей лапки» и три знака «усеченный угол» (Царевское городище(?)).

Почти все рассмотренные нами знаки помещены на глиняных сосудах. Исключение составляют: два симметричных по рисунку знака на

Форма сосудов, на которых нанесены знаки, не всегда точно определяется, но по величине ручек и по сохраняющимся иногда фрагментам можно сделать заключение, что это — крупные красноглиняные одноручные кувшины, относящиеся к категории III по классификации С. Е. Михальченко³¹⁴. Вероятнее всего — это кувшины групп 1—3. находка верхней части кувшина со знаком из Болгара дает возможность говорить о том, что это могли быть одноручные кувшины со сливом; на Селитренном городище найдено горло одноручного кувшина со знаком без слива. Ручки у этих кувшинов шли или от края венчика, или от середины горла. Ручки со знаками — овальные, в сечении шириной до 5,5 см. Высота таких кувшинов (по С. Е. Михальченко) могла достигать полуметра.

Находки фрагментов стенок со знаками также в какой-то степени дают возможность судить о форме этих сосудов. Один раз знак помещен на стенке чаши с отогнутым венчиком; в другом случае знак встречен на стенке одноручного кувшина; есть большой и сложный знак (сохранившийся частично) на стенке двуручного амфоровидного кувшина. Несколько знаков нанесены на стенки сосудов с рифлением; судя по малой кривизне и значительной толщине черепка, это очень крупные сосуды — хумы.

Таким образом, налицо закономерность: знаки помещались на крупных сосудах — кувшинах, реже — хумах. Эти сосуды принадлежат, как и сфероконусы, к тарной керамике³¹⁵.

Знаки, находимые на днищах сосудов (так называемые гончарные клейма), а также на ручках и туловах (но те, что не процарапаны, а нанесены штампом до обжига сосуда), рассматриваются нами отдельно.

На донцах золотоордынской посуды подобных гончарных клейм очень мало. Большая часть их принадлежит русским горшкам с Царевского и Водянского городищ³¹⁶. Собственно-золотоордынским клейм на днищах мне известно всего три (все они сохранились частично): молотчкообразная выпуклая фигура на желтоглиняном сосуде с Царевского городища (рис. 9, 1); выпуклое клеймо в виде круга, расчерченного сеткой, в каждом делении которой помещается выпуклый кружок, на обломке днища красноглиняной поливной чаши на поддоне с подглазурной гравировкой, найденной в Болгаре в 1947 г. (ГМТР, инв. № АА 170—1980); выпуклый прямоугольник на красноглиняном сосуде с Водянского городища (1973 г.; рис. 9, 2). Последнее клеймо близко по форме многим раннеболгарским клеймам на днищах кувшинообразных сосудов из Большетарханского могильника³¹⁷. Можно предположить, что клейма на дне сосудов были болгарской традицией, не получившей распространения в гончарном ремесле золотоордынского периода, когда появились крупные мастерские, работавшие на рынок.

Клейм, нанесенных штампом на поверхность сосуда, также немного среди золотоордынских знаков. В двух случаях — это кружок диаметром около 1 см: на красноглиняной ручке кувшина с Селитренного городища (1969 г.) и на плечике сфероконуса из Болгара (1970 г.). На ручке красноглиняного сосуда с Водянского городища (1970 г.) помещен отпечаток штампа

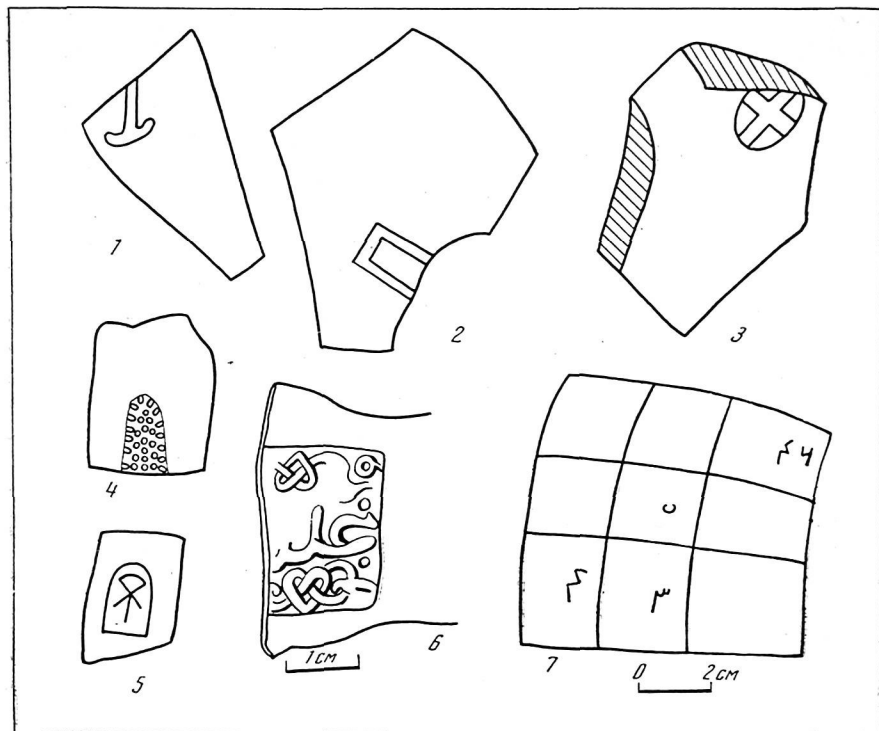

Рис. 9. Знаки на днищах, стенках и ручках сосудов

1—6 — нанесенные штампом; 7 — нарисованный краской (1 — Царевское городище; 2, 3 — Водяное городище; 4—7 — Селитренное городище)

«крест в круге» (рис. 9, 3). На ручках кувшина с Селитренного городища оттиснуты еще два штампа: треугольник с отростками, помещенный внутри прямоугольника (рис. 9, 5); овальная фигура, обрисованная по контуру квадратными вдавлениями, а внутри заполненная круглыми отпечатками (рис. 9, 4). Обе ручки найдены на поверхности Селитренного городища в 1969 г.

В 1970 г. на Селитренном городище была найдена стенка хума с круглым штампом. Внутри круга помещены различные значки: крест, черточка, «птичья лапка», «галочка» и еще какие-то неразборчивые (рис. 10, 1).

Аналогии вышеописанным штампам мне неизвестны. На знаки, процарапанные на ручках и стенках сосудов, они ничем не подходят, так же как на известные знаки собственности многих народов.

В 1978 г. на Селитренном городище были найдены обломки двух ручек красноглиняных сосудов с оттиснутыми прямоугольными штампами. Штампы сохранились неполностью, поэтому содержащиеся в них араб-

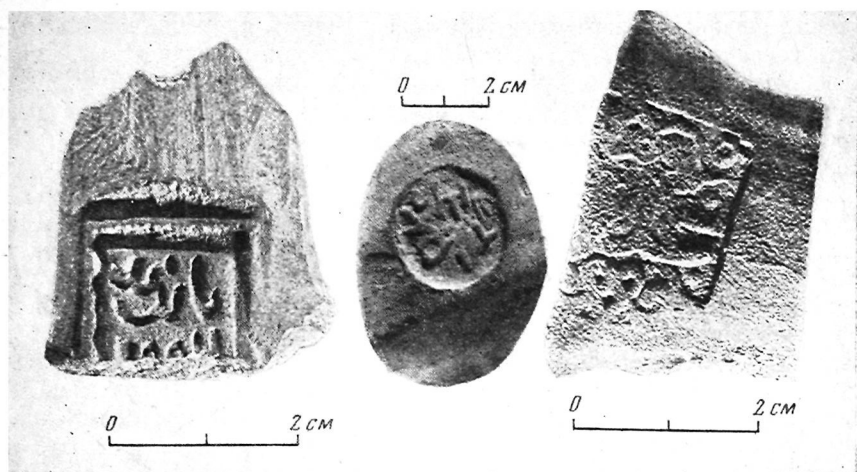

Рис. 10. Знаки на стенке и ручках сосудов, нанесенные штампом. Селитренное городище (1—3)

ские надписи прочесть невозможно (рис. 10, 2, 3). На одном из клейм надпись сверху и снизу обрамлена плетенкой (рис. 9, 6).

Штамп с арабской надписью на золотоордынском сосуде, кроме упоминавшихся выше сфероконов из Нового Сарая, опубликован недавно М. Г. Крамаровским. Два фрагмента хумов из Нового Сарая, хранящиеся в Эрмитаже, и целый хум, найденный в Сарепте (район современного Волгограда) и хранящийся в Саратовском краеведческом музее, несут на своей поверхности оттиск одного и того же круглого штампа с арабской надписью, читающейся как армянское имя³¹⁸. М. Г. Крамаровский считает, что клеймо содержит имя мастера.

Вопрос о том, чей знак оттискивался на дне, ручке или стенке сосуда, очень важен. Среди исследователей нет единого мнения относительно смысла, например, русских гончарных клейм — были это знаки мастеров, владельцев мастерских (князей и других феодалов), заказчика. Говорят ли они о вотчинном характере ремесла или об изготовлении ремесленной продукции на широкий рынок? По всем этим вопросам существуют расхождения³¹⁹. Клеймо, или штамп, нанесенный до обжига на сосуд, теоретически может принадлежать и мастеру и заказчику. Таких знаков на золотоордынской керамике — считанные единицы. Если же знак нанесен после обжига, он никак не может относиться к мастеру — не было никакого смысла процарапывать жесткую обожженную поверхность вместо того, чтобы легко оттиснуть или нарисовать любой знак по сырой еще глине.

Кроме знаков на глиняных сосудах, процарапанных или отштампованных, в одном случае встречен интересный нарисованный знак. На туло-

вице типичного золотоордынского одноручного кувшина с Селитренного городища (в 1977 г.) против ручки обнаружен рисунок, выполненный черной краской, к сожалению, плохо сохранившийся (рис. 9, 7). Это, несомненно, девятипольный «магический квадрат» с двузначными арабскими цифрами. Сохранились начертания вторых цифр в четырех полях и полного числа в правом верхнем поле. Последние цифры числа соответствуют размещению цифр в полном и правильном магическом квадрате, которое возможно только при сумме цифр по всем линиям, в том числе и по диагоналям, равной 15, и с обязательной цифрой 5 в центре ³²⁰.

Такой квадрат был обнаружен на одном из фрагментов сосудов при раскопках А. В. Терещенко на Царевском городище ³²¹. У обнаруженного на селитренском кувшине «магического квадрата» вторые цифры двузначных чисел дают по диагонали из нижнего левого в верхний правый угол тоже число 15. Сохранившаяся в нижнем ряду в среднем поле цифра 3 дает возможность полностью реконструировать вторые цифры в каждом поле этого квадрата:

Сохранившиеся цифры			Реконструкция		
××	××	46	×2	×7	46
××	×5	××	×9	×5	×1
×4	×3	××	×4	×3	×8

Нарисован, таким образом, «магический квадрат», правильный только для последних цифр двузначных чисел, помещенных в девяти полях. «Магические квадраты» на Востоке часто входили в состав различных амулетов, причем нередко содержали ошибки, если списывались с образцов без понимания арифметической сути настоящего «магического квадрата». Видимо, именно такой случай и представлен на кувшине с Селитренного городища.

Топография знаков

Царевское городище. Царевское городище (Новый Сарай) дало нам наибольшее количество тамг — 152 экз., что соответствует большому раскопчным работам на этом памятнике. В раскопках найдены 98 экз., а среди подъемного материала — 54 экз. Благодаря тому что большая часть находок документирована, можно попытаться выявить какие-то закономерности в их топографии. Для этого попробуем проследить, встречены ли одинаковые тамги в одних и тех же жилых комплексах. Оказывается, что можно отметить несколько случаев такого совместного нахождения одинаковых тамг.

1. На раскопках у Соленого озера, за пределами города (р. VI, VII — 1961 г.; р. VII, VIII — 1962 г.) исследовался в нижнем слое могильник; сверху его покрывал разрушенный золотоордынский слой с керамикой и находками. Здесь на раскопе VI (1961 г.) в верхнем слое найдены две

одинаковые тамги в виде «птичьей лапки» на ручках красноглиняных кувшинов.

2. В центре городища на раскопках I, III, VI (1963 г.), где вскрывались городские кварталы с жилищами бедного населения, было найдено шесть ручек и две стенки сосудов с тамгами. Две одинаковые тамги в виде треугольника найдены здесь на территории одной усадьбы. Одна из них была в заполнении землянки 1 строительного периода (40-е годы XIV в.), другая, как и большинство найденных здесь тамг, — в заполнении арыка III строительного периода (60-е годы XIV в.).

3. Большая группа раскопов (р. II — 1959 г., р. III — 1961 г., р. II — 1962 г., р. III — 1964 г., р. V — 1964 г., р. III — 1965 г.) в южном пригороде дала 16 тамг. 10 из них были сосредоточены на раскопе II 1961 г., остальные — на соседних, в том числе и смежных с ним раскопах. Весь этот участок плотно застроен, причем кирпичные наземные дома сосредоточены на раскопе II 1961 г. и II 1962 г., где и обнаружена большая часть тамг (12 экз.). На остальных раскопах открыты преимущественно землянки. Землянки относились к I строительному периоду и предназначались, по-видимому, для рабов. Рядом раскопан деревянный дом с ганчевой отделкой и богатым набором вещей, где мог жить феодал. Некоторые из найденных здесь тамг повторялись.

«Птичья лапка» — 2 экз. Обе ручки с такой тамгой найдены на расстоянии 4—5 м друг от друга внутри наземных кирпичных домов (р. II — 1961 г., р. II — 1962 г.), относящихся к I и II строительным периодам.

«Галочка» — 3 экз. (р. II — 1961 г.), на одном знак удвоен. Все ручки сосудов с этим знаком найдены в одном штыке около дома, существовавшего в I и II строительных периодах.

Крест — 3 экз. (р. II — 1961 г.). Найдены между кирпичными домами I и II строительных периодов: 2 экз. — на ручках красноглиняных кувшинов, 1 экз. — на стенке.

«Усеченный конус» — 2 экз. (р. II — 1961 г.). Найдены внутри дома I строительного периода.

Кроме этих повторяющихся знаков, в пределах усадьбы встречены несколько одиночных тамг (джучидская тамга — двузубец, вертикаль с отростком вправо, знак в виде двух перпендикулярных линий с кружками на концах, свастика и др.).

4. Комплекс жилых сооружений в южном пригороде Нового Сарая, названный «дом с юртами». Всего здесь среди наземных домов, землянок и летних жилищ (юрт) было найдено 16 тамг, преимущественно на ручках сосудов. Среди них имеются одинаковые.

Двузубец — 2 экз. (р. I — 1960 г.). Первый из них найден, по-видимому, во вторичном залегании — в слое деревни XIX в., второй — в 4—6 м от дома II строительного периода (конечная дата — разгром 1395 г.). Начертания их различны, но схема близкая — двузубец с отростком вверх.

Знак типа рис. 4, 25 — 2 экз. (р. III — 1966 г.). Найдены в смежных квадратах около юго-восточного угла дома 5 II строительного периода.

Этот дом существовал также до тимуровского погрома 1395 г. В этом комплексе найдены еще четыре различные тамги.

5. Богатая усадьба в юго-восточных кварталах (район аристократических усадеб: р. V — 1965 г., р. I — 1966 г., р. I — 1967 г., р. III — 1968 г.). Всего здесь найдены 14 тамг, из них 11 — на ручках красноглиняных кувшинов, остальные — на стенках. Здесь встречены следующие одинаковые знаки.

Треугольник — 2 экз. (р. V — 1965 г.). Оба найдены внутри дома, представлявшего собой квадратный двор, обстроенный комплексом комнат.

Вертикаль с двумя горизонтальными отростками — 2 экз. (р. I — 1966 г.). Найдены в землянке I II строительного периода и около нее. Землянка входила в систему застройки вдоль ограды усадьбы. Вначале здесь были землянки, а потом — ряд мелких однотипных бедных домов. «Видимо, эта усадьба являет собой пример того, как аристократические усадьбы, будучи сначала укрепленными замками, обрастают по периметру жилищами разного рода рабов, клиентов, вольноотпущенников, усадебных ремесленников и прочего зависимого люда»³²². Таким образом, обитатели землянки, вероятно, не имели собственной тамги, а найденные здесь тамги могли иметь какое-то отношение только к хозяину усадьбы.

6. Комплекс раскопов в восточном пригороде на объекте, названном «Три усадьбы» (р. II — 1968 г., р. VII — 1963 г., р. II — 1964 г., р. II — 1965 г., р. II — 1966 г., р. II — 1967—1968 гг., р. IV — 1971 г.).

«Три усадьбы» представляют собой сложный и разновременный комплекс. Усадьба I — первоначально два богатых дома, огороженных глинобитной стеной, вместо которой впоследствии были построены небольшие однотипные деревянные дома, предназначенные, вероятно, для слуг, ремесленников и администрации. Здесь есть следы косторезного производства. Усадьба II — одновременна II периоду усадьбы I, планировка сходная, есть следы ювелирного и косторезного производства. Усадьба III — самая поздняя; первое сооружение здесь — землянка ювелира, несколько позже построен многокомнатный дом, еще позже — мастерская поливной красноглиняной керамики. Здесь найдена 31 тамга. Некоторые знаки повторяются.

Косой крест — 4 экз. (р. II — 1963 г., р. II — 1964 г., р. II — 1965 г.). Один фрагмент сосуда с таким знаком найден на территории усадьбы I в материковой яме около дома I строительного периода (40—50-е годы XIV в.); три остальных — на усадьбе II (конец 50-х—начало 60-х годов XIV в.), один из них — в водоеме.

«Елочка» — 2 экз. (р. VII — 1963 г., р. II — 1964 г.). Знаки с различным числом и расположением ветвей. Один найден на усадьбе I в доме 2 I строительного периода (40—50-е годы XIV в.), другой — на усадьбе II в водоеме (конец 50-х—начало 60-х годов XIV в.).

«Птичья лапка» — 3 экз. (р. II — 1964 г., 2 экз.; р. II — 1967 г.). Две ручки с таким знаком найдены в водоеме усадьбы II, одна в землянке ювелирной мастерской усадьбы III. Дата усадьбы III — 60—70-е годы

XIV в. По мнению исследователей, эта ювелирная мастерская перешла от хозяина усадьбы II к хозяину усадьбы III. Возможно, что и мастер переселился сюда.

Двузубец — 2 экз. (р. II — 1965 г.). Найдены в комплексе дома усадьбы II в одном квадрате (конец 50-х—начало 60-х годов XIV в.). Оба двузубца — прямоугольных очертаний с вертикальным отростком, который у одного знака имеет перекрестие.

Трезубец — 2 экз. (р. II — 1964 г.). Найдены в комплексе усадьбы II; один — в водоеме, другой — близ дома. Один знак — прямоугольный и имеет вертикальный отросток, другой — без отростка, с изогнутыми боковыми зубцами.

На остальных раскопанных комплексах одинаковых клейм не встречалось.

В о д я н с к о е г о р о д и щ е. Изучение топографии находок знаков Водянского городища не дало сколько-нибудь определенной картины. Из найденных здесь 37 тамг 21 обнаружена в раскопе, остальные — среди подъемного материала. Лишь однажды вместе встречены две одинаковые тамги: три горизонтальные черточки посередине ручки сосуда.

Подавляющее большинство знаков нанесено на ручки красноглиняных кувшинов, лишь единицы — на стенки таких же сосудов, один знак (в прямом и зеркальном изображении) имелся на каменной литейной форме (рис. 7, 21, 22).

С е л и т р е н н о е г о р о д и щ е. Топография знаков Селитренного городища не поддается изучению, так как подавляющее число находок — подъемный материал (48 экз. из 66). Это объясняется тем, что исследовались преимущественно производственные керамические комплексы, где среди массы керамического материала (брака, полуфабрикатов и т. д.) знаки совершенно не встречаются. В жилых и хозяйственных комплексах одинаковые знаки вместе пока не найдены.

Все знаки Селитренного городища, за исключением одного на горле красноглиняного кувшина, одного, процарапанного по дну, и одного на стенке, нанесены на ручках сосудов.

Б о л г а р с к о е г о р о д и щ е. С Болгарского городища в нашей коллекции имеется 42 знака, из них 10 — беспаспортные, остальные найдены при раскопках. Многие из последних, хранящиеся в Казанском историческом музее, происходят из очень старых раскопок, документация по которым слишком краткая. Поэтому подробную топографию болгарских клейм установить не удалось. Положение осложняется тем, что в Болгаре имеется домонгольский слой, также, по-видимому, содержащий керамику со знаками (во всяком случае сфероконические сосуды со знаками), а разделить находки домонгольского и монгольского слоев не всегда возможно по старым отчетам. Поэтому знаки Болгарского городища мы рассматриваем суммарно.

Заключение

Рассмотрение золотоордынских тамг на фоне большого сравнительного материала — знаков с памятников предшествующего времени на этой территории (Саркел, Маяцкое городище, раннеболгарские памятники) и знаков современных тюркских народов Поволжья, Северного Кавказа, Крыма, Казахстана, Средней Азии — позволяет сделать некоторые выводы.

По-видимому, тамговая система Золотой Орды была воспринята от населения юго-восточных европейских степей: от огузов, кипчаков, болгар и других союзов племен, которые подпали под власть Золотой Орды и составили основную часть ее населения. В составе этого государства сложились и оформились многие из современных народов.

Этим объясняется совпадение тамг у одноименных племен и родов, входящих в состав этих народов. Это в высшей степени примечательное совпадение фиксировалось несколькими исследователями (Соколов, Енихен, Кузеев). Безусловно, у всех этих племен были свои родовые тамги до монгольского завоевания. Многие исследователи связывают их происхождение с орхонскими рунами.

Тамга родового подразделения «кипчак» в составе башкир, ногайцев, казахов, киргизов, узбеков, каракалпаков, племен северо-восточной Монголии одинакова — одна или две вертикальные черты.

Тамга башкирских каракатайцев идентична тамге киргизских подразделений кытай и каракытай узбекского рода балгалы зеравшанского племени ктай. Общность этнонимов и тамг кытайских образований у этих народов указывает, в свою очередь, на общность их этнических корней.

Тамги на золотоордынских сосудах оказались недостающим связующим звеном между тамгами населения восточноевропейских степей второй половины I тысячелетия н. э. и современными тамгами многих тюркских народов.

Что же можно сказать в отношении самих золотоордынских тамг на керамике, которые являются темой работы? Тот факт, что во всех раскопанных керамических мастерских на Царевском, Селитренном и Водянском городищах среди полуфабрикатов, брака, готовых изделий в горнах и поблизости никогда не были найдены сосуды со знаками, а также то, что имеющиеся знаки производят впечатление процарапанных по обожженной глине, позволяют решить, что это не клейма мастеров или владельцев мастерских, а также и не знаки заказчиков. Знаки эти ставились не в процессе изготовления, а в процессе использования уже готовых сосудов. Интересно, что абсолютное большинство саркельских знаков также нанесено на ранее обожженные сосуды ³²³.

С другой стороны, топография находок посуды с клеймами на городищах не позволяет считать их и знаками владельцев, покупателей. Как было показано выше, одинаковые знаки не образуют компактных групп вокруг жилых или хозяйственных сооружений. Наибольшее скопление одинаковых знаков в одном комплексе — 3 экз., причем всегда в этом же

комплексе присутствует и несколько других тамг. Кроме того, если предположить, что знаки ставили владельцы, невозможно объяснить, почему все эти знаки встречаются на сосудах тарного типа — на крупных кувшинах или на сферокопических сосудах. Владелец помечал бы и другие виды принадлежавшей ему посуды.

Остается предположить, что знаки ставились где-то на промежуточном этапе между мастером и владельцем. Вероятно, их ставили купцы, которые использовали кувшины (и сферокопические) как емкости для транспортировки и продажи каких-то жидкостей и сыпучих продуктов. Покупали, по-видимому, товар вместе с упаковкой — кувшином, который и использовался в хозяйстве, пока не разбивался. Знаком купец мог удостоверить точную меру и качество продаваемого товара. Некоторые различия в составе знаков по городищам характеризуют, вероятно, деятельность различных торговцев в разных центрах. Во всяком случае, кто бы ни ставил знак на золотоордынских сосудах, он ставил свой знак собственности.

¹ Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852.

² Потанин Г. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1881, вып. 1/2; 1883, вып. 4.

³ Майнов В. Н. Очерк юридической быта мордвы. — ЗРГО. СПб., 1885, т. XIV, вып. 1, по отд. этнографии.

⁴ Ефименко П. Е. Юридические знаки. — ЖМНП, СПб., 1874, ч. 176.

⁵ Соловьев Е. Г. О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и других племен, населяющих Россию. — В кн.: Тр. V АС. Тифлис, 1887.

⁶ Соловьев Е. Т. О тамгах и знаках собственности на некоторых предметах древнего быта. (Знаки собственности в России), Казань, 1885.

⁷ Живая старина. СПб., 1895, вып. III/IV.

⁸ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. III.

⁹ Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии кара-калпаков. М.; Л., 1950, с. 52.

¹⁰ Харузин А. Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских народностей России. М., 1896.

¹¹ Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и кара-киргизов. — В кн.: Живая старина. СПб., 1897,

вып. III/IV, с. 410; *Он же*. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Там же.

¹² Малицкий Н. Г. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. — В кн.: Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год III. Ташкент, 1897.

¹³ Соколов Д. Н. О башкирских тамгах. — В кн.: Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1904. Т. XIII.

¹⁴ Ажчокраклы О. Татарские тамги в Крыму. — Изв. Крым. пед. ин-та, Симферополь, 1927, кн. 7; *Он же*. Эпиграфические находки. — Изв. Тавр. о-ва истории, археологии и этнографии, Симферополь, 1929; Козин С. А. Тамги у крымских татар. — Этнограф-исследователь, 1927, 1.

¹⁵ См.: Изв. ГАИМК, 1933, вып. 62.

¹⁶ Dziadulewicz S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno, 1929.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. — СА, 1940, VI.

¹⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.; Л., 1948, с. 364.

¹⁹ Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров. — СЭ, 1947, VI/VII.

- ²⁰ Толстов С. П. Из предистории Руси. — Там же.
- ²¹ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 216.
- ²² Jänichen H. Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern. — Antiquites, Reihe 1, Abhandlungen zur alten Geschichte, Bonn, 1956, Bd. 3.
- ²³ Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичках из Саркела. — МИА, 1959, № 75.
- ²⁴ Rintchen B. Les signes de propriété chez les mongols. — Archiv orientální. Praha, 1954, XXII, 2/3.
- ²⁵ Долгих Б. О. Тамги гнанаганов и энциев. — КСИЭ, 1957, XXVII.
- ²⁶ Марков Г. Е. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961.
- ²⁷ Востров В. В., Муканов М. С. Родо-племенной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968.
- ²⁸ Казовский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965.
- ²⁹ Жаннополадян Р. М. Сферокопические сосуды из Двина и Ани. — СА, 1958, № 1.
- ³⁰ Сем Ю. А., Шавкунов Э. В. Тамги народов южной части Советского Дальнего Востока и некоторые проблемы этногенетических связей (XII—XIV вв.). — В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- ³¹ Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965.
- ³² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.
- ³³ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.; Толстов С. П. Из предистории Руси, с. 46.
- ³⁴ Френ Х. М. Монеты ханов улуса Джучева. СПб., 1832; Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг. — МИА, 1958, № 61.
- ³⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Два клада серебряных монет XIII в. из Болгар. — НЭ, 1972, т. X, с. 172, 173.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Марков А. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896, с. 433; Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. — МИА, 1954, № 42, с. 430.
- ³⁸ Янина С. А. Джучидские монеты. . . 1953—1954 гг., с. 402, № 6а.
- ³⁹ Марков А. Инвентарный каталог. . . с. 433; Янина С. А. Джучидские монеты. . . 1946—1952 гг., с. 430, № 7.
- ⁴⁰ Янина С. А. Джучидские монеты. . . 1946—1952 гг., с. 431, № 8, 9.
- ⁴¹ Там же, с. 435, № 37.
- ⁴² Plescu O., Simion G. Le grand trésor des monnaies et lingots des XIII et XIV siècles, trouve en Dobroudja Septentrional. — Revue des études Sud-Est Européenes, 1964, N 1/2.
- ⁴³ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 68, примеч. 2.
- ⁴⁴ Спицын А. А. Из коллекции имп. Эрмитажа. — ЗОРСА, СПб., 1906, т. VIII, вып. 1, с. 261, табл. VII, 3.
- ⁴⁵ Акчокраклы О. Татарские тамги. . . с. 41.
- ⁴⁶ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье в XIV в. — Тр. СУАК, 1889/1890, т. II, вып. 1, прил.
- ⁴⁷ Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.; Л., 1940, прил. 2, № 26, 29.
- ⁴⁸ Соколов Д. Н. О башкирских тамгах, прил.; Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 180.
- ⁴⁹ Потанин Г. Очерки. . . , вып. 1/2, табл. XXVI.
- ⁵⁰ Янина С. А. Джучидские монеты. . . 1946—1952 гг., с. 454.
- ⁵¹ Янина С. А. Общий обзор коллекции джучидских монет. Из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах. — МИА, 1962, № 111, с. 177.
- ⁵² Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. VI, XXII.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Жаннополадян Р. М. Сферокопические сосуды. . . , рис. 10, 19.
- ⁵⁵ Баскаков Н. А. Ногайский язык. . . , прил. 2, № 14, 23, 24, 36.
- ⁵⁶ Фелицын Е. Сборник тамг или фамильных знаков западнокавказских горцев и племен Адыгского народа. — Зап. Одес. о-ва истории и древности, Одесса, 1889, № 3, 53, 101, 135 и др.
- ⁵⁷ Акчокраклы О. Татарские тамги. . . , табл. II, 20.
- ⁵⁸ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 180.

- 59 *Джанполадян Р. М.* Сферокопические сосуды. . . , рис. 10, 20.
- 60 *Янин В. Л.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. — КСИМК, 1956, вып. 62.
- 61 *Фелицын Е.* Сборник тамг. . . , № 1, 22 и др.
- 62 *Баскаков Н. А.* Ногайский язык. . . , прил. 2, № 20, 21.
- 63 *Ефименко П.* Юридические знаки.
- 64 *Катанов Н.* Об одной выписи 1700 г., данной татарам Свяжского уезда по копии Юркина. — Изв. ОАИЭ при Казан. ун-те, Казань, 1908, т. XIV, вып. 3, с. 361, табл. 1.
- 65 *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав. . . , с. 93.
- 66 *Rintchen B.* Les signes. . . , N 132.
- 67 *Ачюкракы О.* Татарские тамги. . . , табл. I, 7.
- 68 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, табл. 5.
- 69 Знак Менгу имеет точную аналогию среди знаков на сферокопических из Двина, только он повернут на 90°. Здесь же имеются знаки, близкие знаку Ариг-Буги (см.: *Джанполадян Р. М.* Сферокопические сосуды. . . , с. 212, рис. 9, 2, 4, 19).
- 70 *Янина С. А.* Джуцидские монеты. . . 1946—1952 гг., № 7.
- 71 *Соколов Д. Н.* О башкирских тамгах, с. 85.
- 72 *Джанполадян Р. М.* Сферокопические сосуды. . . , рис. 10, 1—5.
- 73 *Востров В. В., Муканов О. М.* Родоплеменной состав. . . , с. 45.
- 74 *Потанин Г.* Очерки. . . , табл. XXVI.
- 75 *Rintchen B.* Les signes. . . , N 94—97.
- 76 *Баскаков Н. А.* Ногайский язык. . . , прил. 2, № 26.
- 77 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, табл. 2—4.
- 78 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичях из Саркеля — Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, табл. VI.
- 79 *Ачюкракы О.* Татарские тамги. . . , табл. I, 1.
- 80 *Петровский И. М.* Бортничество (пчеловодство) как один из видов натурального хозяйства и промыслов близ Казани в XVI—XVII вв. — Изв. ОАИЭ при Казан. ун-те, Казань, 1901, т. XVII, вып. 1.
- 81 *Баскаков Н. А.* Ногайский язык. . . , прил. 2, № 28.
- 82 *Левшин А.* Описание. . . , ч. III, с. 134, таблица.
- 83 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, с. 180.
- 84 *Казовский В. Ф.* Происхождение чувашского народа, с. 262, прил. V, таблица.
- 85 *Фелицын Е.* Сборник тамг. . . , № 263.
- 86 Происхождение креста. М., 1927.
- 87 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичях. . . , табл. 4.
- 88 *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907—1909 гг. — ИАК, СПб., 1911, вып. 43.
- 89 Абоба-Плиса: Альбом. Вена: Константиноп. рус. археол. ин-т, 1905, т. X, табл. LI, 1, 2.
- 90 *Джанполадян Р. М.* Сферокопические сосуды. . . , с. 212, рис. 10.
- 91 *Ачюкракы О.* Татарские тамги. . . , табл. I, 1.
- 92 *Катанов Н.* Об одной выписи. . . , с. 361.
- 93 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, с. 173.
- 94 *Потанин Г.* Очерки. . . , табл. XXVI, 20, 23.
- 95 *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав. . . , с. 53; *Левшин А.* Описание. . . , ч. III, с. 134, таблица.
- 96 *Баскаков Н. А.* Ногайский язык. . . , прил. 3.
- 97 *Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хопсутовского улуса. СПб., 1852, с. 13, № 8; Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованию Кумо-мангычской экспедиции, СПб., 1868, прил. к гл. IV.
- 98 *Майнов В. Н.* Очерк юридического быта мордвы, с. 196.
- 99 *Казовский В. Ф.* Происхождение чувашского народа, с. 262, таблица.
- 100 *Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965, с. 21, 30, 40, табл. 6, 37; 17, 4; 31, 1, 2.
- 101 *Rintchen B.* Les signes. . . , N 12.
- 102 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичях. . . , табл. VIII.
- 103 Абоба-Плиса, табл. L, 20.
- 104 *Яковсон А. Л.* Средневековый Херсонес. — МИА, 1950, № 7, рис. 8.
- 105 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, с. 109.
- 106 *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав. . . , с. 55.
- 107 *Жданко Т. А.* Очерки. . . , с. 49, 122.

- 108 *Баскаков Н. А.* Ногайский язык. . . , прил. 2, № 33.
- 109 *Небольсин П.* Очерки быта калмыков. . . , табл. 8.
- 110 *Акчокраклы О.* Татарские тамги. . . , табл. I, II.
- 111 *Rintchen V.* Les signes. . . , N 55, 56.
- 112 *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа, с. 306, 362, таблицы.
- 113 *Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибири XVII в., табл. 21, 17; 31, 3.
- 114 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. IV.
- 115 Абоба-Плиска, табл. L, 27.
- 116 *Rintchen V.* Les signes. . . , N 110—112.
- 117 Калмыцкая степень Астраханской губернии. . . , прил. к гл. IV.
- 118 *Майнов В. Н.* Очерк юридического быта мордвы, с. 196.
- 119 *Потанин Г.* Очерки. . . , табл. XXVI.
- 120 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, гл. IV, табл. 2.
- 121 Хранится в Болгарском историко-архитектурном музее-заповеднике, № II-4.
- 122 *Яacobson A. Я.* Средневековый Херсонес, рис. 8, 73.
- 123 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. III, VIII, XIV, XX.
- 124 Абоба-Плиска, табл. XLIX, 49—52.
- 125 *Сем Ю. А., Шавкунов Э. В.* Тамги народов. . . , с. 204.
- 126 Находка 1975 г. (по любезному сообщению С. А. Плетневой).
- 127 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, табл. 3; 4.
- 128 *Каховский В. Ф.* Была ли письменность у чувашей в древности? — Учен. зап. Чуваш. НИИ, 1962, вып. XXI, прил. V.
- 129 *Востров В. В., Муқанов М. С.* Родо-племенной состав. . . , с. 53.
- 130 *Марков Г. Е.* Очерк истории формирования северных туркмен, с. 196.
- 131 *Баскаков Н. А.* Ногайский язык. . . , прил. 2, № 14.
- 132 Извлечение из «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского. — МИТТ, М.; Л., 1939, т. 1, с. 309.
- 133 *Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибири XVII в., табл. 17, 10; 21, 37.
- 134 *Чернецов В. Н.* К истории родового строя. . . , с. 159—183.
- 135 *Майнов В. Н.* Очерк юридического быта мордвы, с. 196, таблица.
- 136 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. III.
- 137 Абоба-Плиска, табл. L, 87.
- 138 *Яacobson A. Л.* Раннесредневековые сельские поселения Таврики. — МИА, 1970, № 168, табл. II, 8.
- 139 *Яacobson A. Л.* Средневековый Херсонес, табл. A, 39.
- 140 *Джанполадян Р. М.* Сферокопические сосуды. . . , рис. 9, 11, 31.
- 141 *Сем Ю. А., Шавкунов Э. В.* Тамги народов. . . , № 12.
- 142 *Акчокраклы О.* Татарские тамги. . . , табл. I.
- 143 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, табл. 6.
- 144 *Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибири XVII в., табл. 7, 2—6.
- 145 Р. Г. Кузеев считает, что такие тамги не свойственны тюркским народам, но находят много аналогий у финноугров (*Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, с. 252).
- 146 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. VII.
- 147 Там же, табл. XII, XV.
- 148 Абоба-Плиска, табл. L, 1—5.
- 149 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. XII, XXII.
- 150 *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования. . . , рис. 38, 6. Знак из двух вертикальных линий найден в 1975 г. на Маяцком городище рядом с двумя другими.
- 151 *Сем Ю. А., Шавкунов Э. В.* Тамги народов. . . , № 13.
- 152 *Востров В. В., Муқанов М. С.* Родо-племенной состав. . . , с. 75.
- 153 *Левшин А.* Описание. . . , с. 134.
- 154 *Соколов Д. Н.* О башкирских тамгах, с. 91.
- 155 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, с. 173.
- 156 *Жданко Т. А.* Очерки. . . , с. 37.
- 157 *Потанин Г.* Очерки. . . , табл. I, 1.
- 158 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, с. 174, 359.
- 159 Там же, с. 108, 117.
- 160 *Акчокраклы О.* Татарские тамги. . . , табл. I, 13.
- 161 *Баскаков Н. А.* Ногайский язык. . . , прил. 2, № 1, 2, 6, 7.
- 162 Калмыцкая степень. . . , прил. к гл. IV, таблица.
- 163 *Майнов В. Н.* Очерк юридического быта мордвы, с. 196.

- 164 Катанов Н. Об одной выписи. . . , с. 362, № 17.
- 165 Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа, с. 362, таблица.
- 166 Rintchen В. Les signes. . . , N 90, 91, 189.
- 167 Потанин Г. Очерки. . . , табл. XXVI, 11.
- 168 Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII в., табл. 21, 23, 45, 50; 31, 4; 36, 5; 37, 1, 3—5.
- 169 Ефименко П. П. Юридические знаки, с. 57.
- 170 Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII (раскопки 1940 г.). — МИА, 1953, № 34, рис. 25.
- 171 Тиханова М. А. Черепицы с метками из раскопок 1938 г. — МИА, 1953, № 34, рис. I, 39.
- 172 Абоба-Плиска, табл. L, 21, 32; XLIX, 43.
- 173 Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952, т. I, кн. 1, с. 89.
- 174 Акчокраклы О. Татарские тамги. . . , табл. I, 2, 13; II, 15.
- 175 Баскаков А. Н. Ногайский язык. . . , прил. 2, № 5, 8.
- 176 Жданко Т. А. Очерки. . . , с. 61.
- 177 Левшин А. Описание. . . , с. 134.
- 178 Соколов Д. Н. О башкирских тамгах, с. 85.
- 179 Марков Г. Е. Очерк истории формирования северных туркмен, с. 196.
- 180 Катанов Н. Об одной выписи. . . , табл., № 12.
- 181 Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы, с. 196.
- 182 Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 225.
- 183 Каховский В. Ф. Была ли письменность. . . , прил. V.
- 184 Rintchen В. Les signes. . . , N 73.
- 185 Тиханова М. А. Черепицы с метками. . . , рис. 1, 55.
- 186 Макаренко Н. Е. Археологические исследования. . . , рис. 37, 6.
- 187 Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. V.
- 188 Абоба-Плиска, табл. XLIX, 78, 79.
- 189 Акчокраклы О. Татарские тамги. . . , табл. I, 7.
- 190 Баскаков А. Н. Ногайский язык. . . , прил. 2, № 22.
- 191 Соловьев Е. Т. О тамгах и знаках собственности на некоторых предметах древнего быта. . .
- 192 Катанов Н. Об одной выписи. . . , № 3.
- 193 Востров В. В., Муқанов М. С. Родо-племенной состав. . . , с. 51.
- 194 Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, табл. 6.
- 195 Rintchen В. Les signes. . . , N 1, 5.
- 196 Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа, с. 306, 362, таблицы.
- 197 Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. VII.
- 198 Абоба-Плиска, табл. L, 60, 61.
- 199 Якобсон А. Я. Средневековый Херсонес, рис. 8, 60.
- 200 Акчокраклы О. Татарские тамги. . . , табл. I, 7.
- 201 Баскаков А. Н. Ногайский язык. . . , прил. 2, № 31.
- 202 Rintchen В. Les signes. . . , N 185.
- 203 Фелицын Е. Сборник тамг. . . , № 188; Калмыцкая степь. . . , с. 130.
- 204 Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII в., табл. 17, 2, 7.
- 205 Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, табл. 6.
- 206 Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа, с. 306, таблица.
- 207 Белов Г. Д., Якобсон Л. Я. Квартал XVII. . . , рис. 25.
- 208 Якобсон А. Л. Средневековые сельские поселения юго-западного Крыма. — ВВ, 1962, т. XXI, табл. III, 54.
- 209 Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. V, XVI—XVIII.
- 210 Там же, с. 363.
- 211 Акчокраклы О. Татарские тамги. . . , табл. I, 1.
- 212 Акчокраклы О. Эпиграфические находки. — Изв. Тавр. о-ва истории, археологии и этнографии, Симферополь, 1929, с. 185.
- 213 Баскаков А. Н. Ногайский язык. . . , прил. 2, № 15.
- 214 Миллер Г. Описание живущих в Казанской губернии. СПб., 1791, с. 63.
- 215 Востров В. В., Муқанов О. С. Родо-племенной состав. . . , с. 65.
- 216 Абоба-Плиска, табл. XLIX, 86, 87.
- 217 Макаренко Н. Е. Археологические исследования. . . , рис. 33, 16.

- 218 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичач. . . , табл. II, X.
- 219 *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964, табл. I.
- 220 *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909, табл. CVIII, 269.
- 221 Извлечение. . . , с. 310; *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.; Л., 1958, с. 53.
- 222 *Акчокраклы О.* Татарские тамги. . . , табл. I, 6, 7.
- 223 *Акчокраклы О.* Эпиграфические находки, с. 85.
- 224 *Rintchen В.* Les signes. . . , N 85, 89.
- 225 *Катанов Н.* Об одной выписи. . . , с. 362.
- 226 *Небольсин П.* Очерки быта калмыков. . . , № 18.
- 227 *Каховский В. Ф.* Была ли письменность. . . , прил. V.
- 228 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, табл. 5.
- 229 *Майнов В. Н.* Очерк юридического быта мордвы, с. 196.
- 230 *Баскаков А. Н.* Ногайский язык. . . , прил. 2, № 17.
- 231 Абоба-Плиска, табл. XLIX, 16.
- 232 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичач. . . , табл. XX, XXI.
- 233 *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования. . . , рис. 38, 7. Также материалы раскопок 1975 г. С. А. Плетневой.
- 234 *Тиханова А. Л.* Черепицы с метками. . . , рис. 1, 23.
- 235 *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес, рис. 8, 20.
- 236 Извлечение. . . , с. 310; *Кононов А. Н.* Родословная туркмен, с. 53; *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей, с. 88.
- 237 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, гл. VIII, табл. 2.
- 238 *Востров В. В., Муканов М. С.* Родо-племенной состав. . . , с. 65; *Левшин А.* Описание. . . , с. 134.
- 239 *Жданко Т. А.* Очерки. . . , с. 122.
- 240 *Ефименко П. П.* Юридические знаки, табл. I, 130, 149.
- 241 *Каховский В. Ф.* Была ли письменность. . . , прил. V.
- 242 *Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибиря XVII в., табл. 31, 7.
- 243 *Тиханова М. А.* Черепицы с метками. . . , рис. 1, 63.
- 244 *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге, табл. I.
- 245 *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования. . . , рис. 37, 9, 18.
- 246 *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения. . . , табл. I, 1—5.
- 247 Абоба-Плиска, табл. XLIX, 20; Л, 13.
- 248 *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования. . . , рис. 12.
- 249 *Ленц Э.* О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского Востока. — ЗВОРАО. СПб., 1904, т. XV.
- 250 *Акчокраклы О.* Татарские тамги. . . , табл. 2, 20.
- 251 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, гл. III, табл. 3, 8.
- 252 *Баскаков А. Н.* Ногайский язык. . . , прил. 2, № 23.
- 253 *Востров В. В., Муканов М. С.* Родо-племенной состав. . . , с. 77.
- 254 *Катанов Н.* Об одной выписи. . . , № 42.
- 255 *Потанин Г.* Очерки. . . , вып. 4, табл. 1, 3.
- 256 *Анпилогов Г. Н.* Бортные знамена как исторический источник. (По Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х годов XVII в.). — СА, 1964, № 4, с. 168.
- 257 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичач. . . , табл. VII, XVI, XVIII.
- 258 Там же, с. 365, 386—388.
- 259 *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения. . . , с. 158, табл. II, 5, с. 160; *Он же.* Средневековый Херсонес, рис. 8, 13; *Белов Г. Д., Якобсон А. Л.* Квартал XVII. . . , рис. 25.
- 260 *Ефименко П. П.* Юридические знаки, табл. 1, 102.
- 261 *Белов Г. Д., Якобсон А. Л.* Квадрат VII. . . , рис. 25, 8, 11; *Тиханова М. А.* Черепицы с метками. . . , рис. 1, 28; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения. . . , табл. II, 2.
- 262 *Ефименко П. П.* Юридические знаки, № 154.
- 263 *Dziadulewicz S.* Herbarz. . . , s. 80.
- 264 *Ахметов Р. Б.* Скала Тамга-Таш в Башкирии. — СА, 1968, № 4, рис. 4.

- 265 *Анпилогов Г. Н.* Бортные знамена как исторический источник. . . , с. 168.
- 266 *Абоба-Плиска*, табл. XLIX, 7.
- 267 *Востров В. В., Муканов М. С.* Родо-племенной состав. . . , с. 53.
- 268 *Rintschen В. Les signes.* . . , N 90, 91.
- 269 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. XVI.
- 270 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. VIII.
- 271 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, гл. 1, табл. 3.
- 272 *Абоба-Плиска*, табл. XLIX, 14, L, 10.
- 273 *Акчокраклы О.* Татарские тамги. . . , табл. II, 15, 20.
- 274 *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа, с. 306, таблица.
- 275 *Баскаков А. Н.* Ногайский язык. . . , прил. 2, № 12.
- 276 *Востров В. В., Муканов О. М.* Родо-племенной состав. . . , с. 96.
- 277 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, табл. 8.
- 278 *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа, с. 306, таблица.
- 279 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. II.
- 280 Там же, табл. VI.
- 281 *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения. . . , табл. II, 9.
- 282 *Тиханова М. А.* Черепицы с метками. . . , рис. 1, 33.
- 283 *Щербак М. А.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. XI.
- 284 *Пожидаев В. П.* Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент. — УЗ КБНИИ, 1948, т. IV, табл. I, XV.
- 285 *Rintschen В. Les signes.* . . , N 110—112.
- 286 По любезному сообщению С. А. Плетневой.
- 287 *Милотин А. И.* Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. — ИАК, СПб., 1909, вып. 2д, рис. 2.
- 288 *Акчокраклы О.* Эпиграфические находки, с. 185.
- 289 *Акчокраклы О.* Татарские тамги. . . , табл. I, 13.
- 290 *Абоба-Плиска*, табл. LI, 68.
- 291 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. XX.
- 292 *Акчокраклы О.* Татарские тамги. . . , табл. I, 2.
- 293 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. I, XXII.
- 294 *Rintschen В. Les signes.* . . , N 60.
- 295 *Баскаков А. Н.* Ногайский язык. . . , прил. 2, № 16, 17.
- 296 *Абоба-Плиска*, табл. L, 59.
- 297 *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей, с. 88.
- 298 *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа, с. 362, таблица.
- 299 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, табл. 2.
- 300 *Акчокраклы О.* Татарские тамги. . . , табл. I, 7.
- 301 *Абоба-Плиска*, табл. LI, 60.
- 302 *Востров В. В., Муканов М. С.* Родо-племенной состав. . . , с. 53; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа, табл. 4.
- 303 *Ефименко П. П.* Юридические знаки, табл. I, 261, 277.
- 304 *Востров В. В., Муканов М. С.* Родо-племенной состав. . . , с. 87.
- 305 *Тиханова М. А.* Черепицы с метками. . . , рис. 1, 24, 25.
- 306 *Калмыцкая степь.* . . , прил. к гл. IV.
- 307 *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования. . . , рис. 38, 13.
- 308 *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , табл. IX.
- 309 Форма служила для отливки круглых подвесок с орнаментом в виде креста и пальметки. Подвески с такими сюжетами встречены в русских древностях (см.: *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978, рис. 20).
- 310 Изображение болгарского замочка со знаком лобезно представлено мне Р. Л. Розенфельдом, за что приношу ему глубокую благодарность.
- 311 *Виноградов В.* Сфероконические сосуды с узким горловым отверстием. — Казанский музейный вестник, 1922, № 2.
- 312 *Юсупов Г. В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960, рис. 1; 2.
- 313 *Джанполадян Р. М.* Сфероконические сосуды. . . , с. 213.
- 314 *Михальченко С. Е.* Систематизация массовой неполывной керамики золотоордынских городов. — СА, 1973, № 3.
- 315 *Джанполадян Р. М.* Сфероконические сосуды. . . , с. 213.
- 316 *Полубояринова М. Д.* Русская керамика с Водянского городища. —

- КСИА, 1972, вып. 129, с. 91, рис. 30; Она же. Русские вещи на территории Золотой Орды. — СА, 1972, № 3, с. 170, 171.
- ³¹⁷ *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге, табл. I.
- ³¹⁸ *Крамаровский М. Г.* Гончар-армянин из Сарая ал Джедид. — Тр. Гос. Эрмитажа, 1978, XIX, с. 102—104.
- ³¹⁹ *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси, с. 176; *Розенфельдт Р. Л.* К вопросу о гончарных клеймах. СА, 1963, № 2.
- ³²⁰ *Гуревич Е. Я.* Тайна древнего талисмана. М., 1969, с. 25.
- ³²¹ *Федоров-Давыдов Г. А.* Астральный амулет из Царевского городища. — В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1977, с. 130.
- ³²² *Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае. — СА, 1970, № 3, с. 159.
- ³²³ *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичках. . . , с. 363, примеч. 3.

Целью настоящей статьи является публикация 24 изваяний, открытых в последнее десятилетие работниками Джамбулского областного краеведческого музея¹. Почти все эти памятники выставлены ныне для всеобщего обозрения в специально отведенном месте около здания музея. К сожалению, данных о первоначальном положении скульптур и обстоятельствах их находки не имеется. Не в каждом случае указано и точное место их обнаружения².

По стилю изображения и положению рук данные статуи подразделяются на два основных типа: 1 — изваяния с сосудом в правой руке и опущенной к поясу левой рукой (без оружия)³; 2 — изваяния с сосудом в обеих руках.

К первому типу относятся десять скульптур из серого и розового гранита, песчаника и сланца. Все фигуры подвергнуты относительно тщательной обработке, приближенной к круглой скульптуре (рис. 1, 1—8; 2, 9, 10). Лицевая сторона (руки, сосуд, пояс) исполнена в технике барельефа, ее поверхность слегка подшлифована. Вместе с тем образцы включают в себя элементы гравирования (зрачки глаз — рис. 1, 1, 7; 2, 10 и детали головного убора — рис. 1, 8; 2, 9). Задняя сторона, как правило, отделана менее тщательно. На отдельных фигурах видны следы долотообразного орудия с шириной лезвия 5—7 мм (рис. 1, 1, 7).

Как и большинство изваяний, оставленных азиатскими кочевниками средневековья, семиреченские образцы достаточно выразительны. Это достигнуто главным образом за счет своеобразия в пропорциях и позы скульптуры. Голова увеличена по отношению к туловищу, что сообщает фигуре композиционную устойчивость, способствует выражению идеи величавости, спокойствия, силы. Абрис преимущественно легкий, стройный, с высокой шеей. Линия подбородка в большинстве случаев не опускается ниже уровня плеч. Исключение составляют три образца (рис. 1, 3—5), на которых голова как бы вдавлена в плечи.

Изображению лица уделено особое внимание, очевидно с целью придания портретного сходства. Вместе с тем во всех произведениях наблюдаются отчетливые признаки стилового единства. Так, глаза даны выпуклыми овалами, в середине которых иногда прочерчены зрачки, повторяющие внешние очертания глаза. Валик бровей не показан в семи случаях и лишь в двух он дан в едином рельефе с носом (рис. 1, 7, 8, 3). Не совсем обычна трактовка бровей и носа мужской (?) фигуры (рис. 1, 4), переданных выделенными рельефами, примыкающими к переносице. Лицевая часть одного изваяния не сохранилась (рис. 1, 2).

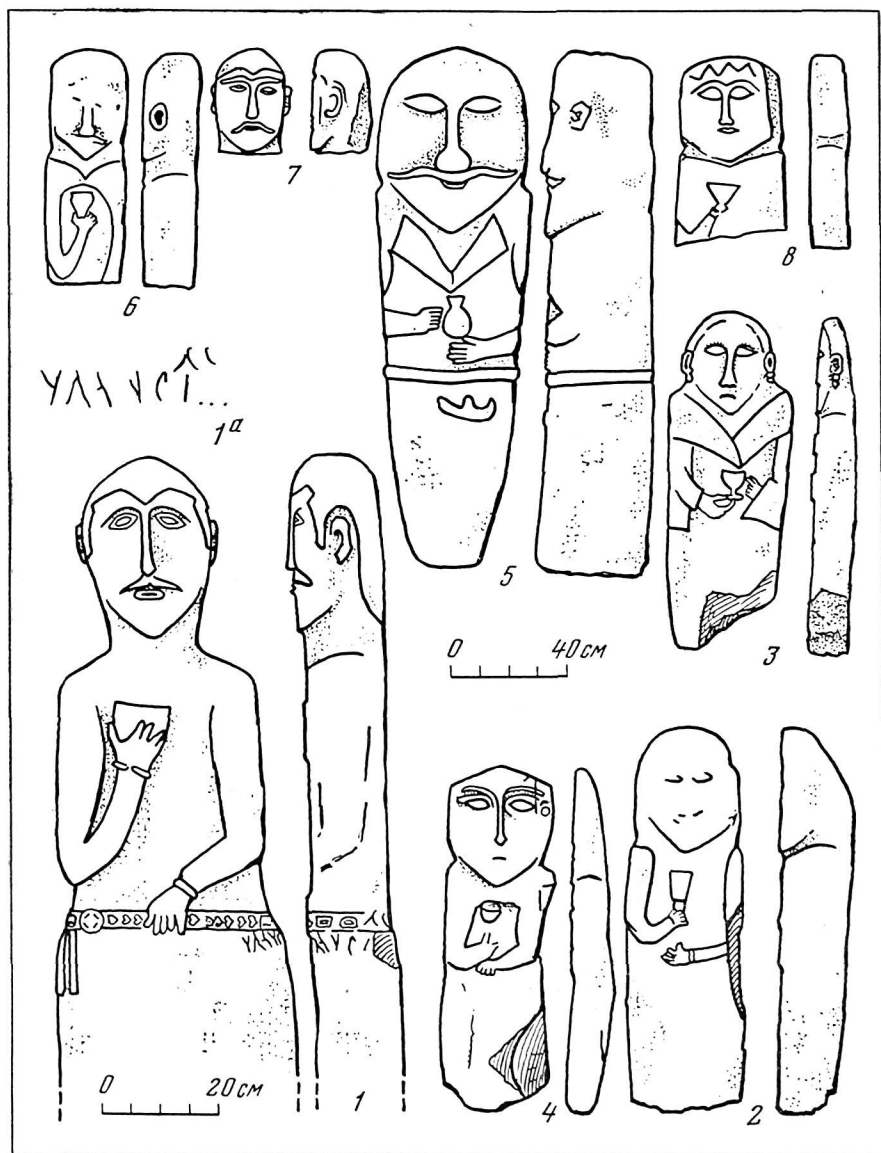

Рис. 1. Изваяния первой группы

1, 7 — с. Буденовка Свердловского района; 3, 4 — территория совхоза «Алгабас» Луговского района; 5 — колхоз «Новый путь» Чуйского района; 8 — колхоз им. Джамбула Луговского района; 2, 6 — территория Курдайского района; 1а — прорисовка надписи на изваянии 1

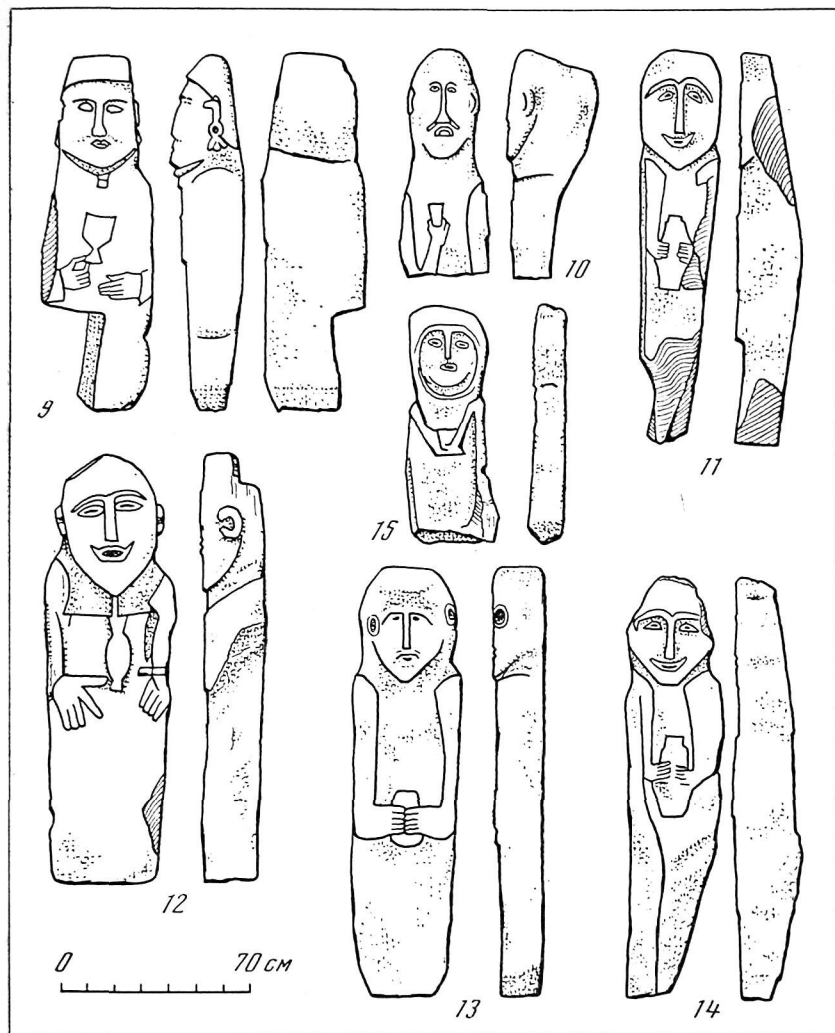

Рис. 2. Изваяния первой и второй групп

9 — колхоз имени Джамбула Луговского района; 10 — территория Курдайского района; 11, 14, 15 — урочище Джайсан Курдайского района; 12 — предгорья Хактау Мойынкумского района

Рис. 3. Голова изваяния 7 (с. Буденовка Свердловского района)

Рот обозначен в виде узкой бороздки, ограниченной валиком губ (рис. 1, 1, 5, 7; 2, 9, 10), и в виде прочерченной горизонтальной линии (рис. 1, 3, 4). На двух изваяниях форма рта не прослежена из-за плохой сохранности памятников (рис. 1, 2, 6). Валикообразные усы отчетливо видны на пяти статуях. Форма и размеры их различны: М-образные (рис. 1, 5—7), подтреугольные (рис. 1, 1) и прямые остроконечные, отходящие от крыльев носа наклонно вниз (рис. 2, 10). Уши высечены в форме выпуклой скобы (рис. 1, 1, 5, 7; 2, 10), знака вопроса (рис. 2, 9) и вертикально поставленного овала (рис. 1, 3, 6).

Таким образом, краткое рассмотрение изобразительных приемов показывает, что все скульптуры первого типа едины по стилю и композиции. При этом техника барельефа (в ней исполнены руки, сосуды и украшения) включает иногда элементы гравирования

(зрачки глаз). Пять фигур — мужские, остальные — неопределенного пола, но, судя по трехроговому головному убору, одна из статуй является, несомненно, женской (рис. 1, 8)⁴.

Для определения времени изготовления памятников следует рассмотреть воспроизведенные на них предметы и одежду. Учитывая специфическую форму воротников (рис. 1, 3, 5), двое изображенных были одеты в меховые шубы, при этом правая пола по всей вероятности обозначена поверх левой. Аналогичный покрой зафиксирован на памятниках VII — VIII вв. из Верхнего Прииртышья⁵. На остальных фигурах надо подразумевать легкие (без отворотов) облегающие кафтаны типа казахского шапана⁶.

Головной убор с плоским верхом и свисающей на затылке широкой лопастью показан на одном изваянии (рис. 2, 9). Близкая по очертаниям форма воспроизведена на тувинской статуе⁷. На двух памятниках обозначены шлемовидные шапки с остроконечным мыском над переносицей и свисающей с затылка до плеч широкой лопастью (рис. 1, 1, 7). Подобный тип отмечен на некоторых половецких скульптурах, изображавших женщин⁸. Выше упоминалось о трехрогом головному уборе, высеченном на джамбулском изваянии. Такой вариант трехрогой шляпы явля-

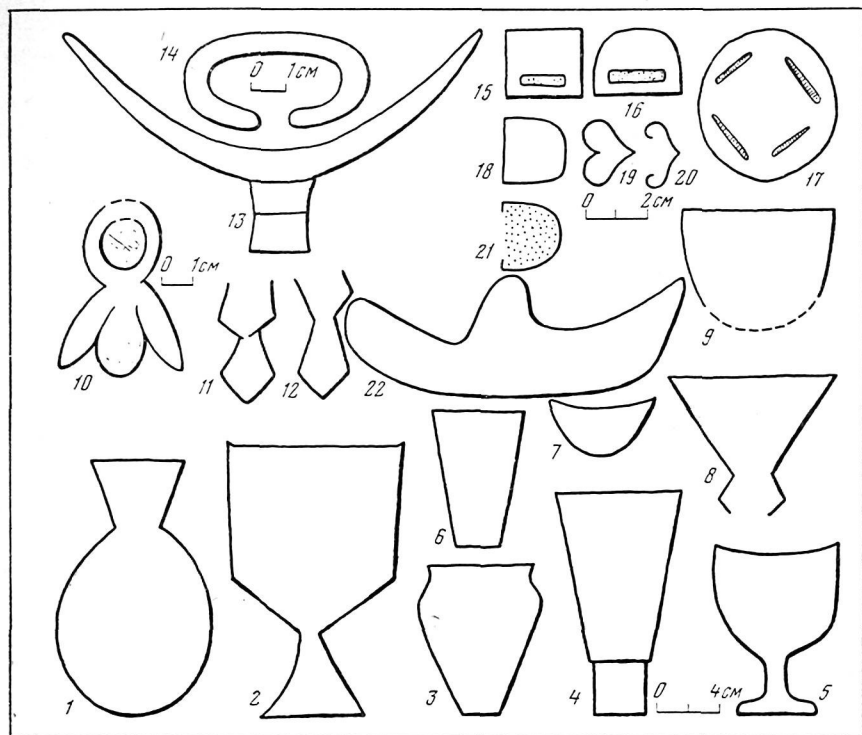

Рис. 4. Вещи, изображенные на изваяниях первой группы

1—9 — сосуды; 10—12 — серьги; 13 — гривна с подвеской; 14 — браслет; 15—21 — наременные бляхи; 22 — кинжал (1, 22 — изваяние 5; 2, 10, 13 — изваяние 9; 3 — изваяние 6; 4 — изваяние 2; 5, 11, 12 — изваяние 3; 6 — изваяние 10; 7 — изваяние 4; 8 — изваяние 8; 9, 14—21 — изваяние 1)

ется, очевидно, местной особенностью, поскольку за пределами семиреченского ареала он практически не встречается на каменных изваяниях. Интересное сообщение по поводу «рогатых» украшений приводится у Бичурина в разделе об эфталитах: «Братья имеют одну жену. Жена мужа, не имеющего братьев, т. е. одномужняя, носит шляпу с одним углом; многомужняя же умножает число углов по числу братьев»⁹. Не исключено, что украшение головного убора в виде рогов имело и в Семиречье не только декоративное значение. На других скульптурах угадываются обобщенные контуры подпрямоугольных (рис. 1, 2, 6), округлых (рис. 1, 3, 5; 2, 10) и островерхой (рис. 1, 4) шапок, разнообразные варианты которых отмечены на синхронных памятниках Семиречья¹⁰ и Восточного Казахстана¹¹.

Оружие изображено лишь на одной скульптуре данной группы (рис. 1, 5). Это — кинжал с прямой рукоятью, в ножнах с загнутым концом и

полукруглой бляхой-обоймой (рис. 4, 22). Прямых аналогий ему не найдено, хотя изображения кинжалов имеются на многих каменных изваяниях Сибири и Казахстана.

Пояса обозначены на двух статуях, но только в одном случае (рис. 1, 1) изображены поясные бляхи сердцевидной, округлой (с четырьмя прорезями), прямоугольной и полуовальной (последние два типа — с горизонтальной прорезью) форм (рис. 4, 14—20). Подобные формы найдены в раннесредневековых курганах Прииртышья (VII—IX вв.)¹², Алтая (VII—X вв.)¹³, Башкирии (VIII—IX вв.)¹⁴, а также отмечены на поздних (IX—X вв.) изваяниях Тувы¹⁵. Второй пояс (рис. 1, 5) дан в виде извилистого утолщенного валика без пряжки и блях.

Украшения представлены гривной с амулетом (рис. 2, 9; 4, 13), браслетами (рис. 1, 1; 4, 14) и серьгами (рис. 1, 3; 2, 9; 4, 10—12). Гривна передана гладким, сужающимся к концам валиком, охватывающим шею под подбородком и по сторонам. От середины ее на грудь опущена четырехугольная подвеска с плавным перехватом по бокам, разделенная горизонтальной чертой на две части. Подобная гривна с подвеской воспроизведена на мужской статуе, найденной в окрестностях оз. Иссык-Куля¹⁶. Различие между ними заключается и в способе ношения этого украшения (иссык-кульский образец — на ленте), и в форме подвески. Вообще такой тип гривны изображен на многих половецких скульптурах¹⁷. Что касается серег, то они представлены в данной группе двумя типами: 1) кольчатые с тремя лучами в виде лепестков (рис. 4, 10) и 2) пирамидальные с ромбовидной подвеской (рис. 4, 11, 12). Первый тип не имеет себе аналогий в археологическом материале. Лишь на двух половецких статуях отмечены кольчатые трехлучевые серьги¹⁸, но в отличие от Семиреченских они имеют остроконечные, а не лепестковые лучи. Подвесная часть серег второго типа по форме очень близка серьгам VIII—IX вв. с Северного Кавказа и из Южного Приуралья¹⁹.

Браслеты в виде округлого в поперечнике слитка с несомкнутыми концами имели широкое территориальное распространение. Показательно, что такие «слиткообразные» браслеты из серебра известны в материалах по этнографии казахов.

Сосуды являются обязательной принадлежностью каждой статуи. Всего их изображено в рассматриваемой группе девять. По форме они разделяются на следующие типы: 1) кубки, 2) чаши, 3) кувшиновидный сосуд с овальным туловом и воронкообразной горловиной, 4) горшок. Среди кубков имеется один рюмковидный сосуд на тонкой прямой ножке с широким основанием (рис. 5, 5), один — на конической, расширяющейся вниз ножке (рис. 5, 2), один — на ромбическом основании с расширяющимися вверх прямыми стенками (рис. 5, 8) и один — стакановидный бокал на квадратном основании (рис. 5, 4). Сюда же можно включить еще один стакановидный сосуд, но без поддона (рис. 5, 6). Кубок на коническом поддоне имеет некоторое сходство с серебряным сосудом из Часовенногорской могилы 3²⁰, хотя семиреченский образец отличается от него прямыми стенками и отсутствием орнамента. Вариант рюмковид-

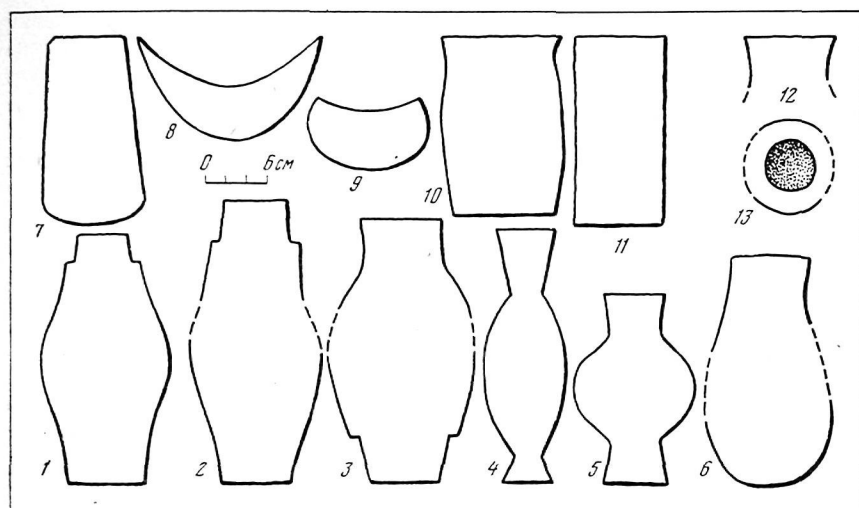

Рис. 5. Вещи, изображенные на изваяниях второй группы

1—12 — сосуды; 13 — зеркало (1 — изваяние 11, 2 — изваяние 14, 3 — изваяние 23, 4 — изваяние 12, 5 — изваяние 19, 6 — изваяние 16, 7 — изваяние 13, 8 — изваяние 20, 9 — изваяние 21, 10 — изваяние 18, 11 — изваяние 17, 12 — изваяние 22, 13 — изваяние 24)

ного кубка на тонкой ножке известен от VI до XV в.²¹, в том числе и на каменных изваяниях (Прииртыше, Семиречье)²². Стакановидный сосуд изображен на одной статуе из Верхнего Прииртышья²³, а также на глазурованной чаше IX в., найденной в Мерве²⁴.

Чаши, обозначенные на фигурах, имеют округлое дно. Одна из них — пиалообразной формы, с вогнутой линией венчика (рис. 5, 7), другая — глубокая, с крутыми стенками (рис. 5, 9). Обе разновидности во множестве отмечены на раннесредневековых памятниках Казахстана²⁵, Алтая и Монголии²⁶.

Сосуд третьего типа — с яйцевидным туловом (рис. 5, 1) — изображен на восточноказахстанской скульптуре VII—VIII вв.²⁷ Близкие формы встречены в раннесредневековых погребениях Южного Урала²⁸.

Горшок с узким донцем и широкой верхней частью тулова — относительно небольшой (рис. 5, 3). Подобная форма была отмечена на Зайсанском изваянии из Восточного Казахстана (VII—VIII вв.)²⁹.

Таким образом, на основании аналогий с памятниками с сопредельных территорий весь комплекс изображенных предметов датируется в рамках VIII—IX вв. н. э. В пользу относительно поздней (по сравнению с древнетюркскими статуями VI—VIII вв.) датировки рассмотренных произведений свидетельствуют форма квадратных и сердцевидных нареченных блях, изображенных на изваянии 1, а также серги (рис. 1, 3; 2, 9; 4, 10—12, 15, 16; 19, 20). Названные предметы, по мнению специа-

листов, появляются не ранее VIII в. н.э. (или по крайней мере на рубеже VII—VIII вв.)³⁰. Не противоречат такой дате и стаканообразные кубки, обозначенные на изваяниях 2 и 10, да и другие формы сосудов (кубки, чаши), бытующие достаточно широко как хронологически, так и территориально.

Второй тип изваяний включает в себя 14 произведений, исполненных из серого и розового гранита различных оттенков, а также песчаника (рис. 2, 11—15; 6, 16—24). Поза, судя по пропорциям фигуры, преимущественно стоящая (ноги не изображены), с сосудом в обеих руках, опущенных к поясу. Есть варианты: а) сосуд не в руках, а между раскрытых ладоней (рис. 2, 12); б) вместо сосуда в руках обозначен круглый предмет, возможно зеркало (рис. 6, 24). Кроме того, в данную группу включены две статуи, по-видимому, переходного типа (рис. 2, 15; 6, 21), поскольку близки стеловидным фигурам XI—XIII вв. Четыре скульптуры — явно мужские (рис. 2, 11, 12, 14; 6, 23), шесть — женские (рис. 6, 16—21), пол четырех изваяний — неопределенный (рис. 2, 13, 15; 6, 22, 24). Техника обработки, сочетающая барельеф (брови, нос, уши, глаза, груди, руки, элементы одежды) и гравирование (глаза, пальцы рук), не отличается от техники, которая применялась при отделке изваяний первого типа. Лицевая поверхность, как правило, подшлифована, что замедлило разрушительное действие атмосферных и температурных явлений. Поверхность нешлифованных статуй подвергнута сильному выветриванию (рис. 6, 24). К особенностям рассматриваемого типа семиреченских скульптур следует отнести также еще более выраженную обобщенность силуэта (стеловидность фигур).

Изобразительные приемы для изваяний второго типа в целом сохраняются те же, что и для первого. Неодинаково лишь количественное соотношение их: в каждой группе преобладают те или иные приемы. Так, безбровых статуй в первой группе учтено пять из восьми определяемых, во второй — также пять, но из 13. То же отмечено в отношении трактовки единого рельефа бровей и носа (соответственно — 3 и 7). Новым во втором комплексе является прием изображения глаз в виде овальных ямок (рис. 2, 13; 6, 20) вместо выпуклых рельефов при сохранении традиционных элементов (рис. 6, 21). Показательна и манера изображения глаз в виде овального замкнутого валика с продольной бороздкой в середине (рис. 2, 11, 12, 14, 15; 6, 16, 17, 22), не встречающаяся на ранних памятниках. Ранее не был зафиксирован также прием изображения усов и рта на мужских статуях в едином рельефе (рис. 2, 11, 12, 14; 6, 23). Грудь на женских фигурах обозначена в виде округлых выпуклостей (рис. 6, 20, 21) и свисающих полуovalов (рис. 6, 16—19). Второй вариант, очевидно, связан с идеей материнства. Примечательно, что такая трактовка женской груди на каменных изваяниях не характерна для Казахстана (здесь более распространен первый вариант), зато на половецких памятниках она является чуть ли не единственной.

Как и прежде, большое внимание уделено отделке лица, по-видимому с целью придания портретного сходства. Голова выделена из монолита

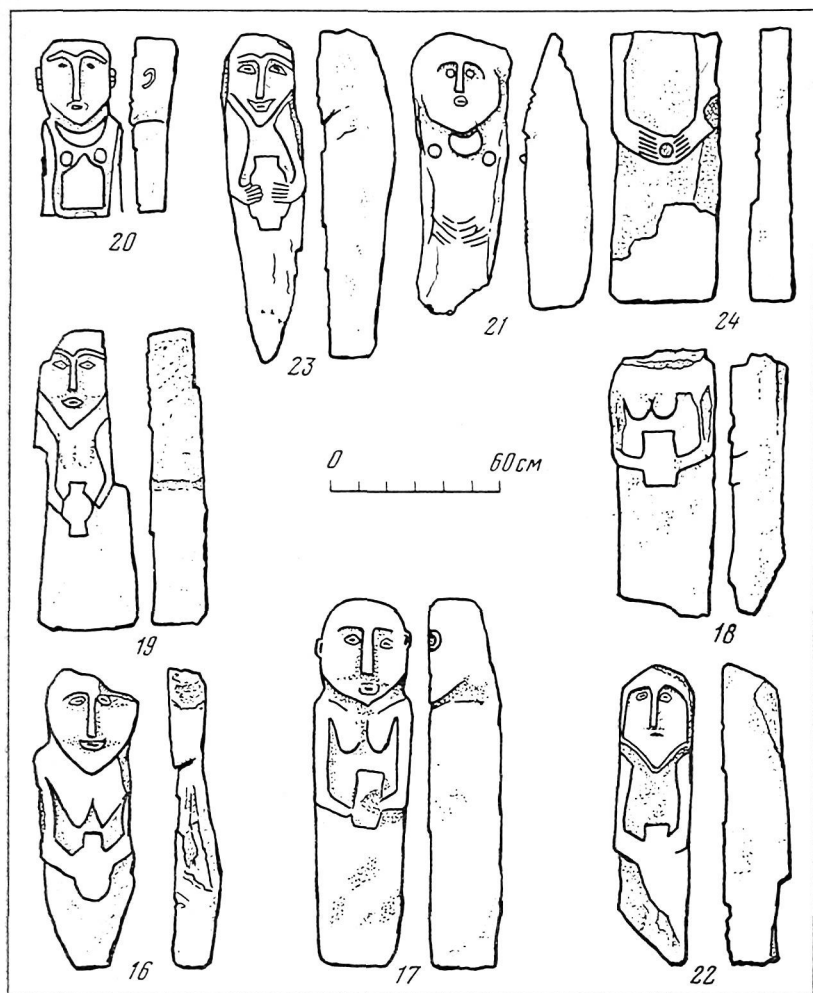

Рис. 6. Изваяния второй группы

17, 18, 22 — урочище Джайсан Курдайского района; 16 — территория Джамбульской области (более точное место находки неизвестно); 19 — урочище Ой-Джайллу Курдайского района; 20 — территория Меркенского района; 21, 23 — урочище Сулугтер Луговского района (Чунгурское ущелье); 24 — окрестности станции Отар Курдайского района

за счет слегка расширяющихся плеч (рис. 2, 11—15; 6, 16—18, 20, 23) или выступающей линией подбородка (рис. 6, 19, 21, 22). Вместе с тем обобщенный силуэт содержит в себе элементы индивидуальных особенностей конкретного человека (сутулая спина — рис. 2, 11; 6, 23; характерное утолщение в пояснице — рис. 2, 14; 6, 16; стройный стан — рис. 2, 13, 15; 6, 20), а также покроя одежды и формы головного убора. Как на мужских, так и на женских скульптурах усматриваются островерхие (рис. 2, 12, 14; 6, 21, 22) и уплощенные (рис. 2, 11, 13; 6, 19, 20) шапки, разнообразные варианты которых во множестве зафиксированы на средневековых памятниках Казахстана³¹. Обращает на себя внимание головной убор в виде капюшона с лицевым вырезом (рис. 2, 15; 6, 22), подобный покрывалам, изображенным на поздних припртышских статуях³². Уместно отметить, что головной убор, являясь наиболее консервативным элементом одежды, длительное время сохраняет традиционные черты этнических, социальных, идеологических и половозрастных показателей³³. В этой связи систематизация статуй по форме и покрою шапок приобретает чрезвычайно важное значение.

Лишь на одном образце намечены прямоугольные контуры воротника, как бы свисающего с плеч (рис. 2, 12). На остальных — сколько-нибудь отчетливых элементов покроя одежды не прослежено.

И здесь обязательной принадлежностью почти каждой скульптуры является сосуд, за исключением, может быть, изваяния 15, на груди которого обозначены не совсем ясные очертания предмета (подвеска? кубок на поддоне?). В руках еще одной статуи изображено, по-видимому, округлое зеркало (рис. 6, 24). В одном случае сохранилась лишь верхняя часть (горловина) кринки (рис. 6, 22). Вся посуда по своей форме разделяется на пять типов: 1) высокие плоскодонные кувшины с уступом у венчика (рис. 5, 1, 2) или у дна (рис. 5, 3), 2) кувшины с коническим поддоном и расширяющейся вверх горловиной (рис. 5, 4, 5), 3) кувшины с округлым дном (рис. 5, 6, 12), 4) банки с плоским (рис. 5, 10, 11) или округлым (рис. 5, 7) дном, 5) чаши (рис. 5, 8, 9).

Прямых аналогий первому типу нет, но близкие формы (высокие кувшиновидные сосуды с плоским дном, без уступов) можно встретить среди керамических материалов VIII—X вв. Семиречья³⁴ и Хакасии³⁵. Очертания кувшинов с поддоном (второй тип) живо напоминают сосуды, обозначенные на изваяниях VIII—IX вв. Тувы³⁶. Аналогичный кувшин изображен на половецкой скульптуре «восточного типа» из Донецкой области³⁷. Сосуды третьего типа (кувшины с округлым дном) во множестве зафиксированы на поздних семиреченских статуях³⁸. То же можно сказать и о баночных сосудах с плоским дном (четвертый тип). Один такой сосуд прямоугольных очертаний (из стекла) найден при раскопках Афраснаба (X—XII вв.)³⁹. Подобные банки обозначены на многих половецких изваяниях⁴⁰, как и их разновидности с прямыми, сужающимися к венчику стенками⁴¹. Правда, в отличие от половецких плоскодонных банок семиреченский образец имеет слегка закругленное дно (рис. 4, 7).

Круглодонные чаши (пятый тип) имели широкое территориальное распространение и бытовали очень долго (вплоть до XIV в.) как в керамическом, так и в металлическом (особенно в серебре и золоте) исполнении⁴². Естественно, что они нередко изображались на каменных изваяниях, о чем свидетельствуют многочисленные памятники, относящиеся к разным хронологическим типам.

Из украшений в рассматриваемой группе имеется лишь один округлый предмет, в котором угадываются очертания зеркала (рис. 5, 13), изображенного с оборотной стороны. Во всяком случае, в пользу этого свидетельствует валикообразный широкий бортик по краю окружности и плоская поверхность углубления внутри него. Такие зеркала встречаются в средневековых комплексах Казахстана (IX—XI вв.)⁴³ и Средней Азии⁴⁴.

Подводя итоги разбору обозначенных на статуях второго типа предметов, можно достаточно уверенно отнести рассмотренные памятники к IX—XI вв. Верхняя дата установлена на основании аналогий отдельных сосудов с половецкими и среднеазиатскими формами, нижняя — подтверждается рядом изображенных предметов, а также самой позой фигуры, классический образец которой сложился, видимо, не ранее IX в.

Итак, рассмотренные две группы изваяний отличаются между собой не только позой, но и хронологически, а в определенной мере — и стилистически. На основании сравнительного анализа изображенных предметов первая группа датируется VIII—IX вв., вторая — IX—XI вв. Показательным в этой связи представляется резкое отличие между собой комплексов сосудов, обозначенных на изваяниях первой группы и второй. Если в первом случае преобладают рюмковидные и стаканообразные кубки, то во втором — высокие плоскодонные кувшины (без ручек) и банки. К сожалению, надпись, высеченная на одном изваянии первого типа (рис. 1, 1а), не привлекла еще к себе внимания специалистов орхоно-рунологов. Публикация (на казахском языке) этого памятника орхоно-енисейской письменности более десяти лет назад носит описательный характер и не способствует уточнению датировки⁴⁵.

Касаясь позы изваяний первого типа, следует указать на необычное для древнетюркских памятников отсутствие традиционного оружия в левой руке, хотя и опущенной (согласно канону) к поясу. Вместе с тем правая рука с сосудом на некоторых изваяниях слегка смещена вниз. Подобные нарушения изобразительных канонов отнюдь не случайны и были вызваны поступательным развитием монументального искусства древних тюркоязычных племен, которое шло вслед за эволюцией религиозных представлений, связанной с постепенным изменением идеала вождя, умершего предка. Таким образом, семпреченские изваяния первого типа, в определенной степени отражающие эти изменения, являются как бы связующим звеном между древнетюркскими (VI—VIII вв.) и половецкими (XII—XIII вв.) статуями.

Примечательной чертой рассмотренной серии изваяний является «портретность» как первой, так и второй группы, что характерно вообще для казахстанских памятников. Сходство достигалось за счет выявле-

ния наиболее заметных особенностей, присущих тому или иному человеку (чрезмерная ширина лица, необычная форма усов, глаз, носа). Общая архитектоника фигур, как правило, была predeterminedена естественной формой каменной глыбы, соответствующей силуэту конкретного лица.

Поза скульптур достаточно прочно связана с атрибуцией памятников. Наличие и отсутствие тех или иных предметов на изваяниях определялось скорее всего степенью смысловой нагрузки по отношению к объекту, постепенно изменяющейся под воздействием складывающихся экономических, политических и идеологических факторов.

Разнообразие форм головных уборов свидетельствует об известной неоднородности населения Семиречья по этническим, социальным и половозрастным показателям. В целом же изваяния обеих групп оставлены, очевидно, племенами, входившими в состав тюркоязычных (кимакско-кипчакских) политических объединений.

Что касается происхождения и назначения каменных статуй, то в применении к казахстанским комплексам следует разделить точку зрения тех исследователей, которые связывают данные памятники с культом предков, рассматривая в скульптурном изображении портрет умершего и обожествленного вождя, знатного воина, Матери (Девы) — покровительницы рода⁴⁶. Надо полагать, что уточнению датировки различных типов каменных изваяний будет способствовать дальнейшая работа по систематизации этих памятников на основе выделения как общих, так и частных иконографических признаков.

Приложение

Изваяние 1, мужское. Серый гранит. Найдено в 1962 г. на территории с. Буденовки Свердловского района во время земляных работ. На уровне пояса (слева и сзади) повреждено сколами. Нижний конец вкопан в песчаный постамент. Видимая высота — 105 см, ширина плеч — 31 см, толщина — 14—16 см. На яйцевидной голове отчетливо видны очертания шлема с широкой лопастью (бармица²), прикрывающей шею. Овальные косо поставленные глаза (наружными углами вниз) с прочерченным зрачком даны двумя выпуклостями. Узкий нос уплощенным валиком отходит от «безбрового» лба. К носу низким равнобедренным треугольником примыкают усы, под которыми обозначен замкнутый овал рта. В правой согнутой под 45° руке — чашеобразный сосуд. На запястьях изображены по одному браслету с несомкнутыми концами. Пояс с двумя подвесными ремешками справа набран из сердцевидных и четырехугольных с прорезью блях; кроме того, на поясе обозначена одна округлая бляха с четырьмя короткими прорезями по периметру и две — в виде полуовала. Слева под поясом высечена надпись орхон-енисейского типа, поврежденная сколами; сохранилось шесть букв. Археологический музей АН Казахской ССР (рис. 1).

Изваяние 2, пол неопределенный. Серый гранит. Найдено на территории Курдайского района. Лицо и левая рука повреждены сколами. Высота — 129 см, ширина — 35—41 см, толщина — 25 см. Передняя сторона слегка подшлифована. Округлая голова выделена из монолита за счет слабо выступающих плеч и подбородка. На лице сохранились неполные очертания глаз в виде овальных выпуклостей. В правой руке, согнутой под 45° , — стаканообразный кубок на квадратном поддоне. Левая рука (под 90°) — у пояса (рис. 1).

Изваяние 3, пол неопределенный. Серый сланец. Нижний левый край сколот по диагонали. Доставлено в музей из совхоза «Алгабас» Луговского района. Высота — 114 см, ширина плеч — 42 см, толщина — 7—15 см. Округлая голова со схематично очерченной линией волос на лбу выделена из монолита за счет выступающих плеч. В ушах, обозначенных овальными замкнутыми валиками, изображены продолговатые серьги с перехватом и ромбической подвеской. Глаза в виде миндалин показаны под «безбровым» лбом, к которому примыкает рельеф носа, расширяющегося вверху. Рот прочерчен изогнутой линией концами вниз. Большим и указательным пальцами опущенной правой руки изображенный держит (за край ножки) кубок на невысокой прямой ножке с горизонтальным основанием. Кисть левой руки чуть поднята, пальцы ее слегка касаются тулова сосуда. На груди показаны отвороты кафтана с широкими рукавами, запахнутого по всей вероятности на левую сторону. ДОМ КП 3855, Б 826 (рис. 1).

Изваяние 4, пол неопределенный. Зеленовато-серый сланец (плита). Совхоз «Алгабас» Луговского района. Повреждено позднейшей надписью в области груди и сколом в нижней части слева. Высота — 115 см, ширина плеч — 37 см, толщина — до 14 см. Островерхая голова выделена из монолита выемками по сторонам и за счет слабо выступающего подбородка. Валики слегка изогнутых бровей примыкают к рельефу узкого носа со стреловидным окончанием. Овальные выпуклости глаз схвачены сверху и со стороны носа дополнительным валиком (веко?). У левого глаза высечены два знака в виде единицы и небольшого круга. Рот показан короткой тонкой линией. В правой руке, согнутой под 45° , изображен сосуд, по-видимому пиалообразной формы (очертания его неясны из-за высеченной цифры «1970»). Левая рука опущена к поясу, пальцы ее сжаты в кулак (рис. 1).

Изваяние 5, мужское. Красный гранит. Найдено в 67 км от центральной усадьбы колхоза «Новый путь» Чуйского района, у небольшого безымянного озера, в камышах. Высота — 177 см, ширина плеч — 58 см, толщина — 38 см. Округлая голова выделена из монолита за счет слегка выступающих плеч. Глаза даны двумя крупными овальными выпуклостями. Шишковатый нос выступающим рельефом отходит от «безбрового» лба. Четкими валиками обозначены длинные М-образные усы и примыкающий к ним снизу полуoval рта. На груди — спускающиеся с плеч треугольные отвороты кафтана, запахнутого, вероятно, на левую сторону. Чуть ниже — круглодонный сосуд с воронкообразной горловиной.

Правая рука согнута под прямым углом, пальцы ее едва касаются тулова сосуда. Левая — под дном. Под слабо изогнутым валиком пояса изображен (горизонтально) кинжал в ножнах с загнутым концом и бляхой-обоймой у рукоятки (рис. 1).

Изваяние 6, мужское. Красный песчаник, прямоугольный в поперечном сечении. Найдено на территории Курдайского района. Лицо подвергнуто выветриванию. Нижняя часть монолита (от пояса) утрачена. Сохранившаяся высота — 80 см, ширина — 27 см, толщина — 19 см. Слегка уплощенная голова с заостренным подбородком выделена из монолита едва заметными выемками по сторонам. Уши даны в виде овальных замкнутых валиков. Под уплощенным широким носом видны неполные очертания М-образных усов (сохранился левый ус). На груди обозначен треугольный вырез воротника. В согнутой под 45° правой руке изображен сосуд в форме горшочка. Левая рука опущена, кисть ее осталась на несохранившейся части монолита (рис. 1).

Изваяние 7, мужское (голова). Розовый гранит. Найдено на территории с. Буденовки Свердловского района. Сзади повреждено сколами. Высота — 36 см, ширина — 28 см, толщина — 20 см. Поверхность подшлифована. Сзади и по сторонам видны следы долотообразного орудия шириной 5—7 мм. Голова, очевидно, была выделена из монолита за счет объемных плеч, а также за счет выступающего подбородка. На лбу и висках обозначены контуры остроовального шлема с мыском над переносицей. Уши показаны двумя скобообразными валиками. Волнистые брови и нос даны в едином рельефе. Под валиком М-образных усов изображен рот в виде замкнутого овала. В овальных выпуклостях глаз прочерчены зрачки, повторяющие внешние очертания глаз (рис. 1).

Изваяние 8, пол неопределенный. Красный песчаник, прямоугольный в поперечном сечении. Найдено на территории колхоза «Джамбул» Луговского района, в урочище Кунбас. Нижняя половина утрачена. Сохранившаяся высота — 65 см, ширина — 37 см, толщина — 12 см. Лицевая поверхность подшлифована. Чуть уплощенная голова выделена из монолита небольшими выемками по сторонам и углублением под подбородком. Вверху по лобной плоскости прочерчена ломаная линия — трехрогий головной убор. Большие глаза очерчены двумя овалами, подчеркнутыми поддуговидными бровями, переданными в едином рельефе с носом, расширяющимся книзу. Под носом процарапан остроовальный контур рта. В правой руке, согнутой под 45°, изображен рюмковидный на короткой ножке кубок с прямыми расширяющимися вверх стенками. Левая рука не обозначена. На груди, в изогнутой линии под подбородком, усматриваются очертания воротника, на руке показан край рукава. ДОМ КП 3851, Б 825 (рис. 1).

Изваяние 9, пол неопределенный. Серый гранит. Найдено на территории колхоза им. Джамбула Луговского района. Правая сторона повреждена сколами (отбиты ухо и правая рука, выломана нижняя часть монолита). Высота — 119 см, наибольшая ширина — 40 см, толщина — 10—26 см. Лицевая сторона слегка подшлифована. Четырехугольная

голова выделена за счет выступающих плеч и подбородка. Невысокий головной убор четырехугольной формы обозначен горизонтальными контурами на лобной части и со стороны спины, на уровне плеч. В скобообразный валик ушей «продеты» кольчатые серьги с трехлучевой подвеской. На шее гладким валиком, сужающимся к концам, обозначена гривна с отходящим от нее амулетом в виде четырехугольника со слегка вогнутыми сторонами. В правой руке изображен кубок на коническом поддоне, край ножки которого находится между большим и указательным пальцами. Глаза даны двумя выпуклыми овалами, уплощенный нос с очерченными ноздрями — невысоким рельефом, отходящим от «безбрового» лба. Рот показан выпуклым овалом с горизонтальной линией, разделяющей сомкнутые губы. На кистях линией прочерчен край рукава. Хранится в помещении детской туристско-экскурсионной станции (рис. 2).

Изваяние 10, мужское. Серый гранит. Найдено на территории Курдайского района. Нижняя половина (от пояса) утрачена. Сохранившаяся высота — 75 см, наибольшая ширина — 32 см, толщина — 12—31 см. Овальная голова (с сильным утолщением в затылочной части) выделена из монолита за счет выемок по сторонам и выступающего подбородка. Уши даны дуговидными выпуклостями, овальные глаза со зрачком прочерчены тонкими замкнутыми линиями. Сзади процарапано (нечетко) семь прямых линий (пряди волос?). Уплощенный широкий нос обозначен выпуклым рельефом, отходящим от «безбрового» лба. Усы показаны двумя короткими наклонными валиками от ноздрей концами вниз. В согнутой под 45° правой руке изображен сосуд стаканообразной формы. Левая рука опущена, низ ее (от локтя) остался на несохранившейся части монолита (рис. 2).

Изваяние 11, мужское. Светло-серый гранит. Найдено в урочище Джайсан Курдайского района. Спина слегка согнута за счет одностороннего утолщения монолита. Повреждено сколами внизу и слева, в области левой руки. Высота — 127 см, ширина — 14—28 см, толщина — 10—23 см. Лицевая сторона подшлифована. Округлая голова выделена из монолита небольшими выемками по бокам и за счет выступающего подбородка. Дуговидные брови и узкий нос даны в едином рельефе. В одном же рельефе обозначены прямые остроконечные усы (концами вверх) и рот с горизонтальной бороздкой в середине. В руках изображен высокий плоскостонный сосуд с уступом у венчика. ДОМ КП 3586/1, Б 158 (рис. 2).

Изваяние 12, мужское. Розовый гранит. Найдено в предгорьях Хантау Мойынкумского района. Задняя и боковые стороны в продольных трещинах. Высота — 140 см, ширина плеч — 45 см, толщина — 18—22 см. Передняя сторона подшлифована. Яйцевидная голова выделена из монолита выступающими плечами и подбородком. Слегка изогнутые брови и нос даны в едином рельефе. В одном же рельефе обозначены остроконечные (концами вверх) усы и рот с овальной выемкой посередине. В остроовальных выпуклостях удлинненных глаз прочерчены продольные линии зрачков. Уши показаны двумя скобообразными валиками. На груди на-

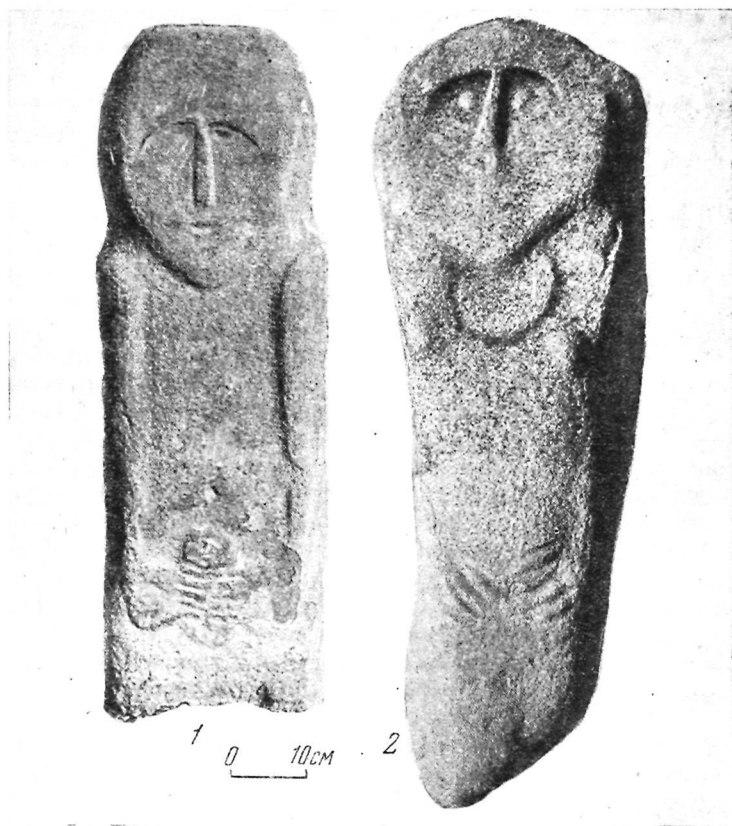

Рис. 7. Изваяния второй группы

1 — изваяние 13; 2 — изваяние 21

мечены очертания прямоугольного воротника, свисающего с плеч. Между раскрытыми ладонями опущенных рук изображен сосуд с воронкообразной горловиной и невысоким коническим поддоном. ДОМ КП 3581, Б 153 (рис. 2).

Изваяние 13, пол неопределенный. Красный песчаник. Найдено на территории колхоза «Большевик» Меркенского района. Высота — 141 см, ширина плеч — 39 см, толщина — 14—18 см. Уплощенная голова выделена из монолита за счет выступающих плеч и подбородка. Двумя замкнутыми валиками овальной формы показаны уши. Глаза в виде небольших углублений даны под нависшим «безбровым» лбом. Узкий нос обозначен прямоугольным рельефом, отходящим от лба, рот — горизонтальной бороздкой с трапециевидным валиком верхней губы. В руках, на уровне

Рис. Изваяния второй группы

1 — изваяние 14; 2 — изваяние 23; 3 — изваяние 19

пояса, изображен сужающийся вверх сосуд с округлым дном и чуть вогнутым венчиком. ДОМ КП 3588, Б 169 (рис. 2; 7).

Изваяние 14, мужское. Серый треугольный в поперечном сечении гранит. Найдено в урочище Джайсан Курдайского района. Высота — 140 см, ширина плеч — 33 см, толщина — 13—23 см. Передняя сторона подшлифована. Острроверхая голова выделена из монолита небольшими выемками по сторонам. Слегка изогнутые брови и нос даны в едином рельефе. В одном же рельефе обозначены короткие остроконечные усы (концами вверх) и рот, прочерченный горизонтальной бороздкой. Глаза показаны двумя сегментообразными выпуклостями с прочерченными продольными линиями зрачков. В руках на уровне пояса изображен высокий сосуд с плоским дном и уступом у венчика. ДОМ КП 3586/2, Б 159 (рис. 2; 8).

Изваяние 15, пол неопределенный. Светло-серый гранит. Найдено в урочище Джайсан Курдайского района. Высота — 79 см, ширина — 26 см, толщина — 10—13 см. Уплощенная голова выделена из монолита за счет выступающих плеч и подбородка. Изогнутые брови и нос даны в едином рельефе. Лицо оконтурено валиком, образующим вместе с бровями сердцевидный вырез головного убора. Глаза и рот обозначены овальными замкнутыми валиками. На груди — неясные контуры воротника и стаканобразного сосуда (возможно, подвеска) (рис. 2; 9).

Изваяние 16, женское. Серый гранит. Точное место находки неизвестно. Верхняя часть головы и левая сторона фигуры повреждены сколами. Высота — 97 см, ширина — 32 см, толщина — 10—16 см. Голова выделена из монолита за счет выступающих плеч и подбородка. Глаза и рот даны продолговатыми выпуклостями с продольными линиями. Нос обозначен уплощенным рельефом, отходящим от «безбрового» лба. Свисающая грудь изображена в виде двух остроконечных полуovalов. В опущенных руках — высокий сосуд с округлым дном и прямой горловиной (рис. 6).

Изваяние 17, женское. Серый гранит с черными точечными включениями. Урочище Джайсан Курдайского района. Высота — 120 см, ширина плеч — 34 см, наибольшая толщина — 25 см. Округлая голова выделена из монолита за счет выступающих плеч и подбородка. Уши даны двумя скобообразными валиками, глаза — миндалевидными выпуклостями с продольной бороздкой зрачка, рот — горизонтальной бороздкой, ограниченной слегка выступающим овалом губ. Рельеф плавно расширяющегося книзу носа отходит от «безбрового» лба. Свисающая грудь обозначена двумя полуovalами. В опущенных руках изображен баночный сосуд с прямыми стенками и плоским дном. ДОМ КП 3586/8, Б 156 (рис. 6).

Изваяние 18, женское. Серый, подтреугольный в поперечном сечении гранит. Урочище Джайсан Курдайского района. Голова отбита и утрачена. Повреждено сколами в области рук. Высота — 86 см, ширина — 38 см, толщина — 20 см. Двумя полуovalами обозначена грудь. В опущенных руках — баночный сосуд с плоским дном и слегка отогнутым венчиком. ДОМ КП 3586/9, Б 166 (рис. 6).

Изваяние 19, женское (?). Темно-серый гранит. Урочище Ой-Джайляу Курдайского района. Повреждена верхняя часть головы (справа), продольным сколом отбита часть правой руки. Высота — 98 см, ширина — 23—39 см, толщина — 16—19 см. Лицевая сторона подшлифована. По бокам видны следы ударов округлого в сечении инструмента. Уплощенная голова выделена за счет выступающего заостренного подбородка. Дуговидные брови и нос даны в едином рельефе. Глаза и рот обозначены выпуклыми ovalами (почти ромбами) с продольной бороздкой зрачка. В опущенных руках (без пальцев) изображен сосуд с прямым горлом, шаровидным туловом и высоким поддоном. ДОМ КП 3881, Б 829 (рис. 6; 8).

Изваяние 20, женское. Красный песчаник. Меркенский район. Нижняя часть обломана и утрачена. Сохранившаяся высота — 57 см, ширина плеч — 27 см, толщина — 10—15 см. Уплощенная голова выделена

Рис. 9. Изваяния второй группы

1 — изваяние 15; 2 — изваяние 20

из монолита за счет выступающих плеч и подбородка. Уши — скобообразные. Изогнутые брови и нос даны в едином рельефе. Глаза показаны двумя овальными косо поставленными (наружными углами книзу) ямками. Рот обозначен горизонтальной бороздкой. На шее изображена широкая гривна (?), чуть ниже — груди в виде округлых уплощенных выпуклостей. В опущенных руках виден контур венчика сосуда, оставшегося на несохранившейся части монолита (рис. 6; 9).

Изваяние 21; женское. Серый гранит. Урочище Сулутер в Чунгурском ущелье Луговского района. Высота — 91 см, ширина головы — 35 см, толщина — 5 (вверху) — 24 см. Округлая, со скошенной поверхностью голова выделена лишь за счет выступающего подбородка. Глаза даны двумя округлыми небольшими выпуклостями, нос — брусковидным

рельефом, отходящим от «безбрового» лба, рот — выпуклым овалом, с тонкой продольной линией, разделяющей губы. Под подбородком изображена глубокая чаша (или гривна?), чуть ниже — «торчащие» груди в виде округлых конических выпуклостей. В опущенных руках с толстыми пальцами видны нечеткие контуры еще одной низкой чаши (?). ДОМ КП 3854, Б 822 (рис. 6; 7).

Изваяние 22, пол неопределенный. Розовато-серый (в изломе — почти черный) гранит. Урочище Джайсан Курдайского района. Правая часть (снизу) повреждена диагональным сколом. Высота — 98 см, ширина — 25—27 см, толщина — 16—24 см. Островерхая голова выделена лишь за счет слегка выступающего подбородка. Лицо околтурено замкнутым валиком, образующим сердцевидный вырез головного убора. Глаза даны двумя овальными выпуклостями с продольной линией зрачка. Узким прямым рельефом, отходящим от лба, обозначен нос. Рот показан короткой горизонтальной бороздкой. В опущенных руках видна верхняя часть (горловина) сосуда. ДОМ КП 3586/6, Б 163 (рис. 6).

Изваяние 23, мужское. Серый (в изломе — почти черный) гранит, сужающийся книзу. Чунгурское ущелье Луговского района. Высота — 118 см, наибольшая ширина — 27 см, толщина — 14—25 см. Уплощенная голова выделена лишь за счет выступающего подбородка. Изогнутые брови и нос даны в едином рельефе. В одном же рельефе обозначены усы концами вверх и рот. Глаза показаны двумя выпуклыми сегментами с продольной линией зрачка. В руках, на уровне живота, изображен высокий сосуд с выступом у дна и овальным туловом (рис. 6; 8).

Изваяние 24, пол неопределенный. Красный песчаник с отслаивающейся поверхностью. Окрестности станции Отар Курдайского района. Верхняя часть (голова) отбита и утрачена. Сохранившаяся высота — 88 см, ширина — 38 см, толщина — 10—15 см. Между пальцами опущенных рук выбито округлое углубление (зеркало?). ДОМ КП 3884, Б 832 (рис. 6).

¹ Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою глубокую признательность старшему научному сотруднику музея А. П. Попову и всем его коллегам за оказанное содействие в изучении данных памятников.

² Обмеры, зарисовки, фотографирование и описание изваяний сделаны автором в сентябре 1977 г.

³ От одного изваяния сохранилась лишь голова, поэтому отнесение ее к первой группе основано только на стилевом единстве изображения лица и головного убора между ней и изваянием 1.

⁴ Обоснование этому см. в кн.: Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975, с. 113—119.

⁵ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья. — СА, 1974, № 3, с. 222, рис. 2, 6—8; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана. — СА, 1976, № 4, с. 154, рис. 2, 4—6.

⁶ Востров В. В. Новые материалы по этнографии казахов-адаевцев. — Тр. ИИАЭ КазССР, Алма-Ата 1960, т. 8, с. 164, рис. 3.

⁷ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — МИА, 1952, № 24, с. 80, рис. 14.

⁸ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. — САИМ., 1974, Е4-2, с. 39, рис. 14, 11, 12.

- ⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1960, т. II, с. 268.
- ¹⁰ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966, табл. I—XXIX.
- ¹¹ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния. . . , рис. 2, 6; 5, 10, 12, 15, 16; 6, 17—21; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры. . . , рис. 1, 1, 3; 2, 4—6.
- ¹² Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник. — Изв. АН КазССР, 1963, вып. 4, с. 76, табл. 1, 6; Она же. Памятники павлодарского Прииртышья. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 100, табл. I, 170, 191, 194, 195; Она же. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 57, табл. I, 6—8, 11—15; VII, 9—12.
- ¹³ Гаерилова А. А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965, с. 67, рис. 5; с. 71, рис. 11, 21—23, 38; Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 3, с. 122, рис. 13, 24—26, 42—44.
- ¹⁴ Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов). — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 98, рис. 2, 23, 27, 28, 32, 33; с. 107, рис. 8 (VIII—IX вв.).
- ¹⁵ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния. . . , с. 87, рис. 24.
- ¹⁶ Шер Я. А. Каменные изваяния. . . , табл. XVII, 74.
- ¹⁷ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, с. 45, 49, табл. 11.
- ¹⁸ Там же, табл. 11, 43; 79, 1287.
- ¹⁹ Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2, с. 121, рис. 8, 6, 16, 21, 36.
- ²⁰ Гаерилова А. А. Могильник Кудырге. . . , с. 77, рис. 14, 3.
- ²¹ Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XCVI, 195, 196; табл. XСIX, 203—211.
- ²² Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры. . . , с. 155, рис. 3; 4; Шер Я. А. Каменные изваяния. . . , табл. III, 16; IX, 41; X, 45, 46; XI, 49.
- ²³ Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры. . . , с. 155, рис. 3 д.
- ²⁴ Лунина С. Б. О культурных связях средневекового Мерва. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 129, рис. 32.
- ²⁵ Шер Я. А. Каменные изваяния. . . , табл. I, 4; VI, 24; XIV, 56, 57; Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния. . . , с. 222, рис. 2, 7; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры. . . , с. 154, рис. 1, 1; 2, 5; Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. — Изв. АН КазССР, 1951, № 108, вып. 3, с. 29, рис. 18; Кызласов Л. Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. — Там же, с. 57, рис. 3; с. 61, рис. 5.
- ²⁶ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния. . . , с. 119, рис. 71, 4; с. 97, рис. 46, 3; с. 100, рис. 49, 2.
- ²⁷ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния. . . , с. 221, рис. 1, 3.
- ²⁸ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977, табл. VIII, 1, 4, 8; XV, 8; XVI, 6; XXIII, 6, 9.
- ²⁹ Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры. . . , с. 154, рис. 2, 4; с. 155, рис. 3 з.
- ³⁰ Амброс А. К. Проблемы. . . — СА, 1971, № 3, с. 123, 126.
- ³¹ Шер Я. А. Каменные изваяния. . . , табл. XXV, 120, 122; XXVI, 124, 127; Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния. . . , с. 227, рис. 5, 12, 15, 16; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры. . . , с. 158, рис. 6, 9; 7, 10—12.
- ³² Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния. . . , с. 227, рис. 5, 13, 14.
- ³³ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954, 1, с. 300. (Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер. XXI); Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М., 1973, с. 147, 198.
- ³⁴ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26, с. 155, рис. 68; с. 161, рис. 70; Сенигова Т. Н. Средневековый Тарас. Алма-Ата, 1972, с. 80, табл. III, 7.
- ³⁵ Евтюхова Л. А. Археологические па-

- мятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, с. 61, рис. 109; с. 65, рис. 116 (к. 3); с. 93, рис. 181—183.
- ³⁶ *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 80—81, рис. 26; 27, 1, 4.
- ³⁷ *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, табл. 31, 276.
- ³⁸ *Шер Я. А.* Каменные изваяния... табл. XXIV, 111, 113; XXVI, 124; XXVII, 132.
- ³⁹ *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, рис. на с. 422 (первый слева).
- ⁴⁰ *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, табл. 1, 4; 4, 18; 8, 52; 9, 34, 34, 285; 37, 317; 44, 683; 56, 1073; 79, 1288.
- ⁴¹ Там же, табл. 1, 2; 9, 26, 27; 14, 46; 27, 250.
- ⁴² *Естюхова Л. А.* Каменные изваяния... с. 108.
- ⁴³ *Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. — В кн.: Тюркологический сборник 1972. М., 1973, табл. II (вклейка между с. 312 и 313).
- ⁴⁴ *Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 87, рис. 53 (внизу справа).
- ⁴⁵ *Попов А.* Еще одна находка. — Ленинская смена, 1962, 16 авг.
- ⁴⁶ *Кызласов Л. Р.* О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей. — СА, 1964, № 2, с. 27—39; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 191; *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 74.

Список сокращений

- АН — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
БАУ — Вопросы археологии Урала
ВВ — Византийский временник
ГМТР — Государственный музей Татарской АССР
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДОМ КП — Джамбулский областной музей. Книга поступлений
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения русского археологического общества
ЗОЛКА — Записки общества любителей кавказской археологии
ЗОРСА — Записки отдела русской и славянской археологии
ЗРГО — Записки Российского географического общества
ИАГ — Известия археологической комиссии
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
Изв. ГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии
ИИЯЛ БФАН СССР — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
ИИЯЛ Даг. ФАН СССР — Институт истории языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР
КБКМ — Кабардино-Балкарский краеведческий музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАР — Материалы по археологии России
МДАПВ — Материалы і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмени
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Даг. ФАН СССР
СА — Советская археология
САН — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
Тр. Адыг. НИИЯЛИЭ — Труды Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы, истории, этнографии
СНВИК — Саратовский Нижне-Волжский институт краеведения
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества

- Тр. СУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии
- ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
- Тр. ЧИНИИ — Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института
- Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
- Тр. СУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии
- УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР — Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР
- УЗ КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
- ФАН — Филиал АН СССР
- ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
- SCIV — Studii și cercetari de istorie veche. București

Содержание

А. К. АМБРОЗ	Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв.	3
Г. Е. АФАНАСЬЕВ	Керамика Мокрой Балки	57
Ф. Х. АРСЛАНОВА	Керамика раннесредневековых курганов Казахского Прииртышья	79
Л. Б. ГМЫРЯ	Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия)	105
И. Л. КЫЗЛАСОВ	Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия)	135
М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА	Знаки на золотоордынской керамике	165
А. А. ЧАРИКОВ	Новая серия каменных статуй из Семи-речья	213
	Список сокращений	235

**Средневековые
древности
евразийских степей**

Утверждено к печати
ордена Трудового
Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е. П. Прохоров
Художник М. В. Бутневич
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы
Ю. В. Серебрякова, Т. В. Полякова
Корректор Т. Д. Хорькова

ИБ № 18291

Сдано в набор 26.03. 80.
Подписано к печати 1.07.80
Т-14003. Формат 70 × 90^{1/16}
Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 17,3 Уч.-изд. л. 17,9
Тираж 2000 экз. Тип. зак. 1300
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-я лин., 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
вышли в свет в 1980 году

Старков В. Ф.
МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ
ЛЕСНОГО
ЗАУРАЛЬЯ

15 л. 2 р. 40 к.

В книге дана характеристика трех археологических периодов: мезолита, неолита и энеолита. Основное внимание уделено неолитическому периоду (восточно-уральская культура). Разработаны его периодизация, хронология, характеризуется уровень материальной культуры и хозяйства. Особое внимание уделено вопросам происхождения и культурной локализации неолита, его месту среди других культур Урала и Западной Сибири.

Книга рассчитана на археологов, историков, краеведов учащихся.

Дэвлет М. А.
СИБИРСКИЕ
ПОЯСНЫЕ
АЖУРНЫЕ
ПЛАСТИНЫ

(II в. до н. э.—I в. н. э.)

10 л. 1 р. 10 к.

В этой книге вводится в научный оборот серия малоизвестных высокохудожественных изделий из бронзы — сибирских ажурных поясных пластин. В работе приводится краткая история их изучения, предлагается типологическая классификация, решаются вопросы хронологии. Проблема происхождения пластин рассматривается на широком сравнительно-историческом фоне. В приложении, написанном С. С. Миняевым, приводятся результаты химического анализа пластин, позволяющие выявить основные районы и центры их производства.

Издание рассчитано на археологов, музейных работников, мастеров

Заказы
просим направлять
по одному
из перечисленных
адресов
магазинов
«Акадежкнига»

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24;
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4;

**Заказы
просим направлять
по одному
из перечисленных
адресов
магазинов
«Академкнига»**

277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28;
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
197110 Ленинград, Петрозаводская ул., 7;
192104 Ленинград, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер. 2;
196034 Ленинград, В/О, 9-я линия, 16;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72;
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской про-
спект, 22;
142292 Пушкино Московской обл., МП «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6;
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10;
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

1 р. 80 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»